

М. В. КРЮКОВ, М. В. СОФРОНОВ, Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ДРЕВНИЕ КИТАЙЦЫ

проблемы
этногенеза

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

М. В. КРЮКОВ, М. В. СОФРОНОВ, Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ДРЕВНИЕ КИТАЙЦЫ: проблемы этногенеза

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Ответственные редакторы
А. С. ПЕРЕЛОМОВ, Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

В монографии рассматривается широкий круг вопросов, связанных с закономерностями формирования этнической общности древних китайцев. На основе комплексного использования антропологических, археологических, лингвистических, этнографических и исторических источников авторы приходят к выводу, что древнекитайский этнос (общность «хуася») сложился в первой половине I тысячелетия до н. э. В книге характеризуются исторические условия возникновения этнической общности «хуася», особенности ее культуры и языка, а также эволюция ее самосознания.

К 10602-101
013(02)-78 97-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978

ВВЕДЕНИЕ

Книга, которую авторы предлагают сейчас вниманию читателей, посвящена проблемам формирования этнической общности древних китайцев.

Но что такое этническая общность? Каковы ее наиболее существенные признаки? Чем она отличается от других исторических общностей людей? От ответа на эти вопросы во многом зависит определение предмета и метода нашего исследования.

ЭТНОС И ЕГО ПРИЗНАКИ

Разработка основных положений теории этноса привлекала за последние годы пристальное внимание советских этнографов. Одним из важных достижений этнографической науки в этой области является, бесспорно, обоснование вывода об определенной иерархичности, таксономической неравноценности признаков этнической общности. Если раньше такие признаки этноса, как общность территории, языка, культуры и т. д., рассматривались обычно как лежащие в одной плоскости, то теперь становится все более очевидным, что перед нами сложная структура разнородных характеристик, относящихся к нескольким уровням.

Некоторые из признаков этноса должны, строго говоря, рассматриваться не как признаки, а как условия возникновения и развития этнических общностей. К числу этих этнообразующих факторов «должны быть причислены те объективные факторы, которые обуславливают само зарождение этнических отношений и этнического сознания, реализующиеся в конечном счете в формировании этнической общности» [Генинг, 1970а, 23]. К их числу относятся, по-видимому, общность территории, единство социально-экономической структуры и некоторые другие факторы.

В противоположность этому собственно этнические признаки «являются производными, возникающими в процессе развития этнических отношений и формирования этниче-

ских общностей... Эти признаки отличаются от первых не только своим вторичным характером, но и тем, что имеют конкретное этническое содержание» [там же]. Другими словами, этническими признаками в узком смысле следует считать те специфические черты этноса, которые отражают реально существующие различия между отдельными этническими общностями, выделяя каждую из них среди других общностей того же рода.

Какие же черты следует считать собственно этническими признаками?

Некоторые авторы рассматривают язык как условие формирования этнической общности [Лашук, 80], другие считают общность языка не только этнообразующим фактором, но и этническим признаком [Козлов, 1969, 107]. Многочисленные факты, как представляется, говорят о том, что новые этнические общности могут складываться из различных компонентов, характеризующихся разными языками. С этой точки зрения язык, по-видимому, следует считать не этнообразующим фактором, а этническим признаком.

Более единодушны исследователи в том, что важным этническим признаком является совокупность черт культуры (а также особенностей быта, связанных с их функционированием) [Чебоксаров, 1967, 99; Козлов, 1969, 43].

Наконец, в группу этнических признаков, несомненно, включается и этническое самосознание [Чебоксаров, Чебоксарова, 32], которое еще сравнительно недавно не рассматривалось в качестве признака этнической общности (да и сейчас можно подчас столкнуться еще с отрицанием его значения как признака этноса) [Джангильдин, 127—129].

Одним из первых среди советских ученых к детальному исследованию этнического самосознания обратился Д. С. Лихачев, опубликовавший в 1946 г. монографию о «национальном самосознании» древнерусской народности. Позднее В. В. Мавродин выдвинул тезис о том, что этническое («национальное») самосознание является одним из ведущих признаков этноса. «Два фактора, — писал этот автор в 1947 г., — определяют народ как этническое понятие: 1) общность языка (отнюдь не исключаяющая при этом диалекты) и 2) сознание единства всех людей, говорящих на данном общем языке» [Мавродин, 89]. Заслуга дальнейшей разработки вопроса об этническом самосознании как признаке этнической общности принадлежит П. И. Кушнеру.

За последнее время все чаще высказывается мысль о том, что именно этническое самосознание является наиболее важным, ведущим среди других признаков этноса. Один из авторов данной книги, анализируя язык, территорию, совокупность черт культуры, присущие тому или иному этносу, писал несколько лет назад: «Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общ-

ности выражаются в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое в конечном счете оказывается решающим для определения принадлежности отдельной личности или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результату действия всех основных факторов, формирующих этническую общность» [Чебоксаров, 1967, 99]. Если исходить из целесообразности разграничения объективных этнообразующих факторов и собственно этнических признаков, то этот тезис требует известного уточнения. Однако указание на особую роль этнического самосознания, которое является вторичным по отношению к признакам этноса, сохраняет свою справедливость.

На особое положение этнического самосознания в структуре признаков этноса совершенно правильно указывал Ю. В. Бромлей. Рассматривая две противоположные точки зрения по вопросу о том, является ли этническим признаком общность происхождения, Ю. В. Бромлей писал: «Необходимо различать два аспекта проблемы: с одной стороны, объективное существование общности происхождения членов этноса, с другой — представление о такой общности, выступающее как компонент этнического самосознания» [Бромлей, 102—103].

Идея вычленения в этническом самосознании отдельных его компонентов, отражающих на субъективном уровне реально существующие признаки этноса, представляется в высшей степени плодотворной.

«ПЕРЕРЫВЫ ПОСТЕПЕННОСТИ» В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ЭТНОСА

Возникновение, развитие, трансформация этнических общностей — это единый общеисторический процесс, составляющий один из важнейших аспектов истории человеческого общества. Этот процесс, начавшийся в глубокой древности, продолжается и в наши дни. Но непрерывность этнической истории народов мира отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает необходимость различать в развитии каждого отдельно взятого этноса ряд критических точек, «перерывов постепенности», составляющих основу для типологической периодизации этнической истории.

Одной из наиболее важных критических точек в истории этноса является завершение самого процесса его формирования. Это — конечный момент этногенеза (хотя «момент», разумеется, исторически соответствует значительному периоду времени). Достигнув его, этнос может считаться сложившимся. Заметим, что с общепhilosophической точки зрения различать складывающийся и сложившийся этносы не менее важно, чем, например,

формирующегося и сформировавшегося человека современного вида или формирующееся и уже сформировавшееся человеческое общество [Семенов, 1966].

В конкретных этногенетических исследованиях этнографы чаще всего исходят из необходимости разделить этническую историю народа на период этногенеза, когда народ, как таковой, еще не сложился, и последующую этническую историю, когда уже сформировавшийся народ развивается под влиянием разнообразных внутренних и внешних факторов. «Процесс формирования туркмен завершился, видимо, в XIV—XV вв. ... В более поздний период в состав туркмен вошли новые этнические компоненты... однако они не меняли общей картины основного процесса этногенеза и не оказали большого влияния на окончательное формирование туркменского народа» — этот наугад взятый пример [Васильева, 86—94] может считаться достаточно типичным для этногенетических исследований последних лет.

Не менее важен вопрос и о другой критической точке этногенеза — о его начальном моменте. Признание этноса социальным, а не биологическим феноменом определенно указывает на то, что «этническое» возникает лишь на определенном этапе развития человеческого общества.

Ставя вопрос об исходной точке этногенеза, мы сталкиваемся с проблемой «предков» этноса. Употребляя этот термин, исследователи зачастую вкладывают в него различное содержание. Следует, по-видимому, различать физических, языковых и этнических предков того или иного народа, поскольку эти три понятия отнюдь не совпадают между собой.

Если исследователь ставит перед собой задачу проследить физических предков определенной этнической общности, то при наличии в его распоряжении достаточных палеоантропологических материалов он может, говоря теоретически, углубляться в историю человечества вплоть до ее древнейших этапов. Коль скоро в поисках физических предков современного этноса мы вполне можем выйти за пределы истории человека современного вида, совершенно очевидно, что все эти физические предки в своей совокупности не могут рассматриваться как имеющие непосредственное отношение к процессу этногенеза конкретной этнической общности.

Иное дело — языковые предки этнической общности. Современная антропология свидетельствует, что речевой аппарат, не отличающийся от современного, и, как следствие, возможность появления членораздельной речи возникают у человека лишь с завершением процесса сапиентации, т. е. в позднем (верхнем) палеолите. Очевидно, что поиски языковых предков того или иного народа в более раннее время явно обречены на неудачу. Но если к концу верхнепалеолитической

эпохи следует отнести первоначальное формирование истоков современных языковых семей [Генинг, 1970, 811], то их дробление и возникновение языков современного типа может быть в самой общей форме датировано периодом не раньше эпохи мезолита и неолита.

Наконец, под этническими предками того или иного народа обычно понимают «те этнические группы, которые вошли в его состав сначала как некая самостоятельная общность, а затем, постепенно теряя свою специфику, с одной стороны, передавая ее отдельные черты развивающейся (складывающейся) этнической общности— с другой, переставали существовать по крайней мере на данной территории» [Чебоксаров, 1970, 757].

Что же касается конкретного процесса формирования отдельных этнических общностей, то начальной точкой отсчета является в нем период, когда некоторая совокупность существовавших до этого этносов в результате взаимных контактов между собой начинает претерпевать качественные изменения своей этнической специфики, что в дальнейшем приводит к возникновению новой этнической общности. Эта закономерность остается верной и в том случае, если новый этнос возникает в результате дивергенции первоначальной этнической общности: он, как правило, взаимодействует с другими этническими группами, оказывающими влияние на формирование его признаков.

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Хотя отдельные аспекты этой проблемы затрагивались многими китайскими историками еще в древности и средневековье, как таковая она возникла лишь в новое время: традиционная китайская историография исходила в целом из априорного тезиса о том, что китайцы (или их предки) всегда существовали на той территории, которую они занимали в последующие периоды своей истории.

Одним из первых китайских историков, попытавшихся преодолеть схоластику традиционных воззрений на китайский этнос, был Лян Ци-чао. Многие положения его работы, специально посвященной общим проблемам этнической истории народов Китая, заслуживают внимания [Лян Ци-чао, 1—2].

Во-первых, Лян Ци-чао четко разграничивает понятия «миньцзу» (1)¹ (этнос) и «чжунцзу» (2) (раса). По его мнению, различные народы могут относиться к одной расе, представляющей собой объект антропологического исследования;

¹ Цифры в круглых скобках — порядковый номер китайских иероглифов (см. стр. 315).

наоборот, некоторые народы имеют смешанный расовый состав.

Во-вторых, «этнос» не тождествен понятию «гоминь» (3) (граждане государства), которое имеет отношение к области права и характеризуется проживанием людей на определенной территории и наличием у них того или иного подданства.

В-третьих, считая общность происхождения, язык и религию «решающими условиями формирования этноса» [там же, 1], Лян Ци-чао в то же время подчеркивает, что различия по этим трем признакам еще не означают возникновения этнических различий. Этнос возникает в конечном счете лишь при условии существования «этнического сознания» (миньцзу иши). Под ним Лян Ци-чао понимает «осознание своего отличия от других» [там же].

Переходя к рассмотрению этнической специфики китайцев, Лян Ци-чао останавливается на обсуждении следующих трех основных вопросов: 1) Являются ли китайцы аборигенами, или они пришли на занимаемые ими территории извне? 2) Возник ли китайский этнос из одного корня, или он представляет собой результат смешения разнородных элементов? 3) Где первоначально сложилось ядро этнической общности китайцев?

Первой проблемы, как уже говорилось, для традиционной китайской историографии вообще не существовало. Она была впервые поставлена ранними европейскими миссионерами. В 1667 г. А. Кирхер высказал мысль о том, что сходство некоторых китайских и древнеегипетских иероглифов указывает на происхождение китайцев из Египта [см. Линь Янь, 10] (эта гипотеза позднее, в 1758 г. была развита Ж. Дэ-Гинем, использовавшим для ее доказательства данные не только письменности, но и религии, этических представлений, литературы и т. д.). На некоторое время конструирование различных теорий пришлое происхождения китайцев стало модой: за «египетской» гипотезой последовали «среднеазиатская», «южноазиатская», «японская» и даже...«североамериканская».

К началу XX в. большинство из этих теорий было уже основательно забыто. Однако находки Ю. Андерсона, обнаружившего в бассейне Хуанхэ крашеную керамику, напоминающую аналогичные неолитические памятники запада Евразии, вновь возбудили интерес к поискам прародины китайцев далеко за пределами современного Китая. Лян Ци-чао признает, что исследования такого рода одно время живо привлекали его, однако впоследствии он пришел к выводу, что ни одно из предложенных решений не может считаться вполне убедительным [Лян Ци-чао, 3].

Что касается вопроса о «моногенезе» этнической общности китайцев, то традиционной версии о происхождении всех древнекитайских династий от мифического императора Хуанди Лян

Ци-чао противопоставляет исторические свидетельства, явно не укладывающиеся в данную схему. Основа китайского этноса, по его мнению, возникла в результате смешения различных племенных групп (було). Реминисценцией этого Лян Ци-чао считает первоначальное самоназвание древних китайцев — «чжуся», что буквально означает «все ся», т. е. указывает на множественность этнических предков китайцев [там же, 4].

Наконец, рассматривая вопрос о первоначальной территории формирования китайского этноса и основываясь исключительно на данных письменных источников, Лян Ци-чао склоняется к мысли о том, что колыбелью китайской цивилизации была обширная территория Среднекитайской равнины от Хэ-нани на западе до Шаньдуна на востоке [там же, 6].

Работы Лян Ци-чао внесли существенный вклад в разработку проблем этнической истории китайцев. Для своего времени они, бесспорно, были значительным шагом вперед по сравнению со всеми предшествующими исследованиями в этой области. В 30-х годах основные идеи Лян Ци-чао получили дальнейшее развитие в ряде специальных работ на эту тему, принадлежавших перу китайских историков. Отметим среди них лишь некоторые наиболее значительные.

В 1928 г. увидела свет объемистая монография Ван Тун-лина «История китайской нации» (в 1934 г. она была переиздана в расширенном и доработанном варианте) [Ван Тун-лин].

Ван Тун-лин предлагает в ней свою периодизацию этнической истории китайцев, которую он делит на несколько этапов. Первый из них — это период первоначального формирования «китайской нации», который охватывает время с глубокой древности до середины I тысячелетия до н. э. Всю последующую этническую историю Ван Тун-лин делит на семь периодов, три из которых он считает временем «укрепления и развития» (сюян шидай), четыре — временем «перерождения и изменения» (тохуа шидай), причем периоды того и другого типа поочередно сменяют друг друга. Первый период «перерождения и изменения» соответствует времени Чуньцю-Чжаньго (VIII—III вв. до н. э.), второй — Троецарствию и Династиям Юга и Севера (III—VI вв. н. э.), третий — Пяти династиям, Сун и Юань (X—XIV вв.), четвертый — Цин (XVII—XX вв.). Соответственно первый период «укрепления и развития» приходится на время царствования династий Цинь и Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.), второй — Суй и Тан (VI—X вв.), третий — Мин (XIV—XVII вв.).

Вопрос о формировании китайского этноса Ван Тун-лин решает на основе привлечения китайской письменной традиции. По его мнению, общей прародиной человечества является район Памира, откуда предки современных людей расселялись по ойкумене. Часть из них двинулась на запад и заселила Среднюю

Азию, Афганистан, Белуджистан, Персию, Месопотамию, Малую Азию, Аравию и Европу, — впоследствии на этой основе сформировалась белая раса. Другая часть переместилась в восточном направлении и заселила Синьцзян, Цинхай, Тибет, Монголию, Маньчжурию, Корею и внутренние районы Китая (впоследствии здесь возникла желтая раса) [там же, 2].

Предки желтой расы, продолжает Ван Тун-лин, в процессе своего движения на восток разделились на два потока. Первый заселил территории от бассейна Янцзы до Вьетнама и Таиланда (предки мяо, яо, лоло и аборигенов Вьетнама), север Китая и бассейн Хуанхэ (китайцы), Цинхай и Тибет (тибетцы). Второй направился на северо-восток Китая (тунгусы), территорию Монголии (монголы) и в район Алтая (тюрки) [там же, 2—3].

Что касается предков собственно китайцев, то Ван Тун-лин выделяет в истории их формирования четыре волны. Первая из них достигла территории Китая во времена первых из пяти мифических императоров — Фуси и Шэньнуна. После того как последний правитель этой ветви предков китайцев — Яньди был разгромлен предками мяо, из района современной Внутренней Монголии на территорию Китая проникла вторая волна предков китайцев во главе с Хуанди. Наконец, третья волна пришла на Среднекитайскую равнину с запада — это были чжоусцы, а затем оттуда же двинулась и последняя, четвертая волна — население царства Цинь. Взаимодействие между этими волнами и привело к возникновению собственно китайцев [там же, 5—8].

Иначе рисует картину этногенеза древних китайцев другой китайский историк, опубликовавший свое исследование на эту тему в 1937 г., Вэй Цзюй-сянь. Он полагает, что в процессе формирования этнической общности китайцев всегда господствовало дуалистическое начало. Наличие двух основных компонентов в генезисе этнической общности китайцев Вэй Цзюй-сянь аргументирует данными мифологии (род Яньди и род Хуанди), орнамента (геометрические и произвольные фигуры), языка (односложная и многосложная лексика), письменности (иероглифы, написанные тонкими и толстыми линиями) и т. д. [Вэй Цзюй-сянь, 1—6].

Один из компонентов китайского этноса, считает Вэй Цзюй-сянь, — иньцы. Они южного происхождения, первоначально сформировались в Сычуани, а затем продвинулись на север по берегу моря [там же, 6—10]. Второй компонент этногенеза китайцев — ся. Это племена, сформировавшиеся в северо-западных районах Китая, по своему физическому типу относились к кавказской расе [там же, 36]. Чжоусцы были потомками ся [там же, 43—44].

Оценивая сегодня эти взгляды (а некоторые из них не могут не поражать своей фантастичностью), нетрудно определить источник их общих недостатков. Авторы уверены в том, что

проблемы этногенеза какого бы то ни было народа, в данном случае китайцев, можно решить, опираясь на один определенный вид исторических источников — на данные письменной традиции.

Последующие десятилетия не дали сколько-нибудь значительных исследований, в которых этногенез китайцев рассматривался бы как совокупность ряда исторических проблем. Достижения археологии и антропологии не привели к существенному сдвигу в этом отношении. В современной китайской исторической литературе господствуют представления о том, что истоки формирования этнической общности китайцев относятся к периоду, отстоящему от нас на несколько десятков тысячелетий. Непосредственным следствием такого подхода к проблеме является стремление многих китайских историков считать синантропа и других архантропов, найденных на территории Китая, прямыми предками китайцев [Ван Юй-чжэ, 17 и др.].

Что касается западноевропейской и американской историко-этнографической литературы, то на протяжении последних десятилетий в ней доминировали теории происхождения китайцев и их цивилизации, исходящие из примата диффузии и миграций в процессе этно- и культурогенеза. На этих позициях стоит и советский исследователь Л. С. Васильев, посвятивший проблемам происхождения древнекитайской цивилизации специальную монографию [Васильев Л. С., 1976]. Книга Л. С. Васильева имеет подзаголовок «Формирование основ материальной культуры и этноса». Характерно, однако, что вопросы этнического развития, в сущности, почти не интересуют автора: в центре его внимания находятся процессы заимствования тех или иных культурных достижений. В этой связи уместно было бы напомнить высказывание венгерской исследовательницы Х. Эшеди о том, что, занимаясь изучением древнекитайского этноса и его культуры, нам в первую очередь следовало бы ответить на вопрос: «Какие же черты характеризуют собственно китайский этнос?» или, точнее: «На основании каких критериев оказывается возможным отличить основателей и представителей китайской цивилизации от других народов Азии, в особенности Восточной Азии?» Нельзя не согласиться с Х. Эчеди, констатирующей: «В изучении этнографии Китая подобный вопрос, к сожалению, еще не поставлен» [Ecsedy, 1974, 333].

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ

Комплексный подход к использованию данных ряда смежных наук — неперемнное требование к любому этногенетическому исследованию. В советской этнографической науке это положение давно уже общепризнано; нет необходимости в его спе-

циальном обосновании. Вопрос заключается лишь в том, каково соотношение различных по своему характеру источников, используемых для решения проблем этногенеза.

Как наглядно продемонстрировал В. П. Алексеев, эти источники имеют различную хронологическую «глубину». Они, кроме того, содержат в себе данные лишь определенного рода, в связи с чем возникает задача правильного соподчинения разнородных источников [Алексеев В. П., 1974, 184—193].

Исследователь этногенеза китайцев находится в более благоприятном положении, нежели многие его коллеги. В его распоряжении имеются многочисленные и разнообразные по своему характеру источники, относящиеся ко всем периодам древнейшей истории Китая. В наиболее общем виде эти источники могут быть разделены на шесть категорий: палеоантропология, археология, эпиграфика, письменные памятники, лингвистика, этнография.

Антропологические данные отличаются от других источников изучения этногенеза тем, что только с их помощью можно достаточно уверенно говорить о преемственности древнего населения на определенной территории. Палеоантропологический материал позволяет зафиксировать и результаты смешения различных этнических групп, тогда как появление новых элементов в языке или культуре отнюдь не обязательно свидетельствует о процессах этнического смешения: эти элементы могли появиться и вследствие культурных контактов, не сопровождавшихся миграциями населения. Изучение ископаемых остатков человека на территории Китая имеет уже более чем полувековую историю; начало ему было положено находкой в 1923 г. в Чжоукоудяне коренного зуба архантропа, позднее отнесенного к виду *Sinanthropus pekinensis* [Ларичев, 1969, 324]. С тех пор наукой накоплено уже весьма значительное количество палеоантропологических материалов, относящихся к различным историческим эпохам. Большая их часть введена в научный оборот; неопубликованные данные, хранящиеся в музеях и научно-исследовательских учреждениях КНР, были изучены одним из авторов настоящей монографии, Н. Н. Чебоксаровым, и также использованы при написании соответствующих разделов книги.

Изучая материальные остатки жизнедеятельности людей, археология предоставляет исследователю этногенеза данные, характеризующие культуру тех или иных древних человеческих коллективов. Проблема критериев для выделения этнических общностей на археологическом материале еще не может считаться решенной во всем своем объеме [Смирнов; Каменецкий; Клейн]. Нередко, в особенности в отношении археологических культур эпохи неолита, специалисты расходятся во мнениях по поводу того, чем объясняется сходство элементов культуры на данной территории: принадлежностью населения

к одной этнической общности или к одному хозяйственно-культурному типу. В тех же случаях, когда данные археологии согласуются со свидетельствами письменных источников, ценность их для этногенетического исследования неизмеримо возрастает. Значительные успехи в изучении эпох неолита и бронзы, достигнутые китайской археологией за последние десятилетия (главным образом после победы китайской революции и начала развертывания систематических раскопок в середине 50-х годов), позволяют нам сегодня достаточно определенно использовать археологические данные для реконструкции процесса формирования этнической общности древних китайцев.

Весьма специфичен третий источник, широко привлекаемый в настоящей книге, — эпиграфика. Древние надписи в известном смысле слова занимают промежуточное положение между данными археологии и памятниками письменности, дошедшими до нас в позднейших списках. Иньские гадательные надписи (XIV—XI вв. до н. э.) и чжоуские тексты на бронзовых ритуальных сосудах (XI—VI вв. до н. э.) содержат уникальный по своей ценности материал, характеризующий различные стороны жизни общества. Именно на этом материале оказывается возможным проследить возникновение древнейших форм этнического самосознания древнекитайской общности «хуася».

Одна из особенностей китайской культуры — существование длительной и непрерывной письменной традиции. Древние письменные памятники Китая чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Они могут быть разделены на несколько групп, отличающихся характером содержащихся в них исторических свидетельств.

Группа письменных памятников, которая может быть названа синхронными историческими источниками, включает древнейшие летописи и записи речей правителя («Чуньцю», подлинные главы «Шаншу», в известном смысле также «Цзочжуань»).

Авторы другой группы письменных памятников — позднейших исторических источников — не были свидетелями тех событий, о которых они сообщают в своих сочинениях. Для нас эти памятники (прежде всего «Исторические записки» Сыма Цяня) ценны тем, что в них были в свое время использованы не дошедшие до нас источники первой группы.

Следующую группу источников составляют памятники мифологии. Ценность этого рода исторических источников не следует недооценивать, так как использование современных методов анализа мифов позволяет выделить в них важные позитивные свидетельства, дополняющие и обогащающие данные иных категорий памятников.

Наконец, следует особо выделить характерную для древнего Китая группу письменных памятников — сочинения философов. Их авторы не ставили перед собой задачу систематического изложения исторических событий. Однако особенность древне-

китайской философии заключается в том, что, во-первых, в центре внимания мыслителей V—III вв. до н. э. находились не натурфилософские, а социально-этические проблемы; во-вторых, для обоснования своих взглядов представители различных философских школ постоянно обращались к фактам исторического прошлого. Для данного исследования сочинения древнекитайских философов имеют особую ценность потому, что дают нам возможность проследить различия в суждениях об этносе и сущности этнических отношений, а также общую эволюцию этих представлений.

Язык — один из важных признаков этноса, и поэтому лингвистические данные чрезвычайно важны для выяснения путей формирования этнических общностей. Свидетельства родственных связей языков и лингвистических контактов позволяют судить об истории межэтнических отношений даже в те времена, когда еще не существовало письменности. Гораздо более полную картину родственных связей и этнических контактов можно составить в том случае, когда имеется письменная традиция. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков, как засвидетельствованных, так и не засвидетельствованных в письменных источниках, дает достаточно надежные основания для установления генетических связей и типологических сходжений между языками Восточной Азии.

Весьма существенное значение для изучения проблем этногенеза имеют и собственно этнографические источники. Они позволяют проследить преемственность традиций в области материальной и духовной культур, этнического самосознания. Сравнительно-этнографические данные в конечном счете являются наиболее надежным свидетельством появления у формирующейся этнической общности тех ее черт, которые свойственны ей на всем протяжении последующей истории. Роль этнографических данных возрастает по мере приближения к нашему времени.

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ

В развитии каждого исторического феномена можно выделить различные этапы в зависимости от того, какова цель периодизации и какие критерии положены в ее основу.

Конечная цель нашего исследования — разработка общей периодизации этнической истории китайцев. Она не может быть достигнута в рамках рассмотрения одного лишь начального периода этнической истории китайцев, которому посвящена данная книга. Но, приступая к этому исследованию, мы опираемся на те схемы членения исторического процесса, которые основываются на ином материале и иных критериях.

В сущности, каждая отдельно взятая категория наших источников может послужить основой для выделения определен-

ных периодов в истории человечества вообще и древнего населения на территории современного Китая в частности.

Так, палеоантропология изучает физические особенности древних популяций, и с этой точки зрения история человечества может быть разделена на эпоху архантропов (древнейших людей), палеоантропов (древних людей) и неантропов (людей современного вида, *Homo sapiens*). Представляя собой весьма существенный фон собственно этногенетических процессов, такая периодизация не может в полной мере удовлетворить нас, так как этногенез любого современного или древнего народа хронологически не выходит за рамки эпохи неантропа.

С иных позиций подходят к периодизации древнейшей истории человечества археологи. В основу археологической периодизации кладется обычно эволюция технологии производства орудий труда, прежде всего материала, из которого они изготавливаются. В соответствии с этим археологи, как известно, прежде всего противопоставляют эпоху камня эпохе металла, выделяя помимо этого древнекаменный и новокаменный века (палеолит и неолит), а также века бронзы и железа. Будучи наложена на палеоантропологическую, эта археологическая периодизация частично совпадает с нею (формирование неантропов относится к началу позднего палеолита) и позволяет более подробно членить выделенные ранее эпохи. Но и археологическая периодизация оказывается недостаточной: вся история этнической общности китайцев с середины I тысячелетия до н. э. вплоть до наших дней относится в ней к одному и тому же периоду — эпохе железа.

Учитывая это обстоятельство, мы не можем полностью сбрасывать со счета и традиционную историческую периодизацию, в которой основным критерием разграничения эпох является смена правящих династий в истории Китая. Недостатки такой периодизации очевидны. Однако чисто политические события, определяющие общую канву последовательности династий, не могут не иметь в определенной мере отношения и к другим аспектам общественной жизни эпохи. Смена династий в древней истории Китая часто связана с завоеваниями, т. е. явлениями, отражавшимися и на процессах этнической истории и т. д.

Этнос — явление социальное. Поэтому для исследования этнических отношений в конечном счете наиболее существенна периодизация, в основе которой лежит смена социально-экономических формаций. Несмотря на то что вопрос о формационной принадлежности древнекитайского общества решается различными учеными отнюдь не однозначно, авторы исходят в данном случае из концепции раннеклассового характера общества XIV—VI вв. до н. э., на смену которому в середине I тысячелетия до н. э. приходят развитые рабовладельческие отношения (табл. I).

Таблица 1

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

Абсолютные даты, годы до н. э.	Антропология	Археология	Письменная традиция	Социально-экономическая формация			
500 000—	архантропы	каменный век					
					палеолит	ранний	нижний
50 000—	палеоантропы	поздний (верхний)					
		мезолит					
5 000—	неоантропы	неолит	Пять императоров	первобытное общество			
2 000—		век бронзы	Ся	раннеклассовое общество			
			Шан (Инь)				
			Западное Чжоу				
		век железа	Чжоу	рабовладельческое общество			
			Вост. Чжоу				
500—			Чунь-цю				
			Чжань-го				

Если мы вернемся теперь к рассмотрению совокупности имеющихся в нашем распоряжении источников, то обнаружим, что они в целом достаточно равномерно распределяются по основным отрезкам исследуемой эпохи (табл. 2).

В соответствии с хронологическим членением этой эпохи монография состоит из трех глав. В первой из них дана характеристика населения, обитавшего на территории Китая в палеолите, во второй рассматриваются истоки древнекитайского этноса, третья посвящена закономерностям его формирования.

Введение написано М. В. Крюковым; глава 1 — Н. Н. Чебоксаровым; глава 2 — М. В. Софроновым («Генеалогические и ареальные связи языков Восточной Азии»), Н. Н. Чебоксаровым

Таблица 2

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КИТАЯ (ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ЭПОХАМ)

Категория источников	Эпохи				
	палеолит	неолит	бронза		железо
			Инь	Чжоу	
Антропология	+	+	+	+	+
Археология	+	+	+	+	+
Эпиграфика	—	—	+	+	+
Синхронные исторические памятники	—	—	—	+	+
Позднейшие исторические памятники	—	—	+	+	+
Мифология	—	?	+	+	—
Сочинения философов	—	—	—	—	+
Лингвистика	—	?	+	+	+
Этнография	—	+	+	+	+

+ источники освещают соответствующий период.

— источники, относящиеся к данному периоду, отсутствуют.

? данные источников могут быть использованы с оговорками.

(«Расовый состав населения эпохи неолита») и М. В. Крюковым («Хозяйственно-культурные зоны на территории Китая в эпоху неолита», «Культуры неолита в бассейне Хуанхэ: проблемы хронологии», «Соотношение локальных вариантов культур неолита», «Археологические культуры и этнические общности»); глава 3 — Н. Н. Чебоксаровым («Расовый состав населения Китая во II—I тысячелетиях до н. э.»), М. В. Софроновым («Происхождение древнекитайской письменности», «Формирование древнекитайского языка») и М. В. Крюковым («Ся, Шан, Чжоу на Среднекитайской равнине», «Соседи», «Особенности материальной культуры», «Хуася и варвары четырех стран света»); Заключение — М. В. Крюковым, М. В. Софроновым и Н. Н. Чебоксаровым. Большинство таблиц и карт составлено авторами соответствующих разделов, исключения оговариваются в сносках. На переплете — изображение на шелке (царство Чу, V—III вв. до н. э.). Заставки: к главе 1 — ланьтяньский архантроп (реконструкция Ван Цунь-и); к главе 2 — человек из Баньпо (реконструкция Ван Цунь-и); к главе 3 — человек иньской эпохи (с изображения XII—XI вв. до н. э.).

Авторы выражают свою признательность д-ру И. Фессен-Хенъес (Берлин) и д-ру Т. Драгадзе (Лондон), предоставившим ряд ценных публикаций по археологии и антропологии Китая. Авторы благодарят зав. лабораторией пластической реконструкции ИЭ АН СССР Г. В. Лебединскую, выполнившую прорисовки с древних черепов, и художника В. И. Агафонова.

**ЛЮДИ ДРЕВНЕГО
КАМЕННОГО ВЕКА**

**ВОПРОС ОБ ИСКОПАЕМЫХ АНТРОПОИДАХ — ВОЗМОЖНЫХ ПРЕДКАХ
ЧЕЛОВЕКА НА ЮГО-ВОСТОКЕ АЗИИ**

Восстанавливая по археологическим и палеоантропологическим данным историю человеческих популяций, живших много сотен тысяч лет назад на территории современного Китая и соседних стран, необходимо сразу же подчеркнуть, что эти популяции не имели никакого прямого отношения к этнической истории китайцев, которые — как и все другие народы мира — сложились гораздо позднее. Процессам этногенеза на территории современного Китая (как и всех других стран земного шара) предшествовали гораздо более длительные процессы антропогенеза и расообразования, становления, передвижения и взаимодействия коллективов первобытных людей, которые еще не принадлежали к виду современного человека (*Homo sapiens*). Однако для понимания проблем этногенеза и этнической истории народов любой страны история таких первобытных, первоначально еще досапиентных коллективов очень существенна, так как они все же были отдаленными предками современных людей.

Дриопитеки

Историю антропологического состава населения Китая естественно начинать с вопроса о времени появления на территории этой страны возможных предков гоминид — ископаемых антропоидов третичного периода. Существенное значение для поставленной проблемы имеют находки зубов дриопитеков на юго-западе Китая в уезде Кайюань (Юньнань). Эти зубы, обнаруженные в 1956—1957 гг. группой китайских геологов в нижнеплиоценовых слоях, описаны У Жу-каном, который отнес их к особому виду дриопитеков — дриопитеку кайюаньскому (*Dry-*

opithecus keiyuanensis), по многим признакам близкому к дриопитеку панджабскому (*Dryopithecus punjubicus*) из Сиваликских холмов Северной Индии [Woo Ju-kang, 1957, 25—31; его же, 1958а, 38—43]. Всего в Кайюане найдено 10 нижних зубов дриопитека (моляров и премоляров), принадлежавших, по-видимому, двум особям — самке и самцу. Вместе с этими зубами обнаружены коренные зубы тетралофодона (*Tetralophodon*), очень характерного для фауны понтийского века начала плиоцена.

Как известно, многие специалисты, в том числе большинство советских антропологов, считают дриопитеков вероятными третичными предками людей и африканских человекообразных обезьян — горилл и шимпанзе [Нестурх, 1970, 70—94]. Область расселения дриопитеков в миоцене и плиоцене охватывала обширную территорию Старого Света на востоке Африки, в Европе и на юге Азии. Находки в Кайюане показывают, что область эта простиралась далеко на восток вплоть до Юго-Западного Китая. Однако отнюдь не все виды полиморфной группы дриопитеков могут считаться предками гоминид. На эту роль, по свидетельству М. Ф. Нестурха, больше других претендует Дарвинов дриопитек, остатки которого найдены в Австрии [Weidenreich, 1945, 77]. Что касается кайюанского дриопитека, то он вместе с близким ему панджабским видом того же рода обнаруживает значительное морфологическое сходство с гориллой. Таким образом, нет оснований включать дриопитеков Южного Китая в число непосредственных предков древнейших гоминид.

Гигантопитеки

Большой интерес для понимания путей развития и расселения высших приматов в конце третичного и начале четвертичного периодов представляют костные остатки гигантопитеков на юге Китая. В 1935 г. огромный моляр этого примата обнаружен в одной из китайских аптек Гонконга голландским палеонтологом Р. Кёнигсвальдом, который выделил особый род и вид *Gigantopithecus blacki*. Позднее Р. Кёнигсвальд и Ф. Вайденрайх описали еще семь зубов гигантопитека, приобретенных в Индонезии [Koenigswald, 1952, 291—326; Weidenreich, 1945, 1—134]. В 1956—1959 гг. китайские ученые, работавшие под руководством Пэй Вэнь-чжуна и У Жу-кана, открыли в пещерах Гуанси-Чжуанского автономного района три нижние челюсти и большое число разных зубов гигантопитеков вместе с костями других млекопитающих, принадлежавших характерной для Южного Китая нижнеплейстоценовой теплолюбивой фауне (крупные орангутаны, панды, тапиры, стегодоны, мастодонты и др.) [У Жу-кан, 107—112; Pei Wen-chung, Woo Ju-kang, 1956, 477—490; Aigner, 1—41].

Судя по размерам зубов и челюстей, гигантопитеки — самые большие из всех известных до настоящего времени современ-

ных и ископаемых приматов. По объему коренные зубы гигантопитеков почти в шесть раз превосходят моляры человека. Общая длина тела гигантопитека, по-видимому, значительно превышала два метра, а вес его мог достигать 250 кг и более; по тотальным размерам эта обезьяна больше напоминала горилл. Многие особенности строения зубов и нижней челюсти заметно отличали гигантопитеков от всех гоминид, в том числе от питекантропов и синантропов. В то же время по некоторым особенностям зубы гигантопитеков приближались к человеческим (резцообразные клыки, слабо выраженная диастема).

Пэй Вэнь-чжун и У Жу-кан справедливо рассматривают гигантопитеков как крупных антропоидов, по отдельным признакам сходных с гоминидами, но ни в коем случае не принадлежавших к ним. Мнение Ф. Вайденайха о том, что эти животные не обезьяны, а древнейшие гигантские люди («гигантропы»), не обосновано, так как гигантопитеки лишь некоторыми чертами обнаруживают сходство с людьми, отличаясь от них по большинству морфологических особенностей. Отнесение гигантопитеков к гоминидам или даже их включение в число предков современных людей невозможно, в частности, из-за огромных размеров тела. Маловероятно, что в дальнейшем они по каким-то причинам сократились: в эволюции животного мира подобные случаи наблюдаются крайне редко. Вместе с тем вполне допустимо, что гигантопитеки стояли на пути известного приближения к гоминидам в связи с наземным образом жизни.

Китайский антрополог Дун Ти-чэнь, посвятивший положению гигантопитека в системе приматов специальное исследование, также высказывается против причисления этой обезьяны к гоминидам и предлагает рассматривать ее как представителя особого подсемейства гигантопитековых (*Gigantopithecinae*) в составе понгид [Дун Ти-чэнь, 1961; его же, 1963, 3—32]. Советские антропологи М. А. Гремяцкий, М. Ф. Нестурх, В. П. Якимов, как и их китайские коллеги, считают гигантопитека крупной человекообразной обезьяной, вымершей в начале или в середине плейстоцена [Гремяцкий, 120—141; Нестурх, 1954, 29—46; его же, 1964; Якимов, 1964, 179—189].

По мнению М. Ф. Нестурха, огромная физическая сила гигантопитеков давала им большое преимущество в борьбе за существование; обращаясь к орудиям у них, по-видимому, не было необходимости. Они, вероятно, охотились на животных и уносили части их трупов в пещеры, где жили. Нет оснований предполагать, что гигантопитеки могли вступить на путь очеловечения.

Гигантопитеки не единственные ископаемые приматы Юго-Восточной Азии, достигавшие огромных размеров. Близкие к ним по величине мегантропы (букв. «огромные люди»), нижние челюсти которых найдены на Яве в районе Сангирана, от-

носились скорее всего к аналогичной группе крупных антропоидов, вымерших в начале или середине плейстоцена [Нестурх, 1954, 29—46; его же, 1970, 119—124; Nesturch, 1—122; Weidenreich, 1945, 1—134]. В тот же круг форм можно включить и нижнюю челюсть среднеплиоценового гигантского антропоида из Сиваликских холмов в Северной Индии, обнаруженную в 1968 г. Э. Саймонсом и С. Чопрой. находка эта сделана недалеко от района, где обнаружены челюсти рамапитека и дриопитека, живших 10—12 млн. лет тому назад (индийский гигантопитек обитал только 5—10 млн. лет тому назад) [Simons, 1968]. Таким образом, можно предполагать, что среди дриопитеков Юго-Восточной Азии (Индии, Китая, Индонезии) существовали виды, эволюция которых в конце третичного и начале четвертичного периодов шла по линии увеличения общей массы тела и физической мощи. Они вели наземный, скорее всего «пещерный» образ жизни и могли обладать некоторыми гоминидными признаками, отнюдь не являясь предками каких-либо гоминид.

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что костные остатки дриопитеков и гигантопитеков, найденные на юге Китая, свидетельствуют о широком расселении в Юго-Восточной Азии плиоценовых и раннеплейстоценовых высокоспециализированных антропоидов, но в то же время противоречат гипотезе, будто среди них находились непосредственные предки гоминид. Трудно представить себе также, что жившие до начала, а может быть, и до середины четвертичного периода гигантские антропоиды имели прямое отношение к человеческой родословной (особенно если учесть, что они еще жили в такую эпоху, когда на земле существовали несомненные гоминиды). Вряд ли человеческая прародина охватывала, хотя бы частично, территорию современного Китая. Древнейшие люди (архантропы) не могли возникнуть в пределах этой страны; они должны были прийти на восток Азии из других регионов нашей планеты. К вопросу о том, о каких именно регионах может идти речь, мы еще вернемся несколько ниже.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЛЮДИ (АРХАНТРОПЫ) НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ И СОСЕДНИХ СТРАН

Ланьтяньский архантроп

Древнейшими достоверными представителями гоминид на территории современного Китая до недавнего времени считались синантропы, костные остатки которых обнаружены около Чжоукоудяня, в 54 км от Пекина [У Жу-кан, Чебоксаров, 5—8]. Однако в 1963—1965 гг. в уезде Ланьтянь (4) провинции Шэньси, в долине р. Бахэ китайские исследователи нашли новые уни-

кальные палеоантропологические, палеонтологические и археологические материалы, относящиеся к началу среднего плейстоцена (600—500 тыс. лет назад) [Ларичев, 1970, 39—47]. Костные остатки древнейших людей представлены нижней челюстью из окрестностей деревни Чэньцзяо и обломками черепа из Гунванлина. От черепа сохранились лобная, теменная и правая височная кости, большая часть глазниц и основание носовых костей, правая и обломок левой стороны верхней челюсти с двумя зубами *in situ* — правым вторым коренным и правым третьим коренным. Кроме этого в Гунванлине найден отдельно коренной зуб верхней челюсти, по-видимому принадлежавший тому же субъекту, что и череп [там же, 43—44].

Как нижняя челюсть, так и череп из Ланьтяня относятся, по данным описавшего их У Жу-кана, к одному из видов древнейших людей (архантропов), близкому к пекинскому синантропу, но вместе с тем отличному от него по многим существенным морфологическим признакам. Этот вид У Жу-кан именуется «синантроп ланьтяньский» (*Sinanthropus lantianensis*).

Череп архантропа из Ланьтяня по многим особенностям примитивнее черепов пекинских синантропов и даже большинства питекантропов Индонезии. У ланьтяньца исключительно массивные надглазничные валики, резко наклонный лоб, крайне малая высота черепа, утолщенные черепные кости. Длина ланьтяньского черепа — 189 мм, ширина — 149 мм, высота — только 87 мм. Особенно поразительна последняя величина: она меньше высоты черепов не только синантропов, но и питекантропов. Крайне мал также объем мозга ланьтяньского архантропа; по У Жу-кану, он составляет около 780 куб. см. Все перечисленные признаки позволили У Жу-кану считать ланьтяньца одной из наиболее ранних форм архантропов и сблизать его с самым древним и примитивным видом питекантропов — *Pithecantropus robustus* из Джетиса. Пол и возраст ланьтяньского черепа определяются с трудом: предположительно он принадлежал женщине несколько старше 30 лет [Woo Ju-kang, 1966, 83—86].

Нижняя челюсть из Ланьтяня, несомненно, принадлежала особи того же вида, что и череп. По многим признакам она напоминала челюсти синантропов из Чжоукоудяня, но в то же время отличалась от них некоторыми существенными особенностями: более сильным наклоном передней части, иными пропорциями в соотношении высоты симфиза и восходящих ветвей, более широким углом расхождения горизонтальных ветвей, менее отчетливой выраженностью костного рельефа. Зубы нижней челюсти ланьтяньского человека очень крупные: они больше соответствующих зубов женских особей пекинских синантропов, но уступают мужским. Интересно отметить отсутствие на ланьтяньской челюсти третьих коренных (зубов мудрости) на обеих сторонах, а также следы патологических изменений, обусловленных воспалением надкостницы (периодонтоклазией).

Это, вероятно, объясняет и отсутствие первого правого предкоренного, выпавшего из челюсти еще при жизни ланьтяньского гоминида [Woo Ju-kang, 1964, 98—101].

Многочисленные остатки фауны, найденные в тех же слоях, что и кости ланьтяньского архантропа, позволяют уточнить время его существования и составить довольно ясное представление об окружающей его естественногеографической среде. Среди млекопитающих, живших тогда в районе Ланьтяня, преобладали лесные виды, но в значительном количестве встречались и степные формы. К первым относятся гигантская макака (*Macacus robustus*), саблезубый тигр (*Machairodus*), лев (*Felis leo*), тапир (*Tapirus indicus*), гигантский олень (*Sino-megaceros*), панда (*Ailuropoda melanolenca*), тибетский медведь (*Ursus thibetanus*), лесная мышь (*Apodemus sylvaticus*), ко вторым — примитивный бык (*Leptobos*), лошадь (*Equus sammienensis*), гиена (*Hyaena sinensis*), газель (*Gazella*), полевка (*Microtus epiratticeps*), сеноставка (*Ochotona daurica* Pallas). Состав фауны включает большое количество субтропических и даже тропических форм. Это позволяет предполагать, что климат Северного Китая в период жизни ланьтяньского архантропа был теплее, чем в более позднюю эпоху среднего плейстоцена, когда жили пекинские синантропы [Ларичев, 1970, 42—43].

Многочисленные орудия, найденные в тех же слоях, что и остатки ланьтяньского гоминида, изготавливались большей частью из кварцита или зернистого кварца. Среди археологических материалов из различных местонахождений Ланьтяня в большом количестве встречаются галечные нуклеусы, различных размеров гальки с односторонней оббивкой. Особого внимания заслуживают необычные для раннего (нижнего и среднего) палеолита Восточной Азии орудия типа остроконечников и скребков, а также рубила, напоминающие аналогичные изделия из раннепалеолитических стоянок Западной Евразии [там же, 44—47].

В. Е. Ларичев, посвятивший нижнему палеолиту Восточной Азии несколько специальных работ, сравнивает ланьтяньские орудия с более или менее синхронными изделиями из Кэ-хэ и Динчуня, где также найдены двусторонне обработанные рубила. «Открытие рубил в нескольких пунктах уезда Ланьтянь, — пишет он, — еще раз подтвердило наблюдение, что для палеолитической культуры ранней поры среднего плейстоцена Восточной Азии характерны двусторонне обработанные рубящие инструменты „западного“ облика. Рубила, таким образом, являются своего рода хронологическим показателем — все памятники, где они обнаружены, относятся к нижнему палеолиту. Стоянки, где рубила отсутствуют, как правило, премутьерские или мутьерские по времени» [Ларичев, 1970, 48; см. также Ларичев, 1971, 47—52; Ларичев, Кашина, 83—93].

Хотя люди из Ланьтяня были, по-видимому, древнейшими гоминидами Восточной Азии, в общей эволюции архантропов они представляются поздними, так как наиболее ранние находки древнейших людей на востоке и юге Африки, а возможно, и в Индонезии (ребенок из Моджокерто на Яве) относятся к гораздо более раннему времени — около 2 млн. лет назад, а может быть, и больше [Семенов, 1971, 50—52; Урысон, 1973, 30—37].

В этой связи обращает на себя внимание недавняя находка костных остатков архантропа на юге Китая. Речь идет о двух передних верхних резцах, обнаруженных в 1965 г. в уезде Юаньмоу (5) провинции Юньнань. Эти ископаемые зубы, найденные в латеритовом слое, имеют отчетливо выраженную лопатообразную форму. Размеры их довольно значительны: длина 20 и 25 мм при ширине коронок 12 мм. Говоря о датировке этих объектов, описавший их Ху Чэн-цин ограничивается указанием на принадлежность их к четвертичному периоду [Hu Ch'eng-chin, 1973, 45—52]. Человек из Юаньмоу — первый известный нам архантроп, обнаруженный на территории к югу от Янцзы. По аналогии с ланьтяньским и пекинским синантропами С. Кучера, давший описание юаньмоуской находки на русском языке, предлагает именовать этого архантропа *Sinanthropus yuansuensis* [Кучера, 1977, 14].

Пекинский синантроп

Палеоантропологические открытия в Ланьтяне позволили по-новому подойти к изучению пекинских синантропов, костные остатки которых открыты большей частью в пещере Юаньжэньдун около Чжоукоудяня (6) китайскими и некоторыми другими исследователями. С 1927 по 1937 г. там найдено большое число человеческих костей и зубов, включая пять почти полных черепов, девять черепных фрагментов, четырнадцать кусков нижних челюстей. Прерванные японской оккупацией и гражданской войной раскопки в Чжоукоудяне были возобновлены Академией наук КНР. В 1949 и 1951 гг. обнаружено пять зубов синантропа, одна плечевая и одна большеберцовая кости. Эти находки изучались Цзя Лань-по, У Жу-каном и другими китайскими учеными; им посвящено несколько работ, опубликованных на китайском и английском языках [У Жу-кан, Чебоксаров, 1959б, 5—10, 267—288; Woo Ju-kang, Chia Lan-po, 1954, 335—351; Chang Kwang-chin, 1962, 749—760]. Значительный вклад в изучение архантропов из Чжоукоудяня сделан советскими антропологами [Нестурх, 1964, 292—305].

Необходимо отметить также, что в 1966 г. китайские ученые обнаружили в Чжоукоудяне еще одну хорошо сохранившуюся черепную крышку синантропа. Однако научной публикации этой важной находки еще не появилось.

По новейшим геологическим данным, остатки синантропов должны быть отнесены к концу среднего плейстоцена; они синхронны, по-видимому, второму межледниковому периоду Гималаев. В абсолютных датах это соответствует примерно времени от 400 тыс. до 200 тыс. лет назад (на 200 тыс. лет позднее эпохи жизни ланьтяньских архантропов). Естественногеографические условия, в которых жили синантропы, сравнительно мало отличались от современных, можно предполагать только, что климат Северного Китая в то время был несколько более мягким и влажным, чем теперь. В окрестностях Чжоукоудяня чередовались тогда степные и лесные ландшафты и обитали различные животные, связанные как с теми, так и с другими. Вместе с синантропами встречаются кости древних слонов, верблюдов, антилоп, буйволов, носорогов, различных оленей, диких козлов, медведей, махайродов (саблезубых тигров), гиен, нескольких видов грызунов [У Жу-кан, Чебоксаров, 6]. Сравнение чжоукоудяньской фауны с ланьтяньской показывает, что первая менее теплолюбивая и вместе с тем включает меньшее количество архаических видов, характерных для раннего и начала среднего плейстоцена [Ларичев, 1970, 42—43].

Морфологии синантропов посвящена специальная литература на русском, китайском, английском, немецком и других языках. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Подчеркнем только, что пекинские синантропы отличались более прогрессивными чертами от живших несколько ранее ланьтяньских и яванских архантропов. Восстанавливая приближенно полные размеры длинных костей нижних конечностей, советские антропологи вслед за Вайденрайхом определяют средний рост мужских особей синантропа в 162—163 см, а женских — 152 см [Рогинский, Левин, 1963, 224; Нестурх, 1970, 300].

В отличие от питекантропов синантропы, по-видимому, уже вполне усвоили вертикальную походку, хотя и обладали еще большим количеством примитивных черт в строении скелета, черепа, зубов и мозга. Руки «пекинских людей» полностью освободились от функции передвижения и всецело использовались для трудовой деятельности. Это доказывается как разнообразием и сложностью орудий, изготовлявшихся синантропами, так и некоторыми характерными морфологическими особенностями строения конечностей.

Череп синантропов — удлиненные, очень низкие (хотя и выше, чем у ланьтяньца), большей частью узколобые; черепные кости отличаются большой толщиной. Лоб, однако, не такой покатый, как у питекантропов. Характерными чертами являются значительное развитие надглазничного валика, наличие прогнатизма, большая ширина лица по сравнению с высотой, тенденция к широконосоности. Жевательный аппарат отличался большей мощностью, чем у современного человека, хотя и был

Рис. 1. Пекинский синантроп. Реконструкция М. М. Герасимова (оригинал хранится в Институте этнографии АН СССР)

больше, чем у питекантропов, в среднем 867 куб. см, и у ланьянца (780 куб. см), но меньше, чем у современных людей (около 1400 куб. см). Однако отдельные мужские особи «пекинских людей» обладали величиной мозга, встречающейся иногда и у *Homo sapiens*. Форма мозговой полости синантропов сохраняла немало примитивных особенностей. Так, ее высота в процентах длины равнялась в среднем только 64,6 (у современного человека — 78,7). Передний отдел лобных долей сильно сужен, теменная область уплощена, височные доли узки. Все это показывает, что психическая деятельность синантропов хотя и была, несомненно, весьма сложной, но не достигла еще высокого уровня мышления людей современного вида. По мнению В. В. Бунака, для синантропов (как и для всех архантропов) в области мышления были характерны наряду с разнообразными представлениями и начальные понятия, а в области речи — выкрики-призывы, находившие выражение в определенных, но еще недостаточно дифференцированных артикуляциях [Бунак, 203—290] (рис. 1).

В научной литературе вопрос о морфологическом и генетическом соотношении синантропов с другими древнейшими гоминидами освещался по-разному. В то время как Ф. Вайден-

развит слабее по сравнению с питекантропами. Зубы архантропов из Чжоукоудяня сохраняли многие архаические особенности, хотя и в меньшей мере, чем зубы в нижней челюсти из Ланьяня. Коронки моляров у синантропов очень массивные — длинные и широкие, но в то же время низкие; на коренных и предкоренных резко выражен своеобразный рисунок, известный в специальной литературе под названием «узор дриопитека». Диастемы, однако, отсутствовали. Заметно различие в величине и массивности между мужскими и женскими зубами. Различия эти указывают на выраженный половой диморфизм.

Вместимость мозгового черепа синантропов колебалась от 850 до 1225 куб. см, составляя в среднем 1075 куб. см; она, следовательно, гораздо

райх считал питекантропов, синантропов и даже гейдельбержцев Западной Европы более или менее синхронными формами и различия между ними рассматривал как региональные, по масштабу соответствовавшие расовым различиям современного человечества [Weidenreich, 1943, 1—298], большинство советских и китайских антропологов видели в «пекинских людях» по сравнению с яванскими «обезьяно-людьми» более высоко организованные формы гоминид. Действительно, синантропы с их большим, чем у питекантропов, объемом мозговой коробки, менее плоским лбом и некоторыми другими относительно прогрессивными чертами заметно отличаются от питекантропов в сторону приближения к людям современного вида и занимают, по-видимому, одну из высших ступеней в эволюции архантропов: их можно рассматривать как форму, переходную от архантропов к палеоантропам [Woo Ju-kang, 1956, 389—397]. После находок в Ланьтяне стало вероятным, что на протяжении среднего плейстоцена происходило непрерывное прогрессивное развитие древнейших гоминид Северного Китая, которые за 200—300 тыс. лет прошли путь от архаических форм, близких к питекантропам, до кануна перехода к палеоантропам.

Что касается региональных различий среди архантропов, то их существование надо признать вполне вероятным, особенно если принять во внимание огромную территорию расселения древнейших гоминид этой эволюционной стадии, простиравшуюся от Северной Африки (атлантропы) и Германии (гейдельбержцы) на западе до Явы (питекантропы) и современного Китая (синантропы) на востоке. Как известно, Ф. Вайденрайх связывал разные локальные формы древнейших гоминид с определенными современными расами, рассматривая, в частности, питекантропов как исходный тип развития австралоидов, а синантропов — как предков монголоидов. Для доказательства специфического родства «пекинских людей» с позднейшими монголоидными расами Ф. Вайденрайх указывал на некоторые морфологические признаки, свойственные тем и другим, например на уплощенность лицевого скелета в горизонтальном сечении, крупные широтные и высотные размеры лица, ореховидные вздутия на внутренней стороне альвеолярного отдела нижней челюсти, лопатообразную форму передних резцов и другие детали строения зубной системы.

В свое время Я. Я. Рогинский обратил внимание на недостаточную обоснованность аргументов Ф. Вайденрайха для доказательства происхождения современных монголоидов от синантропов. Действительно, наблюдения, касающиеся лицевого скелета, сделаны на реставрированных черепах, и поэтому им трудно придавать решающее значение. Оказалось также, что ореховидные вздутия у современных китайцев встречаются в 15%, у бушменов — в 32, у древних норвежцев (в Гренландии) — в 66% случаев [Рогинский, 1949; его же, 1951, 153—204;

Алексеев, 1970, 5—14]. Очевидно, и эту особенность трудно считать специфической для монголоидов. Однако лопатообразные резцы действительно очень характерны для большинства монголоидных популяций, включая американских индейцев: концентрация этого признака, наследственно детерминированного и автономного от воздействия среды, достигает 80—100%, в то время как у европеоидов и негроидов она редко превышает 10—15%. Именно на этом признаке основывается В. П. Алексеев в своем утверждении, что «синантроп связан с современными монголоидами прямой генетической преемственностью» [Алексеев В. П., 1970, 20; см. его же, 1974, 137—143; Carbonell, 1963; Suzuki, Sakai, 1964]. Однако новейшие данные свидетельствуют против этой гипотезы, поскольку архантропы (а также их потомки — палеоантропы) не только на востоке, но и на западе первобытной ойкумены — в Африке, Европе и Передней Азии — также обладали лопатообразными резцами [Зубов, 1968, 49—59; его же, 1973, 100—106].

Для основных проблем антропогенеза и расогенеза важен вопрос о генетических связях синантропов и питекантропов. Находки в Ланьтяне показали, что ланьтяньский архантроп, бывший, несомненно, предком синантропа, обнаруживает гораздо большее морфологическое сходство и хронологическую близость с питекантропом, чем со своим потомком из окрестностей Пекина. В высшей степени вероятно, что наиболее ранние архантропы, сходные с ланьтяньцем и питекантропом IV из Джетиса (так называемый *Pithecantropus robustus*), представляют собой исходную форму в развитии как синантропов, так и наиболее прогрессивных питекантропов. В этой связи интересна находка в 1964 г. Германо-Вьетнамской четвертичной экспедицией в пещере Танван в СРВ коренного зуба, морфологически очень сходного с соответствующим моляром гоминида из Ланьтяня. Сопровождающая фауна позволяет датировать находку средним плейстоценом [Kahlke, 1965]. В свете изложенных новых данных заслуживает внимания гипотеза М. И. Урысона, предполагающего, что «весьма древние ископаемые гоминиды ланьтяньского типа, жившие в материковой части Юго-Восточной Азии, могли быть исходной предковой группой для двух основных ветвей азиатских архантропов — северо-восточной (синантропы) и юго-восточной (питекантропы)» [Урысон, 1966, 144].

Генезис восточноазиатских архантропов

Проблемы происхождения, развития и расселения древнейших гоминид Восточной Азии должны быть рассмотрены в свете не только антропологических, но и археологических данных. Костные остатки синантропов сопровождалась, как известно, находками многочисленных каменных орудий, изготовленных

большей частью из галек, а также разбитых и обожженных костей животных, что свидетельствует об употреблении огня. Орудия выделывались как из ядрищ, так и из отщепов; материалом служили тонкозернистый песчаник, кварц и изредка кремень. Форма орудий довольно разнообразна. Среди них встречаются дисковидные скрёбла со слегка ретушированными краями, изделия типа остроконечников. Наиболее древние подделки обнаружены в местонахождении № 13; найденный здесь грубо обработанный чоппер Пэй Вэнь-чжун датировал началом среднего плейстоцена [Пэй Вэнь-чжун, 53—90].

Большинство орудий синантропов найдено, однако, вместе с их костными остатками в той же пещере в местонахождении № 1. Особого внимания заслуживает находжение в самом верхнем «травертиновом» слое, состоящем из красных глин со сталагмитовыми прослойками, скрёблообразных орудий из рогового камня гораздо лучшей выделки по сравнению с инвентарем нижних слоев. Значительный интерес представляют находки из местонахождения № 15, датируемые более поздним временем, чем орудия из пещеры синантропа (300—200 тыс. лет назад). Среди этих находок обращают внимание остатки страусов и тушканчиков, свидетельствующие о более сухом климате, чем в предшествующие периоды. Орудия труда сходны с найденными в местонахождении № 1, но техника обработки камня здесь, бесспорно, выше; появляются новые типы орудий, например остроконечники с мелкой ретушью. Есть сведения, что в местонахождении № 15 обнаружены и типичные ручные рубила миндалевидной формы [У Жу-кан, Чебоксаров, 1959, 8].

Таким образом, нижнепалеолитическая «чжоукоудяньская культура» носит ярко выраженный «галечный характер» и во многом походит на другие более или менее синхронные культуры Юго-Восточной и Южной Азии — патжитанскую на Яве, тампанскую на Малакке, аньятскую в Верхней Бирме и соанскую в Панджабе. Х. Л. Мовиус считает основными типами индустрии этих культур чопперы и чоппинги и выделяет особую «восточноазиатскую культурную провинцию первого порядка», противопоставляя ее другой провинции нижнего палеолита, охватывающей юг Индии, Переднюю Азию, Африку и Западную Европу и характеризующейся «классическими» ручными рубилами [Movius, 1944, 145—160; Сорокин, 1953, 47—52; Ларицев, 1971, 139—146]. В. П. Алексеев, опираясь на работы Х. Л. Мовиуса, связывает с восточноазиатской провинцией один из первичных очагов расообразования, в котором на базе популяций синантропов формировались монголоидные расы [Алексеев В. П., 1969, 18—24]. Еще дальше идет американский антрополог К. С. Кун: в книге «The Living Races of Man», 1965, посвященной Х. Л. Мовиусу, он противопоставляет восточный ареал нижнепалеолитических культур чопперов, а также формирования монголоидов и австралоидов западному

ареалу культур с ручными рубилами, в пределах которого складывались европеоиды (по Куну, «кавказоиды») и негроиды («капоиды» и «конгоиды») [Сооп, 1965; ср. также его же, 1963]. С антропологической точки зрения гипотезы Ф. Вайденрайха, К. С. Куна и В. П. Алексеева, представляющие собой различные варианты полицентризма или дицентризма, не выдерживают, как мы увидим ниже, критики и, по существу, противоречат твердо установленному видовому единству современного человечества.

Вопрос о локальных формах нижнепалеолитических культур (как и о расах архантропов) до сих пор не может считаться окончательно решенным. Нельзя считать, что ручные рубила шелльского и ашельского облика отсутствуют в восточноазиатских стоянках рассматриваемого периода. О наличии подобных орудий в местонахождениях Ланьтяня, а вероятно, и Чжоукоудяня уже говорилось выше. Недавно открытые памятники нижнепалеолитической культуры кхэ на крайнем юго-востоке Ордоса, датируемые началом среднего плейстоцена, также содержат наряду с чопперами и чоппингами двусторонне обработанные рубила и остроконечники [Ларичев, Кашина, 83—94]. В еще большем количестве такие орудия найдены в стоянке Динцунь, которая относится к раннему палеолиту, но вызывает известные разногласия в смысле более точной датировки. В. Е. Ларичев считает даже, что нижний палеолит на территории Северного Китая неоднороден: наряду с галечной культурой чопперов, представленной Чжоукоудянем, в этой части Азии одновременно существовала культура так называемого западного облика, или, как иногда говорят, «культура рубил», наиболее яркий памятник которой — Динцунь.

За пределами Китая ручные рубила нередко встречаются в составе инвентаря нижнепалеолитической патжитанской культуры на Яве. Попадают они и среди орудий тампанских, аньятских, соанских местонахождений. В 1960—1961 гг. нижнепалеолитические орудия типа ручных рубил с двусторонней обработкой найдены также на горе До в Северном Вьетнаме и в Чэндэ и Тхаманао на западе Таиланда [Борисковский, 1962, 17—25, 28—71; Кабо, Чебоксаров, 23—64]. В то же время в нижнепалеолитических стоянках Западной Азии, Африки и Европы найдено немало галечных орудий, сходных с восточноазиатскими чопперами и чоппингами. Приходится, таким образом, говорить не о специфичности орудий определенных типов для восточной и западной частей нижнепалеолитической ойкумены, а только об их преобладании в пределах этих частей.

В выработке известных локальных традиций изготовления нижнепалеолитических орудий большую роль играл, вероятно, используемый материал: в Европе таким материалом служил главным образом кремень, хорошо поддающийся обработке.

в Восточной же Азии, где кремня мало, чаще использовались другие, менее податливые породы [Кабо, Чебоксаров, 27].

Большой интерес для проблем развития архантропов и их культуры в Восточной и Центральной Азии представляют новейшие данные Советско-Монгольской археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова, который считает, что эти регионы первобытной ойкумены в раннем палеолите осваивались двумя группами популяций: более древней, имеющей, вероятно, южное происхождение и связанной с галечной техникой чопперов и чоппингов, и более поздней, пришедшей с Запада и обладавшей развитой традицией изготовления двусторонне обработанных ручных рубил ашельского типа. «Имело место, — пишет А. П. Окладников, — не расселение каких-то крупных и компактных масс древнего населения, а своего рода беспорядочное и стихийное перемещение „атомов“ — первобытных общин, человеческих орд, следовавших за своей охотничьей добычей. Каждая из них обладала унаследованными от предков своеобразными техническими традициями, как уже отмечалось, в одних случаях традициями восточноазиатской галечной техники, в других, более редких и исключительных случаях — аббевильскими¹ или ашельскими» [Окладников, 1973, 10].

Проблема происхождения восточноазиатских архантропов и созданных ими культур до сих пор вызывает много споров среди советских и зарубежных ученых разных специальностей. Если правы исследователи, считающие вслед за Ч. Дарвином прародиной человечества Африку, а предками всех гоминид «человека искусного» (*Homo habilis*) и близких к нему высших приматов, живших более 2 млн. лет назад, то надо допустить, что предки питекантропов и синантропов пришли на восток Азиатского материка с запада [Рогинский, 1972, 14; Урысон, 1974, 10—14; Чебоксаров, Чебоксарова, 146—153].

Пути их распространения из Африки через Переднюю Азию были скорее всего благоприятные для жизни людей области Северной Индии, Индокитая и Южного Китая. Галечные раннепалеолитические культуры Панджаба, Бирмы, Таиланда, Вьетнама, Китая и Индонезии представляют собой, вероятно, следы деятельности различных популяций этих древнейших гоминид, постепено продвигавшихся с запада на восток. Не исключена возможность, что архантропы использовали и другой путь, который пролегал из Южной Сибири через Монголию или из Средней Азии через современный Синьцзян в бассейн Хуанхэ. «Западные» черты в культурах ланьянь, кэхэ, динцунь и особенно Монголии — веский аргумент в пользу этого предположения [Ларичев, 1960, 111—115; его же, 1970, 39—48; Ларичев, Кашина, 1969, 83—94; Окладников, 1973, 1—15].

---

¹ Аббевиль — один из локальных вариантов ашельской культуры Западной Европы.

О сравнительно позднем (среднеплейстоценовом) расселении архантропов в Восточной и Юго-Восточной Азии говорят также их морфологические особенности, которые позволяют многим специалистам отнести всех древнейших людей к одному виду «человека выпрямленного» (*Homo erectus*), а их локальные формы (синантропов, питекантропов) рассматривать в качестве внутривидовых таксонов-подвидов [Зубов, 1973а, 92—106].

ДРЕВНИЕ ЛЮДИ (ПАЛЕОАНТРОПЫ) НА ВОСТОКЕ И ЮГО-ВОСТОКЕ АЗИИ

Пока еще очень немногочисленны в Китае остатки гоминид следующей за древнейшими людьми, или архантропами, стадии развития — ступени «древних людей», или «палеоантропов».

Человек из Маба

Самая ранняя из этих находок, по-видимому, череп, найденный в 1958 г. на севере Гуандуна, в уезде Шаогуань, в одной из пещер около села Маба (7). Сопутствующая фауна позволяет высказать предположение о среднеплейстоценовом возрасте мабаского черепа. Костные остатки животных, обнаруженные в Маба, принадлежат таким представителям родов млекопитающих, как гиена, медведь, панда, тигр, тапир, носорог, кабан, олень, бык, дикобраз, заяц, стегодон, древний слон и некоторые другие. Черепная крышка сохранилась почти полностью. Она отличается большой толщиной костей, удлинненно-овоидным контуром (продольный диаметр — 196 мм), низким сводом (высотный диаметр — 81,5 мм), очень покатым лбом (угол лба — 70°), резко выраженным надглазничным валиком. От лицевой части черепа сохранились, к сожалению, только отдельные костные фрагменты, включая носовые кости и большую часть правой глазницы, которая абсолютно и относительно очень высока (орбитный указатель — 88). Швы на черепе уже почти заросли, что указывает на зрелый возраст человека из Маба. Пол определяется как мужской [Цуй Чэн-яо, 1963, 151—155; Крюков, Чебоксаров, 1965, 39—43; Woo Ju-kang, Peng Ru-ce, 1959; Aigner, 1—41].

Орудий с черепом из Маба не найдено, однако геологические, палеонтологические и сравнительно-морфологические данные указывают, что череп этот, вероятно, самый древний в Китае после синантропа. По мнению У Жу-кана и Пэн Жу-цэ, мабаский человек занимает промежуточное положение между синантропами и неандертальцами; он относится, по-видимому, к ранним представителям палеоантропов. Пэй Вэнь-чжун рассматривает его даже в качестве непосредственного потомка синантропа. Находки из Маба значительно расширили наши

представления о ранних гоминидах, обитавших на территории Китая в эпоху древнего каменного века. Особенно важно, что находка сделана в южной части страны, откуда до самого последнего времени не поступало почти никаких палеоантропологических материалов столь большой древности [У Жу-кан, Чебоксаров, 10].

Чанъянский человек

Несколько более поздним периодом по сравнению с черепом из Маба датируется так называемый чанъянский человек, костные остатки которого найдены в 1956 г. в пещере Лундун в уезде Чанъян (8) провинции Хубэй. Остатки эти включали фрагмент левой верхней челюсти с двумя зубами (первым премоляром и первым моляром), а также отдельно второй левый предкоренной. Сопровождающая фауна стегодон-аилуроподного типа позволяет отнести чанъянскую находку к среднему плейстоцену, скорее всего к самому его концу. Морфологически челюсть и зубы чанъянца обнаруживают ряд примитивных особенностей, позволяющих сблизить их с соответствующими остатками неандертальцев и близких к ним форм, в частности родезийцев Южной Африки. К числу таких примитивных признаков относятся, например, большие размеры моляра и премоляров, прямоугольно-вытянутая форма их коронок, сильно развитые зубные корни. Все же по сравнению с синантропом чанъянец, по свидетельству описавшего его Цзя Лань-по, относительно более прогрессивная форма древних гоминид [Chia Lan-po, 247—257; У Жу-кан, Чебоксаров, 10—11; Крюков, Чебоксаров, 40].

Динцуньский человек

К палеоантропам относится, по-видимому, и динцуньский человек, три зуба которого (два верхних правых резца и нижний правый второй коренной) найдены в ноябре 1914 г. около деревни Динцунь (9) в провинции Шаньси. Зубы эти принадлежали, по всей вероятности, ребенку 12—13 лет. Геологические и палеонтологические данные позволили большинству китайских палеонтологов и археологов датировать местонахождение в Динцуне поздним плейстоценом или «периодом лёсса», очень характерным для Северного Китая (150—200 тыс. лет назад) [Пэй Вэнь-чжун, У Жу-кан, Цзя Лань-по и др., 1958, 1—111; У Жу-кан, Чебоксаров, 1959б, 10—11; Крюков, Чебоксаров, 1965, 40—42]. Однако один из авторов монографии о динцуньских находках, Цзя Лань-по, высказал предположение о более раннем (среднеплейстоценовом) возрасте динцуньца. Недавно точку зрения Цзя Лань-по поддержал В. Е. Ларичев, считающий гоминида из Динцуня нижнепалеолитическим архан-

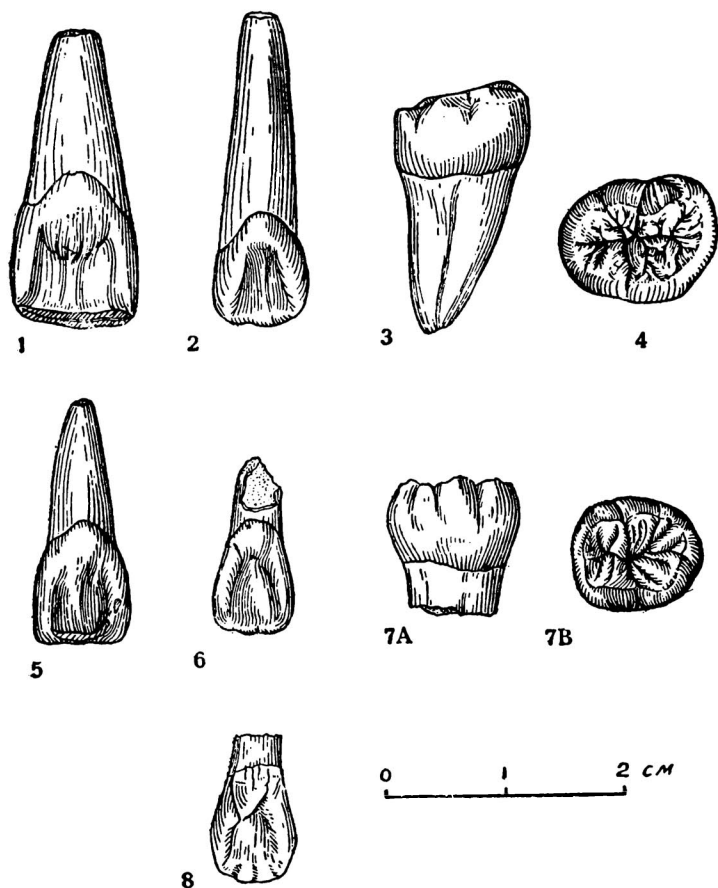

Рис. 2. Зубы архантропов и палеоантропов с территории Китая. 1—4— пекинский синантроп; 5—7— динцунский человек; 8— ордосский человек [У Жу-кан, Цзя Лань-по, 44]

тропом и связывающий его культуру с еще более ранними культурами — ланьяньской и кэхэ [Ларичев, 1970, 39—47; Ларичев, Кашина, 83—93].

Морфологическая характеристика динцунских находок затрудняется их фрагментарностью и принадлежностью молодому субъекту. Несомненно все же, что зубы ребенка из Динцуня по сравнению с зубами синантропов соответствующего возраста небольшие. Во многих отношениях резцы и моляр динцунца напоминают соответствующие зубы неандертальских детей (рис. 2). Сближающими особенностями являются здесь некоторые примитивные признаки: нечто вроде базальных бугорков на внутренней поверхности резцов или более сложного, чем у современных людей, рисунка на жевательной поверхности моляра

(«узор дриопитека»). Отмечена лопатообразная форма резцов динцуньца [Woo Ju-kang, 1956, 389—397].

В Динцуне вместе с костными остатками человека найдены многочисленные каменные орудия, изготовленные преимущественно из роговика. Среди них встречаются орудия, обработанные как с одной, так и с двух сторон. Некоторые напоминают европейские ручные рубила, другие же обнаруживают определенное сходство с мустьерскими скрёблами и остроконечниками. Известны также изделия из галек, близкие к чжоукоудяньским. В. Е. Ларичев обращает внимание на специфические черты динцуньского комплекса каменных орудий, сближая его, с одной стороны, с инвентарем нижнепалеолитических местонахождений Кэхэ, Ланьтяня и стоянок, недавно открытых Советско-Монгольской археологической экспедицией [Ларичев, 1960, 111—115; его же, 1971, 47—52; Окладников, Ларичев, 1963, 78—89; их же, 1967, 80—91; их же, 1968, 104—115] в различных районах Гоби, с другой — с цзячэнским комплексом (Шаньси), который рассматривается как более поздний по сравнению с динцуньским [Ларичев, 1960, 111—115]. Несмотря на спорность некоторых положений В. Е. Ларичева, его гипотеза о преемственности развития раннепалеолитических популяций и культур кэхэ — ланьтянь — динцунь — цзячэн очень интересна.

Ордосский человек

К палеоантропам следует отнести также хэтаоского, или ордосского, человека, костные остатки которого обнаружены в среднепалеолитических стоянках Внутренней Монголии. Еще в 1922 г. французские исследователи Э. Лисан и П. Тейяр де Шарден нашли на стоянке Шараосогол в районе Ордоса (Хэтао) (10) верхний левый боковой резец ребенка 7—8 лет. Общие размеры зуба напоминают современные, но на лингвальной поверхности находится выступающий базальный бугорок (*Tuberculum dentale*), который обычно считается примитивным признаком. Форма резца лопатообразная, такая же, как у синантропов и динцуньского ребенка [Licent, Teilhard de Chardin, 285—290; Woo Ju-kang, 1956, 389—397]. Вообще сходство хэтаоского резца с динцуньским поразительно; несмотря на фрагментарность находок, оно позволяет говорить о генетическом родстве обеих форм восточноазиатских древних людей, обитавших в плейстоцене в сходных естественногеографических условиях сравнительно недалеко друг от друга.

В 1957 г. в районе Шараосогола сделаны новые находки хэтаоского человека — теменная и бедренная кости, пролежавшие в земле от 70 тыс. до 100 тыс. лет. Теменная кость извлечена из почвы террасовидного сброса речной долины. От поверхности земли она находилась на глубине 35,5 м. По описанию У Жу-кана, эта теменная кость толще, чем соответствующую

щая кость современного человека, но тоньше такой же кости синантропа. На внутренней ее поверхности заметны отпечатки артериального разветвления: оно расположено в центре передней половины теменной кости, тогда как у синантропа такое разветвление сдвинуто к середине кости, а у современного человека — к ее передней части [Woo Ju-kang, 1956, 210].

Археологическая датировка хэаоских находок довольно затруднительна, так как каменная индустрия палеолитических стоянок Ордоса носит очень сложный, на первый взгляд противоречивый характер. Условия залегания этой индустрии и состав сопровождающей фауны указывают на глубокую древность: здесь найдены кости слона, близкого к мамонту, носорога, дикого быка, газели, а также фрагменты скорлупы страусовых яиц. Материалом для изготовления орудий служили преимущественно грубые кварцевые гальки или валуны кремневого известняка. Нуклеусы имели в большинстве случаев типично мустьерскую форму, а из сколотых с них пластин выделялись скрёбла и остроконечники, также мустьерского облика. Но эти грубые орудия сопровождалась в стоянках Хэао изделиями верхнепалеолитического типа, в том числе довольно миниатюрными поделками.

Наибольшего внимания из хэаоских стоянок заслуживают две: Шуйдунгоу и уже знакомая нам Шараоссогол, на которой найден описанный выше зуб ребенка. Первая из них доставила наряду с относительно небольшим числом костей животных (носорог, бык, пещерная гиена, антилопа и др.) большое число каменных орудий крупного размера, главным образом скрёбла. На второй стоянке, наоборот, весьма обильны остатки животных тех же видов, но почти отсутствовали крупные орудия, а немногочисленные обработанные кремни все очень мелкие. Причину разницы в облике и числе изделий надо, возможно, искать в том, что стоянка Шуйдунгоу расположена в местности, богатой галечниками из пород, служивших материалом для изготовления орудий, тогда как Шараоссогол находится в районе мощного развития лёссовых отложений, где нельзя встретить даже самой маленькой гальки какой-либо достаточно плотной породы.

Определенную роль в различиях инвентаря Шуйдунгоу и Шараоссогола могли, впрочем, играть и хронологические моменты. В схеме археологической периодизации древних культур Китая, составленной Пэй Вэнь-чжунем, стоянка Шуйдунгоу рассматривается как более древняя (около 120—100 тыс. лет назад). Стоянка Шараоссогол датируется приблизительно 100—80 тысячелетиями до н. э. Обе стоянки Пэй Вэнь-чжун относит к особой хэаоской культуре, возникшей в бассейне Хуанхэ еще в начале среднего палеолита и прогрессивно развивавшейся вплоть до конца древнекаменного века. Важно подчеркнуть в данном случае именно непрерывность развития северокитай-

ского среднего палеолита на протяжении по крайней мере 40—50 тыс. лет [Пэй Вэнь-чжун, 1955, 53—90; У Жу-кан, Чебоксаров, 12—13; Крюков, Чебоксаров, 42—43].

Палеоантропы Восточной Азии и других районов ойкумены

Скудость костных остатков восточноазиатских палеоантропов затрудняет окончательное решение вопроса об их отношении к древним людям других частей ойкумены — неандертальцам и близким к ним неандерталоидным формам. Однако хронологически и морфологически промежуточное положение мабасцев, чанъянцев, динцуньцев и ордосцев между синантропами и современными людьми позволяет выдвинуть гипотезу о существовании на востоке Азии «своих» неандертальцев — потомков местных архантропов. Китайские ученые Пэй Вэнь-чжун, У Жу-кан, Цзя Лань-по и другие считают этих палеоантропов предками современного населения Китая. Для доказательства обычно используются данные о лопатообразной форме резцов, характерной, как мы уже знаем, для архантропов и палеоантропов Восточной Азии, а также для современных монголоидов. Однако указанный аргумент теряет свою убедительность, если учесть, что лопатообразная форма резцов была свойственна древнейшим и древним людям всей первобытной ойкумены [Зубов, 1968, 49—59; его же, 1973б, 100—106].

Вопрос об отношении восточноазиатских неандертальцев к сапиентным популяциям того же региона очень сложен, далек от окончательного решения и должен быть рассмотрен в связи с проблемой появления на территории современного Китая людей современного типа (*Homo sapiens*). Все же следует отметить, что среди костных остатков палеоантропов, найденных до настоящего времени на этой территории, нет ни одной находки, которую можно было бы сблизить с прогрессивными неандертальцами из пещер Кафзех и Схул в Палестине — наиболее вероятными предками людей современного вида [Рогинский, 1972, 5—14; Зубов, 1973а, 92—106].

В то же время для палеоантропов Восточной Азии были характерны некоторые примитивные морфологические особенности, свойственные «южным неандертальцам» из Брокенхилла (Замбия), Ньярасы (Танзания), Салданы (ЮАР) и некоторых других местонахождений Африки. В еще большей степени морфологическая примитивность характерна для черепов палеоантропов из Нгандонга (Ява), сходных по многим особенностям с черепами питекантропов и ланьянцев. «Будучи хронологически поздними формами, — пишет М. И. Урысон, — и вместе с тем сохраняя в своем строении много крайне примитивных особенностей, южные палеоантропы, по-видимому, представляют собой уклонившуюся в сторону от сапиентного направления

эволюции ветвь палеоантропов, вымершую в позднем плейстоцене, и не могут поэтому рассматриваться как исходный тип, давший начало человеку современного вида» [Урысон, 1964, 134].

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЛЮДИ СОВРЕМЕННОГО ВИДА (НЕОАНТРОПЫ)

Эпоха позднего (верхнего) палеолита по археологической периодизации была, вне всякого сомнения, переломным этапом в биологической и социальной истории человечества, своего рода диалектическим скачком, когда завершился переход от первобытного стада к подлинно человеческому обществу, а вместе с тем и процесс сапиентации — формирования человека современного вида (*Homo sapiens*), пользовавшегося членораздельной речью, — и его расселения по всей первобытной ойкумене, включая большую часть Афроевразии, а также Америку и Австралию. Почти все советские и многие передовые зарубежные специалисты с полным основанием считают предками сапиентных популяций позднего палеолита (примерно 40—16 тыс. лет назад) палеоантропов или неандертальцев в широком смысле слова. Однако и в наши дни продолжаются оживленные дискуссии по вопросу о том, были ли предками людей современного вида все группы палеоантропов или только наиболее прогрессивные из них вроде неандертальцев из пещер на горе Кармел (Кафзех, Схул), а также близких к ним переходных форм типа Староселья (Крым), Хвалынска (Нижнее Поволжье), некоторых находок на территории Чехословакии (Шала, Шипка, Кульна) и т. п. [Урысон, 1964, 120—151; Семенов, 1973, 3—13; Зубов, 1973а, 103—104].

Если для раннепалеолитических архантропов и палеоантропов сама постановка вопроса об этнической принадлежности неправомерна, поскольку в то время не могло существовать никаких этнических общностей, то среди популяций позднепалеолитических сапиентных неантропов можно предполагать существование крупных ареальных групп, на базе которых в дальнейшем, скорее всего в мезолите, началось формирование общностей «протоэтнического» характера, различавшихся между собой определенными хозяйственно-культурными и языковыми особенностями.

Люцзянский человек

Костные остатки неантропов обнаружены на территории Китая только в 50—60-х годах нашего века. Чрезвычайно большое значение для истории расового состава населения Восточной Азии имеет найденный в 1958 г. в пещере Тунтяньянь около г. Лючжоу, административного центра уезда Люцзян

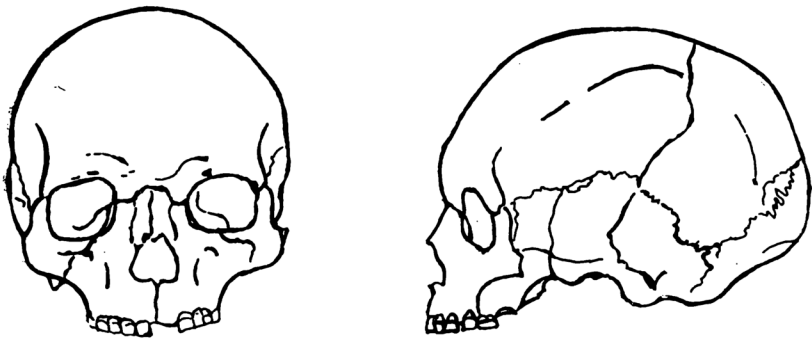

Рис. 3. Череп человека из Люцзяна (прорисовка Г. В. Лебединской)

(11) Гуанси-Чжуанского автономного района, череп взрослого мужчины, датируемый У Жу-каном началом позднего палеолита. Кроме того, там были найдены принадлежащие тому же субъекту поясничные позвонки, крестец и правая тазовая кость [Woo Ju-kang, 1959, 109—118].

Люцзянский череп (рис. 3) массивный, удлиненной формы, очень узкий, умеренно высокий, мезодолохокранный с наклонным лбом и значительно развитым надбровьем (табл. 3). Его продольный диаметр — 189,3 мм, поперечный — 142,2 мм, черепной указатель — 75,1, высота от базиса — 134,4 мм. Лицо люцзянца очень низкое, умеренно широкое, резко уплощенное как в верхней, так и в средней части; скуловой диаметр — около 136 мм, средняя высота лица (назион-простион) — 65,9 мм. Назомолярный угол — $143,5^\circ$, зигомассиллярный — 138° . Глазницы прямоугольной формы абсолютно и относительно очень низкие (орбитный указатель — 68,3). Носовое отверстие широкое с выраженной предносоевой ямкой, носовой указатель исключительно высок (58,5), что свидетельствует о резко выраженной относительной широконосоности, носовые косточки также широкие и плоские, предносоевой шип развит слабо, симотический указатель — 28,3. Альвеолярный прогнатизм выражен вполне отчетливо (угол 75°) [Woo Ju-kang, 1959, 104].

«Все эти черты, — справедливо указывает В. П. Якимов, — определяют в известной степени промежуточное положение новой находки между монголоидами, с одной стороны, и австралоидами и негроидами — с другой» [Якимов, 1964, 152—155].

Действительно, почти по всем основным разграничительным расовым признакам люцзянский череп занимает среднее место между амплитудами групповых вариаций монголоидных и австралоидных рас, обнаруживая особую близость с древними и современными южными локальными типами первых. Таким образом, люцзянская находка — ценное свидетельство в пользу гипотезы о том, что в позднем палеолите на юге Китая су-

шествовали переходные популяции между монголоидами и австралоидами, вероятно связанными единством происхождения от первоначальных сапиентных насельников восточной половины первобытной ойкумены.

В свете этих соображений мнение У Жу-кана о том, что люцзянский человек — наиболее ранний представитель монголоидной расы, формировавшейся на юге Китая, можно принять только с определенными оговорками. Речь идет не обо всех монголоидах, а только об их тихоокеанской ветви, южные варианты которой, переходные к австралоидам, действительно складывались скорее всего в начале позднего палеолита в материковой части Юго-Восточной Азии в пределах Северного Индокитая и Южного Китая.

Лайбиньский человек

В более позднюю эпоху по сравнению с люцзянцем жил, по-видимому, лайбиньский человек, костные и культурные остатки которого найдены в 1956 г. Цзя Лань-по в уезде Лайбинь (12) Гуанси-Чжуанского автономного района. Обнаружена разбитая на три куска нижняя часть черепа (обе половины верхней челюсти, правая скуловая, нёбная и затылочная кости). По степени стертости зубных коронок можно предполагать, что остатки принадлежали взрослому человеку, вероятно мужчине. Расовую принадлежность лайбиньца вряд ли можно точно определить, хотя его, несомненно, следует отнести к людям современного вида. Из поделок найдены два каменных отщепов со следами обработки и орудия из кварцевой гальки. Предположительная датировка лайбиньца позднплейстоценовым временем основана всецело на геологическом и палеонтологическом материалах.

Однако сам факт нахождения еще одного позднплейстоценового представителя неантропов на территории Гуанси-Чжуанского автономного района представляет большой интерес, так как свидетельствует, подобно люцзянской находке, о том, что в ту эпоху люди современного вида уже заселяли Центральный и Южный Китай [Woo Ju-kang, Chia Lan-po; 1959, 175—182].

В данной связи очень интересно отметить, что, по мнению Пэй Вэнь-чжуна, к позднему палеолиту следует отнести некоторую часть хозяйственно-культурных находок, сделанных китайскими археологами в пещерах того же автономного района. Они включают многочисленные каменные орудия, изготовлявшиеся главным образом из расколотых галек и нередко имевшие формы топоров или тесел. В гуансийских пещерах найдены и костяные орудия, в том числе проколки (напоминающие шило из цзянганского местонахождения; см. ниже, с. 56). Южно-китайские позднпалеолитические материалы обнаруживают

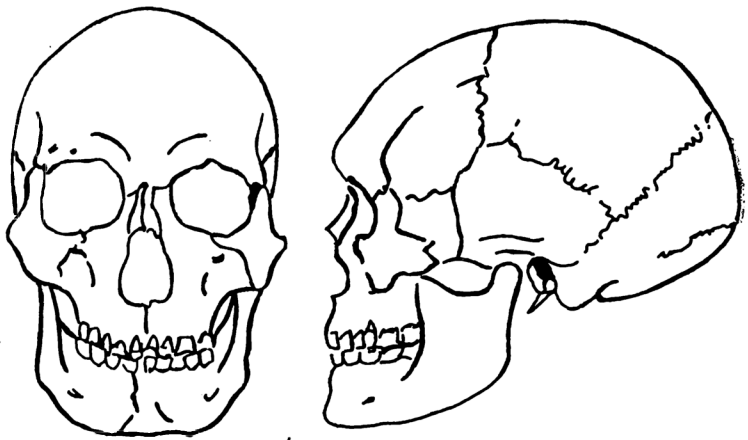

большое сходство с более или менее синхронными находками, сделанными на севере Вьетнама, особенно в пещере Кеофай в горах Баксона. Более отдаленные, но все же вполне определенные аналогии прослеживаются между этими остатками и позднепалеолитическим инвентарем Индокитая, Индонезии и даже Австралии. Вполне возможно, что указанные аналогии свидетельствуют о реальных генетических связях древнейших насельников Австралии с позднепалеолитическими популяциями Юго-Восточной Азии, откуда и происходило по всем данным первоначальное заселение Австралийского материка. О том же говорят, вероятно, и австралоидные особенности древних черепов из Ваджака на Яве, из Ниа на Калимантане и из Аитапе на севере Новой Гвинеи [У Жу-кан, Чебоксаров, 13; Кабо, 1961, 77—94; Кабо, Чебоксаров, 23—64].

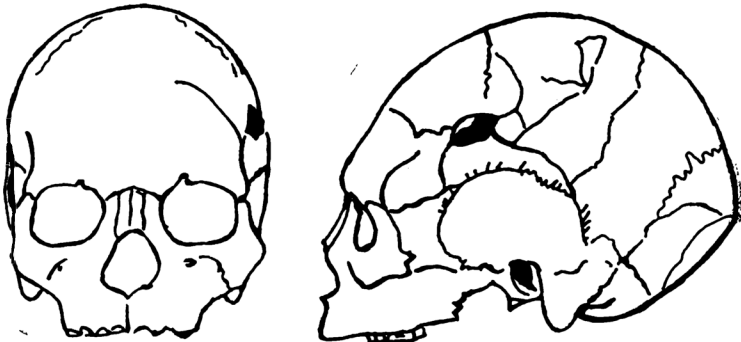
Люди из Шаньдиндуна

Наиболее многочисленные остатки позднепалеолитических людей в пределах всей Восточной Азии обнаружены в местонахождении Шаньдиндун (13) в Чжоукоудяне. Здесь Пэй Вэньчжун еще в 1933 г. нашел скелетные остатки по крайней мере семи особей, которые датировались им по геологическим, палеоантропологическим и археологическим данным самым концом древнекаменного века, почти кануном мезолита [Pei Wen-chung, 175—179]. Из шаньдиндунских черепов лучше сохранились три: один мужской и два женских (рис. 4). Как ни мал количественно материал, он все же позволяет судить не только о стадияльных, но и о расовых особенностях населения в эпоху позднего палеолита. Шаньдиндунские черепа детально изучены Ф. Вайденрайхом, который посвятил им специальную работу «О самых ранних представителях современного человечества, открытых в Восточной Азии», изданную еще в 1939 г. (см. табл. 3).

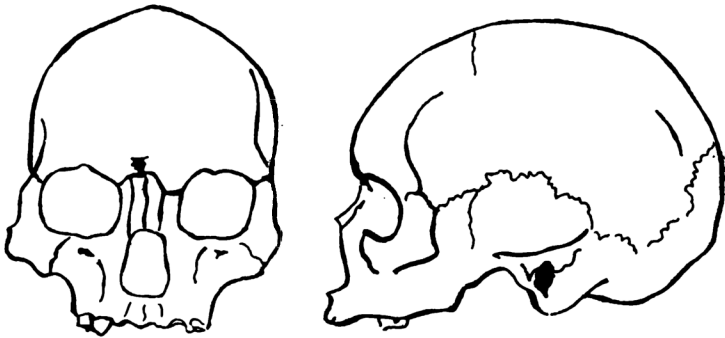
Мужской череп из Шаньдиндуна, обозначенный Ф. Вайденрайхом № 101, отличается значительной массивностью, крупными абсолютными размерами и большой вместимостью мозговой коробки (около 1500 куб. см). Череп этот резко долихокранный (70,2), с огромным продольным диаметром (204 мм!), умеренной шириной (143 мм). Обращают на себя внимание сильно наклонный лоб и мощное надбровье. Лицо исключительно высокое (77 мм) и в то же время широкое (143 мм), глазницы прямоугольной формы, абсолютно и относительно низкие (орбитный указатель — 64,9). Носовые кости выступают умеренно, ширина носа значительна, носовой указатель — 55,2. Отчетливо выражен альвеолярный прогнатизм (рис. 5). Женские черепа № 102 и 103 в общем сходны с мужским по таким признакам, как крупные абсолютные размеры, долихокrania (69,3—71,3), наклонный лоб, значительная

1

2

3

Рис. 4. Черепа людей из Шаньдиндуна (прорисовка Г. В. Лебединской).

1 — № 101; 2 — № 102; 3 — № 103

ширина лица, низкие глазницы, альвеолярный прогнатизм. Естественно, что женские черепа по сравнению с мужским характеризуются меньшей величиной и не такой большой массивностью. Интересно отметить огромную абсолютную высоту обоих женских черепов (143—150 мм) и обусловленную этим гипсистенокранию, т. е. очень большую высоту черепа при малой его ширине (высотно-поперечный указатель — 109—110).

Если принадлежность шаньдиндунских черепов человеку современного вида (*Homo sapiens*) и не вызвала никаких сомнений, то вопрос об их расовой диагностике получил в специальной литературе различное освещение. Описавший эти объекты Ф. Вайденрайх указывает на сходство мужского черепа с позднепалеолитическими черепами Западной Европы, отмечая вместе с тем ряд монголоидных его особенностей: выступающие вперед и в стороны скуловые дуги, очень узкие носовые косточки, сильное развитие предносовых ямок. Один из женских черепов (№ 102) Ф. Вайденрайх сближает с меланезийцами, а другой (№ 103) — с эскимосами. Сходство с меланезийцами устанавливается на основании исключительной высоты черепа № 102 при сравнительно малой ширине (136 мм) альвеолярного прогнатизма, значительной широконости (носовой указатель—56,3). «Эскимоидность» женского черепа (№ 103) доказывается будто бы крышеобразной формой черепного свода, долихокранией, большим высотным диаметром и сравнительно невысоким носовым указателем. Таким образом получается парадоксальный вывод, что население одной пещеры состояло из представителей трех различных рас, — факт настолько необыкновенный, что Ф. Вайденрайх для придания ему внешней правдоподобности нарисовал фантастическую историю похищения монголоидным мужчиной двух женщин — «эскимоски» и «меланезийки» [Weidenreich, 1939, 161—174]. Однако вся эта романтика первобытного «гарема» выглядит крайне неубедительно.

Рис. 5. Человек из Шаньдиндуна. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу № 101 (оригинал хранится в Институте этнографии АН СССР)

32. Угол наклона лба	74,0	—	—	—	78	—	—	—
48. Высота лица	65,9	77	69	68,5	65	—	73,5	—
48:17. Вертикальный кранио-фациальный указатель	48,9	56,6	46,0	47,9	52,9	—	53,2	—
45. Скуловой диаметр	136?	143	131	137	132	—	136,5	>140,2
48:45. Лицевой указатель	48,5	53,8	52,7	50,1	49,2	—	54,0	—
72. Лицевой угол	86	84	80	79	82	—	—	—
74. Альвеолярный угол	75,0	—	—	—	—	—	—	—
+ Зигомаксиллярный угол	138,0	—	—	—	129?	—	—	—
77. Назомалярный угол	143,5	—	—	—	145	—	—	—
52:51. Орбитный указатель (от максиллофронтале)	67,3	64,9	71,3	71,2	75,0	—	—	—
52:51а. Орбитный указатель (от дакриона)	—	—	—	—	—	—	84,9	—
54:55. Носовой указатель	58,5	55,2	56,3	50,0	—	—	60,1	—
+ Симметрический указатель	28,3	—	—	—	—	—	—	—
+ Надбровье (1—6)	2	—	—	—	—	—	—	—
+ Клыковая ямка (0—4)	1	—	—	—	—	—	—	—

+ Признаки, отсутствующие у Мартина,
— Данные отсутствуют.
? Данные сомнительны.

Правда, монголоидные черты мужского черепа № 101, подчеркнутые Ф. Вайденрайхом, заслуживают того, чтобы их специально подчеркнуть; но в полном соответствии с этими чертами находятся и аналогичные особенности женского черепа (№ 103), по Ф. Вайденрайху «эскимоидного». Ведь и эскимосы — тоже монголоиды, к тому же сохранившие много древних морфологических признаков. Даже «меланезийский» череп (№ 102) по крупным абсолютным размерам лица и большой вместимости обнаруживает скорее «монголоидность», чем «меланезоидность». На черепе № 102 продольный и поперечный диаметры — 196 и 156 мм, тогда как на черепе № 103 («эскимоидном») они соответственно равны 184 и 131 мм. Прогнатизм — и тот у «меланезийки» Ф. Вайденрайха выражен слабее, чем у «эскимоски» (лицевые углы — соответственно 80 и 79°). Ф. Вайденрайху помешало правильно определить место описанных им черепов в систематике гоминид то, что он исходил из сопоставления их с современными и притом очень специфическими локальными типами эскимосов и меланезийцев. В нерезкой дифференцированности расовых особенностей шаньдиндунских черепов отразились, по-видимому, общие закономерности формирования людей современного вида, долгое сохранение среди них полиморфизма. Следует отметить, что китайский исследователь Чжао И-цин, специально изучавший женские черепа из Шаньдиндуна, полемизирует с Ф. Вайденрайхом и поддерживает точку зрения автора настоящей главы о принадлежности обоих этих черепов к монголоидам [Чжао И-цин, 55—57].

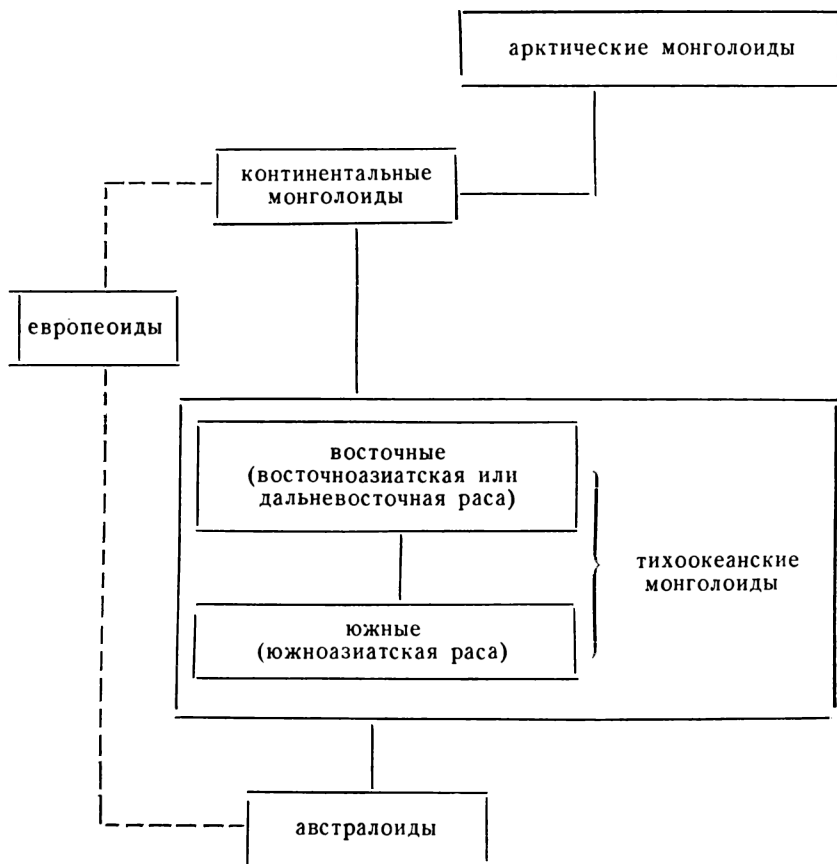
Дифференциация монголоидов Восточной Азии

В то же время при общей слабой дифференцированности монголоидных особенностей шаньдиндунских черепов можно обнаружить некоторые специфические их признаки, характерные для тихоокеанских (как восточных, так и южных) монголоидов, к которым в более поздние исторические эпохи принадлежали почти все популяции Восточной и Юго-Восточной Азии.

К таким «тихоокеанским» чертам шаньдиндунцев относятся значительная высота мозговой коробки (136—150 мм), альвеолярный прогнатизм и некоторая тенденция к широконосости. Если же учесть большую высоту лица всех шаньдиндунских черепов (69—77 мм), то наиболее близкие аналогии им встречаются только в Восточной Азии и в полярной Америке. Очень возможно, что люди, обитавшие в конце древнего каменного века на севере современного Китая, — предки позднейших популяций, на базе которых складывались восточные, а может быть, и арктические монголоиды.

Однако сравнение шаньдиндунских черепов с люэцзянским показывает, что на юге современного Китая в эпоху позднего палеолита были распространены расовые типы, отличавшиеся от северокитайских меньшими абсолютными размерами, более грацильным общим обликом, несколько более узким и гораздо более низким лицом, относительной широконосостью. Таким образом, уже тогда среди тихоокеанских монголоидов наметились две группы популяций: восточная, географически и морфологически переходная к континентальным монголоидам, представленным в позднем палеолите фрагментом лобной кости из стоянки Афонтова гора II [Дебец, 1946, 73—76], и южная, связывавшая монголоидов с австралоидами (табл. 4).

Т а б л и ц а 4
КЛАССИФИКАЦИЯ РАС ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

————— генетические связи
- - - - - гипотетические генетические связи

Наличие известной преемственности между ранне- и позднепалеолитическими популяциями Восточной Азии подтверждается археологическими материалами, в частности хозяйственно-культурными остатками деятельности шаньдиндунских людей. В Верхней пещере обнаружено множество разнообразных каменных орудий типа чопперов и чоппингов, костяных и роговых изделий, в том числе полированных кусков оленьих костей и рогов, один из которых напоминает «начальнические жезлы» европейского палеолита, а также различных орнаментированных предметов. Среди последних особенно интересны крупные каменные «бусины» с отверстиями, просверленные клыки оленя, лисы, дикой кошки и других хищников, костяные подвески, сверленные речные и морские раковины, доставленные сюда с морского берега за несколько десятков километров. В целом индустрия Шаньдиндуна при сохранении некоторых архаичных черт производит впечатление очень поздней, вероятно близкой к переходному периоду от палеолита к мезолиту [Pei Wen-chung, 175—179].

Вопрос об отношении людей современного вида в целом, живших на территории Китая и Восточной Азии, к архантропам и палеоантропам того же региона очень сложен и не может считаться окончательно решенным. Сторонники гипотезы полицентризма, например Ф. Вайденрайх, К. Кун, а также почти все китайские антропологи считают, что между древнейшими, древними и современными людьми Дальнего Востока существует непосредственная генетическая преемственность. Как уже упоминалось выше, эти исследователи монголоидные расы производят непосредственно от синантропов и их среднепалеолитических потомков [Weidenreich, 1943; Сооп, 1963; его же, 1965]. Среди советских ученых близкую гипотезу поддерживает В. П. Алексеев, допускающий существование в древнем каменном веке двух основных очагов сапиентации и расообразования — западного (атланти-средиземного, или афроевразийского), хронологически более раннего, и восточного (тихоокеанского или восточноазиатского), несколько более позднего [Алексеев В. П., 1967, 71—86; его же, 1969, 12—24; его же, 1970, 37—40]. По мнению В. П. Алексеева, появление современного человека произошло в двух местах. Первое из них — Передняя Азия, возможно, с прилегающими районами; второе — междуречье Хуанхэ и Янцзы с прилегающими районами. В Передней Азии сформировались предки европеоидов и негроидов, в Китае — предки монголоидов [Алексеев В. П., 1970, 37; его же, 1974, 115—164].

Однако гипотезы о формировании *Homo sapiens* в нескольких (хотя бы двух) самостоятельных или почти самостоятельных очагах на основе разных подвидов архантропов и палеоантропов находятся в противоречии с открытыми еще Ч. Дарвином общими закономерностями эволюции всего органического

мира под воздействием естественного отбора и не согласуются с твердо установленным единством всех древних и современных полицентризм во всех его разновидностях приводит к телеологической или, по существу, «номогенетической» концепции эволюции человека и формирования его рас. Однако «с позиций современной биологии теория номогенеза некорректна, как понимают это определение в физике, т. е. находится в противоречии с другими, точно установленными фактами. И поэтому она должна быть отброшена» [Яценко-Хмелевский, 65].

Конкретные палеоантропологические данные также не дают достаточных оснований для вывода о специфическом родстве восточноазиатских архантропов и палеоантропов с монголоидами, особенно если учесть уже известные нам данные о всеобщем распространении лопатообразной формы резцов у древнейших и древних людей. Очевидно, правы советские антропологи Я. Я. Рогинский, В. П. Якимов, М. И. Урысон, А. А. Зубов и другие, которые стоят на точке зрения «широкого» моноцентризма, считая, что сапиентация развевывалась на обширной, но все же непрерывной территории, включающей Юго-Западную и частично Южную Азию с прилегающими регионами Северо-Восточной Африки и Юго-Восточной Европы [Рогинский, 1949, 1—156; его же, 1951, 153—204; его же, 1956, 11—17; его же, 1970, 34—37; Урысон, 1969, 150—160; Якимов, 1967, 1—55; Зубов 1973а, 92—106].

Вместе с тем надо иметь в виду, что археологические материалы позволяют проследить преемственность хозяйственно-культурного развития населения Восточной Азии на протяжении всего древнего каменного века. Нет никаких данных, позволяющих утверждать, что архантропы и палеоантропы, жившие на территории Китая, вымерли, были истреблены позднейшими пришельцами или ушли с мест своего коренного обитания.

Таким образом, создается кажущееся противоречие между данными археологии, с одной стороны, и палеоантропологии — с другой. Это противоречие, однако, отпадает, если допустить, что сапиентация, начавшаяся на рубеже раннего и позднего палеолита в Восточном Средиземноморье и соседних регионах, постепенно захватывала все новые и новые территории по мере расселения быстро размножавшихся подвижных сапиентных популяций и их смешения с другими группами древних людей, которые вследствие этого процесса насыщались сапиентными генами и вовлекались в общий ход формирования людей современного вида и их распространения в разных направлениях, в частности из Передней Азии через Южную и Центральную Азию на восток, вплоть до берегов Тихого океана. Очевидно, Дальний Восток на протяжении всего палеолита был периферией первобытной ойкумены, куда периодически докатывались волны переселенцев с Запада, смешивавшихся, надо думать,

с аборигенами. Наиболее интенсивными эти процессы переселения были в период позднего палеолита, когда люди впервые не только заселяли новые территории Восточной Азии, но и осваивали Америку и Австралию. По свидетельству некоторых археологов, на востоке Азии нет начальных стадий позднего палеолита, а там, где элементы позднего палеолита прослеживаются, они либо непременно соединяются с мустьерскими, либо носят очень поздний облик и неотличимы от следующей ступени развития каменных орудий мезолита [Григорьев, 14—19].

В рецензии на книгу В. П. Алексеева «География человеческих рас» (1974) В. М. Массон, оценивая в целом положительно этот труд, подвергает критике гипотезу о двух очагах сапиентации и о начале образования современных рас в раннем палеолите. Согласно этой гипотезе, «может сложиться впечатление, что процесс расогенеза шел наряду и параллельно с процессом антропогенеза и в каждом из двух очагов самостоятельно формировались как разные виды: в одном — синантроп, в другом — *Homo sapiens*. При этом, несмотря на двухочаговый генезис, в обоих случаях складывался идентичный биологический вид» [Массон, 1975, 121]. Неприемлемость этой точки зрения очевидна, и ссылки В. П. Алексеева на роль социальных факторов и стабилизирующего отбора [Алексеев В. П., 1974, 142] не спасают положения. Роль социальных факторов в антропогенезе и расогенезе действительно очень велика. Однако если учесть, что у человека имеется около 7 млн. генов [Эфроимсон, 42—43], то представляется очень мало вероятным возникновение под воздействием этих факторов в двух самостоятельных очагах одинакового уникального сочетания такого комплекса морфологических и физиологических особенностей, который бы позволил говорить о формировании одного и того же вида *Homo sapiens* в различных регионах. Стабилизирующий отбор, т. е., по определению И. И. Шмальгаузена, «отбор в пользу установившейся нормы при элиминации всех заметных отклонений от этой нормы» [Шмальгаузен, 1969, 236], может, конечно, привести к появлению в разных популяциях сходных сочетаний морфологических и физиологических признаков, но вряд ли может вызвать образование идентичных видов в двух обособленных регионах. Можно вполне согласиться с В. М. Массоном, что «более естественно принять гипотезу Я. Я. Рогинского о широком моноцентризме формирования вида *Homo sapiens*... С нашей точки зрения, широкая миграция вида *Homo sapiens* в глобальном масштабе не оставляет сомнений» [Массон, 121].

Первоначальные ареальные (расовые) различия между западными и восточными популяциями людей современного вида начали складываться, вероятно, только в самом начале позднего палеолита и касались главным образом нейтральных, неадаптивных признаков с простой генетической структурой. Раз-

личия эти обязаны своим происхождением генетико-автоматическим процессам, которые стимулировались временной, но достаточно длительной изоляцией отдельных групп неантропов, продвигавшихся на заре человеческой истории из западных районов ойкумены в восточные и ассимилировавших разные группы неандертальцев. Сформировавшиеся позднее (не ранее конца позднего палеолита) австралоидные и монголоидные расы тихоокеанского бассейна унаследовали указанные ареальные различия позднепалеолитических предков и, в свою очередь, передали их своим потомкам, у которых они сохранились, по крайней мере частично, до наших дней [Чебоксаров, Чебоксарова, 88—163; Зубов, 1973, 20—27; Чебоксаров, 1973, 3—19]. «Восточные» (монголоидные и, вероятно, австралоидные) группы популяций отличались от «западных» (европеоидных и негроидных) сохранением большей доли резцов лопатообразной формы, большим процентом круговых узоров на подушечках пальцев, специфическим распределением генов по некоторым системам групп крови (например, почти 100%-ной концентрацией резус-положительности или высокой частотой особого фактора Даффи) и многими другими одонтологическими, дерматоглифическими и серологическими особенностями [Воронцов, 85—89; Cheboxarov, Zoubov, 1—18].

Можно предполагать, что уже в позднем палеолите «восточные» группы популяций не были однородны в расовом отношении. Популяции северной части современного Китая (к северу от Циньлина) принадлежали скорее всего к восточноазиатской (дальневосточной) расе, которая составляла северную ветвь тихоокеанских монголоидов. Именно к этой расе, как мы видели, должны быть отнесены позднепалеолитические черепа из Шаньдиндуна. Учитывая, что во все последующие эпохи различные типы этой расы были наиболее характерны для населения Тибета и всего бассейна Хуанхэ, надо, по-видимому, искать истоки этносов китайско-тибетской языковой семьи среди популяций восточноазиатской расы. К северу от восточных монголоидов в пределах Внутренней Монголии, частично также Синьцзяна и Маньчжурии, жили в позднем палеолите, вероятно, различные популяции континентальных монголоидов, ареал которых простирался в пределы современной МНР и Сибири (к ним относится фрагмент детского черепа из стоянки Афонтова гора II в Красноярске) [Дебец, 1946, 73—76].

В южной половине современного Китая в позднем палеолите обитали, вероятно, различные популяции южной ветви тихоокеанских монголоидов, переходных к австралоидам. Промежуточные монголоидно-австралоидные морфологические черты, как мы знаем, очень характерны для люцзянского человека. На базе южномонголоидных популяций, входящих в южноазиатскую расу, сложились в более поздние исторические эпохи тайские (чжуан-дунские), мяо-яоские, аустроазиатские (мон-

кхмерские) и аустронезийские этносы, область формирования которых была расположена, по мнению многих исследователей, в Южном Китае и Северном Индокитае. Еще южнее — в Индонезии и, возможно, на Филиппинах — в позднем палеолите жили, надо думать, австралоидные популяции, представленные черепами из Ваджака, Ниа и Аитапе. Возможно, что популяции эти говорили на языках, близких к папуасским и северохальмахерским [Решетов, Чебоксаров, 89—114].

НА ПЕРЕХОДЕ ОТ ПАЛЕОЛИТА К НЕОЛИТУ

Следующий за поздним палеолитом период археологической классификации — мезолит, или средний каменный век, — изучен на территории современного Китая очень слабо и трудноотделим как от древнекаменного, так и от новокаменного века.

Мезолит Северного Китая

На севере страны — в Маньчжурии, Внутренней Монголии и Синьцзяне — в большом количестве найдены орудия микролитического облика, часть которых может быть отнесена к рассматриваемому периоду. Несомненно мезолитическими являются, например, микролиты Внутренней Монголии, находимые у подножия песчаных дюн вместе со скорлупой страусовых яиц [Maringer, 1950; У Жу-кан, Чебоксаров, 22—24]. Стоянки со сходным микролитическим инвентарем известны и несколько южнее: Шаюань в Шэньси, Линцзинчжай в Хэнани и некоторые другие. Очевидно, здесь в мезолите, как и в конце палеолита, жили немногочисленные степные охотники и собиратели.

О расовой и этнической принадлежности мезолитического населения Северного Китая нам почти ничего не известно. Предположительно к этому времени могут быть отнесены два черепа из Чжалайнора (14) во Внутренней Монголии, о которых до настоящего времени опубликованы только очень краткие данные [Тун Чжу-чэнь]. Предварительное ознакомление автора настоящей главы с этими черепами во время работы в КНР (1956) показывает, что лицо у них очень плоское, абсолютно широкое и высокое, носовые кости слабо выступают, клыковые ямки выражены нерезко, предносовые же, напротив, сильно развиты. Высота черепа № 1, описанного Тун Чжу-чэнем, невелика, по черепному указателю он брахиокранен. Возможно, что чжалайнорские находки принадлежали к континентальным монголоидам, в последующие эпохи широко распространенным в Сибири и в Центральной Азии вплоть до Большого Хингана. Чжалайнор в мезолите находился, вероятно, на восточных рубежах расселения этой группы монголоидных популяций. Важно помнить, что и в настоящее время граница между ареалами преобладания тихоокеанских и континенталь-

ных монголоидов проходит приблизительно по тем же рубежам [У Жу-кан, Чебоксаров, 23]. Можно предполагать, что чжалайнорские черепа принадлежали предкам каких-то племен, говоривших на палеоазиатских языках.

Культура хоабинь

Гораздо более определенно можно говорить о памятниках среднекаменного века на территории Южного Китая, входившей в ареал мезолитической хоабиньской культуры.

Культура хоабинь была обнаружена М. Колани в 1926 г. на севере Вьетнама — в провинции Хоабинь, от которой она и получила свое название. Как показали последующие исследования, хоабиньские памятники распространены почти исключительно в горных районах провинций Йенбай, Хоабинь, Ханам, Ниньбинь и Тханьхоа, а также в Верхнем Лаосе, в западной и северной частях Таиланда [Борисковский, 1966, 84]. Орудия хоабиньского типа обнаружены в Индонезии — на Калимантане и Суматре, в Японии и даже в Австралии [Кабо, 1969, 114—128]. На севере ареал культуры хоабинь охватывает часть территории современного Китая южнее р. Янцзы — главным образом провинцию Гуанси.

Остатки хоабиньской культуры встречаются, как правило, в пещерах, расположенных в скальных массивах известняка. Чаще всего такие пещеры находятся на небольшой высоте вблизи рек или ручьев. Культурный слой хоабиньских памятников редко превышает 1 м. Помимо оббитых каменных орудий в них находят сравнительно немногочисленные кости животных — слона, носорога, оленя, кабана. Скопления раковин съедобных моллюсков указывают на то, что хоабиньцы были прежде всего собирателями, хотя занимались также охотой и рыбной ловлей.

Хоабиньские каменные орудия изготавливались из крупных галек, подобранных в руслах рек. П. И. Борисковский выделяет восемь основных типов хоабиньских орудий, большинство которых отличается массивностью и использовалось в качестве топоров. Использование отщепов для культуры хоабинь нехарактерно. Сравнительно редки и орудия из кости [Борисковский, 1966, 85—93].

Исследователи различают три основные стадии развития хоабиньской культуры, первые две из которых относятся к мезолитическому времени, тогда как хоабинь III представляет собой переход к раннему неолиту. Ряд авторов рассматривает ранненеолитическую культуру бакшон как последнюю стадию хоабинья, устанавливая прямую преемственность их хозяйственных и технологических традиций. Очевидно, хоабиньские традиции в технологии каменного инвентаря были связаны с мощным культурным очагом на юго-востоке Азии, откуда происхо-

дило расселение генетически связанных между собой этносов «тихоокеанского ствола» — тайских, аустроазиатских и аустронезийских. Возможно, им предшествовали еще более ранние общности, говорившие на протоавстралийских и протопапуаских языках.

Люди из Тампонга и Куиньвана

В 1936 г. недалеко от южных границ Китая в Тампонге (Верхний Лаос) был найден женский череп, относящийся, по свидетельству описавших его французских археологов Ж. Фромаже и Э. Сорен, к мезолитическому периоду (см. табл. 3). Череп этот отличается крупными для женщины абсолютными размерами, малой длиной (175 мм), средней шириной (136 мм) и значительной высотой (138 мм). По указателю тампонгский череп мезокранный (77,2). Очень большой высотно-поперечный индекс (101,4) говорит о гипсистернокрании тампонгской женщины. Лицо у нее было очень высоким (73,5 мм) и широким (136,5 мм), уплощенным. Глазницы по высоте средние с округленными углами, орбитный указатель — 84,9. Нос слабо выступающий с плоским переносьем и суженными в верхней части носовыми косточками, по указателю относительно очень широкий (60,1). Предносовые ямки сильно развиты, клыковые же, напротив, отсутствуют. Альвеолярный прогнатизм имеется, но выражен не слишком сильно. Нижняя челюсть массивная и широкая. По костяку, найденному вместе с черепом, общая длина тела тампонгской женщины определена описавшими ее авторами в 157 см [Fromaget, Saurin, 1—48]. В принадлежности этой находки к людям современного вида (*Homo sapiens*) нет ни малейших сомнений.

Многие морфологические особенности тампонгского черепа оказываются общими с древнейшими тихоокеанскими монголоидами, в первую очередь с женскими черепами из Шаньдиндуна. Сходными признаками являются сравнительно крупные абсолютные размеры черепа, большая его высота, уплощенное широкое и высокое лицо, слабо выступающий широкий нос, альвеолярный прогнатизм и даже крышеобразная форма черепного свода. Меньшее, но все же отчетливое сходство прослеживается у тампонгского черепа с люцзинским. Тампонгские находки можно, таким образом, рассматривать как принадлежащие представителю южноазиатской группы тихоокеанских монголоидов той стадии развития, когда не все специфические особенности этой расы успели выработаться. В то же время некоторые черты черепа (сильная прогнатность, крайняя широконосость) сближают его с австралоидными расами Юго-Восточной Азии и Океании. Заслуживают также внимания отмеченные Ж. Оливье и А. Г. Козинцевым черты сходства черепа из Тампонга с черепами айнов, генетически связанными, вероят-

но, с одной стороны, с австралоидами, с другой же — с южными монголоидами [Olivier, 71—78; Козинцев, 229—242]. Остается открытым вопрос, является ли тампонгский череп таким же промежуточным звеном между монголоидами и австралоидами, как люцзянский, или же он несет на себе следы смешения уже сложившихся тихоокеанских монголоидов, продвигавшихся к югу, с аборигенными австралоидными популяциями Индокитая.

Ж. Фромаже и Э. Сорен рассматривают тампонгскую находку в качестве прототипа, сочетавшего признаки различных рас: австралоидов, негроидов и даже европеоидов. Монголоидные особенности черепа авторы отрицают. В действительности же если тампонгский череп и отличается от черепов современного, большей частью брахицефального, монголоидного населения Индокитая, то с другими мезодолихоцефальными монголоидными типами Юго-Восточной и Восточной Азии он обнаруживает вполне реальное сходство, особенно если иметь в виду не современные, а древние популяции. Совершенно не обосновано мнение немецкого антрополога Э. Эйкштедта о принадлежности тампонгского человека к веддоидам [Eickstedt, 1944, 313—314]. Ни крупные абсолютные размеры черепа, ни высокое и сравнительно широкое лицо, ни округлые глазницы ни в какой степени не оправдывают отнесение этой находки к веддоидам. Такой вывод не противоречит, конечно, приведенным выше данным о наличии у тампонгца известных австралоидных черт, независимо от того, обусловлены ли они сохранением древних переходных форм или же ранней межрасовой метисацией.

Для палеоантропологии Южного Китая большой интерес представляют также данные о двух черепах, найденных в местонахождении Куиньван в провинции Нгеан (СРВ) в кухонных кучах (къёккенмёдинггах), относящихся к периоду, переходному от мезолита к раннему неолиту (см. табл. 3). Из этих черепов, описанных вьетнамскими археологами Нгуен Зуем и Нгуен Куанг Куеном, один принадлежал взрослой женщине в возрасте около 30 лет, а другой — молодому мужчине. Оба черепа относятся к одному расовому типу; их мозговая коробка характеризуется большой вместимостью (1500—1600 куб. см), огромной длиной (192—202 мм), небольшой шириной (133 мм), гипердолохокранией (черепной указатель — 66—69), значительной ушной высотой (124—125 мм), выраженной гипсисенокранией (93—94), сравнительно крупной шириной лба (минимальный фронтальный диаметр — 100—101 мм). Черепа довольно массивные с покатым лбом и умеренно развитым надбровьем. Лицевой скелет сохранился только частично; скуловая ширина огромна (140—146 мм) и значительно превышает поперечник мозговой коробки; о вертикальных размерах лица и о строении носа судить нельзя, так как орбиты, носовые и верхнечелюстные кости отсутствуют. Нижняя челюсть, принадлежащая жен-

скому черепу, массивная, с хорошо выраженным подбородком [Nguyễn Duy, Nguyễn-Quang Quyên, 351—368; Nguyễn Duy, Nguyễn-Quang Quyên, 1966, 47—57].

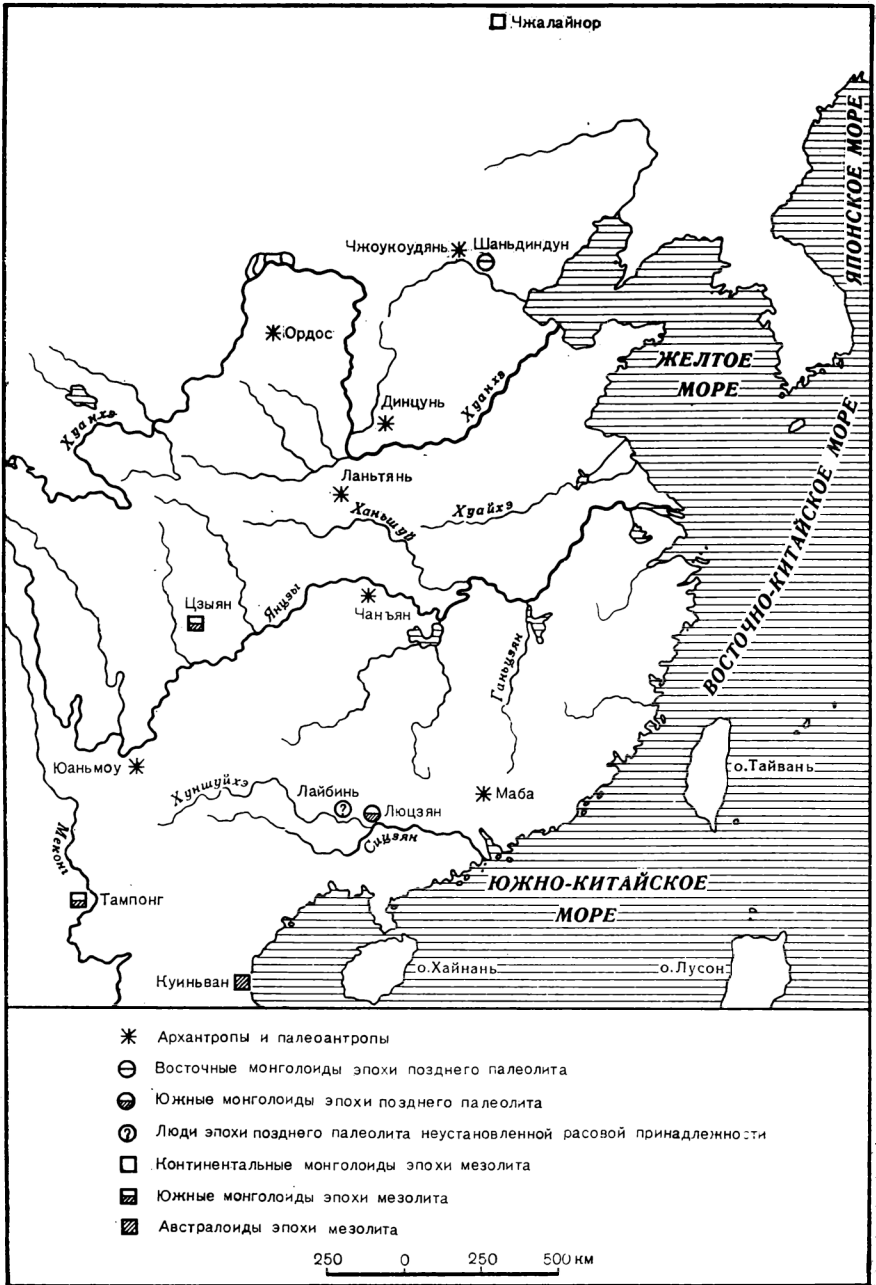
Сказать что-нибудь определенное о расовой принадлежности черепов из Куиньвана нелегко из-за плохой сохранности лицевого скелета. Описавшие их вьетнамские ученые отмечают сочетание на обоих черепках австралоидных и монголоидных особенностей (с преобладанием первых), которое сближает их с индонезийским типом в понимании Э. Жене-Варсен, рассматривающей «индонезийцев» как результат смешения австралоидов с монголоидами [Cenêt-Vaгçin]. Можно, следовательно, думать, что и в этом случае перед нами какие-то промежуточные формы, связывающие группы тихоокеанских монголоидов с австралоидами, характерные признаки которых выражены на куиньванских черепках гораздо резче, чем на находках из Люцзяна или Тампонга.

Цзыянский человек

Предположительно к рассматриваемому периоду может быть отнесен череп, найденный в 1951 г. в полукилометре к западу от г. Цзыяна (15) в Сычуани при реконструкции железнодорожной линии Чэнду — Чунцин [Пэй Вэнь-чжун, У Жу-кан, 1—71; У Жу-кан, Чебоксаров, 13—15].

Костные остатки животных, обнаруженные вместе с цзыянским черепом, можно подразделить, по данным Пэй Вэнь-чжуна, на две группы: позднюю, синхронную с находками человека, и более раннюю (плейстоценовую), обитавшую в Сычуани гораздо раньше и попавшую в цзыянское местонахождение уже вторично в сильно минерализованном состоянии. К первой группе, имеющей для палеоантропологии Китая наибольший интерес, относятся кости и зубы мамонта, лошади, кабарги; во вторую входят остатки стегодонов, носорогов, различных оленей. В обеих группах представлены тигр, гиена, кабан, некоторые грызуны (в том числе дикобраз). Обращает на себя внимание большое количество видов, живущих или живших в прошлом в условиях открытых — парковых и степных — ландшафтов умеренного пояса. Из орудий найдено только небольшое костяное шило. По свидетельству Пэй Вэнь-чжуна, оно имеет архаичный облик и заметно отличается от более поздних неолитических форм короткой заостренной частью. Несмотря на единичность этой находки, она представляет огромный научный интерес, так как свидетельствует о знакомстве цзыянского человека с обработкой кости. Цзыянский череп долгое время считался позднепалеолитическим. Однако, по новейшим данным китайских археологов, он датируется 5,5 тыс. лет до н. э., т. е. хронологически уже относится не к палеолиту, а скорее к мезоли-

Карта 1. Расовая принадлежность ископаемых людей эпохи палеолита и мезолита на территории Восточной Азии

ту [Фаншэсин, ч. 1, 55]. Мозговая коробка этого черепа сохранилась почти полностью, но лицевые кости отсутствуют — за исключением части верхней челюсти с костным нёбом и несколькими альвеолярными отростками, в одном из которых сохранился корень второго левого премоляра. Череп из Цзыяна — небольшой, с сильно выступающими теменными буграми; первоначально его считали детским, но позднее китайские антропологи пришли к заключению, что он принадлежал женщине в возрасте около 50 лет. В пользу такого предположения свидетельствуют тонкость костей, умеренное развитие рельефа, в частности, глабеллярной и надглазничных областей, четкость лобных бугров, глубокие отпечатки мозговых извилин на внутренней поверхности черепа, а также следы застарелой многолетней болезни зубов (поражение зубных каналов). По общему облику цзыянский череп относится, несомненно, к современному виду человека, хотя и обнаруживает значительное развитие надбровных дуг, заметную выраженность сагиттального возвышения и некоторые другие особенности, частые у палеоантропов.

Почти полное отсутствие лицевых костей затрудняет суждение о расовой принадлежности цзыянского черепа. Высказанная устно мысль чунцинского антрополога Фэн Хань-цзи о пигмеоидности этой находки не может считаться обоснованной. Большого внимания заслуживают данные о сходстве человека из Цзыяна с люцзянским и шаньдиндунским черепами, которые рассматриваются У Жу-каном в качестве ранних представителей монголоидных рас. Сближающими чертами являются здесь такие признаки, характерные для цзыянского черепа, как значительное развитие предносовых ямок (при отсутствии клыковых), несколько повышенное переносье (при общей широконости), крышеобразная форма черепного свода (особенно характерная для эскимосов), уплощенность теменных костей по обе стороны сагиттального шва. Все эти черты, особенно в сочетании с общим грацильным обликом, сближают цзыянского человека с южными формами тихоокеанских монголоидов, которые, в свою очередь, занимают переходное положение между континентальными монголоидами и австралоидами (см. табл. 3).

Наибольшая длина цзыянского черепа — 169,3 мм, наибольшая ширина — 131,1 мм, черепной указатель — 77,4 (мезокrania). Ушная высота — 110 мм, ее отношение к ширине — 84%. Череп, таким образом, небольшой по абсолютным размерам, умеренно удлинённый, очень узкий, относительно более низкий, чем у большинства современных людей. Черепной свод цзыянской женщины следует признать, однако, довольно высоким, лоб слабо покатым. По мнению У Жу-кана, цзыянский человек является более ранней формой, чем люди из Шаньдиндуна или западноевропейские кроманьонцы [Пэй Вэнь-чжун, У Жу-кан, 30—49, 70—71]. Однако В. П. Якимов в рецензии на моногра-

фию о цзянском человеке считает вывод У Жу-кана дискуссионным и указывает на ошибки, вкравшиеся в определение некоторых углов и индексов. Тем не менее «вне зависимости от той или иной трактовки эволюционного положения цзянского человека в системе древних гоминид эта находка представляет очень большой интерес, так как является первой на территории Южного Китая» [Якимов, 1959, 142].

Таким образом, новейшие палеоантропологические материалы, несмотря на их фрагментарность, дают возможность констатировать на территории Китая и соседних стран в самом конце палеолита и в мезолите наличие всех основных расовых компонентов населения Восточной Азии позднейших исторических периодов (карта 1): континентальных монголоидов (Чжаланьнор), восточных монголоидов (Шаньдиндун), южных монголоидов (Тампонг) и австралоидов (Куиньван). В этом ряду в северо-южном направлении наблюдается постепенное ослабление монголоидных и нарастание австралоидных особенностей, которое сохраняется здесь и во все последующие исторические периоды вплоть до наших дней [Чебоксаров, 1947, 30—70; его же, 1947а, 24—83; его же, 1965, 37—59; Чебоксаров, 1966, 1—15]. К мезолиту восходит, вероятно, и начало формирования крупнейших групп этносов Юго-Восточной Азии.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ И АРЕАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЯЗЫКОВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Язык является одним из исключительно стабильных элементов культуры, хранящим слова и формы на протяжении многих столетий, а иногда и тысячелетий. Поэтому сравнительно-историческое и типологическое изучение современных и древних языков, сохранившихся в письменных памятниках, позволяет реконструировать их нигде не засвидетельствованные состояния и судить об их древнейших контактах. Родственные связи и следы лингвистических контактов современных и древних языков позволяют реконструировать не только исторические состояния языков, но также и лингвистические ситуации отдельных ареалов в различные исторические периоды. Это очень важно для изучения этнической истории, потому что лингвистическая ситуация представляет собой важный источник сведений о расселении народов этого ареала и их группировке по лингвистическим признакам.

Языки народов Восточной Азии содержат много лингвистического материала, который свидетельствует об их связях как внутри этого ареала, так и вне его. Генетические связи между языками присутствуют в тех случаях, когда они происходят от единого языка-предка, ареальные же возникают при достаточно длительных контактах народов, говорящих на этих языках в едином ареале, образующем область устойчивого общения.

Лингвистические следствия таких контактов состоят в том, что во взаимодействующих языках появляются заимствованные элементы. Чаще всего они представляют собой слова, заимствуемые одновременно с предметами и понятиями культуры. Тесные контакты, связанные с многоязычием, приводят к более интенсивному взаимодействию, в результате чего общие черты могут формироваться и в неродственных языках.

Внутри ареалов, где происходят культурные и этнические контакты народов, говорящих на различных родственных и неродственных языках, лингвистическая ситуация характеризуется двумя противоположно направленными, но действующими одновременно лингвистическими процессами. Дивергенция родственных языков увеличивает число языков и усиливает различия между ними. Конвергенция, действующая в области устойчивого общения, сокращает число языков, насыщает их общей лексикой и выравнивает их типологические характеристики. Все существующие в настоящее время языки Восточной Азии развивались под влиянием этих двух противоположно направленных лингвистических процессов.

Территориальное распределение языков и их контакты в различные исторические периоды позволяют выяснить направление и характер лингвистических процессов, протекавших в Восточной Азии. И это важно, потому что в основе дивергенции и конвергенции языков лежат факты этнической истории указанного ареала.

Лингвистическая ситуация в северной части Восточной Азии

Северная часть Восточной Азии отчетливо делится на два лингвистических ареала. Северо-восточную приполярную часть Евразийского материка населяют народы, говорящие на палеоазиатских языках чукотско-камчатской, эскимосско-алеутской и юкагирско-чуманской групп, не состоящих в родстве между собой. В нижнем течении Енисея живут кеты, говорящие на кетском языке, входящем в реконструируемую в настоящее время енисейскую семью языков [Дульзон, 1968б, 177]. К числу палеоазиатских относится также нивхский язык, на котором говорят нивхи в нижнем течении Амура и на Сахалине. Его генетические связи до сих пор не установлены [Языки..., 233—234].

Лежащая южнее центральная часть Восточной Азии населена народами, говорящими на языках алтайской и уральской семей языков, в свою очередь принадлежащих большой урало-алтайской семье. Особое место занимают самодийские языки, по поводу которых иногда считают, что их генетические связи с уральскими языками доказаны недостаточно.

Географическое распределение языков урало-алтайской семьи весьма примечательно. С севера ареал их распространения ограничен побережьем Ледовитого океана, а его южная граница проходит по пустынным областям Центральной Азии. На западе народы, говорящие на языках этой семьи, населяют Анатолию, компактными массами занимают значительные территории в бассейне Волги, составляют основное население Финляндии и Венгрии. На востоке народы, говорящие на язы-

ках этой семьи, распространены вплоть до побережья Тихого океана.

Современные сравнительно-исторические исследования языков Восточной Азии привели к достаточно достоверному установлению родства уральских и алтайских языков. В последние десятилетия активно развивается новая теория, утверждающая отдаленное родство индоевропейских, семито-хамитских, урало-алтайских, картвельских языков. Эта группа языковых семей получила название ностратической. Существование генетических связей между этими семьями признается не всеми. И тем не менее в исследованиях по ностратическому языкознанию родство этих языков формулируется в виде фонетических законов, связывающих родственные формы, и показана достаточно определенная генеалогическая структура ностратических языков [Иллич-Свитыч, 38—45].

Типология языков южной части Восточной Азии

Южная часть Восточной Азии населена народами, языки которых являются значительно более трудным объектом сравнительно-исторического исследования, чем языки ее северной части. Эти трудности порождены их весьма примечательными типологическими особенностями.

Все языки указанного ареала обладают ярко выраженной слогоморфемной структурой, т. е. их морфемы или минимальные значимые единицы по своим размерам обычно бывают равными слогу. В свою очередь, эти слоги характеризуются весьма жесткой структурой. В одних случаях она бывает довольно сложной, т. е. содержит стечения согласных в начале и в конце слога, в других — довольно простой и тогда состоит из слогов типа CV или CVC¹.

В большинстве этих языков слоги произносятся под особым музыкальным тоном, регистр которого зависит от свойств начального согласного: слоги с глухими начальными согласными реализуются в высоком регистре, слоги со звонкими начальными согласными — в низком. Долгое время считалось, что тоны тайских языков реализуются в трех регистрах — высоком, среднем, низком, однако исследование последних лет свидетельствуют о том, что и в этих языках в действительности реально различаются только два регистра — высокий и низкий [Ли Фан-гуй, 1962, 31—36]. Таким образом, упомянутое правило исключений не имеет.

Во всех языках южной части Восточной Азии отношения между словами в предложении выражаются с помощью порядка слов и служебных морфем, которые по большей части сохра-

---

¹ С — согласный, V — гласный звук.

няют свои знаменательные функции. Языки южной части Восточной Азии, обладающие столь важными общими структурными характеристиками, рассматриваются в современном языкознании как представители языкового типа, который С. Е. Яхонтов предлагает называть «синитическим» [Яхонтов, 1971б, 268].

Правила порядка слов в языках южной части Восточной Азии были использованы в первой типологической классификации языков этого ареала, предложенной Т. Делякупри. Основанием для его классификации языков было место определения по отношению к определяемому и место дополнения по отношению к глаголу. В результате все языки Восточной Азии были разделены на два основных типа: северный, где определение стоит перед определяемым, а дополнение — перед глаголом, и южный, где определение стоит после определяемого, а объект — после глагола [Delacourgie, 14—17]. Принципы, предложенные Т. Делякупри, оказали значительное влияние на последующие классификации языков южной части Восточной Азии.

Классификация языков В. Шмидта, считающаяся генеалогической, в действительности основывается на многих типологических критериях, среди которых порядок слов в предложении занимает видное место. В. Шмидт выделял в ареале Восточной Азии китайско-тибетские языки, к которым он причислял также и енисейские, считая их крайними северными языками этой группы, тайские языки, аустроазиатские и аустронезийские. Языки последней группы распространены прежде всего на островах Южных морей, и лишь незначительная их часть встречается на юго-востоке Азиатского континента.

Помимо рассмотренных выше синхронных типологических классификаций существует также одна диахроническая, предложенная С. Е. Яхонтовым в 1971 г. Сушность этой классификации состоит в следующем. С. Е. Яхонтов исходит из того, что развитие всех изолирующих слоговых языков Восточной Азии идет в одном и том же направлении. В зависимости от того, как далеко зашли в отдельных языках процессы эволюции грамматической структуры, языки этого ареала могут быть разделены на три эволюционных типа: архаичные, средние и поздние [Яхонтов, 1971, 269]. Примерами архаичных языков он считает кхмерский, классический тибетский, древнекитайский I тысячелетия до н. э. Примерами языков среднего типа являются тайские, вьетнамский, яо. Примерами поздних языков являются современный китайский, мяо, ицзу, бирманский [там же, 269—275].

В 60-е годы С. Е. Яхонтов провел лексико-статистическое исследование языков юга Восточной Азии. Лексико-статистический метод был создан для оценки времени разделения родственных языков на основании числа общих слов в списке М. Сводеша, названном именем создателя этого метода, кото-

рый содержит основные, обычно незаимствуемые слова языка. Существуют два основных списка слов — большой, состоящий из двухсот, и малый, состоящий из ста слов. Списками пользуются в зависимости от количества наличного лингвистического материала и от того, какая точность оценки времени разделения языков интересует исследователя. Несмотря на то что лексико-статистический метод был предложен для исследования заведомо родственных языков, им фактически пользуются также и для оценки количества общей лексики в языках, родство которых не доказано.

Лексико-статистическое исследование основных языков юга Восточной Азии приводит к утверждению существования следующих групп языков, обладающих устойчивыми лексическими связями в пределах списка М. Сводеша: китайско-тибетская, тайская, аустроазиатская, аустронезийская.

По С. Е. Яхонтову, группа китайско-тибетских языков делится на две ветви: тибето-бирманскую и китайскую. Центром группировки тибето-бирманских языков он считает языки ицзу, вокруг которых группируются все остальные: бирманский, наси, тангутский, отстоящие друг от друга дальше, чем каждый из них от языков ицзу [Яхонтов, 1964, 3]. Китайский язык представляет собой самостоятельную группу китайско-тибетских языков и, в свою очередь, делится на значительное число весьма удаленных друг от друга диалектов, которые, точно так же как и родственные языки, могут быть предметом лексико-статистического анализа [там же, 5].

По подсчетам С. Е. Яхонтова, уже в IV тысячелетии до н. э. сино-тибетские языки были распространены от Непала и Ассамы на юге до верхнего течения Хуанхэ на севере. К этому же времени относится обособление китайского языка. Столь раннее обособление китайского языка является причиной сравнительно слабых лексических связей с другими языками китайско-тибетской семьи [там же, 6].

Тайские языки образуют компактную группу с очевидными генетическими связями. Лексико-статистическое исследование сиамского языка Таиланда, языков юньнаньских тай и языка нунг показало их близкое родство. По подсчетам С. Е. Яхонтова, начало распада общекитайского языка относится к IV—VI вв. [там же, 7]. Широко распространено мнение, что тайские языки состоят в генетическом родстве с китайским. Лексико-статистический анализ материалов китайского и тайского языков не подтверждает этот взгляд. В обоих языках встречается значительное количество общей лексики, однако в пределах списка Сводеша совпадения незначительны. Отсюда С. Е. Яхонтов делает вывод, что общая лексика в этих языках представляет собой результат более или менее поздних заимствований. Исследование лексики тайского языка ли на Хайнане, который лишь сравнительно недавно вступил в контакты

с китайским языком, показывает, что он почти не содержит слов китайского происхождения [там же, 86].

Группа аустроазиатских языков включает языки мон-кхмер, мунда, вьетнамский и языки мяо-яо. При этом вьетнамский язык обнаруживает значительное, а языки мяо-яо — несколько меньшее лексическое сходство с языками мон-кхмер. Сами по себе языки мяо и яо представляют собой достаточно компактную группу с очевидными генетическими связями [там же, 10].

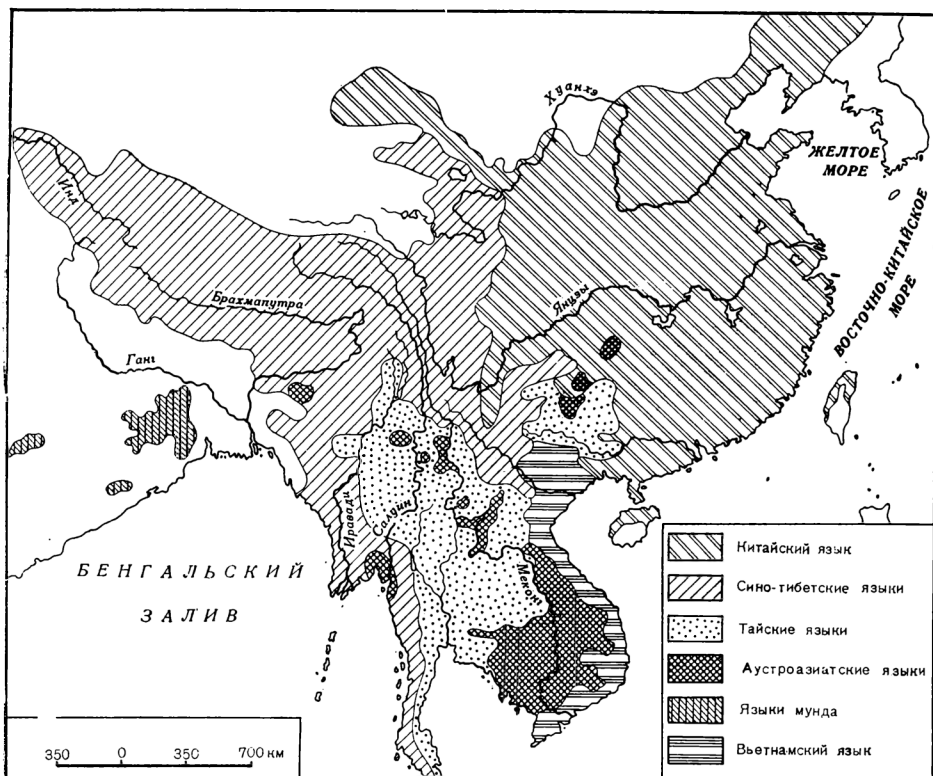
Лексико-статистическое исследование более широкого круга языков южной части Восточной Азии с привлечением также индонезийского указывает на существование очень древних лексических связей между мон-кхмерскими, тайскими, индонезийскими языками. Эти группы составляют ветви аустроазиатской, или, как ее называет С. Е. Яхонтов, аустрической, семьи языков [там же, 9].

Таким образом, лексико-статистический анализ языков юга Восточной Азии приводит к заключению, что все языки этого ареала и части островного мира, примыкающего к нему, принадлежат двум основным группам языков: китайско-тибетской и аустроазиатской. Деление каждой из этих языковых групп началось очень давно. Все существующие в настоящее время языковые группы этого ареала представляют собой результат деления и взаимных контактов этих основных групп (карта 2).

Генеалогия языков южной части Восточной Азии

Сравнительно-исторические исследования языков юга Восточной Азии начались в конце 50-х годов XIX в. с попыток установить генетические связи китайского языка, однако лишь к концу прошлого века был накоплен достаточный лингвистический материал, который позволил судить о генетических связях между многими языками этого ареала. «Сейчас в основном решено, что так называемые индокитайские языки, т. е. тибетский, бирманский, сиамский и китайский, вместе с многочисленными мелкими языками и диалектами этой области составляют лингвистическое единство», — писал А. Конради в 1896 г. [Conrady, VII]. Это единство демонстрировалось наличием такого значительного числа общих слов в языках, территориально крайне удаленных, что не могло быть и речи о заимствовании. Внутри этого лингвистического единства А. Конради различал западную (тибето-бирманскую) и восточную (сиамско-китайскую) группы индокитайских языков, при выделении которых ему все же «приходилось обращаться за помощью к синтаксическим соответствиям» [там же, VIII].

Несмотря на значительное количество общей лексики в языках «индокитайской семьи» А. Конради, фонетические законо-

Карта 2. Языковые семьи Восточной Азии

мерности внутри ее установить не удалось. Однако его внимание привлекло то обстоятельство, что стечения согласных в тибетском письменном языке соответствуют в других языках простые согласные. Отсюда был сделан закономерный вывод: простые согласные произошли из этих стечений, а эти стечения, в свою очередь, восходят к исконным префиксальным формам [там же, IX]. Так родилась идея префиксальной морфологии в наиболее древнем состоянии индокитайских языков, которая разрабатывалась на протяжении многих лет.

При том уровне изучения индокитайских языков, на котором оно находилось в конце прошлого века, А. Конради полагал невозможным надежное сравнение их лексики. Поэтому первоочередной задачей сравнительно-исторического изучения языков этой семьи он считал реконструкцию индокитайской морфологии. «Фонетические законы, — писал он, — могут быть установлены не ранее, чем будет установлено, где могут находиться префиксы» [там же, XIV].

А. Конради установил, что образование каузативов и тональные различия между каузативными и некаузативными глаголами в индокитайских языках восходят к более старой форме каузатива, при которой переходная форма глагола производится из непереходной при помощи префикса. Он установил далее, что вообще все индокитайские слова с исконным глухим начальным согласным или все слова высокого тона представляют собой старые перфектные формы со звонким начальным согласным и префиксом [там же, 203].

В конце 20-х годов С. Вольфенден опубликовал важное исследование по морфологии глагола в тибето-бирманских языках, которое было проведено в соответствии с основными идеями А. Конради. Целью его исследования была реконструкция первоначального состояния морфологии тибето-бирманского глагола. На основании данных большого числа тибето-бирманских языков С. Вольфенден предложил реконструкцию морфологической модели тибето-бирманского глагола, которая состояла из субъектного префикса, направительного инфикса, корня, наречного инфикса, временного суффикса [Wolfenden, 2].

Понимание связи между корнем и префиксом у С. Вольфендена было прямо противоположным тому, как ее понимал А. Конради. По мнению С. Вольфендена, префиксы и инфиксы тибето-бирманского глагола не обладали значениями грамматических элементов, переводящих нейтральную глагольную морфему в транзитивную, каузативную или иную форму или же слово с предметным значением — в глагол. Наоборот, считал он, глагольный корень своим значением превращал абстрактные грамматические элементы, обозначающие направление движения, в показатели транзитива или каузатива [там же, 5].

Придя к такой сложной модели тибето-бирманского глагола, С. Вольфенден понял, что аналогичные результаты вряд ли могут быть получены в сямско-китайских языках. Однако он надеялся, что со временем и там будут найдены более осязаемые свидетельства существования глагольной морфологии тибето-бирманского типа. Полное отсутствие префиксов в современных языках сямско-китайской семьи и невозможность продвинуться в реконструкциях далее стечений начальных согласных, с его точки зрения, не означало, что здесь иногда не было ничего, кроме этих стечений согласных. Наоборот, утверждал он, это указывает на возможность существования в предшествующие эпохи свободно изменявшихся и легко отделявшихся элементов, следы наличия которых широко представлены в родственной тибето-бирманской семье [там же, 6].

Первое исследование исторической морфологии тайских языков было завершено в начале 30-х годов. Материалом для исследования послужили стечения начальных согласных, реконструированные в древнекитайском языке и сохранившиеся в ряде тайских языков. Из всех имеющихся типов стечения соглас-

ных К. Вульф выбрал наиболее часто встречающийся — со вторым элементом -l- и -г-. Его понимание морфологической природы этого согласного также весьма далеко отстояло от идей индокитайской морфологии, высказанных А. Конради. К. Вульф считал первичными формы с простыми согласными в начале слова и производными — те, которые начинались со стечения согласных. Согласные -l- и -г-, которые регулярно выступают в качестве вторых элементов этих стечений начальных согласных, он рассматривал как формальные элементы. «Следовательно, — развивал он свою мысль, — сиамский язык имел словообразовательный механизм, использующий инфиксы вместо префиксов и суффиксов. В языках встречаются и другие инфиксы помимо -l- и -г-, но только эти два встречаются настолько часто, что они, несомненно, могут считаться исконными, индокитайскими по своему происхождению» [Wulff, 1934, 17].

Сознавая, что такое понимание морфологии сиамско-китайских языков мало согласуется с результатами, полученными при исследовании тибето-бирманской морфологии, К. Вульф писал: «Решение вопроса, имеются ли в этих (тибето-бирманских. — М. С.) языках настоящие инфиксы, подобные сиамским, — а в целом, кажется, что они существуют, — я оставляю другим исследователям, которые займутся запуганным слово- и корнеобразованием тибето-бирманских языков» [там же, сноска].

Таким образом, исследования по исторической морфологии языков предложенной А. Конради индокитайской семьи показали весьма малое сходство морфологии тибето-бирманских и сиамско-китайских семей языков в тех исторических состояниях, которые доступны для современных реконструкций. Различий между языками этих семей в области морфологии обнаружено намного больше, чем сходства. Интересно, что и внешние аналогии, к которым прибегали исследователи исторической морфологии, были совершенно различными. Для иллюстрации своей модели морфологии тибето-бирманского глагола С. Вольфенден прибегал к языкам американских индейцев, между тем как К. Вульф — к малайско-полинезийским и аустроазиатским языкам [Wolfenden, 7; Wulff, 17].

Р. Шейфер назвал эту семью языков «сино-тибетская», но при этом оставил ее в прежнем составе. «Говорящие на сино-тибетских языках, — писал он, — занимают ареал, простирающийся от Великой стены до Малаккского полуострова и от Кашмира до Желтого моря. Сино-тибетские языки делятся на шесть главных подразделений: китайские, тайские, тибетские, бирманские, языки бодо и языки карен» [Shafer, 1]. Как и предшествующие исследователи этих языков, он уделял большое внимание проблеме тибето-бирманских префиксов. Р. Шейфер предложил различать первообразные префиксы, унаследованные от древнейшего сино-тибетского состояния, и вторичные

префиксы, образовавшиеся в результате сжатия первых слогов в многосложных словах тибето-бирманских языков. Логическим результатом теории сжатия явилось предположение, что и первообразные префиксы в древнейшее время также были вокализованы [там же, 1, 20—22].

В сравнительно-историческом исследовании сино-тибетских языков, предпринятом П. Бенедиктом, тайские языки исключены из этой семьи, как не имеющие с нею генетических связей. В его труде дается следующая оценка попыток найти родственные связи сино-тибетских языков: «Автор попытался показать, что тайский язык более родствен индонезийскому, чем китайскому, и что традиционный взгляд на тайско-китайские родственные связи должен быть оставлен. Ряд исследователей, включая Доннера, Ливи, Боуду и Финдейзена, попытались соединить остяко-енисейский (кетский) язык с сино-тибетским, и этот взгляд встретил некоторое одобрение (Шмидт, Тромбетти), но все же критическое исследование фактов четко указывает на то, что эти две группы языков не имеют ничего общего. Отдельные попытки соединить сино-тибетские языки с кавказскими (Ходжсон, Боуда), мон-кхмерскими (Конради) или другими семьями языков были также безуспешными» [Benedict, 2—3].

Таковы современные представления о генетических связях языков юга Восточной Азии. Сравнительно-исторические исследования языков этого ареала не привели к формулированию фонетических законов, которые служат надежными основаниями для выделения семей родственных языков. Лексико-статистические исследования тем более не доказали их генетических связей, хотя помогли составить представление о количестве общих или похожих слов в основной лексике различных языков юга Восточной Азии. И этих слов оказалось немало. Пока не будут сформулированы фонетические законы, связывающие родственные элементы языков этого ареала, предпочтительней считать, что языки юга Восточной Азии принадлежат двум основным семьям — сино-тибетской и аустротаийской.

Примечательно, что схема генетических связей между языками этого ареала эволюционировала от такого представления об индокитайской семье, которое включало практически все известные языки этого ареала, до современного взгляда — что в этом ареале существовало по меньшей мере два центра формирования языковых семей.

Современное распределение языков юга Восточной Азии

Языки сино-тибетской семьи занимают первое место в этом ареале как по размерам территории их распространения, так и по числу говорящих на них. Все генеалогические классификации сино-тибетских языков согласуются в делении этих языков

на две основные ветви: западную, представленную тибетским, и восточную, представленную китайским языком. Однако, по представлениям разных авторов, структура западной ветви оказывается различной.

Согласно классификации П. Бенедикта, сино-тибетские языки делятся на две ветви: тибето-каренские языки, с одной стороны, китайский язык — с другой. В состав первой ветви входят большие и малые языки, на которых говорят от Северного Тибета до Южной Бирмы и Ассама.

Тибето-каренская ветвь, в свою очередь, делится на тибето-бирманские и каренские языки. Многочисленные тибето-бирманские языки, из которых описано свыше ста, составляют, по мнению П. Бенедикта, центр тяжести всей сино-тибетской семьи языков.

Он считает, что именно эти языки могут дать представление о состоянии сино-тибетских языков, в котором они находились до активного смешения с аустротаийскими. Особенность тибето-бирманской семьи состоит в том, что в ней легко выделяются семьи близкородственных языков, генетические связи которых демонстрируются без особых затруднений. Однако установление родства между этими семьями бывает связано с определенными трудностями [там же, 4].

Тибето-бирманские языки делятся на семь заведомо родственных групп: 1) тибето-гималайскую группу, включающую многочисленные диалекты тибетского языка в самом Тибете, в Кашмире, Бутане, Непале, Западном Китае, язык канаури в Непале, а также гималайские языки Непала, Бутана и Северной Индии — джарунг, ронг (лепча), гурунг; 2) языки бахингвайю в Центральном и Восточном Непале; 3) языки абор, мири, дафла в Северо-Восточном Ассаме и в прилегающих районах Тибета; 4) языки качин в Северной Бирме и в провинции Юньнань, КНР; 5) лоло-бирманские языки, состоящие из собственно бирманского языка и многочисленных родственных языков на территории Бирмы, Таиланда, Вьетнама, Китая, а также языков лоло, которые в современной китайской лингвистической литературе носят название «ицзу». Языки ицзу распространены в значительном ареале, охватывающем Западную Сычуань, Юньнань (КНР) и Северную Бирму; 6) языки бодогаро в Центральном Ассаме; 7) языки куки-нага в Ассаме и Нагаленде.

Каренская группа сино-тибетских языков содержит свыше десяти языков, большинство которых делится далее на диалекты. На этих языках и диалектах говорят в штате Карен, расположенном в Центральной и Южной Бирме.

Тайские языки также образуют значительную семью как по территории распространения, так и по числу говорящих на них. На тайских языках говорят народы Таиланда, Лаоса, Вьетнама, Бирмы, Южного Китая.

Тайские языки делятся на три большие ветви: северную, куда входят языки пуйй (буи) в Гуйчжоу, чжуан в Гуанси, диой с многочисленными диалектами в Юго-Западном Китае, Таиланде и Лаосе. Центральная ветвь, или языки нунг-тхо, включает следующие языки, на которых говорят по обе стороны китайско-вьетнамской границы: язык нунг, на котором говорят в Северном Вьетнаме и тайские народы в уезде Лунчжоу (КНР; под тем же названием известен тибето-бирманский язык в Северной Бирме и провинции Юньнань, КНР), и язык тхай (прежнее название «тхо»), на котором говорят тайские народы, живущие в Северном Вьетнаме и Южном Китае. К центральной ветви причисляется также язык белых тай Северного Вьетнама и двух уездов Южного Китая. Юго-западная ветвь, или языки тай-шан, включает следующие языки, на которых говорят в Таиланде, Лаосе, Вьетнаме, Бирме, Ассаме: собственно язык тай, или сиамский, с несколькими диалектами, который дал название всей семье в целом, язык лы в округе Сишуанбанна провинции Юньнань, в Лаосе и на севере СРВ, язык белых тай Северо-Западного Вьетнама, язык лао с несколькими диалектами, на котором говорят в Лаосе, язык черных тай в Северном Вьетнаме на границе с Лаосом, языки и диалекты шан, на которых говорят народы в Северной Бирме и Юньнани, язык кхамти с несколькими диалектами, на котором говорят в Бирме и Ассаме.

Особое место в классификации тайских языков занимает группа кадай, состоящая из языка ли на Хайнана и нескольких языков небольших народов Северного Вьетнама и Южного Китая. С. Е. Яхонтов, проведший лексико-статистическое исследование языков этой группы, считает, что единой группы кадай не существует. Она представляет собой объединение тайских языков, состоящих в отдаленном родстве [Яхонтов, 1964, 7].

Группа кам-суй состоит из четырех языков небольших народов: кам (китайское название «дун»), суй (китайское название «шуй»), мак (китайское название «мо»), тхен (китайское название «янхуан»). На языке кам говорят в шести уездах, на языке суй — в четырех, на языке мак — в нескольких деревнях уезда Либо, на языке тхен — в нескольких деревнях уезда Хуйшуй (Любная и юго-восточная часть провинции Гуйчжоу, КНР) [Li Fang-kuei; 148].

Семья аустроазиатских языков состоит из многочисленных языков мунда в Индии, языков семанг на Малаккском полуострове, языков юмбри в Таиланде, языков мон-кхмер, распространенных по всей Юго-Восточной Азии.

Семья языков мон-кхмер делится на четыре основные ветви. Юго-восточная ветвь: язык мон в Нижней Бирме и Таиланде, язык кхмер Кампучии и ряд других кхмерских языков в самой Кампучии и прилегающих районах Таиланда, Вьетнама, Лаоса — тьэма, банар, мнонг, седанг, джру, куой, суой и др. Севе-

ро-восточная ветвь: палаунг в Бирме и Юньнани, рианг в Северной Бирме, кава, ва в Юньнани, кхму в Лаосе и Таиланде, ламет в Лаосе, пхэнг и пуок во Вьетнаме, фугенг в Лаосе и Таиланде. Северная ветвь: язык кхаси в горах Кхаси и Джайнтья в Ассаме. Юго-западная ветвь: никобарский язык на Никобарских островах в Индийском океане [Горгониев, 1966, 3—4].

Существует несколько гипотез относительно генетических связей вьетнамского языка с китайским, тайскими, аустронезийскими. Лексическая статистика, проведенная С. Е. Яхонтовым, показывает, что наиболее убедительной представляется теория мон-кхмерских связей вьетнамского языка [Яхонтов, 1964, 8]. Применение другого метода определения генетических связей вьетнамского языка подтверждает данные лексической статистики. В настоящее время можно с большей уверенностью утверждать, что вьетнамский язык входит в мон-кхмерскую, а не в тайскую семью [Яхонтов, 1973, 308].

Языки мяо-яо распространены в горных районах провинций Хунань, Гуйчжоу, Сычуань, Юньнань, а также во Вьетнаме и Таиланде. Эти языки делятся на значительное число диалектов, достаточно близких между собой. Родство языков мяо и яо в настоящее время показано вполне убедительно. Несколько более сложной является проблема их генетических связей с другими языками юга Восточной Азии. Существует несколько мнений, основанных на наиболее общих признаках этих языков. В частности, лексико-статистический анализ С. Е. Яхонтова указывает на их связи с языками мон-кхмер аустроазиатской семьи [Яхонтов, 1964, 9—10].

Говоря о территориальном распределении языков юга Восточной Азии, удобно пользоваться трехчленным делением на сино-тибетские, тайские и аустроазиатские, помня при этом, что по современным представлениям тайские и аустроазиатские связаны между собой отдаленным родством. Территориальное распределение языков, принадлежащих этим трем основным семьям юга Восточной Азии, весьма примечательно. Сино-тибетские языки занимают горные районы Центральной Азии — Тибет, Гималаи, а также часть горных районов Индокитайского полуострова. В Тибете они занимают весь ареал полностью, между тем как в Гималаях и Юго-Восточной Азии встречаются череполосно с другими языками — преимущественно с тайскими и аустроазиатскими.

Народы, говорящие на сино-тибетских языках, чаще бывают жителями гор, говорящие на тайских языках — жителями долин, а народы, говорящие на аустроазиатских языках, могут обитать как в горах, так и в долинах. Это правило выражает лишь общую тенденцию распределения языков указанного ареала, поэтому из него имеется достаточно много исключений. Самым значительным из них является население китайцев, бир-

манцев и каренов, говорящих на сино-тибетских языках, но обитающих на равнинах. Языки горных народов, говорящих на сино-тибетских языках, имеют меньше следов лингвистических контактов с народами, говорящими на тайских и аустроазиатских языках, между тем как в китайском, бирманском и каренском налицо следы давних активных контактов с этими языками.

В настоящее время на юге Восточной Азии явно выделяются три связанные лингвистические области: тибето-бирманская, китайская, тайская. Из них тибетская и китайская полностью входят в систему политических и административных границ этого ареала, между тем как тайская разделена несколькими политическими границами, проведенными в последние столетия. Аустроазиатские языки не образуют значительных по величине связанных областей. Для них более характерно чересполосное распределение с языками других семей.

Для всего ареала юга Восточной Азии характерно наличие групп близкородственных языков, сосредоточенных в определенном географическом районе, но следующая группа близкородственных языков в другом районе может быть весьма удалена от нее по генетическим связям. Такое распределение групп родственных языков свидетельствует о том, что генетически связанные языки этого ареала, вышедшие за пределы области устойчивого общения, попадали в различные условия, и это вело к значительным различиям в результатах их исторического развития.

Как уже отмечалось выше, все языки юга Восточной Азии с давних пор находились в активных контактах, однако с точки зрения этнолингвистики ни один из них не относится к числу ностратических, хотя отдельные слова, занесенные из них, можно найти в китайском и других сино-тибетских языках. Это означает, что к моменту формирования современных семей языков в Восточной Азии граница между северной и южной лингвистическими областями, проходившая через пустыни Центральной Азии, уже существовала.

Истоки современной лингвистической ситуации

Чтобы представить себе общие черты лингвистической ситуации в наиболее древние времена, следует начать с основных типологических черт несинитических языков Восточной Азии аналогично тому, как это сделал С. Е. Яхонтов по отношению к синитическим. По современным представлениям о языках Восточной Азии наиболее архаические формы сохранились в так называемых палеоазиатских языках. Историческая типология несинитических языков этого ареала еще не разработана настолько, чтобы рассматривать проблему типологических характеристик языков среднего периода. Поэтому в настоящее

время возможно лишь различие языков современного и архаического типов.

В связи с этим значительный интерес представляет попытка А. П. Дульзона реконструировать лингвистическую ситуацию в Центральной Азии в ее наиболее раннем состоянии. Значительное место в своей реконструкции он отводит материалам кетского языка — единственного сохранившегося до наших дней представителя небольшой семьи енисейских языков, которая занимает особое место среди палеоазиатских языков севера Восточной Азии. Сравнительные исследования показали, что в кетской лексике содержится свыше трехсот слов, общих как для кетского, так и для китайского [Дульзон, 1968, 138]. Имеется также значительное число лексических совпадений с кавказскими языками. В грамматике кетского языка также содержатся формы, типологически близкие формам сино-тибетских и кавказских языков. «Эти совпадения, — пишет А. П. Дульзон, — позволяют говорить о наличии в Центральной Азии древней языковой общности, возможно союза, куда кроме енисейских языков входили различные другие языки, ныне расположенные далеко за ее пределами» [Дульзон, 1968а, 178].

Идея родства кетского языка с сино-тибетскими была высказана в начале нынешнего века. На основании этих ранних исследований В. Шмидт утверждал, что енисейско-остяцкие языки образуют северную группу тибето-китайской семьи [Schmidt, 132, 134]. В настоящее время очевидно, что родства между кетскими и сино-тибетскими языками быть не может, т. е. сходные слова и грамматические формы не связываются фонетическими законами. Однако таких сходных слов достаточно для того, чтобы считать вероятными древнейшие контакты енисейских и сино-тибетских языков.

А. П. Дульзон считает, что грамматические формы кетского языка вместе с типологически сходными формами в сино-тибетских и кавказских языках могут помочь при реконструкции основных признаков тех древних языков, которые предшествовали современным языкам этого ареала. Основная особенность таких языков состояла в различении классов действующего лица в зависимости от его роли в том процессе, который обозначен глаголом, координированным с этим лицом. Наиболее отчетливо выделяются пять классов лиц: одушевленное действующее, одушевленное сущее, неодушевленное, лицо — субъект действия, лицо — объект действия. Кроме того, существовали специальные грамматические формы для выражения пола одушевленных действующих лиц [Дульзон, 1968а, 178].

Исходя из такого представления о природе древнейших языков этого ареала, А. П. Дульзон предлагает толкование фонетических чередований в так называемых семьях слов древнекитайского языка. Так, например, начальный согласный t в слове $*\hat{t}i\acute{o}g$ (16) (плавить) [Karlgren, 1934, 68, 69, B278] он

возводит к классному показателю одушевленного действующего лица d-, t-, а начальный согласный s- в слове *siog (17) (плавиться, таять) [там же, В293—294] — к классному показателю одушевленного сущего лица s-. Аналогично он толкует и другие более частные случаи звуковых чередований внутри семей слов древнекитайского языка [там же, 183—188]. Примечательно, что в бирманском языке он находит значительно больше соответствий кетским грамматическим формам, чем в китайском [там же, 188—191].

Важным современным типологическим признаком, встречающимся в палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских и многих сино-тибетских языках, является субъектно-объектное спряжение глагола, которое в сино-тибетских языках со времен Б. Ходжсона называется глагольной прономинализацией [Bauman, 6—8].

Все представленные выше совпадения грамматических форм и отдельных слов свидетельствуют в пользу гипотезы А. П. Дульзона относительно древнейших контактов енисейских и сино-тибетских языков. Относительно ареала первоначального распространения народов, говорящих на енисейских языках, А. П. Дульзон говорит, что им может оказаться обширная область между верховьями Иртыша и Енисея [Дульзон, 1968а, 138], потому что здесь отмечены самые южные кетские топонимы. В других палеоазиатских языках Восточной Азии следы контактов с сино-тибетскими языками отсутствуют, поэтому естественно полагать, что древнейшие сино-тибетские языки в период своих гипотетических контактов с протоенисейскими находились на западной границе Восточной Азии. В настоящее время вряд ли можно достоверно указать область контактов сино-тибетских и енисейских языков, однако имеются основания предполагать, что древнейшие сино-тибетские языки были распространены среди народов, обитавших в ареале современного Северо-Западного Китая и областей, непосредственно прилегающих к нему с юга и севера.

Доступные в настоящее время древнейшие сведения о народах, обитавших в этом ареале, свидетельствуют о том, что сино-тибетские народы находились здесь с древнейших времен. Тангутское государство, население которого говорило на тангутском языке сино-тибетской семьи, в годы наивысшего расцвета, в конце XIII в., включало в свой состав Ордос, Алашань, Наньшань, часть плато Цинхай [Кычанов, 61]. В более ранние времена, засвидетельствованные на иньских гадательных костях, в этом ареале обитали цяны, остатки которых, живущие в Западной Сычуани, говорят на архаичном сино-тибетском языке. От языка жунов, о которых нам известно из чжоуских текстов, не осталось никаких следов, но можно полагать, что и он также был сино-тибетским, потому что этот этноним можно непосредственно соотнести с современным этнонимом «ронг», встре-

чающимся у нескольких сино-тибетских народов в Западной Сычуани и в Гималаях.

Отсутствие прямых лингвистических связей между енисейскими и другими палеоазиатскими языками Восточной Азии можно понимать как свидетельство в пользу того предположения, что в древнейшей доступной реконструкции лингвистической ситуации в Центральной Азии уже существовало несколько различных палеоазиатских языков. Формирование протоалтайских языков в этом ареале, вероятно, связано с появлением здесь новых народов, говоривших на ностратических языках. Ввиду того что источник ностратических языков явно находился на западе Евразийского континента, носителями ностратических языков были народы западного происхождения.

Реконструкция древнейшей лингвистической ситуации в южной части Восточной Азии также опирается на типологию языков и интерпретацию сведений о народах и их языках из ранних китайских источников. В типологической классификации языков С. Е. Яхонтова аустроазиатские языки относятся к числу архаичных. Аустроазиатские языки находились в числе древнейших языков юга Восточной Азии.

В настоящее время народы, говорящие на аустроазиатских языках, занимают небольшую часть Юго-Восточной Азии, однако данные, относящиеся к началу новой эры, свидетельствуют об их более широком распространении. Дж. Норман и Мэй Цзу-линь установили, что слова языка государства Юэ на юго-востоке чжоуского Китая, встречающиеся в комментариях к китайским классикам, находят этимологии в словах современных аустроазиатских языков. Они показали также, что «Цзян» — название реки Янцзы — представляет собой слово, происходящее из аустроазиатских языков. Интересно проследить путь, по которому оно пришло в китайский язык. Известно, что предки древних китайцев впервые познакомились с той частью среднего течения Янцзы, где в нее впадает Ханьшуй, поэтому Дж. Норман и Мэй Цзу-линь полагают, что народы, говорившие на аустроазиатских языках, обитали не только в нижнем, но также и в среднем течении Янцзы [Norman, Mei, 7—10]. Раскопки иньского поселения в Хуанпо около Уханя [И цзю лю саньнянь..., 49—59] свидетельствуют о том, что район устья Ханьшуй также входил в область распространения иньской культуры. Поэтому здесь могла находиться зона контактов населения бассейнов Хуанхэ и Янцзы. Эти археологические данные делают выводы Дж. Нормана и Мэй Цзу-линя еще более вероятными.

Интересны также соображения, которые высказали эти авторы относительно этимологии знаков двенадцатиричного животного цикла летосчисления. Этот цикл существует во всех странах Восточной Азии. Примечательно, что китайские знаки этого цикла, встречающиеся уже в текстах на гадательных костях,

не имеют никакого отношения к названиям соответствующих животных. Однако чтениям по меньшей мере шести из этих знаков могут быть найдены этимологии в соответствующих названиях животных в аустроазиатских языках. Если эти совпадения не случайны, они означают, что культурные и лингвистические контакты долины Хуанхэ с аустроазиатскими народами восходят ко времени, предшествующему началу I тысячелетия до н. э. [там же, 20—27].

Из китайских источников начала новой эры известно о существовании особого лингвистического ареала в приморской полосе от Восточного Шаньдуна до северного берега Янцзы. Однако в настоящее время сведения о языках этого ареала отсутствуют. Если полагать, что аустронезийские языки могли существовать на рубеже новой эры, то вполне допустимо, что там говорили на аустронезийских языках.

При реконструкции наиболее древней лингвистической ситуации на юге Восточной Азии не остается места для тайских языков, которые играют важную роль в современной лингвистической ситуации этого ареала. По своим типологическим признакам они относятся к языкам среднего эволюционного подтипа [Яхонтов, 1971а, 271]. Это означает, что они сформировались сравнительно поздно. По данным глоттохронологии, распад общетайского языка относится вообще лишь к IV—VI вв. [Яхонтов, 1964, 7]. По фонетическому облику заимствованных из китайского слов можно определить, что время наиболее ранних контактов тайских языков с китайским относится к первым пяти векам новой эры [Яхонтов, 1971б, 99].

В реконструируемой лингвистической ситуации ареалу, расположенному в бассейне Хуанхэ, отводится особое место. Оно обусловлено тем, что здесь находилась область наиболее удобная для жизни человека в древнейшие времена и потому этот ареал был местом притяжения многих народов, обитавших в Восточной Азии. К северу от него находилась область распространения палеоазиатских языков, которые к середине I тысячелетия до н. э. стали сменяться протоалтайскими, к западу — область сино-тибетских языков, к югу — область аустроазиатских языков, на востоке в узкой приморской полосе, возможно, находилась область аустронезийских языков. Население долины Хуанхэ неоднократно менялось, а языки, на которых говорило ее население, вступали в активные контакты. В этой области под влиянием описанной выше лингвистической ситуации стал складываться древнекитайский язык.

Отдельную проблему составляют лингвистические связи китайского языка с языками запада Евразийского континента. Сходство отдельных слов древнекитайского языка с индоевропейскими корнями было отмечено еще в прошлом веке [Ulving, 944]. На основании этого сходства высказывались утверждения о возможности отдаленного родства древнекитайского и

индоевропейских языков. Однако никому не удавалось доказать это родство с помощью закономерных фонетических соответствий.

После долгого перерыва, в конце 60-х годов, начался новый период поисков индоевропейских соответствий словам древнекитайского языка. В 1967 году Я. Уленброк писал, что число китайско-индоевропейских соответствий настолько велико, что наступила пора говорить о их языковом родстве. Однако в этой статье он привел лишь 57 этимологий. В 1969 и 1970 гг. Я. Уленброк выступил со статьями, где он решительно утверждал, что народы культуры крашеной керамики говорили на индоевропейских языках и пришли с запада на территорию современной провинции Ганьсу между 3000 и 2500 годами до н. э. [Ulenbrook, 1968—1969; его же, 1970, 595, 601]. В 1969 г. Т. Улвинг в целом поддержал взгляды Я. Уленброка и привел около двухсот новых этимологий [Ulving, 1968—1969, 945—951]. К мнению Я. Уленброка присоединился также Л. С. Васильев, хотя и не согласился с его исторической интерпретацией лингвистических данных [Васильев Л. С., 1976, 301—302]. Однако в целом взгляды Я. Уленброка не встретили одобрения лингвистов, работающих в области истории китайского языка.

В научном обосновании китайско-индоевропейского родства далее всех продвинулся Э. Пулиблэнк. Он отметил, что современные исследователи древнейшего состояния индоевропейских языков реконструируют такой этап их развития, когда основные морфемы в этих языках были чисто слоговыми. В этой древнейшей односложной форме они уже могут быть сравнены с древнекитайскими словами. С другой стороны, уже давно показано, что неизменность не всегда была свойством китайской морфемы — так называемые семейства слов Э. Пулиблэнк рассматривает как доказательства существования в древнекитайском языке морфологии аблаутного типа [Pulleyblank, 503—504].

Убедительные китайско-индоевропейские лексические соответствия немногочисленны, но Э. Пулиблэнк надеется, что со временем их число будет расти. В числе бесспорных соответствий он называет *k'iwəp «собака», и. е. kuon и ngiug «корова», и. е. guon. Эти два слова встречаются во многих сино-тибетских языках, что означает их принадлежность к древнейшей лексике, сохранившейся со времен сино-тибетского единства. Э. Пулиблэнк обращает также внимание на то, что слова со значением «вращать» начинаются на v-, а слова со значением «молоть» — на m- как в древнекитайском, так и в протоиндоевропейском. Однако Э. Пулиблэнк отнюдь не считает доказанным родство китайского и индоевропейских языков, хотя и думает, что оно может быть доказано в будущем.

Несмотря на усилия лингвистов, работавших над проблемой китайско-индоевропейского родства, следует признать, что оно не доказано до сих пор. Происхождение общей лексики в протоиндоевропейском и древнекитайском языках проще всего может быть объяснено через заимствование. Однако в этом случае немедленно возникает вопрос об источниках заимствования. Общая китайско-индоевропейская лексика по большей части восходит к древнейшей ностратической, которая могла попасть в китайский язык не только через индоевропейские, но и через другие ностратические языки. В настоящее время эту лексику соотносят с индоевропейской, потому что индоевропейские языки исследованы лучше других ностратических языков. В дальнейшем же, когда остальные ностратические языки будут исследованы столь же детально, как индоевропейские, появится возможность указать и другие возможные источники заимствований таких слов, как та «лошадь», и. е. *maŋ-ko-*, *miət* «мед», и. е. *medhu* и т. п. Все эти соображения подводят к заключению, что древнейшие контакты китайского языка с ностратическими не подлежат сомнению, однако лишь в будущем можно будет с уверенностью сказать, с какими именно ностратическими языками эти контакты происходили — с индоевропейскими или какими-нибудь иными.

По современным представлениям о лингвистических контактах китайского языка налицо три важные области его лингвистических связей: палеоазиатские енисейские, ностратические, аустроазиатские языки. Иначе говоря, китайский язык находился в активных контактах с языками народов, окружавших древних китайцев.

По степени распространения заимствованных слов в сино-тибетских языках можно судить об относительной древности этих заимствований. Как отметил А. П. Дульзон, общая с енисейской лексика встречается не только в китайском, но и в бирманском языках. Это значит, что енисейская лексика входила в сино-тибетскую еще в период сино-тибетского единства. Э. Пулиблэнк указывает общие с протоиндоевропейским слова *k'iwəp* «собака» и *ŋiŋg* «бык», встречающиеся также и в других сино-тибетских языках, что свидетельствует о том, что они также восходят к периоду сино-тибетского единства. Остальные ностратические заимствования встречаются только в китайском и не встречаются в других сино-тибетских языках. Это означает, что они были заимствованы в более позднее время — после разрушения сино-тибетского языкового единства.

Исследования по аустроазиатской лексике в китайском языке показали, что лексика такого рода представлена в китайском языке в достаточно большом количестве [Горгониев, 1967, 75—79]. Однако сведения о ее распространении в других сино-тибетских языках отсутствуют. Судя по фонетическому облику

аустроазиатских заимствований в китайском языке, эти слова могли попасть в китайский в конце II — начале I тысячелетия до н. э.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ЗОНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Предположение, что эпохам железа и бронзы предшествует время, когда люди изготавливали орудия из камня, впервые было высказано еще в древности — Лукрецием Каром в трактате «О природе вещей» и его современником Юань Каном. Но если европейские ученые нового времени вернулись к умозрительной догадке Лукреция и обосновали ее на фактическом материале археологических находок, то в Китае идея Юань Кана не получила признания; вплоть до первых десятилетий XX в. среди большинства китайских ученых господствовало убеждение, что их предки испокон веков были носителями культуры бронзы. Не поколебали этой уверенности и первые находки каменных орудий на территории Китая: они локализовались за пределами той области, где формировалась древнекитайская цивилизация.

Подлинное начало изучению китайского неолита было положено известным шведским геологом и археологом Ю. Андерссоном, который в 1921 г. нашел бесспорные следы неолитического человека в бассейне Хуанхэ [Andersson, 1923, 19—20].

Более чем за пять десятилетий археологическая наука обогатилась многочисленными находками культурных остатков неолитического времени, разбросанных на большой территории почти всех современных провинций Китая; наиболее хорошо изученными остаются в этом отношении северные районы страны. Сейчас здесь отчетливо вырисовываются несколько ареалов, отличающихся по облику распространенных там неолитических культур. Для того чтобы понять закономерности формирования этих ареалов, необходимо обратиться к специфике соответствующих климатических и ландшафтных зон.

Климатические условия

Для реконструкции экологической среды, в которой возникли и развивались неолитические культуры Восточной Азии, особое значение имеют полинологические исследования. Анализ ископаемой пыльцы растений стал применяться в Китае только в последние годы. Сейчас мы располагаем всего лишь несколькими результатами этой работы, но и они позволяют в общих чертах обрисовать природные условия в различных районах Северного Китая в эпоху неолита.

В 1972 г. при раскопках неолитической стоянки близ Даифацюаня (Внутренняя Монголия, Чахар) были получены

образцы почв, подвергнутые затем пылецевому анализу. Как показало исследование (табл. 5), на протяжении периода формирования двух нижних слоев произошло определенное изменение в климатических и ландшафтных условиях местности. В частности, в среднем слое отмечены такие сравнительно влаго- и теплолюбивые растения, как крестоцветные, а также дуб; напротив, обильно представленный в нижнем слое морозоустойчивый стенник резко сокращается в среднем. С другой стороны, в среднем слое по сравнению с нижним наблюдается общее сокращение лесного покрова при явном возрастании удельного веса трав, особенно полевой. В целом эти данные могут быть интерпретированы как отражающие процесс обезлесивания лесостепной полосы при известных сдвигах в сторону потепления [Чжоу Кунь-шу, Е Юн-ин, Янь Фу-хуа, 25—26].

Таблица 5
ИСКОПАЕМАЯ ПЫЛЬЦА РАСТЕНИЙ
ИЗ ДАИФАЦЮАНЯ *

Вид	Культурный слой, глубина за- легания, м		
	0—0,32	0,32—0,78	0,78—1,18
<i>Pinus</i>		3	14
<i>Quercus</i>		1	
<i>Ephedra</i>		1	21
<i>Artemisia</i>	1	105	45
<i>Chenopodiaceae</i>		30	10
<i>Cruciferae</i>		1	
<i>Composita</i>		4	2

* Чжоу Кунь-шу, Е Юн-ин, Янь Фу-хуа, 25—26.

В значительной мере иная картина предстает перед нами в результате анализа пыльцы растений, взятой из неолитического поселения близ Баньпо (Шэньси). В 1962 г. на территории этого поселения было взято 28 проб, соответствующих 7 последовательным слоям; пыльца была обнаружена в четырех из них (табл. 6).

Наиболее существенные изменения в природной среде произошли в Баньпо в период формирования четвертого (1,8—2,2 м) и третьего (0,80—1,40 м) слоев. Растительный покров окружающей местности, соответствующий этим слоям, характеризуется довольно отчетливо выраженными особенностями. В четвертом слое отмечены влаго- и теплолюбивые растения; широколиственный лес представлен березой и дубом; значительно количество ивовых; отмечен грецкий орех. В третьем

Таблица 6

ИСКОПАЕМАЯ ПЫЛЬЦА РАСТЕНИЙ ИЗ БАНЬПО *

Вид	Культурный слой, глубина залегания, м			
	0—0,50	0,50—0,80	0,80—1,40	1,80—2,20
Abies			5	
Pinus			6	
Picea			1	
Tsuga			1	
Salix			6	11
Tuglens				2
Betula		1		1
Carpinus		1		
Quercus				1
Ulmus	1			
Cramineae	1	1	1	2
Che nopodiaceae	3	5	116	17
Humulus		2	2	
Artemisia	4	8	14	10
Filicales			3	1
Cruciferae				2

* Чжоу Кунь-шу, 520—522.

слое появляются деревья, произрастающие в более сухом климате (сосна); дуб и грецкий орех исчезают; возрастает удельный вес трав, прежде всего белой мари, а также полыней; не зафиксированы в нем и крестоцветные. Таким образом, перед нами свидетельства изменений в температурном режиме (в сторону похолодания и усиления сухости), приведших к смене состава леса и увеличению относительной площади участков, покрытых травами. Условия, характерные для третьего слоя, приближаются к современным [Чжоу Кунь-шу, 520—522].

Отражением климатических условий является и состав фаунистических остатков, обнаруженных при раскопках поселения в Баньпо. Здесь обращает на себя внимание наличие костей животных субтропического пояса, распространенных сейчас гораздо южнее и не встречающихся на территории Шэньси. Сюда следует отнести прежде всего кабаргу (*Hydropotes inermis*) и бамбуковую крысу (*Phizomis sinensis*) [Ли Ю-хэн, Хань Дэ-фэнь].

Новейшие палеоклиматологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что эпохальные изменения климата на земном шаре имеют волнообразный характер, причем общая амплитуда температурных колебаний сопоставима для всей территории Евразии. Показательно, что результаты наблюдений за перемещением нижнего среза снегов на горных склонах в

целом совпадают с данными о колебаниях температуры на протяжении последних 3 тыс. лет в Китае. На основании изучения этих свидетельств Чжу Кэ-чжэнь пришел к выводу, что на IV—III тысячелетия до н. э. в Китае падает период климатического максимума, причем на Среднекитайской равнине среднегодовые температуры были выше современных на 2°, среднемесячные — на 3—5° [Чжу Кэ-чжэнь, 35]. Исходя из этого можно предположительно считать, что уже в то время при общем более высоком уровне среднегодовых температур на севере территории современного Китая существовали две различные климатические и ландшафтные зоны.

Граница между этими зонами проходила вдоль южного края Монгольского плато. На север от нее лежали лесостепные районы с умеренно сухим климатом, на юг — пояс смешанных лесов, более теплый и влажный. Здесь в неолитическое время проходил водораздел между двумя большими хозяйственно-культурными зонами. Далее к югу простиралась другая климатическая зона. Она характеризовалась климатическим режимом, приближающимся к тропическому. В частности, на неолитической стоянке в Хэмуду (Чжэцзян), датируемой по данным радиоуглеродного исследования началом V тысячелетия до н. э., были найдены фаунистические остатки, включающие обезьян, носорогов и слонов [Чжи Вэнь].

Хозяйственно-культурная специфика

Наиболее типичной чертой неолитических стоянок северной зоны являются каменные орудия микролитического облика. Керамика в целом немногочисленна. Сколько-нибудь определенных следы земледелия отсутствуют [Синь чжунго..., 36—38].

Северной «микролитической» зоне отчетливо противостоит бассейн Хуанхэ и ее притоков, а также междуречье Хуанхэ — Янцзы.

Поселения неолитического времени располагаются в бассейне Хуанхэ исключительно вблизи рек. Излюбленным местом стоянок являются террасы речных долин, несколько возвышающиеся над поймой, чаще всего при впадении притока. Практически все известные нам культуры неолита данного региона могут быть отнесены к одному и тому же хозяйственно-культурному типу — мотыжных земледельцев умеренного пояса. Земледелие, несомненно, составляло основу их хозяйства. Об этом свидетельствуют находки зерна, характер орудий (в частности, жатвенные ножи), необычайно развитая керамика с крашеным орнаментом, состав домашних животных (свинья и собака) [там же, 7—26].

Таким образом, в хозяйственно-культурной специфике двух основных зон на территории Китая в неолитическое время прослеживается граница, в целом достаточно точно совпадающая

с границей двух рассмотренных выше лингвистических ареалов — северной части Восточной Азии, населенной народами, говорившими сначала на палеоазиатских, а затем на протоалтайских языках, и южной части Восточной Азии, население которой говорило на протосино-тибетских и протоаустроазиатских языках. Разумеется, наличие экологической, хозяйственно-культурной и лингвистической границы не означало полной изолированности двух зон друг от друга. И в этом отношении данные археологии обнаруживают совпадение с лингвистическими фактами. Изучение неолитических памятников в полосе намеченной границы показывает, что население южной, земледельческой зоны поддерживало контакты со своими северными соседями. Об этом свидетельствует проникновение на юг некоторых форм орудий (микролиты) и, наоборот, распространение на север расписной керамики.

Помимо выделения двух основных хозяйственно-культурных зон на территории Северного Китая нельзя не обратить внимания на определенные различия в пределах земледельческой зоны. Последняя может быть разделена на две подзоны; основанием для такого деления являются преобладающие земледельческие культуры.

Здесь необходимо указать на то, что в литературе до сих пор встречаются ссылки на некоторые ошибочно интерпретированные археологические данные.

Первый факт, получивший широкое распространение в научных исследованиях по китайскому неолиту, восходит к сообщению Ю. Андерсона о находках в неолитической стоянке близ деревни Яншаоцунь фрагмента керамического сосуда с отпечатком рисового зерна [Andersson, 1934, 335—336]. Определение, осуществленное В. Эдманом и Е. Сёдербергом, подтвердило мнение Ю. Андерсона [Edman, Söderberg].

Не подвергая сомнению достоверность этого определения, некоторые китайские археологи уже в начале 60-х годов высказали мнение, что распространение риса в ареале культуры яншао является недоказанным [Ся Най, 1960, 3]. Основанием для этого послужило убеждение, что стоянка близ Яншаоцунь отнюдь не была однослойным памятником, но включала помимо яншаоского также слои луншаня и более поздних культур, вплоть до чжоуских (середина I тысячелетия до н. э.). Специально изучивший этот вопрос Ян Цзянь-фан пришел к выводу, что краткое описание черепка, содержащееся в работе Ю. Андерсона, не позволяет отнести его к яншаоскому времени [Ян Цзянь-фан, 1962а, 263].

Ян Цзянь-фану принадлежит опровержение еще одного сообщения, связанного с историей возделывания зерновых культур в бассейне Хуанхэ. Речь идет о том, что в 1955 г. в культурном слое стоянки Юйтай (Аньхуй, уезд Босянь) были обнаружены обуглившиеся зерна злаков. Они были определены Цзинь

Шань-бао как пшеница [Ян Цзянь-фан, 1963, 630]. Как было показано Ян Цзянь-фаном, сомнение вызывает, как и в случае с андерсоновским рисом, не формальное определение образцов, а их датировка. По его мнению, керамический сосуд, в котором были обнаружены зерна пшеницы, не мог относиться к культуре луншань, как первоначально полагали авторы публикации; он должен быть датирован первой половиной I тысячелетия до н. э. (эпоха Западного Чжоу) [там же, 631]. Позднее образцы обугленных зерен пшеницы из Юйтая были подвергнуты радиоуглеродному анализу, на основании которого была установлена еще более поздняя дата — 420 ± 90 или 490 ± 90 г. до н. э. [Фаншэсин..., ч. 3, 335]. В свете вышесказанного в значительной мере проясняется общая картина распространения зерновых культур в китайском неолите.

В среднем течении Хуанхэ в яншаоских поселениях Цзинцунь (Ваньжун, Шаньси), Баньпо (Сиань, Шэньси), Байшоулин (Баоцзи, Шэньси), Цюаньхуцунь (Хуасянь, Шэньси), относящихся к культуре крашеной керамики, обнаружены следы зерен чумизы [Синь чжунго..., 1961, 7]. Тот же злак возделывался неолитическим населением западной части бассейна Хуанхэ (в частности, в поселениях культуры циюцзялин близ Дахэчжуана зерна чумизы были найдены в домах и погребениях [там же, 23]). Каких-либо следов возделывания иных зерновых культур здесь не обнаружено.

Напротив, единственным злаком, зафиксированным в поселениях бассейна Хуанхэ, является рис. Он отмечен в поселениях Цюйцзялин (Цзиншань), Шицзяхэ (Тяньмэнь), Фаньинтай (Учан), относящихся к культуре цюйцзялин, а также в стоянках культур цинляньган и лянчжу. Образцы из Цюйцзялина, Шицзяхэ и Фаньинтая были определены как принадлежащие к разновидности *Oryza sativa* L. Это один из двух подвидов, распространенных в Китае в настоящее время. Таким образом, в IV—II тысячелетиях до н. э. южная и восточная зоны неолитических культур отчетливо противопоставляются западной и центральной. Несмотря на отсутствие принципиальных различий в экологических условиях, население этих двух регионов возделывало различные зерновые культуры, что было связано с наличием не совпадающих между собой технических традиций в области земледелия. Продвижение риса далее на север относится к гораздо более позднему времени, к концу II тысячелетия до н. э., т. е. к периоду существования культуры инь.

КУЛЬТУРЫ НЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ ХУАНХЭ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

Вопрос о датировке неолитических памятников в Китае оказался в центре внимания исследователей вскоре после того, как Ю. Андерсон открыл близ деревни Яншао (Хэнань) первое по-

селение с крашеной керамикой. По мере изучения все новых стоянок с керамикой, отличающейся чрезвычайно выразительным полихромным орнаментом, шведский ученый пришел к мысли, что это поселение не синхронно аналогичным памятникам в верховьях Хуанхэ. Так возникла проблема хронологии неолитических стоянок на территории Китая.

Периодизация Ю. Андерсона

Широко известная схема периодизации крашеной керамики на территории провинций Ганьсу — Цинхай, предложенная Андерсоном [Andersson, 1925], включала шесть периодов.

Цицзя (18). Этот период, по Андерсону, предшествует появлению керамики с росписью (для него характерны серые сосуды). Он представлен поселением Цицзяпин (Ниндин, Ганьсу) и местонахождением С в Синьдянь (Линьтао, Ганьсу). Ю. Андерсону были известны лишь поселения периода Цицзя; погребений этого времени ему обнаружить не удалось.

Яншао (19). Памятники этого периода были гораздо более многочисленны. Наибольшее значение имели поселения в Мацзяо (Линьтао, Ганьсу) и Лоханьтане (Гуйдэ, Цинхай). Основываясь на сходстве глиняной посуды из этих местонахождений с крашеной керамикой из Яншао, Ю. Андерсон полагал, что все перечисленные памятники относятся к одному времени. Отсюда происходит название периода.

Мачан (20). Указанный период был представлен погребениями в Мачаньяне (Лэду, Цинхай). Андерсон не был абсолютно уверен в правомерности выделения этого периода, поскольку основывался всего лишь на четырех сосудах, доставленных ему из Мачаньяна его помощником. Однако, он надеялся, что в будущем могут быть открыты новые памятники этого времени.

Синьдянь (21). Андерсону были известны погребения в местонахождении А в Синьдяне и поселение в Хуйцзуе (близ Синьдяня).

Сыва (22). Памятники этого периода — могильники на горе Сывашань (Дидао, Ганьсу) и в Каяо (Синин, Цинхай).

Шацзин (23). Поселения и могильники, обнаруженные в уезде Миньлэ (Цинхай), дали крашеную керамику специфического облика и бронзовые вещи (украшения, наконечники стрел), напоминавшие по стилю скифские.

Чем же руководствовался Ю. Андерсон, предлагая свою периодизацию? Несомненно, что он опирался на достижения европейской археологической науки того времени, прежде всего на разработанную О. Монтелиусом хронологическую классификацию новокаменного, бронзового и раннего железного веков Скандинавии [Montelius]. В этом отношении весьма характерен тот факт, что Ю. Андерсон говорит не о «культурах», а лишь о «периодах». Группы памятников, обладающих раз-

личными типологическими признаками, не могут, с его точки зрения, относиться к одному и тому же времени.

Определяя хронологическую последовательность выделенных им периодов, Андерсон исходил из следующих соображений: памятники типа цицзя рассматривались им как наиболее ранние потому, что в поселениях с крашеной керамикой (главным образом Шацзин) были найдены металлические вещи, тогда как характерная для цицзя серая керамика без росписи нигде не сопровождалась бронзой;

последовательность периодов яншао — шацзин была определена на основании типологического анализа (в частности, орнамент типа мачан характеризовал, по мнению Андерсона, наметившийся упадок орнаментальной традиции, расцвет которой приходился на период яншао).

Ю. Андерсон не ограничился установлением относительной хронологии. Он предложил также и абсолютные датировки выделенных им периодов:

Культура	Год до н. э.	Культура	Год до н. э.
Цицзя . . .	3500—3200	Синьдянь . .	2600—2300
Яншао . . .	3200—2900	Сыва . . .	2300—2000
Мачан . . .	2900—2600	Шацзин . .	2000—1700

И в этом отношении Ю. Андерсон находился под влиянием О. Монтелиуса и его школы. Во-первых, каждый из периодов андерсоновской схемы имеет одну и ту же продолжительность. Во-вторых, главным критерием абсолютной датировки здесь является уже упоминавшийся принцип признания синхронными групп памятников, обладающих сходным обликом. В данном случае на основании сходства орнамента сосудов из Яншао, Мацзяяо, Баньшаня и других с культурами крашеной керамики Ближнего Востока и Средней Азии, датировавшихся тогда концом IV — началом III тысячелетия до н. э., Ю. Андерсон определяет хронологические рамки периода яншао. После этого он путем простейших арифметических подсчетов устанавливает, что начало периода цицзя относится к 3500 г. до н. э., а конец периода шацзин — к 1700 г. до н. э. и т. д.

Вскоре после появления первой работы Ю. Андерсона было высказано мнение о необходимости уточнения его хронологической схемы. Эта точка зрения, сформулированная О. Менгрином, базировалась на тех же принципиальных позициях, которых придерживался и сам Ю. Андерсон.

Его критик обратил внимание на сходство керамики типа цицзя с поздненеолитической керамикой Северной Европы и считал, что на этом основании вряд ли можно датировать цицзя намного более ранним временем, чем 2000 г. до н. э. [Mengrin, 81]. Высказывались и сомнения в правомерности всех построенных Ю. Андерсона, вместе взятых: М. Гране, например, писал

в 1930 г. об отсутствии бесспорных доказательств того, что яншао не является культурой камня и кости, синхронной бронзовой культуре инь-чжоу [Granet, 1930].

Исследования Лян Сы-юна

Именно в это время появились новые факты, позволившие подойти к проблеме датировки неолитических памятников бассейна Хуанхэ с иных, чем ранее, позиций. Имеются в виду открытые в провинции Шаньдун культуры черной керамики, получившей название «луншань» (24), а затем раскопки в Хоугане (25) близ Аньяна (Хэнань) первого в истории археологического изучения Китая многослойного поселения со стратиграфией яншао — луншаньинь [Лян Сы-юн, 1959].

Значение этих раскопок, осуществленных Лян Сы-юном, было огромно. Во-первых, они ввели новый для Китая принцип установления относительной хронологии археологических памятников — стратиграфию (Ю. Андерсон, как известно, не обращал внимания на соотношение культурных слоев). Во-вторых, материалы Хоугана были чрезвычайно важны и в плане абсолютной датировки: в рамках одной хронологической схемы оказывались теперь увязанными как культуры неолита, так и памятники, известные по письменным источникам.

Последнее обстоятельство переводило проблему датировки древних культур бассейна Хуанхэ в несколько иную плоскость. Поскольку традиционная историографическая школа относила начало иньской эпохи к XVIII в. до н. э., оказалось необходимым пересмотреть датировку периода яншао, ибо в противном случае для луншаня в схеме периодизации не оставалось места.

Учитывая эти обстоятельства, Лян Сы-юн в 1935 г. предложил новый вариант андерсоновской схемы [Лян Сы-юн]. Он принимает прежнюю начальную дату периода цицзя, последовательность периодов и их равную продолжительность (300 лет), но вводит новый период крашеной керамики — хоуган. Кроме того, он предполагает существование трех других промежуточных периодов, которые, однако, он не мог обосновать на фактическом материале. В целом исправленная Лян Сы-юном периодизация северокитайских памятников серой и крашеной керамики приобрела следующий вид:

Культура	Год до н. э.	Культура	Год до н. э.
Цицзя . . .	3500—3200	Синьдянь . .	2000—1700
?	3200—2900	?	1700—1400
Хоуган . . .	2900—2600	Сыва	1400—1100
Яншао . . .	2600—2300	?	1100— 800
Мачан . . .	2300—2000	Шацзин . . .	800—?

Следует напомнить, что перед нами хронологическая таблица древних памятников на территории Ганьсу. Другими словами,

Лян Сы-юн предполагал, что период хоуган и в этом районе предшествует яншао.

Сам Лян Сы-юн считал достоинством своей хронологической таблицы следующее. В ней предусмотрено достаточное время для перехода от цицзя к яншао, от синьдяня к сыва, от сыва к шацзину; найдено место для памятников крашеной керамики типа хоуган в Хэнани; удлинено время на распространение крашеной керамики из Ганьсу в Хэнань; конец периода шацзин приближен к скифскому времени.

Однако Лян Сы-юн был прав, признавая, что «эта хронологическая таблица не имеет твердого основания» [там же, 97]. Его периодизация представляет собой попытку примирить первоначальную идею Ю. Андерсона с новыми фактами, приспособить ее к результатам новейших раскопок. Поэтому Лян Сы-юн в последние годы жизни изменил свою точку зрения, высказавшись, в частности, за то, что период хоуган не предшествует яншао, а следует за ним.

Применение нового для тогдашней китайской археологии — стратиграфического критерия периодизации вскоре потребовало коренного пересмотра как андерсоновской схемы, так и всей ее модификации. Но сам Ю. Андерсон, по-видимому, не мог отказаться от своих первоначальных позиций. Поэтому, внося в 1943 г. исправления в свою периодизацию, он не меняет ее основ, хотя и сдвигает начальную дату периода цицзя на... 1 тысячу лет. Теперь его таблица предстает в следующем виде [Andersson, 1943]:

Культура	Год до н. э.	Культура	Год до н. э.
Цицзя . . .	2500—2200	Синьдянь . .	1300—1000
Яншао . . .	2200—1700	Сыва	1000— 700
Мачан . . .	1700—1300	Шацзин . . .	700— 500

В то время в литературе уже высказывались сомнения в одном из главных тезисов Ю. Андерсона (серая керамика цицзя предшествует крашеной керамике яншао). Подходя к вопросу с разных точек, Лю Яо [Лю Яо, 276—280] и М. Билин-Алтин [Bylin-Althin, 466—467) считали, что цицзя возникает позже культур крашеной керамики типа яншао.

Это предположение переросло в уверенность после того, как Ся Най обнаружил в 1945 г. погребения периода цицзя близ Янвавая (Ниндин, Ганьсу), в заполнении одного из которых были найдены фрагменты крашеной керамики. «На территории Хэнани, — писал Ся Най, интерпретируя результаты своих раскопок, — культура яншао, несомненно, намного раньше периода инь-шан, во всяком случае их разделяет культура черной керамики луншань. Период существования культуры яншао в Ганьсу и Хэнани не имеет большого хронологического разрыва. Что касается культуры цицзя, то она не может быть намного рань-

ше 2000 г. до н. э., но зато может быть намного позже» [Ся Най, 1961, 9].

Работы Ся Ная подводили своеобразный итог первому этапу в истории изучения китайского неолита. Их автор оперирует уже не только абстрактными «периодами», но и «культурами». Наличие достаточно четко определяемого ареала — необходимый признак понятия «археологическая культура». Поэтому проблема датировки неолитических культур теснейшим образом связана у Ся Ная с установлением зон их распространения. Отсюда следует вывод, что в различных регионах (в частности, в Хэнани и Ганьсу) возможно существование самостоятельных серий культур, имеющих ту или иную хронологическую последовательность. С этим связано и принадлежащее Ся Нау терминологическое нововведение: яншао на территории Ганьсу он называет «культурой мацзяо» (26).

Раскопки 50-х годов

Широкие исследования, осуществленные в бассейне Хуанхэ в первые годы после создания КНР, привели к важному сдвигу в представлениях о хронологическом соотношении неолитических культур этого региона. Прежде всего, были получены многочисленные стратиграфические доказательства того, что на всем протяжении Среднекитайской равнины и смежных областей мы имеем дело с двумя последовательными археологическими горизонтами. Нижний представлен культурами крашеной керамики, верхний — серой или черной, лишенной полихромной росписи.

Далее, четко обрисовались четыре зоны хотя и соединенные контактными районами, но тем не менее развивавшиеся в значительной мере самостоятельно и представленные специфическими сериями культур: западная (Ганьсу), центральная (Шэньси, Хэнань и южная часть Хэбэя), южная (Хубэй и южная часть Хэнани), восточная (Цзянсу, Чжэцзян и южная часть Шаньдуна).

Наконец, почти в каждой из зон более или менее отчетливо установлено наличие вариантов отдельных культур. В одних случаях эти варианты имеют ареалы своего распространения и могут рассматриваться в плане локальной изменчивости. В других случаях мы имеем дело с хронологическими периодами существования одной и той же культуры.

В западной зоне нижний горизонт представлен памятниками культуры мацзяо («ганьсуйского яншао»).

Читатель помнит, что Андерсон считал поселение близ Мацзяо и могильник в Баньшане (27) принадлежащими одному и тому же периоду, предшествующему мачан. Он исходил из предположения о том, что бытовая керамика этого периода значительно отличается от погребальной. Другими словами,

Высказывалось на этот счет и иное мнение: мацзяо, баньшань и мачан представляют собой три самостоятельных варианта культуры «ганьсуйского яншао»; различия между ними имеют локальный характер и объясняются принадлежностью памятников типа мацзяо, баньшань и мачан трем различным племенам или союзам племен [Ма Чэн-юань, 1957, 26—27].

Дальнейшие исследования, казалось бы, подтвердили последнюю точку зрения. Были обнаружены стоянки с керамикой типа баньшань, среди которых — Цинганча (Ганьсу, Ланьчжоу) [Ма Чэн-юань, 1961, 356—360] (рис. 7). Найдены многочисленные поселения типа мачан; некоторые из них были раскопаны [Ганьсу линься..., 609—610], что рассеяло высказанные Ю. Андерсоном сомнения относительно правомерности выделения этого периода.

Вместе с тем многие археологи обратили внимание на значительное сходство керамики баньшаньского и мачанского типов. Ряд сосудов из стоянок обоих типов настолько близки друг другу по форме и орнаментике, что отнесение отдельно взятого сосуда к одному из этих двух вариантов культуры мацзяо оказывается затруднительным. Поэтому, например, Ян Цзянь-фан указывает, что, хотя баньшань и мачан представляют, с его точки зрения, самостоятельные варианты, хронологический разрыв между ними невелик [Ян Цзянь-фан, 1962, 77]. Другие исследователи идут в этом отношении и еще дальше, объединяя баньшань и мачан в рамках одного варианта (периода) [Ши Син-бан, 318—320].

Несмотря на отсутствие бесспорных стратиграфических свидетельств, все археологи 50—60-х годов приняли тезис Ю. Андерсона о том, что мацзяо (в узком смысле слова) предшествует мачану. Что же касается соотношения культуры «ганьсуйского яншао» с другими культурами западного региона, то оно с полной определенностью устанавливается на основании стратиграфических данных: в ряде поселений (Вацзяпин, Лювэйцзя, Сишаньпин, Сыпин, Миньхэшань и др.) слои культуры мацзяо перекрываются слоем культуры цизця; в Чжанцзяцзюе, Уцзя и других поселениях наблюдается стратиграфическая последовательность слоев цизця — синьдянь. К этому следует добавить, что, как выясняется, памятники типа синьдянь, сыва, шацзин имеют в Ганьсу четко очерченные ареалы и, по-видимому, генетически между собой не связаны.

В центральной зоне выделение локально-хронологических вариантов культуры яншао и изучение вопроса об их соотношении оказалось возможным в результате раскопок 50-х годов.

В 1954—1956 гг. в Баньпо (28) (близ г. Сиани, Шэньси) было изучено большое поселение культуры яншао. В распоряжении исследователя здесь оказались не только отдельные предметы материальной культуры (орудия труда, керамика)

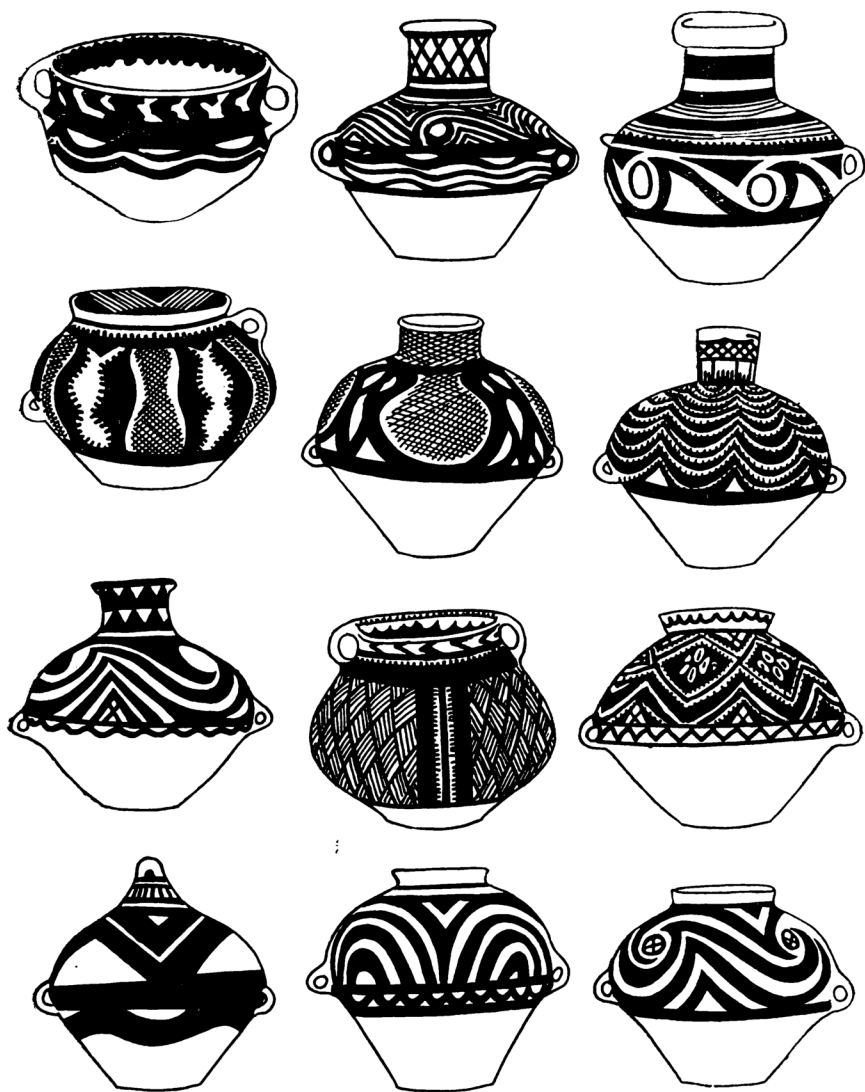
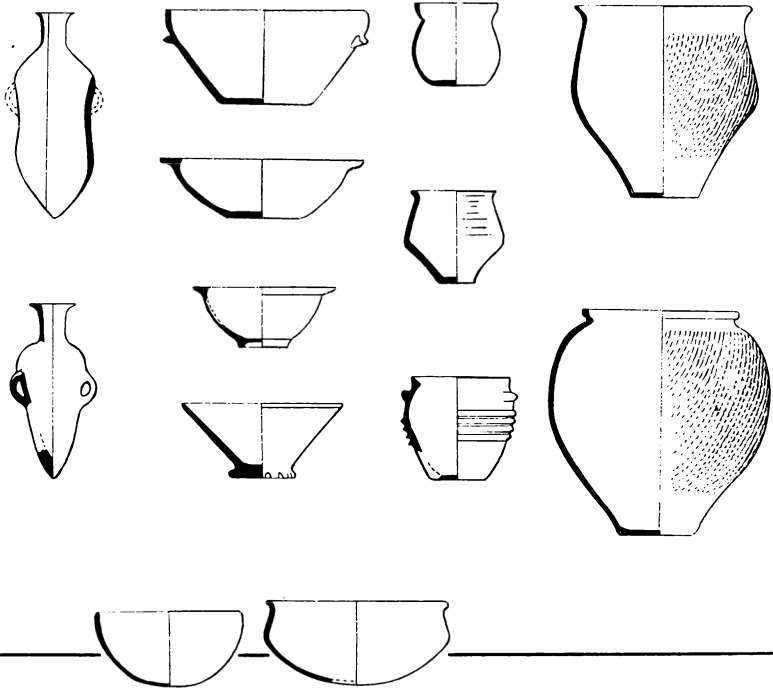

Рис. 7. Керамика типа баньшань [Ши Син-бан, 323]

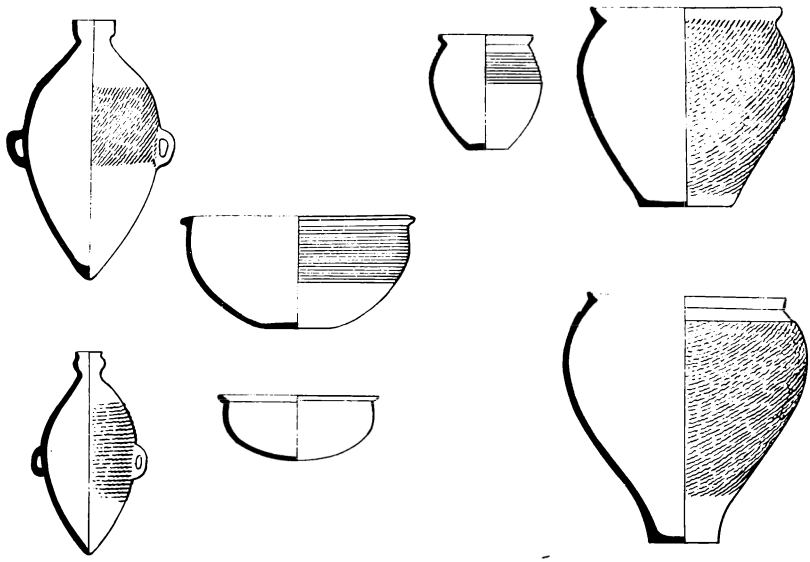
(рис. 8), но и данные о жилище, гончарных мастерских, поселениях в целом: раскопки в Баньпо велись методом вскрытия культурного слоя на больших площадях, тогда как до этого в китайской археологии безраздельно господствовал траншейный метод [Сиань баньпо].

Непосредственно после завершения работ в Баньпо началось исследование другого крупного поселения культуры яншао —

II период

I период

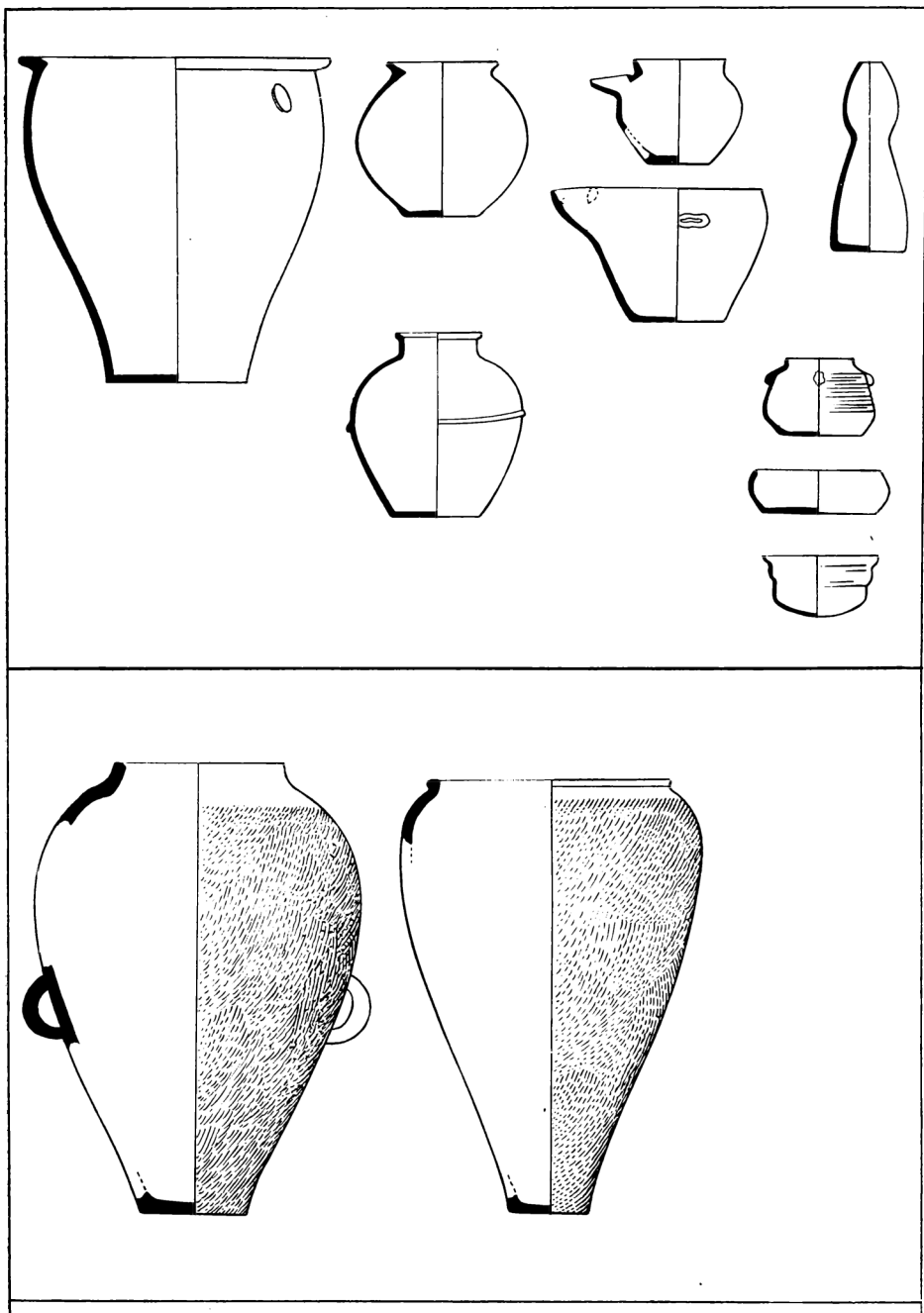

Рис. 8(1, 2). Керамика типа баньпо [Сиань баньпо, табл. III]

близ Мяодигоу (29) (Шэньсань, Хэнань). Два сезона раскопок (1956—1957) позволили изучить многослойное поселение, представленное слоями яншао и культуры переходного типа (яншао — луншань), получившей наименование мяодигоу II. Анализ данных, полученных в Мяодигоу, продемонстрировал, в частности, что достаточно сложной по своей стратиграфии была, несомненно, и стоянка Яншао [Мяодигоу...].

Научные раскопки в Баньпо и Мяодигоу показали, что эти поселения существенно отличаются по облику представленной в них культуры. Это наиболее отчетливо проявлялось в керамике — форме сосудов и их орнаменте. Крашенная керамика, встречающаяся в Баньпо и Мяодигоу (рис. 9), относится к двум различным вариантам культуры яншао. В конце 50-х годов получил широкое распространение тезис о том, что к двум указанным вариантам и сводится, в сущности, все многообразие данной культуры. Например, в обобщающем труде «Археология в новом Китае» утверждалось: «Помимо отмеченных выше общих черт культуры яншао отдельные стоянки отличаются друг от друга по своему облику, что может объясняться хронологическими причинами. В настоящее время в целом их можно отнести к одному из двух вариантов — баньпо и мяодигоу» [Синь чжунго..., 9].

Однако уже в начале 60-х годов некоторые китайские археологи высказывают мнение, что подобная классификация слишком обща и недостаточна для конкретного изучения исторических процессов, протекавших в рассматриваемую эпоху в бассейне Хуанхэ. Ма Чэн-юань отметил, что ареал распространения стоянок типа баньпо уже, нежели вся центральная зона в целом. Поэтому, например, керамика из Циньванчжая (30) не может быть отнесена ни к баньпо, ни к мяодигоу. Свообразна также керамика из района Тайюани (Шаньси) и т. д.

Ма Чэн-юань сделал вывод, что было бы ошибкой объяснять различия между вариантами культуры яншао только в хронологическом плане, не учитывая границ их ареалов. «Решение вопроса о том, сколько же вариантов культуры яншао следует выделять и в каких модификациях она выступает, — писал этот исследователь, — имеет важное значение для понимания реального расселения племенных объединений той эпохи» [Ма Чэн-юань, 1961, 375].

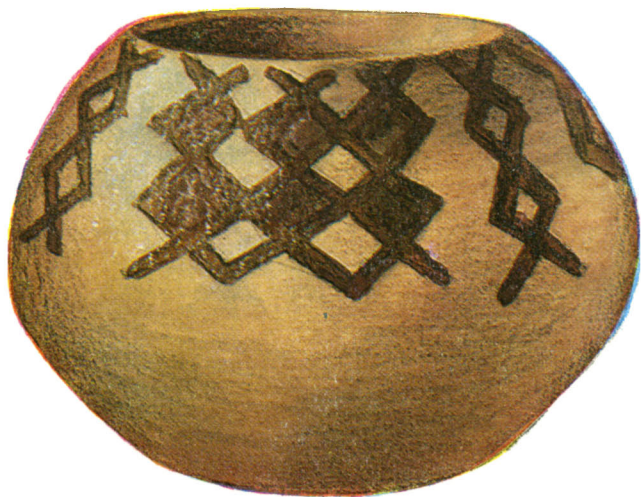
Примерно с тех же позиций подходил к выделению локально-хронологических вариантов культуры яншао и Ян Цзяньфан (предложивший употреблять не термин «вариант», а термин «фация» культур неолита). Он различал четыре района центральной зоны: западная часть Хэнани и юг Шаньси; северная часть Хэнани и юг Хэбэя; центральная часть Шэньси; восточная часть Ганьсу.

На территории этих четырех районов Ян Цзяньфан выделяет пять «фаций» культуры яншао: с и н ь ц у н ь (соответству-

Пл. 1. Сосуды с антропоморфными и зооморфными орнаментами типа бальво

Ил. 2. Крашеная керамика из Бабьего

Ил. 3. Крашеная керамика из Мядигоу

Па. 4. Сосуд типа мацзяю

Ил. 5. Красная керамика типа мачан (наверху) и баьиньнь (внизу)

Ил. 6. Сосуды с росписью типа циньванчжай

Ил. 7. Привозная керамика из Дадуньзы

Ил. 8. Сосуды из Дуншаньшань (Синьцзун) и Дуньшаньшань (эньцзу)

ет мяодигоу у других авторов) — на западе, начиная с верховьев р. Вэйхэ вплоть до среднего течения Хуанхэ (район Лоян — Линьжу); баньпо (Шэньси) — от Баоцзи на западе до Хуаня на востоке; саньлицяо — близ Шэньсяня (Хэнань); циньванчжай — в центральной части Хэнани от Миньчи на западе до Чжэнчжоу на востоке (на юге вплоть до Наньчжао); хоуган — северо-восточная часть Хэнани и юг Хэбэя [Ян Цзянь-фан, 1962а, 50—70].

Наконец, на территории провинции Хэбэй ряд исследователей выделяют три самостоятельных варианта: дяоюйтэй — центральная часть провинции; байцзяцунь — юг Хэбэя; наньянчжуан — район Пиншань — Цысянь.

Следует, однако, отметить, что яншао на территории Хэбэя настолько слабо изучена, что таксономическая сопоставимость выделенных там вариантов остается проблематичной.

До начала 60-х годов вопрос о хронологическом соотношении отдельных вариантов культуры яншао решался исключительно на основании типологического анализа. Вполне понятно, что в этих условиях ни одна из высказывавшихся точек зрения не могла быть достаточно убедительно доказана. В центре спора находился вопрос о соотношении двух наиболее изученных вариантов — баньпо и мяодигоу. Различные гипотезы на этот счет можно разделить на три группы.

Сторонники первой точки зрения считали, что мяодигоу предшествует баньпо. Ань Чжи-минь, руководивший в свое время раскопками в Мяодигоу, выдвинул эту гипотезу, исходя из того, что развитие орнамента на крашеной керамике шло от сложного (мяодигоу) к упрощенному (баньпо) [Ань Чжи-минь, 561].

Археологи, придерживающиеся второй точки зрения, основывались на противоположном предположении: тот факт, что в поселениях типа баньпо крашеной керамики мало, а орнамент ее сравнительно прост, свидетельствует о примитивности и большей древности этого типа [Чжан Ши-юань, 380—389].

Иначе подходили к проблеме сторонники третьей точки зрения. Ши Син-бан был убежден в том, что поселения типа баньпо и мяодигоу могут относиться к одному и тому же времени, потому что принадлежат они, полагал он, двум фратриям одного и того же племени (фратрия Рыбы — в Баньпо, фратрия Птицы — в Мяодигоу) [Ши Син-бан, 325—326]. Близка к этому и точка зрения Ма Чэн-юаня, также допускаявшего параллельное развитие обоих вариантов культуры яншао [Ма Чэн-юань, 1961а, 376].

Только в начале 60-х годов появляются первые стратиграфические данные, которые могли бы внести ясность в вопрос об относительной хронологии вариантов культуры яншао.

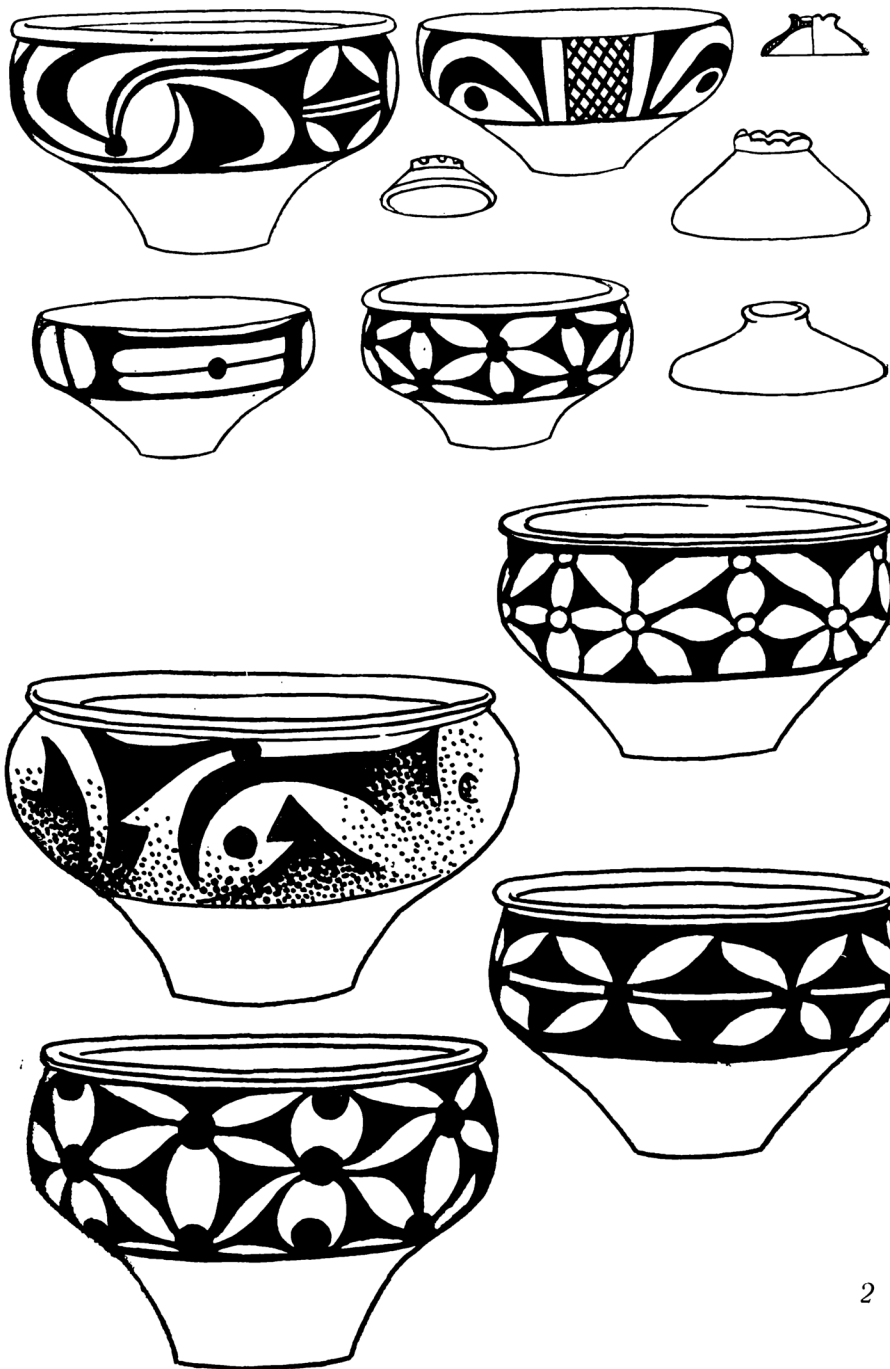
Раскопки в Ванване близ Лояна обнаружили последовательность слоев культуры крашеной керамики, нижний из ко-

торых мог быть отнесен к мяодигоу, верхний — к циньванчжаю [Лоян..., 175—178]. Это не только подтвердило необходимость выделения циньванчжая в качестве самостоятельного варианта, но и указало на его соотношение с мяодигоу.

Далее, в Сямэньцуне (Шэньси, уезд Биньсянь) впервые были найдены бесспорные стратиграфические доказательства того, что слои типа баньпо предшествуют здесь мяодигоу [Шаньси биньсянь сямэньцунь..., 292—295].

Наибольшее внимание привлекли результаты раскопок в Сямэньцуне. Чжан Чжун-пэй и Янь Вэнь-мин подробно анали-

2

Рис. 9. (1, 2) Керамика типа мяодигу (Мяодигу юй санылиця, табл. XVI—XXVII)

зируют соотношение слоев этого поселения и приходят к выводу: «Не только впервые стратиграфически доказало приоритет баньпо перед мяодигоу, но и связало оба эти варианта промежуточным звеном» [Чжан Чжун-пэй, Янь Вэнь-мин, 304].

Против мысли о «промежуточном звене» выступили, однако, сами археологи, раскапывавшие Сямэньцунь, — Ли Ши-гуй и Цзэн Ци. Более того, они предложили интерпретацию изученной ими стратиграфии в духе концепции Ши Син-бана. Исходя из того что в эпоху яншао применялось подсечно-огневое земледелие, требовавшее постоянной смены мест пребывания, эти авторы считают, что стратиграфия в Сямэньцуне может и не свидетельствовать о том, что вариант баньпо в целом предшествует мяодигоу. Не исключено, что два племенных объединения попеременно проживали в одном и том же месте, оставив там памятники яншао в двух вариантах [Ли Ши-гуй, 581].

Наименее сложной представлялась ситуация в южной зоне. Объяснялось это слабой археологической изученностью: первые неолитические стоянки были открыты здесь лишь в конце 50-х годов. Своеобразная культура крашеной керамики, обнаруженная в бассейне р. Ханьшуй, получила название «культуры цюйцзялин» (31) — по месту, где она впервые была встречена [Цзиншань...]. Позднее поселения, относящиеся к культуре цюйцзялин, были найдены в Тяньмэне, Юньсяне, Цзюньсяне и других районах [И цзю у ба...]. Не исключено, что с этой культурой связаны и некоторые памятники в южной части Хэнани. Однако о хронологическом членении этой культуры, а также о ее вариантах говорить сейчас преждевременно.

Изучение неолита восточной, прибрежной зоны также не имеет длительной истории. Но за два десятилетия, прошедшие после открытия в Цинляньгане (Цзянсу, уезд Хуайань) ранее неизвестной неолитической культуры, в ее исследовании достигнуты весьма значительные успехи. Как показывают разведки и раскопки последних лет, культура цинляньган (32) распространена преимущественно на территории провинции Цзянсу. На севере ее ареал захватывает южную часть Шаньдуна, на юге — провинцию Чжэцзян. Из 60—70 обнаруженных поселений этой культуры частично раскопано более 20.

Характеризуя особенности культуры цинляньган, Цзян Цзуань-чу в своей работе в 1959 г. еще не выделял каких-либо ее вариантов или типов. Для культуры в целом свойственна красная керамика, среди форм сосудов преобладают треножки и блюда на высоких поддонах. Полихромный орнамент, изредка встречающийся на цинляньганской керамике, прост по рисунку и небрежен по манере нанесения [Цзян Цзуань-чу, 39—40].

Мощным стимулом к созданию схемы классификации стоянок культуры цинляньган явились раскопки многослойных поселений. Особое место занимает в этом отношении стоянка Дадуньцзы (Пэйсянь, Цзянсу), где было обнаружено три по-

следовательных слоев. Изучение керамики и каменных орудий, встреченных в каждом из этих слоев, позволяет отождествить некоторые их черты с материалом из других поселений [Цзянсу пэйсянь дадуньцзы...]. Соответственно многослойные стоянки в Бэйиньяньине и Тайгансы близ Нанкина, а также в Сунцзэ близ Шанхая содержат памятники трех периодов, по всей вероятности генетически связанных между собой. Все эти данные укладываются в систему классификации, сформулированную недавно У Шань-цином и включающую прежде всего два локальных варианта культуры цинляньган — северный и южный. Каждый из этих вариантов делится далее на три хронологических периода [У Шань-цин, 45—54]:

Северный вариант	Южный вариант
Цинляньган	Мацзябинь
Люлинь	Бэйиньяньин
Хуатин	Сунцзэ

Приведенная схема представляется надежной основой для дальнейшего углубленного изучения неолитических памятников приморской зоны, хотя к ее автору можно предъявить известные претензии терминологического плана: вряд ли целесообразно называть один из периодов развития культуры так же, как именуется культура в целом (с этим мы уже сталкивались в Ганьсу, где вариант культуры мацзяяо также назван мацзяяо).

Немаловажное значение для понимания истории культур неолита в восточной зоне имело также установление генетической связи поздних слоев культуры цинляньган с памятниками типа давэнькоу (33), открытыми на территории провинции Шаньдун — в уезде Нинъян, а также близ г. Цюйфу [Ян Цзыфань; Чжао И-цин; Шаньдун цюйфу сисяхоу...] (рис. 10). В Давэнькоу прослеживаются уже отдельные черты культуры черной керамики луншань. Таким образом, истоки луншаня в его классической форме следует искать, по-видимому, не в Шаньдуне, а южнее, на территории Цзянсу.

Оживленно обсуждались в археологической литературе и вопросы абсолютной датировки культуры цинляньган в целом. Первоначально среди археологов господствовало представление о том, что эта культура сформировалась под влиянием луншаня (высказывалось даже предложение именовать ее «культурой цзянсуйского луншаня»); эти две культуры, стало быть, сближались и хронологически, причем начало культуры цинляньган отнеслось к периоду, когда луншань уже сформировался [Хуайань цинляньган].

Но после того, как в 1960 г. в Эрцзяньцуне (Цзянсу, г. Ляньюнатан) и Чжулэдашань (Аньхуй, уезд Чусянь) было установлено, что цинляньганские слои перекрываются лун-

<i>давэнькоу</i>		
<i>хуапин</i>		
<i>люлинь</i>	<i>II период</i>	
	<i>I период</i>	
<i>цинляньган</i>		

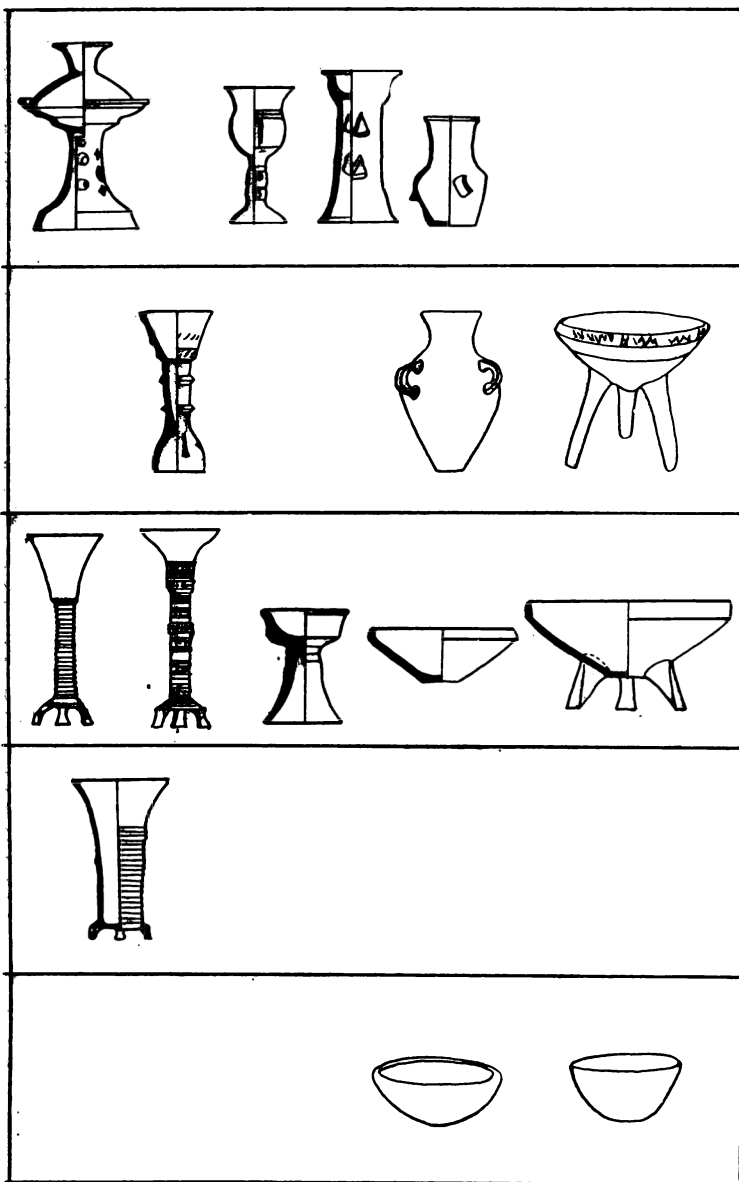

Рис. 10 (1, 2). Керамика типа цинляньган-давэнькоу [У Шань-цин, 50]

шаньскими, вопрос о хронологическом состоянии обеих культур был пересмотрен. Соответствие более позднему луншаньскому горизонту черной керамики было найдено и в ареале распространения южного варианта культуры цинляньган, где ее стоянки перекрываются слоями культуры черной керамики лянчжу (поселение Цаосешань близ Нанкина). Все это привело к весьма значительным сдвигам в абсолютной датировке культуры цинляньган, предлагавшейся в конце 50-х годов: от 2100—1400 гг. до н. э. [Цзян Цзуань-чу, 41] до 5 тыс.—4 тыс. лет назад, т. е. 3000—2000 гг. до н. э. [У Шань-цин, 57].

Данные о взаимосвязи между культурами всех перечисленных зон могут быть резюмированы следующим образом.

Яншао—мацзяо. В 1957 г. в Вацзяпине (близ Мацзяо, Ганьсу, уезд Линьтао) была найдена стоянка с двумя слоями, резко отличными по своему культурному облику. Верхний слой был отождествлен с культурой мацзяо (вариант мацзяо), нижний—с яншао (вариант мяодигоу). Раскопки в Вацзяпине дали бесспорное свидетельство того, что вариант мацзяо культуры «ганьсуйского яншао» является более поздним, нежели мяодигоу [Ганьсу линтао линься..., 38—41].

Яншао—цюйцзялин. В 1958—1961 гг. в Дасы и Цинлунцюане (Хубэй, уезд Юньсянь) были обнаружены многослойные стоянки с последовательностью слоев яншао—цюйцзялин—луншань. При этом яншаоский слой в двух случаях был различен. В Дасы керамика имела некоторые элементы типа мяодигоу; в Цинлунцюане крашеной керамики в слое яншао обнаружено не было.

Яншао—цинляньган. В 1963 г. при раскопках Дадуньцзы (Цзянсу, уезд Пэйсянь) в нескольких погребениях периода люлинь были обнаружены типично яншаоские сосуды (типа мяодигоу), которые, по всей вероятности, следует рассматривать как привозные вещи [Цзянсу пэйсянь дадуньцзы..., 21—36]. Эти находки позволяют синхронизировать варианты мяодигоу и люлинь.

Таким образом, в результате исследований второго этапа совокупность типологических и стратиграфических данных по отдельным вариантам (периодам) культур крашеной керамики в бассейне Хуанхэ и прилегающих районах могла быть осмыслена как единая система, хотя характер связей между отдельными ее элементами в ряде случаев мог быть определен лишь предположительно. В табл. 7 данные об отдельных культурах представлены по провинциям.

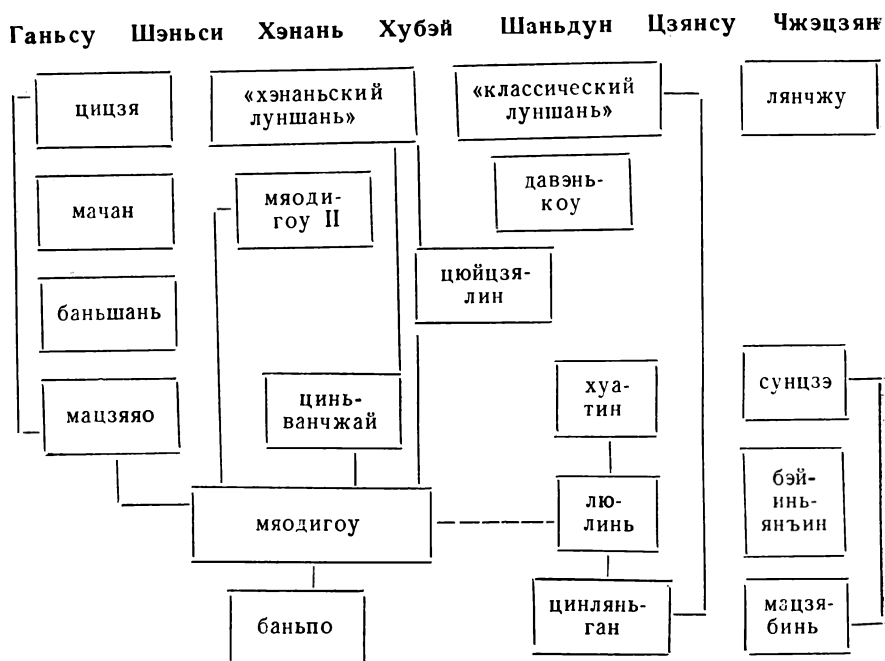
Вопрос о «смешанных слоях»

С совершенно иных позиций подходит к проблеме соотношения локально-хронологических вариантов яншао и мацзяо советский китаевед Л. С. Васильев. Вышедшая в 1976 г. его мо-

Таблица 7

СООТНОШЕНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ИХ ВАРИАНТОВ НА СРЕДНЕКИТАЙСКОЙ РАВНИНЕ (ПО ДАННЫМ СТРАТИГРАФИИ И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)*

* Сплошная линия, соединяющая варианты культур, указывает на стратиграфически зафиксированные хронологические связи; пунктир — на типологические соответствия.

нография «Проблемы генезиса китайской цивилизации» содержит гипотезу происхождения культуры яншао, основанную на весьма оригинальной трактовке рассмотренных выше археологических данных.

В своей работе (как и в опубликованной двумя годами раньше статье [Васильев Л. С., 1974]) автор выдвигает версию о том, что во многих неолитических стоянках на территории Ганьсу есть слои, представляющие результат смешения двух культур (или вариантов): собственно яншао (вариант мяодигоу) и мацзяю. По словам Л. С. Васильева, эта идея является едва ли не общепринятой в современной китайской археологической литературе: «Тезис о смешении Яншао и Мацзяю фактически присутствует в построениях всех археологов, касающихся этой темы» [Васильев Л. С., 1976, 174]. При этом автор подчеркивает «настойчивое стремление интерпретировать

ситуацию в Ганьсу именно с позиций тезиса о смешении Яншао и Мацзяю [там же], а сам тезис называется «настоячиво пропагандируемым в Китае» [там же, 187].

В подтверждение Л. С. Васильев ссылается на работы трех китайских ученых — Го Дэ-юна, Чжан Сюэ-чжэна и Ян Цзяньфана. Действительно, в отчете об археологических разведках в верховьях р. Вэйхэ Го Дэ-юн высказывал в 1958 г. мысль о смешении собственно яншао с «ганьсуйским яншао» [Го Дэ-юн, 10]. Однако в редакционном примечании к его статье отмечалось, что оснований утверждать наличие в Ганьсу смешанных слоев нет: «Все мы, занимавшиеся археологическими разведочными работами, хорошо знаем, что собранный на поверхности земли подземный материал иногда производит впечатление некоей смешанной культуры, тогда как результаты раскопок подтверждают принадлежность его к различным слоям» [там же, 16]. Позднее к тезису о смешении яншао и «ганьсуйского яншао» на территории провинции Ганьсу никто из китайских археологов не возвращался. Именно поэтому Ян Цзяньфан, который, по словам Л. С. Васильева, «не делает акцента на смешении культур» и «не критикует концепцию смешения» [Васильев Л. С., 1976, 174], вообще не считал нужным в 1962 г. касаться этого вопроса: к тому времени такой концепции вообще уже не существовало.

Вопроса о «смешанном слое» Л. С. Васильев вновь касается в связи с анализом стратиграфии на стоянке Вацзяпин. Как уже говорилось, там были обнаружены два слоя: верхний, относящийся к культуре мацзяю (вариант мацзяю), и нижний — к яншао (вариант мяодигоу). В своей статье 1964 г. Л. С. Васильев был согласен с этим [Васильев Л. С., 1964, 130—131]. Затем он пересмотрел свою точку зрения и ныне полагает, что культура, представленная нижним слоем Вацзяпина, — «не Яншао, как это иногда представляется в пылу полемики... но нечто иное» [Васильев Л. С., 1976, 182]. В доказательство он приводит теперь мнение автора отчета о раскопках Чжан Сюэ-чжэна: «Содержимое нижнего слоя в целом близко к тем изделиям, которые постоянно обнаруживаются в яншаоских стоянках в верховьях Вэй» [там же], хотя Чжан Сюэ-чжэн говорит не о «близости», а о «тождественности» культурного облика нижнего слоя Вацзяпин и «собственно яншао» [Ганьсу линьтао линия..., 39]. Вопреки утверждению Л. С. Васильева автор отчета вообще нигде не упоминает о якобы смешанном характере нижнего слоя Вацзяпина, отмечая лишь, что в верхний его слой попали фрагменты керамики, принадлежавшие к нижнему слою [там же, 39—40].

Приписав современным китайским археологам «концепцию смешения», Л. С. Васильев затем опровергает ее. Он выдвигает гипотезу о том, что повсюду в Ганьсу, где зафиксирован смешанный слой яншао и мацзяю (в том числе и в Вацзяпине),

в действительности присутствует слой особой «протояншаоско-мацзяоской культуры», которая со временем, развиваясь, разделилась на две — яншао и мацзяо [Васильев Л. С., 1976, 180].

Необходимо отметить, что интерпретация археологических данных в книге Л. С. Васильева не основывается ни на полевых работах автора, ни на камеральной обработке полученных материалов, ни на изучении *de visu* предметов, о которых идет речь. Поэтому гипотеза «протояншаоско-мацзяоской культуры» остается чисто умозрительным построением, не основанным на каких бы то ни было объективных фактах, так как ни смешанных слоев яншао и мацзяо, ни каких-либо следов постулируемой протокультуры на территории Ганьсу до сих пор обнаружено не было.

Абсолютные датировки

Принципиально новый этап изучения китайского неолита начинается в 1972 г. с публикаций первых серий абсолютных датировок методом радиоуглеродного анализа, значение которых трудно переоценить. Радиоуглеродные даты открыли совершенно новые возможности для решения проблемы абсолютной и относительной хронологии культур крашеной керамики, что, несомненно, будет способствовать активизации всей исследовательской работы в этой области.

Нет необходимости доказывать тот вполне очевидный факт, что определение абсолютного возраста по радиоуглероду впервые в археологическом изучении Китая создало твердую почву объективно установленных фактов для выводов о соотношении культур. Методы решения этого вопроса, применявшиеся прежде (типология, стратиграфия), не были, как мы видели выше, свободными от влияния субъективного подхода того или иного исследователя.

Действительно, даже оценка стратиграфических данных не совпадала у различных археологов, длительное время судивших о хронологии китайского неолита преимущественно на основании типологического анализа. Только этим можно объяснить появление определенного скепсиса в вопросе о научной значимости стратиграфии как основания для выводов о временной последовательности культур. Весьма показательна в этом отношении позиция археолога Ли Ши-гуя, который после раскопок в Сямэньцуне пришел к выводу, что вариант баньпо, как таковой, предшествует варианту мяодигоу [Шаньси биньсянь сямэньцунь..., 295].

Однако позднее, как помнит читатель, Ли Ши-гуй стал допускать возможность того, что стратиграфия в Сямэньцуне, быть может, и не противоречит предположению о синхронности вариантов баньпо и мяодигоу [Ли Ши-гуй, Цзэн

Ци, 581]. Такой подход к проблеме практически заводил изучение хронологии неолитических памятников в тупик.

Длительное время Китай оставался белым пятном на карте археологических памятников, датированных по радиоуглероду. Однако нельзя не отметить, что столь позднее появление абсолютных датировок неолитических культур Китая имеет и свою положительную сторону. Сейчас датированные стоянки могут рассматриваться уже не только сами по себе, как это неизбежно было бы 20—30 лет назад, а в составе значительной суммы знаний об основных вариантах культур неолита. Это существенно увеличивает значимость каждой из опубликованных дат. Они, в свою очередь, являются своего рода пробным камнем для всех предлагавшихся ранее гипотетических реконструкций хронологии неолитических культур.

Опубликованные датировки были выполнены в лаборатории Института археологии АН КНР, организованной в Пекине в 1965 г. Первые две серии датировок появились в журнале «Каогу», № 1 и № 5 за 1972 г. В 1974 г. была опубликована еще одна серия дат [Фаншэсин..., 1974].

Необходимо иметь в виду, что при исчислении абсолютных дат сотрудники пекинской лаборатории первоначально пользовались не «значением Либби» (период полураспада C^{14} , равный 5570 ± 30 лет), а уточненным значением, предложенным Г. Годвином (5730 ± 40 лет). Последнее значение признается сейчас более вероятным, однако, как известно, Кембриджский международный симпозиум 1962 г. рекомендовал по-прежнему пользоваться «значением Либби» в целях унификации всех опубликованных дат [Проблемы..., 8]. Далее абсолютный возраст эталонов (годы от наших дней) отсчитывался не от 1950 г., как принято в международной практике, а от 1965 г. Все это делает необходимым произвести пересчет опубликованных цифр, с тем чтобы сделать их сопоставимыми с корпусом абсолютных датировок, уже вошедших в научный оборот (такой пересчет был выполнен Чжан Гуан-чжи [Chang K. G., 1973, 526]. Третья публикация абсолютных дат, предпринятая пекинской лабораторией, была выполнена с соблюдением этого требования.

Даты по отдельным стоянкам представлены у нас на табл. 8 и 9. Представление об абсолютном хронологическом соотношении между отдельными локальными вариантами неолитических культур и этими культурами в целом дает табл. 10.

Оценивая эти данные, следует подчеркнуть, что абсолютные датировки неолитических памятников, опубликованные в 1972—1974 гг., полностью укладываются в имеющиеся стратиграфические свидетельства, нигде не приходя в противоречие с ними. Это, между прочим, позволяет нам с достаточным доверием отнести к тем данным стратиграфического характера, которые пока еще не подтверждены абсолютными датировками.

Таблица 8

АБСОЛЮТНАЯ ДАТИРОВКА НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЗОНЫ*

Шифр	Стоянка	Культура/вариант	Дата			
			от наших дней (1950 г.)		до н. э.	
			5570±30	5730±40	5570±30	5730±40
ZK—38	Баньпо	Яншао/баньпо	5890±110	6065±110	3940±110	4115±110
ZK—121	Баньпо	Яншао-баньпо	5730±100	5905±105	3780±100	3955±105
ZK—122	Баньпо	Яншао-баньпо	5670±100	5840±105	3720±100	3890±105
ZK—127	Баньпо	Яншао/баньпо	5420±100	5585±105	3470±100	3635±105
ZK—110	Мяодигоу	Яншао/мяоди- гоу	5080±100	5230±100	3130±100	3280±100
ZK—111	Мяодигоу	Мяодигоу II	4140±90	4260±95	2190±90	2310±95
ZK—134	Хоуган	Яншао/хоуган	5520±105	5680±105	3570±70	3730±105
ZK—76	Хоуган	Яншао/хоуган	5330±100	5485±105	3280±100	3535±105
ZK—185	Дахэцунь	Яншао/цинч- ванчжай	4885±100	5025±100	2935±100	3075±100
ZK—133	Дахэцунь	Луншань	3800±90	3910±90	1850±90	1960±90
ZK—126	Ванвань	Луншань	3830±90	3950±95	1880±90	2000±95
ZK—200	Шанпань- ван	Луншань	3935±95	4050±95	1985±95	2100±95

* Фаншэсин..., ч. 2.

Таблица 9

АБСОЛЮТНАЯ ДАТИРОВКА НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ЗАПАДНОЙ, ЮЖНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЗОН*

Шифр	Стоянка	Культура/вариант	Дата			
			от наших дней (1950 г.)		до н. э.	
			5570±30	5730±40	5570±30	5730±40
ZK—108	Цаоцзя- цзуй	Мацзяяо/ма- цзяяо	4390±100	4525±100	2440±100	2575±100
ZK—21	Мацзя- вань	Мацзяяо/ма- чан	4010±100	4135±100	2060±100	2185±100
ZK—25	Цинганча	Мацзяяо/бань- шань	3910±100	4015±100	1950±100	2065±100
ZK—15	Дахэцжуан	Цицзя	3570±90	3675±95	1620±90	1725±95
ZK—23	Дахэцжуан	Цицзя	3540±95	3645±95	1590±90	1695±95
ZK—91	Хуанцзян- шу	Цюйцзялин	4100±90	4220±95	2150±90	2270±95
ZK—125	Цюйцзялин	Цюйцзялин	4080±160	4195±160	2130±160	2245±160
ZK—124	Цюйцзялин	Цюйцзялин	4030±100	4145±100	2080±100	2195±100
ZK—90	Дадуньцзы	Цинляньган/ цинляньган	5625±105	5785±105	3675±105	3835±105
ZK—55	Сунцзэ	Цинляньган/ мацзябинь	5190±100	5345±105	3240±100	3395±105
ZK—49	Цяньшань- ян	Лянчжу	4560±100	4700±100	2610±100	2750±100
ZK—242	Цюэмуньцзяо	Лянчжу	3830±95	3940±95	1880±95	1990±95

* Фаншэсин..., ч. 1, 2.

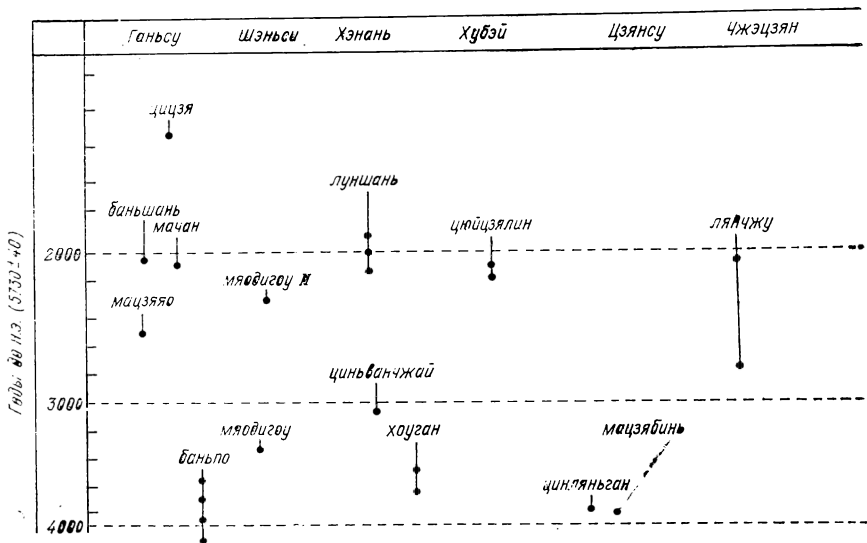

Табл. 10. Абсолютная датировка неолитических культур и их вариантов на Среднекитайской равнине

Ареалы распространения культур крашеной керамики на Среднекитайской равнине и их хронологическое соотношение можно проследить на карте 3.

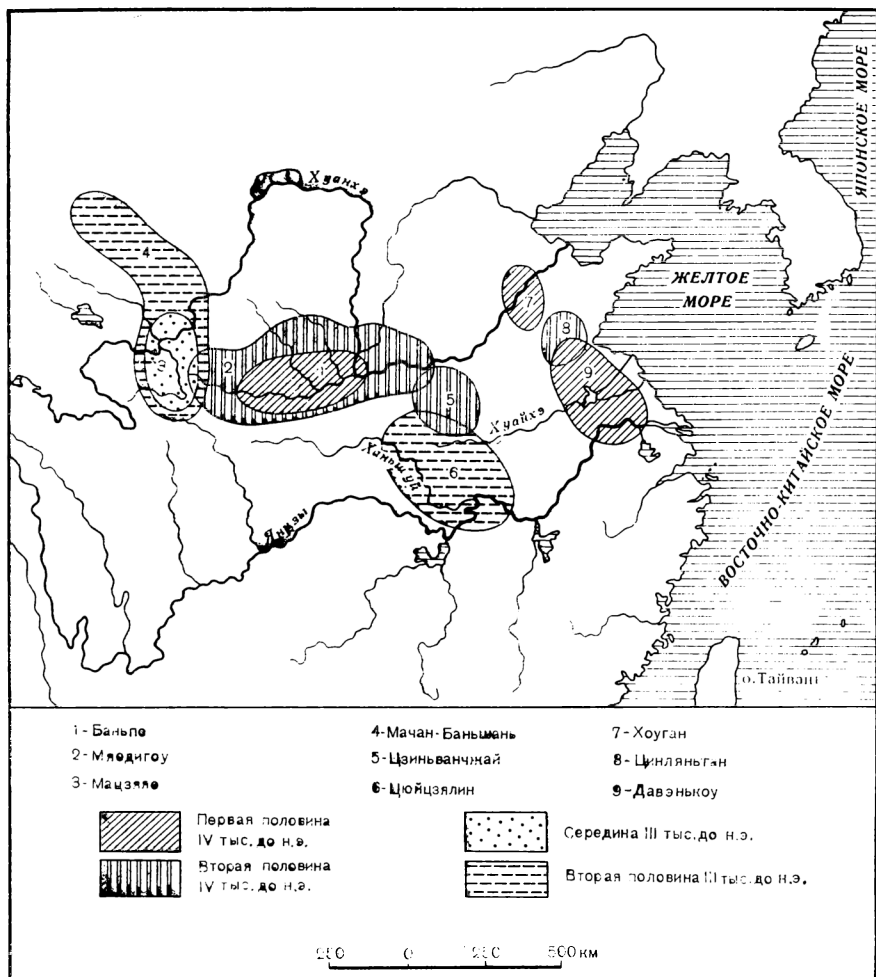
СОТНОШЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ КУЛЬТУР НЕОЛИТА

Для решения вопроса о происхождении культур неолита в бассейне Хуанхэ и этнической принадлежности их насельников первостепенное значение имеет характеристика тех специфических черт, на основании которых, собственно, и происходит выделение самих этих культур и их вариантов.

Ниже мы рассмотрим лишь некоторые из этих черт, представляющие наибольший интерес в связи с проблемой дифференциации неолитического населения Среднекитайской равнины: особенности керамики; типология жилища; погребальный обряд.

Керамика

Производство керамических изделий — неотъемлемая часть хозяйственного облика любой развитой неолитической культуры оседлых земледельцев. Керамика к тому же представляет собой наиболее массовый материал, находимый при археологиче-

Карта 3. Ареалы распространения культур крашеной керамики на Среднекитайской равнине в V—III тысячелетиях до н. э.

ских раскопках неолитических поселений, и поэтому именно ее специфика используется археологами для выделения культур и их вариантов (подробнее см. [Кашина, 1977]).

По мнению многих специалистов, орнамент керамической посуды в большей степени, чем другие особенности, связан с этническими традициями. Но сравнительно устойчивый комплекс черт, характеризующих локальные общности неолитического населения, может быть более или менее отчетливо прослежен отнюдь не только в орнаменте. Археологи уделяют значи-

тельное внимание также формам сосудов, технологическим приемам их изготовления и обжига и т. д.

В настоящее время мы не располагаем достаточным материалом для того, чтобы рассмотреть вопрос о локальных различиях керамического производства, отражающихся в конструкции обжигательных печей. Находки их довольно многочисленны, но крайне плохо документированы. Имеющиеся данные позволяют пока сделать лишь вывод о том, что печи, характерные для позднего варианта культуры яншао, не отличались сколько-нибудь существенно от своих более ранних прототипов, зафиксированных в поселениях типа баньпо.

Преемственность технических традиций, которая прослеживается на всем протяжении существования культуры яншао в долине Вэйхэ, связана также с формой изготовлявшихся сосудов и их орнаментом.

Несмотря на значительную модификацию форм керамической посуды типа мяодигоу, наиболее характерными сосудами в это время остаются большие амфорообразные кувшины для воды, изготовлявшиеся техникой ленточного налета, а также миски из хорошо отмученной глины, обычно украшавшиеся полихромной росписью.

Две особенности отличают на первый взгляд крашеную керамику баньпо и мяодигоу. Во-первых, в процентном отношении число орнаментированных сосудов в поселении Баньпо невелико. Во-вторых, абсолютно преобладают зооморфные орнаменты, отличающиеся значительной реалистичностью.

Особую ценность для интерпретации функционального значения зооморфного орнамента на керамике типа баньпо имеют находки сосудов, полихромная роспись которых отчетливо совмещает зооморфные и антропоморфные признаки (рис. 11). Личины, нанесенные на внутренней поверхности больших глиняных мисок из поселения Баньпо, представляют собой, по-видимому, изображение тотема — рыбу, наделенную чертами человеческого облика. Отметим, что рыба является преобладающим мотивом росписи в поселении Баньпо. Совершенно аналогичные по форме миски из поселения Цзянчжай (15 км восточнее Баньпо) украшены изображениями черепахи.

Зооморфный орнамент, отличающийся значительной реалистичностью деталей, отмечен также в ранних слоях поселения близ Цюаньхуцуня (Хуасянь), относящегося к варианту мяодигоу.

Ши Син-бан предпринял попытку проследить эволюцию яншаоского орнамента. Основываясь на относительной датировке крашеных сосудов, найденных на различных стоянках, этот исследователь считает, что основные мотивы геометрического орнамента, характерные для варианта мяодигоу, имеют своим прототипом более ранний, зооморфный, в частности изображение птицы, свойственные керамике Цюаньхуцуня (рис. 12).

С этой точки зрения несколько особняком стоит керамика типа байцяцунь, распространенная на юге провинции Хэбэй. Характер росписи здесь совершенно иной, причем преобладающим ее мотивом является раковина каури [Цысянь сяпаньван ичжи..., 79—80].

Совершенно своеобразна керамика типа циньванчжай. Здесь существует особый набор сосудов, среди которых значительное место занимают практически отсутствующие в мяодигоу триподы. Иной характер имеет и полихромная роспись.

Напротив, керамика мяодигоу обнаруживает значительное сходство с мацзяяской (западная зона). Это касается как формы сосудов (плоскодонные расписные миски), так и характера росписи, эволюцию которой также проследил Ши Син-бан (исходным мотивом он в данном случае считает изображение лягушки) [Ши Син-бан, 320].

Что касается восточной зоны, то керамика здесь не обнаруживает черт сходства с культурами среднего течения Хуанхэ. Однако в северной части данной зоны прослеживается бесспорная преемственность культурных традиций в области керамического производства, проявляющаяся в плавной и постепенной эволюции форм сосудов. Наивысшего развития крашеная керамика достигает здесь несколько позже, чем в центральной зоне (давэнькоу). Несколько расписных сосудов, чрезвычайно близких по стилистическим особенностям к мяодигоуским и обнаруженных в погребениях периода люлинь, совершенно выпадают из типичного набора керамического инвентаря и должны рассматриваться как привозные предметы [Цзянсу пэйсянь сыхучжэнь..., табл. I, II].

Что касается южной зоны (культура цюйцзялин), то она также характеризуется значительным своеобразием. На сегодняшнем уровне наших представлений об этой культуре наиболее реальными кажутся типологические связи отдельных элементов ее керамического комплекса с более ранними памятниками, локализуемыми к северу от основного региона Цюйцзялин — юг Хэнани, где установлено преобладание поселений типа циньванчжай.

Для поздненеолитической культуры луншань, как известно, полихромная роспись не характерна. Однако в слоях мяодигоу II, являющегося переходной фазой от культуры крашеной керамики к луншаню в его «хэнаньском» варианте, встречаются сосуды с незатейливым цветным орнаментом [Мяодигоу..., 75]. При этом важно, что практически тот же самый тип орнамента встречается на керамике типа циньванчжай. Определенное сходство между мяодигоу II и циньванчжаем прослеживается и в формах сосудов, прежде всего триподов [Ян Цзянь-фан, 1962а, табл. II]. Это позволяет считать, что формирование культуры луншань в Хэнани происходило на основе развития циньванчжай, а не мяодигоу.

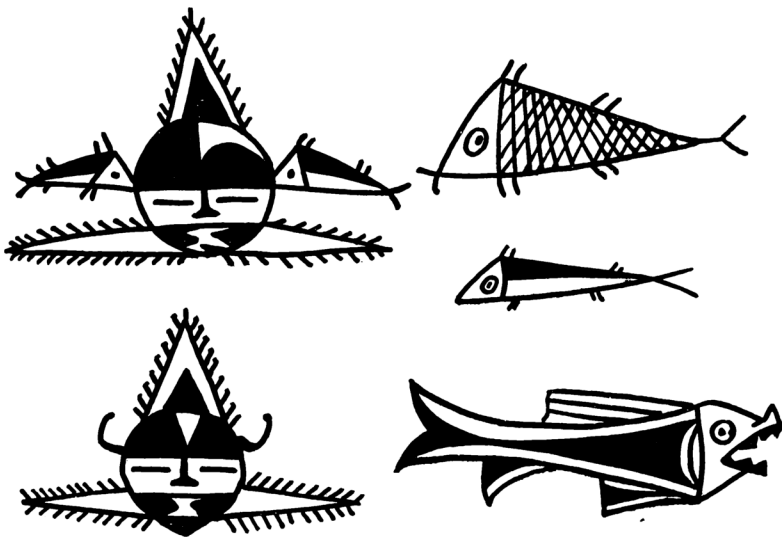

Рис. 11. Антропоморфный и зооморфный орнаменты на крашеной керамике из Баньпо [Сиань баньпо]

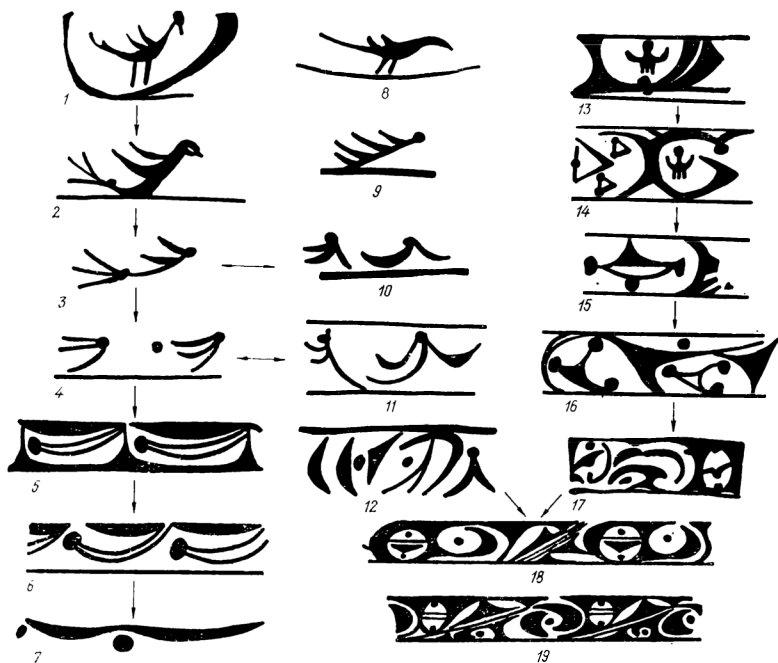

Рис. 12. Эволюция зооморфного орнамента на керамике типа мяодигоу [Ши Син-бап, 327].

1—8, 10, 17 — Цюаньхуцунь (Шэньси); 9, 11—13, 15, 16, 18—19 — Мяодигоу (Хэнань); 14 — Сиванцунь (Шаньси). Стрелки указывают на вероятную генетическую связь отдельных типов орнамента

Жилище — один из важных элементов материальной культуры любого этноса. Вместе с тем в литературе можно встретить скептическое отношение к вопросу о возможности использования археологических данных о неолитическом жилище для разработки проблем этнической истории. А. А. Формозов, например, отказался от привлечения материалов по жилищу при выделении этнокультурных областей на территории Европейской части СССР, отмечая «необходимость учесть, во-первых, такие проблемы, как почти полное отсутствие данных о жилищах мезолитической эпохи... а во-вторых, отрывочность наших данных о типах жилищ для всех эпох» [Формозов, 20]. Последнее обстоятельство связано с тем, что, по мнению А. А. Формозова, детали жилищ, которые фиксируются археологами, наиболее зависели от природных условий, а о деталях, отражающих этнические различия (оформление конька крыши и т. д.), известно очень мало.

Нам тем не менее представляется, что в определенной степени данные о жилище все же могут быть использованы в плане интересующей нас темы. Не претендуя на создание всеобъемлющей типологии неолитического жилища западной и центральной зон (материалы, касающиеся восточной зоны, совершенно недостаточны), можно, однако, предложить следующую классификацию жилищ, основанную на шести критериях:

1. Размещение относительно поверхности земли
  - А. Полуземлянка
  - Б. Наземное жилище
2. Форма жилища в плане
  - А. Круглое
  - Б. Прямоугольное (квадратное)
3. Планировка жилого пространства
  - А. Однокамерное жилище
  - Б. Многокамерное жилище
4. Конструкция очага
  - А. В яме
  - Б. На полу
5. Расположение очага
  - А. У входа
  - Б. У стены
6. Наличие опорных столбов внутри жилища
  - А. Есть
  - Б. Нет

Выясняется, что некоторые признаки жилища трансформируются на протяжении неолитического времени, другие — остаются сравнительно стабильными. Учет этого обстоятельства наряду с рассмотрением ареалов распространения типов жили-

Таблица 11

ТИПОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ЖИЛИЩ ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЗОН

Стоянка	Культура/вариант	№	Дифференциальные признаки											
			1		2		3		4		5		6	
			А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
Баньпо	Яншао/баньпо	21	+		+	+		+		+		+		
Баньпо	Яншао/баньпо	3		+	+	+		+		+		+		
Баньпо	Яншао/баньпо	25		+		+		+		+		+		
Мяодигоу	Яншао/мяодигоу	302	+		+	+		+		+		+		
Сямэньцунь	Яншао/мяодигоу	3	+		+	+		+		+		+		
Баоцзи	Яншао/баньпо	2	+		+	+		+		+		+		
Мяцзявань	Мацзяяо/мачан	5	+		+	+		+	+	+		+	+	
Мацзявань	Мацзяяо/мачан	6	+		+	+		+	+	+		+	+	
Цинганча	Яншао/цинъванчжай	1	+		+	+		+	+			+		
Дахэчжуан	Яншао/цинъванчжай			+		+		+		+		+	+	
Маоцаосы	Яншао/цинъванчжай	1		+		+		+		+		+	+	
Чжаовань	Яншао/цинъванчжай			+		+		+		+		+	+	

ща может подвести нас к определенной традиции, выработавшейся у отдельных групп неолитического населения бассейна Хуанхэ в неолитическое время (табл. 11) (рис. 13).

В целом для неолитического жилища этого региона свойственны некоторые общие черты, в частности абсолютное преобладание жилищ прямоугольной формы и каркасно-столбовой конструкции. Вместе с тем территория верхнего и среднего течения Хуанхэ может быть разделена на три достаточно четко разграниченных ареала; для каждого из них характерны жилища одного и того же типа.

Первый ареал — прежде всего бассейн Вэйхэ вплоть до Саньмэнься на востоке. Он связан с культурой яншао в двух ее основных вариантах — баньпо и мяодигоу. Типичной для этой культуры является квадратная полуземлянка с одним или несколькими опорными столбами внутри нее, очажной ямой перед входом (рис. 14).

Весьма близок к этому тип жилища, распространенный в верховьях Хуанхэ (поздние варианты культуры мацзяяо). Наиболее существенными конструктивными отличиями этого последнего типа является то, что очаг устраивался не в углублении пола, а на его поверхности, зачастую даже на небольшом возвышении.

Наконец, третий ареал охватывает большую часть Западной Хэнани и связан с памятниками типа цинъванчжай. По всем основным признакам жилище этого ареала существенно отличается от двух предыдущих типов: оно, как правило, многока-

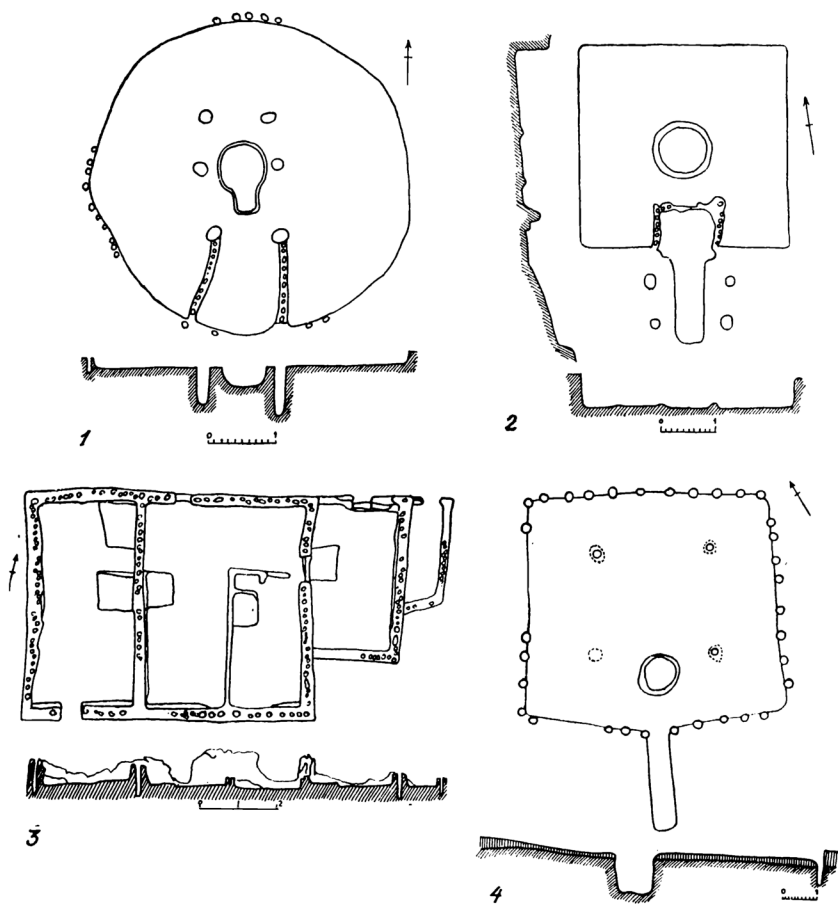

Рис. 13. Типы неолитических жилищ в среднем течении р. Хуанхэ.
 1, 2 — Баньпо (Шэньси); 3 — Дахэчжуан (Хэнань); 4 — Мяодигоу (Хэнань)

Рис. 14. Реконструкция полуземлянки из Баньпо [Сиань баньпо, 15]

мерное (черта, совершенно не свойственная яншаоскому жилищу); внутри его отсутствуют опорные столбы; очаг устраивается обычно у одной из стен.

Таким образом, и с точки зрения типологии жилища западная часть центральной зоны оказывается более тесно связанной с западной, нежели с циньванчжаем.

Однако жилище, зафиксированное в слое Мяодигоу II, относится к совершенно иному типу, нежели в циньванчжае. Это, по-видимому, указывает на то, что возникновение раннего луншаня в среднем течении Хуанхэ не было результатом лишь трансформации местного варианта культуры крашеной керамики. В процессе формирования луншаня принимал участие еще какой-то компонент, вероятнее всего, более северного происхождения. Этим, видимо, можно объяснить тот факт, что раннее луншаньское жилище — полужемляночного типа, который к этому времени перестал существовать в долине Хуанхэ. Он был вытеснен наземными жилищами.

Погребения

Наконец, рассмотрим особенности погребального обряда, прослеживающиеся в могильниках западной, центральной и восточной зон, в частности ориентировки погребений.

Хотя в этнографии до сих пор существуют различные мнения по поводу того, чем обусловлена та или иная ориентировка тела погребенного относительно стран света, несомненно, что здесь мы имеем дело с достаточно устойчивой традицией, свойственной определенным этническим общностям. Погребальный обряд относится к числу наиболее консервативных черт культуры. Поэтому сравнение особенностей погребального обряда в неолитических памятниках Среднекитайской равнины может пролить свет на известную дифференциацию населения той эпохи, в какой-то мере обусловленную их этнической принадлежностью.

Данные об ориентировке погребенных в могильниках различных культур эпохи неолита (табл. 12 и 13) дают основания для следующих предположений.

В западной зоне в конце I тысячелетия до н. э. произошло резкое изменение погребального обряда: люди, создавшие культуру мачан, практиковали труположение головой на юго-восток, тогда как для пришедшей на смену мачану культуры циззя характерна ориентировка погребений на северо-запад (хотя в отдельных могилах прослеживается еще старый погребальный обряд).

В центральной зоне для раннего варианта культуры яншао (баньпо) характерна ориентировка головой на запад или на северо-запад (встречается менее часто). Практически все погребения, относящиеся к варианту мяодигоу той же культуры

Таблица 12

ОРИЕНТИРОВКА ПОГРЕБЕНИЙ В НЕОЛИТИЧЕСКИХ МОГИЛЬНИКАХ ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЗОН

Могильник	Культура/вариант	Ориентировка погребений, число							
		З	С-З	С	С-В	В	Ю-В	Ю	Ю-З
Юаньянчи	Мацзяяо/мачан	—	—	—	—	1	148	—	2
Хуаньяннтай	Цицзя	—	21	—	—	2	3	—	—
Циньвэйцзя	Цицзя	—	103	—	—	—	—	—	—
Дахэчжуан	Цицзя	—	76	—	—	—	5	—	—
Янванань	Цицзя	—	—	2	—	—	—	—	—
Баньпо	Яншао/баньпо	51	24	2	—	—	—	1	—
Цзянчжай	Яншао/баньпо	29	7	—	—	—	—	—	—
Юаньцзюньмяо	Яншао/баньпо	38	—	—	—	—	—	—	—
Бэйшоулин	Яншао/баньпо	—	386	—	—	—	—	—	—
Ванвань	Яншао/мяодигоу	—	29	—	—	—	1	—	—
Мяодигоу	Яншао/?	—	—	1	—	—	—	—	—
Маоцаосы	Яншао/цинъванчжай?	—	—	—	11	—	—	—	—
Мяодигоу	Мяодигоу II	—	—	1	—	—	—	144	—

Таблица 13

ОРИЕНТИРОВКА ПОГРЕБЕНИЙ В НЕОЛИТИЧЕСКИХ МОГИЛЬНИКАХ ВОСТОЧНОЙ ЗОНЫ

Могильник	Культура/вариант	Ориентировка погребений, число							
		З	С-З	С	С-В	В	Ю-В	Ю	Ю-З
Мацзябинь	Цинляньган/мацзябинь	—	1	24	—	—	—	—	—
Юйдунцунь	Цинляньган/мацзябинь	—	—	25	—	—	—	—	—
Бэйиньянъин	Цинляньган/бэйиньянъин	—	—	—	218	—	—	7	—
Сунцзэ	Цинляньган/сунцзэ	—	5	—	7	—	24	—	1
Эрцзяньцунь	Цинляньган/цинляньган	—	—	—	—	5	1	—	—
Люлинь	Цинляньган/люлинь	—	—	—	52	—	—	—	—
Дадуньцзы	Цинляньган/люлинь	—	—	—	—	27	—	—	—
Хуатиньцунь	Цинляньган/хуатин	—	—	—	—	20	—	—	—
Ганшанцунь	Цинляньган/хуатин	—	—	—	—	8	—	—	—
Дадуньцзы	Цинляньган/хуатин	—	—	—	2	12	—	—	—
Едянь	Цинляньган/хуатин	—	—	—	—	8	7	—	—
Баотоу	Давэнькоу	—	—	—	—	120	—	—	—
Сисяхоу	Давэнькоу	—	—	—	—	10	—	—	—
Дувэйчжуан	Давэнькоу	—	—	—	—	1	—	—	—
Дафаньчжуан	Давэнькоу	—	—	—	—	26	—	—	—
Цзинчжичжэнь	Давэнькоу/луншань	—	—	—	—	7	—	—	—

в Лояне (Ванвань), ориентированы в северо-западном направлении, что может рассматриваться как свидетельство определенной преемственности между обоими вариантами. Однако на территории провинции Хэнань (в уезде Танхэ) отмечены могильники, характеризующиеся преобладанием северо-восточной ориентировки. Наконец, в первой половине III тысячелетия до н. э. формирование культуры мяодигуо II, представляющей собой своеобразный переходный этап от яншао к луншаню, сопровождается резким изменением ориентировки погребений, среди которых отмечены труположения только головой на юг.

В восточной зоне могильники, относимые сейчас к двум ранним локальным вариантам одной и той же культуры цинляньган, обнаруживают значительные различия в погребальном обряде. Прежде всего для южного варианта цинляньгана первоначально свойственно преобладание северной и северо-восточной ориентировки, которая затем сменяется юго-восточной. Вместе с тем все неолитические могильники в северной части провинции Цзянсу и в Южном Шаньдуне с этой точки зрения удивительно единообразны: начиная с раннего цинляньгана и вплоть до дацзынькоу (включая погребения в Цзинчжичжэне, где уже прослеживаются черты «классического луншаня») покойников хоронили здесь преимущественно головой на восток.

РАСОВЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Помимо собственно археологических материалов, позволяющих охарактеризовать неолитические культуры и их варианты на Среднекитайской равнине, раскопки (главным образом последних десятилетий) дали сравнительно обильный палеоантропологический материал, весьма существенный для реконструкции расового состава населения этого региона в рассматриваемую эпоху.

Люди из бассейна Вэйхэ

Ценные антропологические данные были добыты после образования КНР при раскопках в центральной неолитической зоне, в бассейне р. Вэйхэ — правого притока Хуанхэ (провинция Шэньси). Наиболее многочисленные краниологические серии из могильников близ Баоцзи, Баньпо и Хуасяня относятся к наиболее ранней стадии развития культуры яншао — к варианту баньпо, который датируется концом V — серединой IV тысячелетия до н. э. Эти серии были описаны в нескольких работах Янь Иня и других китайских антропологов [Янь Инь, Лю Чан-чжи и др., 33—34; Янь Инь, У Синь-чжи и др., 36—47; Янь Инь, 1962, 85—104]. Все эти серии должны быть по основным расо-диагностическим признакам отнесены к тихоокеанским монголо-

идам (табл. 14, 15). Такой вывод следует из сочетания у яншаосцев долины Вэйхэ уплощенного лицевого скелета (средний назомолярный угол мужских серий — 144—147°), сильно выступающих вперед и в стороны скуловых дуг, очень высокой мозговой коробки (139—145 мм), высокого (73—76 мм), но сравнительно узкого (130—137 мм) лица, слабо развитых клыковых ямок, довольно низкого переносья (симптический индекс — 28—37), слабо выступающего носа (угол носовых костей — около 18°) и некоторых других признаков, характерных для большинства монголоидных популяций Восточной и Южной Азии. Серии Янь Иня отличаются также средними размерами длинника и поперечника (179—181 и 139—143 мм), мезобрахикранией (78—79), мезогнатностью (лицевой угол — 81—84°), тенденцией к альвеолярному прогнатизму (71—78°), умеренно высокими округленными глазами (орбитный указатель от максиллофронтале — 78—82).

Интересно сравнить неолитические костяки из бассейна Вэйхэ с позднелеолитическими, относящимися в целом к той же географической области. Морфологические различия между обеими группами, как и следовало ожидать, значительны, но имеют главным образом стадийный характер. Без всякой натяжки общими закономерностями расогенеза объясняются такие эпохальные изменения, как уменьшение массивности черепа, сглаживание костного рельефа, в частности ослабление надбровья, «выпрямление» лба, сокращение продольного диаметра мозговой коробки (при почти полной стабильности поперечного), обусловленное этим повышение головного указателя, сужение лица, уменьшение прогнатизма. К числу эпохальных сдвигов следует, возможно, отнести и постепенный переход от широко- к узконосости, от низко- к высокоорбитности.

Если составить последовательный хронологический ряд из

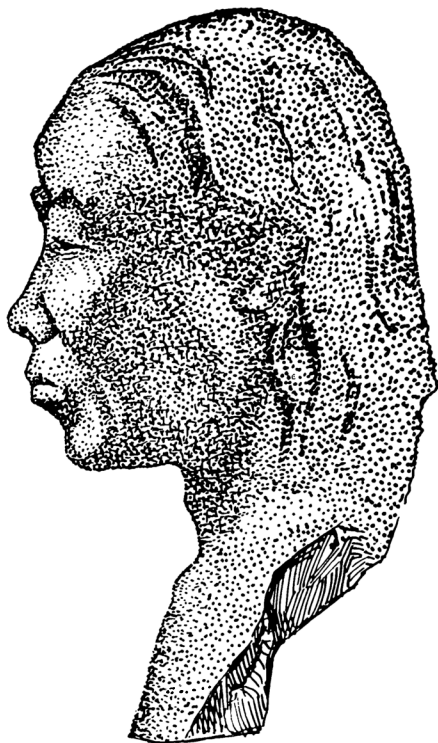

Рис. 15. Человек из Баньпо. Реконструкция Ван Цунь-и [Янь Инь, У Синь-чжи, Лю Чан-чжи, 42]

шаньдиндунской, яншаоской и современной северокитайской черепных серий, то окажется, что в этом ряду последовательно сокращаются продольный и наименьший лобный диаметры, возрастают черепной и глазничный индексы, снижается носовой указатель. Изменчивость имеет одинаковое направление на мужских и женских черепах. Таким образом, логично сделать вывод о непрерывной преемственности расообразования на севере Китая с позднепалеолитического времени до наших дней, о генетической связи между обитавшими на этой территории позднепалеолитическими, неолитическими и современными популяциями [Чебоксаров, 1947, 50—56].

Важно подчеркнуть, что неолитические краниологические серии из бассейна Вэйхэ обнаруживают немало особенностей, сближающих их с древними и современными популяциями южного ответвления тихоокеанских монголоидов, которые обладают переходными чертами от монголоидных рас к австралоидным. Серии, описанные Янь Инем и его коллегами, по сравнению с другими восточноазиатскими сериями черепов характеризуются сравнительно небольшими размерами лица, тенденцией к прогнатизму (особенно альвеолярному), относительной ширококоностью, очень слабым выступанием носовых костей. Эти южные признаки выступают у яншаосцев долины Вэйхэ рассеянно: самое низкое лицо, минимальный альвеолярный угол, наименьший симотический указатель найдены, например, на черепах из Баоцзи, наименьший скуловой диаметр — на черепах из Баньпо, а самый высокий носовой указатель — на черепах из Хуасяня. Очевидно, у яншаосцев был сильно выражен расовый полиморфизм, хотя в целом они, безусловно, занимали промежуточное положение между восточными и южными монголоидами (рис. 15).

Неолитическое население Ганьсу

Многие исследователи, следуя за Ю. Андерсоном, связывали с культурой яншао древние черепа, которые были найдены этим археологом в Ганьсу и Хэнани и подробно описаны в специальной монографии Д. Блэка, опубликованной в 1928 г. [Andersson, 1923, 1—68; Black, 1—83]. В различных стоянках Ганьсу обнаружено 74 скелета (58 мужских и 16 женских), из которых 40 Андерсон относил к неолиту, остальные же 34 — к несколько более позднему времени; из Хэнани известно только 10 костяков (6 мужских и 4 женских). Однако более новые работы китайских археологов показали, что собственно яншаоских черепов в краниологических сериях Ю. Андерсона нет; найденные им костяки из Ганьсу, отнесенные к неолиту, принадлежат культуре мацзяо (вариант баньшань, датируемый концом III тысячелетия до н. э.). Все другие ганьсуйские черепа

из коллекции Андерсона хронологически выходят за рамки неолита, так как относятся ко II и даже к началу I тысячелетия до н. э. (эпохи Инь и Чжоу). Наконец, черепа из Хэнани вообще не связаны с культурой яншао и, возможно, включают даже современные объекты [Ян Цзянь-фан, 1962, 223].

Несмотря на трудность и неопределенность датировки черепов, описанных Д. Блэком, вся серия неолитической эпохи отличается значительной гомогенностью, обнаруживая характерные особенности восточноазиатской группы тихоокеанских монголоидов (см. табл. 14): уплощенность лицевого скелета, слабое выступание носовых костей, значительную высоту черепа (у мужчин в среднем 137 мм), большую высоту лица (71—73 мм) при сравнительно малой его ширине (131—132 мм), выраженную лепторинию (носовой указатель — 47—48). Эти черепа, по данным Д. Блэка, отличаются также средней длиной (180—182 мм), небольшой шириной (137—138 мм), мезодолихокранией (черепной указатель — 75—76), мезогнатным лицом (общий лицевой угол — 85—86°), абсолютно и относительно низкими глазницами (орбитный индекс — 75—76).

По подавляющему большинству абсолютных размеров, углов и индексов, приводимых Д. Блэком, описанные им древние черепа настолько близки к современным северокитайским краниологическим сериям, что принадлежность тех и других к одной расе следует считать твердо установленной. Люди, жившие в бассейне Хуанхэ в конце III тысячелетия до н. э., были, очевидно, непосредственными предками популяций, на базе которых сформировались впоследствии китайцы и соседние с ними этносы. Предложенный Д. Блэком термин «протокитайцы» (protochinese) кажется в данном случае вполне уместным не только в этническом, но и в антропологическом смысле. Отличия древних северокитайских черепов от современных касаются небольшого числа признаков и без особого труда объясняются эпохальными изменениями, происшедшими за те несколько тысяч лет, которые отделяют их от нашего времени. Древние насельники бассейна Хуанхэ в сравнении с их позднейшими потомками обладали несколько более длинной мозговой коробкой и соответственно меньшим черепным указателем, более широким лбом, относительно низкими орбитами прямоугольных очертаний. «Из этих сопоставлений видно, — пишет Д. Блэк, — что доисторическое мужское население, представленное сводной серией черепов из Ганьсу и Хэнани, было весьма гомогенным и относилось к отчетливо выраженному восточному типу, вероятно, занимающему промежуточное положение между тибетцами из Кама и современными северными китайцами. Возможно, что это древнее мужское население (здесь Д. Блэк оперирует данными только о мужских черепах. — Н. Ч.) из района верхнего и среднего течения Хуанхэ было тесно связано со стволом, от которого произошли обе указанные группы. Мы

Таблица 14

МУЖСКИЕ ЧЕРЕПА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА

Признаки (№ по Мартину) [Martin]	Регион		Китай						Индокитай			
	Серия, шифр	Автор, публикация	Баоцзи	Баньпо	Хуасянь	Давэнькоу	Сисякоу	Баньшань	Тамханг			
									№ 3	№ 5		
									Fromaget, Saurin, 1937			
			Янь Инь и другие *									
1. Продольный диаметр	180,2 (26)	180,8 (11)	178,8 (9)	168,7 (12)	176,2 (9)	181,6 (25)	175 (1)	171,5 (1)	196 (1)			
8. Поперечный диаметр	143,3 (24)	139,0 (9)	140,7 (8)	150,1 (12)	143,9 (9)	137,0 (26)	138 (1)	130 (1)	144 (1)			
8:1. Черепной указатель	79,3 (24)	78,4 (7)	78,5 (8)	90,5 (11)	82,0 (9)	75,0 (25)	78,9 (1)	75,8 (1)	73,5 (1)			
17. Высотный диаметр	141,6 (14)	138,8 (3)	144,8 (8)	147,9 (11)	147,7 (9)	136,8 (23)	134 (1)	134 (1)	129 (1)			
17:1. Выотно-продольный указатель	78,7 (14)	77,3 (3)	80,4 (8)	88,2 (10)	83,9 (9)	75,7 (23)	76,9 (1)	78,2 (1)	65,8 (1)			
17:8. Выотно-поперечный указатель	98,8 (14)	97,4 (3)	103,9 (7)	97,5 (11)	105,1 (9)	99,8 (23)	97,1 (1)	103,1 (1)	89,6 (1)			
9. Наименьший лобный диаметр	93,3 (21)	93,1 (11)	94,3 (12)	91,6 (14)	93,9 (9)	92,3 (24)	—	—	98,0 (1)			
9:8. Лобно-поперечный указатель	65,4 (19)	64,7 (5)	66,5 (7)	60,2 (12)	65,3 (9)	67,6 (24)	—	—	68,1 (1)			
5. Носо-основной диаметр	96,4 (10)	102,2 (1)	105,7 (8)	104,9 (11)	106,0 (9)	102,1 (18)	—	—	—			
40. Длина основания лица	102,0 (12)	100,5 (1)	103,4 (7)	98,3 (9)	101,7 (9)	—	—	—	—			
40:5. Указатель выступления лица	[105,8] (10)	[99,5] (1)	[97,9] (7)	[98,6] (9)	[95,9] (9)	—	—	—	—			
32. Угол наклона лба	78,5 (16)	—	76,3 (11)	73,1 (9)	83,5 (8)	—	—	—	—			

48. Высота лица	72,7 (11)	75,9 (5)	75,2 (13)	74,8 (10)	72,0 (9)	70,2 (19)	—	—	68,0 (1)
48:17. Вертикальный кранио- фациальный угол	[51,0] (11)	[54,6] (3)	[51,8] (8)	150,71 (10)	[48,8] (9)	[51,2] (19)	—	—	52,6 (1)
45. Скуловой диаметр	137,1 (8)	130,1 (2)	133,9 (5)	140,6 (8)	139,4 (7)	130,7 (19)	—	—	137,0 (1)
48:45. Лицевой указатель	53,5 (6)	51,3 (1)	57,8 (5)	54,3 (7)	52,3 (7)	53,8 (14)	—	—	48,7 (1)
72. Лицевой угол	82,4 (16)	81,0 (3)	83,6 (9)	83,6 (9)	84,4 (8)	85,0 (17)	—	—	—
74. Альвеолярный угол	70,7 (14)	78,5 (4)	77,6 (11)	77,6 (9)	60,4 (8)	—	—	—	—
77. Назомаллярный угол	144,1 (12)	146,7 (5)	145,2 (6)	149,8 (11)	145,0 (8)	—	—	—	—
+ Зигомаксиллярный угол	137,4 (12)	136,7 (3)	—	134,7 (11)	131,7 (8)	—	—	—	—
52:51. Орбитный указатель (от максиллофронтале)	78,0 (12)	82,1 (4)	78,0 (11)	81,9 (11)	77,7 (7)	75,0 (19)	—	—	—
52:51а. Орбитный указатель (от дакриона)	84,4 (10)	86,3 (1)	83,9 (9)	86,2 (8)	84,9 (6)	—	—	—	84,6 (1)
54:55. Носовой указатель	52,5 (15)	50,0 (5)	53,4 (13)	49,5 (8)	48,5 (9)	47,3 (18)	—	—	49,0 (1)
+ Симотический указатель	28,1 (15)	29,2 (8)	37,2 (11)	33,6 (9)	31,1 (8)	—	—	—	—
75 (1). Угол носовых костей	—	—	17,8 (2)	19,7 (5)	—	20,0? (18)	—	—	—
+ Надбровье (1—6)	2,86 (28)	2,61 (13)	2,85 (20)	—	—	—	—	—	—
+ Клыковая ямка (0—4)	0,47 (19)	1,12 (13)	1,10 (14)	—	—	—	—	—	—

Признаки (N по Мертину) [Martin, 1928]	Регион	Забайкалье		Прибайкалье			Средняя Азия		Япония	
		Фофаново	Плиточные могилы	Ранняя стадия	Средняя стадия	Поздняя стадия	Цукумо	Ёсико	Ога	
										Гофман, 1954, 1958
1. Продольный диаметр		184,0 (7)	173,3 (3)	190,7 (20)	188,8 (18)	190,4 (38)	186,4 (16)	183,3 (42)	183,7 (9)	
8. Поперечный диаметр		144,8 (7)	153,7 (3)	146,3 (20)	143,9 (19)	143,8 (38)	144,4 (18)	145,0 (45)	144,3 (9)	
8:11. Черепной указатель		78,5 (6)	88,7 (3)	76,8 (20)	76,2 (17)	75,6 (38)	77,7 (16)	79,2 (38)	79,3 (6)	
17. Высотный диаметр		129,0 (4)	130,5 (3)	130,4 (12)	129,7 (14)	132,5 (30)	134,0 (13)	137,4 (11)	139,4 (9)	
17:1. Высотно-продольный указатель		[70,4] (6)	[75,4] (3)	79,8 (12)	78,6 (14)	79,2 (30)	71,6 (13)	75,4 (11)	75,8 (5)	
17:8. Высотно-поперечный указатель		[89,2] (6)	[89,8] (3)	[86,9] (12)	[82,6] (14)	[92,2] (30)	92,2 (13)	95,7 (12)	96,3 (6)	
9. Наименьший лобный диаметр		88,9 (8)	90,0 (3)	94,6 (19)	93,1 (20)	95,3 (37)	95,5 (11)	—	—	
9:8. Лобно-поперечный указатель		[60,8] (7)	[58,6] (3)	[64,6] (19)	[64,7] (19)	[66,4] (37)	[66,4] (11)	—	—	
5. Носо-основной диаметр		98,5 (12)	104,0 (3)	104,1 (12)	102,1 (14)	105,1 (30)	103,4 (13)	103,0 (13)	102,2 (5)	
40. Длина основания лица		96,5 (4)	103,0 (3)	102,9 (12)	102,9 (12)	104,6 (27)	102,7 (12)	—	98,6 (5)	
40:5. Указатель выступления лица		98,2 (4)	99,0 (3)	99,4 (7)	101,3 (12)	99,5 (27)	[99,4] (12)	—	[96,7] (5)	
32. Угол наклона лба		84,0 (4)	81,3 (3)	80,5 (10)	80,8 (13)	77,7 (32)	81,8 (4)	—	78,0 (5)	
48. Высота лица		72,3 (6)	71,1 (3)	75,2 (16)	74,3 (15)	75,2 (36)	67,0 (13)	64,3 (15)	68,7 (6)	

46:17. Вертикальный кранио-фациальный указатель	[56,1] (6)	56,3 (8)	57,6 (12)	56,6 (29)	49,8 (3)	[50,7] (11)	[48,8] (11)	[51,4] (1)
45. Скуловой диаметр	142,5 (5)	142,7 (3)	141,1 (18)	141,5 (35)	122,3 (4)	143,2 (6)	140,1 (9)	140,0 (1)
48:45. Лицевой указатель	[50,7] (5)	[49,8] (3)	[53,2] (16)	[53,2] (35)	55,4 (4)	48,3 (6)	45,1 (4)	47,2 (1)
72. Лицевой угол	90,5 (4)	87,0 (3)	86,6 (9)	85,7 (31)	87,7 (3)	81,9 (13)	80,8 (6)	81,0 (3)
74. Альвеолярный угол	—	—	81,1 (9)	70,0 (9)	78,3 (3)	70,9 (13)	—	—
77. Назомалярный угол	150,7 (8)	150,5 (3)	145,3 (15)	148,5 (10)	144,8 (30)	146,3 (12)	—	143,0 (4)
+ Зигомаксиллярный угол	142,0 (6)	139,0 (3)	138,5 (13)	136,5 (8)	137,9 (28)	—	—	—
52:51. Орбитный указатель (от максиллофронтале)	—	—	79,7 (12)	92,9 (1)	80,6 (22)	76,5 (12)	—	73,0 (4)
52:51a. Орбитный указатель (от дакриона)	89,1 (6)	82,7 (3)	84,1 (12)	82,2 (16)	85,1 (33)	—	—	—
54:55. Носовой указатель	50,3 (6)	49,0 (3)	46,6 (13)	48,2 (16)	46,9 (35)	51,4 (4)	—	51,3 (4)
+ Симметрический указатель	35,5 (6)	38,4 (3)	42,8 (13)	39,6 (9)	41,0 (2)	—	—	—
75 (1). Угол носовых костей	22,5 (4)	18,3 (3)	23,3 (12)	21,9 (11)	29,0 (26)	—	—	—
+ Надбровье (1—)	3,5 (8)	3,0 (3)	3,5 (20)	3,6 (24)	2,5 (38)	—	—	—
+ Клыковая ямка (0—6)	1,00 (7)	—	1,94 (17)	1,24 (17)	—	—	—	—

+ Признаки, отсутствующие у Мартина.

— Данные отсутствуют.

[ ] Отношение средних величин.

Цифры в круглых скобках — число исследованных.

* Баоцзи: Янь Инь, Лю Чан-чжи, Гу Юй-минь, 1960; Баньло: Янь Инь, У Синь-чжи, Лю Чан-чжи и др., 1960; Хуасянь: Янь Инь, 1962; Давэнькоу: Янь Инь, 1972; Сисяхоу: Янь Инь, 1973.

можем прийти к заключению, что это доисторическое мужское население более близко к современным северным китайцам, чем последние к тибетцам и даже современным южным китайцам» [Black, 23].

Сравнение яншаоских краниологических серий из бассейна Вэйхэ с локализованными к северо-западу от них более поздними группами Д. Блэка из Ганьсу позволяет высказать некоторые интересные расодиагностические соображения. Оказывается, что яншаосцы Вэйхэ отличались от своих северо-западных соседей более высоким и широким лицом, более заметной тенденцией к прогнатизму, относительно высокими глазами, заметно более широким носом, вероятно, также меньшим выступанием носовых костей. Нетрудно заметить, что различия между краниологическими сериями из центральной и западной зон идут в том же направлении, что и различия между монголоидными и европеоидными расами. Хотя принадлежность всех их к тихоокеанским монголоидам, аборигенным в Восточной Азии, и не вызывает никаких сомнений, можно было бы предполагать, что на северо-западных рубежах расселения протокитайских племен в их состав вошли какие-то европеоидные расовые компоненты. Для решения вопроса о происхождении этих компонентов необходимо познакомиться с расовым составом неолитического населения регионов, примыкавших к территории современного Китая с севера и запада.

По смежным с бассейном Хуанхэ территориям Маньчжурии, Монголии и Синьцзяна мы не располагаем в настоящее время никакими достоверными материалами по антропологической принадлежности населения эпохи неолита. Из более отдаленных регионов Азиатского материка в нашем распоряжении имеются сведения о черепах из Забайкалья, датированных примерно той же эпохой [Гохман, 1954; его же, 1958]. Эти черепа в массе принадлежат, несомненно, к континентальным монголоидам: они характеризуются крупной в горизонтальном сечении, но очень низкой мозговой коробкой, широким, средним по высоте, сильно уплощенным лицом, округлыми высокими глазами, слабо- или средневыступающим носом, мезоринным по индексу (см. табл. 14). От северокитайских неолитических серий забайкальские серии отличаются гораздо меньшей величиной высотного диаметра и более широким лицом, т. е. как раз теми расодиагностическими признаками, которые служат для разграничения тихоокеанских и континентальных монголоидов. Весьма возможно наличие в неолитическом населении Забайкалья некоторой европеоидной примеси, которая сказалась в понижении высоты лица, а также в повышении дакриального и симотического указателей, которое свидетельствует о более высоком переносе по сравнению с другими монголоидными краниологическими сериями (как древними, так и современными). Подобная же тенденция к низколицности наблюдается на неолитиче-

ском черепе из погребения у села Туой-Хая в Якутии [Дебеч, 1946] и на краниологической серии большереченской культуры из могильника в урочище Ближние Елбаны на Алтае [Алексеев В. П., 1954].

Череп из Прибайкалья, относящиеся к различным ступеням неолита и энеолита (IV—II тысячелетия до н. э.), также обладают многими особенностями, присущими континентальным монголоидам; больше того, эти черепа могут быть отнесены к байкальскому расовому типу, широко распространенному среди современных эвенков, эвенов, юкагиров и других народов Восточной Сибири (см. табл. 14, 15). Однако по сравнению с современными древние черепа отличаются более выступающим носом, менее уплощенным лицевым скелетом, уменьшением высоты лица и орбит [Левин, 1958, 155—177]. Эти различия между современными и древними черепами из Прибайкалья Г. Ф. Дебеч склонен был первоначально объяснять примесью европеоидных расовых компонентов к монголоидным у населения Восточной Сибири эпохи неолита и энеолита [Дебеч, 1948, 56—61]. В более поздней работе тот же исследователь пересмотрел свою точку зрения, учтя новые методические приемы краниометрии, а также новые материалы по антропологии древнего и современного населения Азии. В книге 1951 г. он пишет: «В свете этих данных становится несколько более вероятной, хотя отнюдь не доказанной, гипотеза, согласно которой отличия неолитических черепов Прибайкалья от черепов современных монголоидных народов Сибири не объясняются наличием европеоидной примеси или по крайней мере не сводятся только к этой примеси. С этой точкой зрения антропологический тип населения прибайкальского неолита представляет собой древнюю форму монголоидной расы» [Дебеч, 1951, 93].

Для вопроса о расовой принадлежности «протокитайской» серии Блэка эти соображения представляют очень большой интерес. В одной из работ 1947 г. Г. Ф. Дебеч писал: «Я не могу теперь настаивать на ранее высказанном мною мнении о наличии европеоидной примеси в неолите Прибайкалья. Возможно, что промежуточное положение прибайкальских неолитических черепов между современными сибирскими монголоидами и европеоидами объясняется близостью их к исходному азиатско-американскому типу. Это тем более вероятно, что предки сибирских монголоидов в какой-то мере, несомненно, должны были обладать „американоидными“ чертами. Вопрос о том, объясняются ли особенности черепов прибайкальского неолита протоморфностью их или смешением с европеоидами требует специального исследования» [Дебеч, 1947, 74]. Применяя взгляды Г. Ф. Дебеца к древнекитайской проблематике, можно высказать предположение о сохранении у позднеолитических насельников Ганьсу некоторых древних «американоидных» особенностей, до известной степени имитирующих сходство с евро-

пеоидами. Такое предположение тем более вероятно, что подобные же «протоморфные» признаки сохраняются и в наши дни в соседнем Тибете, где они описаны Дж. М. Морантом у восточнотибетского (камского) типа [Morant, 1924, 193—260].

Гипотеза об «американоидности» населения западной неолитической зоны Северного Китая (как и Сибири) не снимает вопроса о возможном включении в состав этого населения европеоидных расовых компонентов, которые могли проникать в бассейн Хуанхэ из Южной Сибири или из Средней Азии. Однако при современном уровне археологических и палеоантропологических знаний для вывода о проникновении в бассейн Хуанхэ европеоидных расовых компонентов у нас нет конкретных данных. Неолит Синьцзяна почти не изучен, а материалы по палеоантропологии этого региона периода неолита пока что полностью отсутствуют. Наши сведения о расовой принадлежности неолитического населения самой Средней Азии также довольно скудны. Материалы, помещенные в последней сводке В. В. Гинзбурга и Т. А. Трофимовой, свидетельствуют о принадлежности этого населения к южным («средиземноморским») европеоидам с низким или умеренно высоким, большей частью узким лицом, резко профилированным в горизонтальном сечении [Гинзбург, Трофимова, 1972, 33—37]. Маловероятно, чтобы «средиземноморские» расовые элементы в конце III тысячелетия до н. э. проникали из Туркмении в Ганьсу.

Популяции восточной неолитической зоны

На востоке Китая (Шаньдун—Цзянсу) самыми ранними неолитическими костными остатками людей являются черепа из погребений Дадуньцзы и Бэйиньяньин, относящихся к ранней стадии культуры цинляньган (IV тысячелетие до н. э.).

Из-за плохой сохранности черепов исследовавшие их китайские антропологи могли детально изучить только нижние челюсти, которые обнаружили морфологические особенности, почти отсутствующие у современного населения Северного Китая, но частые у китайцев Юньнани и особенно характерные для полинезийцев [У Дин-лян, 1961; Хань Кан-синь, Лу Цин-у, Чжан Чжэнь-бяо, 1974].

Помимо этих остатков в нашем распоряжении теперь имеются данные о краниологических сериях, обнаруженных в погребениях Давэнькоу и Сисяхоу, которые относятся к культуре давэнькоу (III тысячелетие до н. э.), развившейся на основе цинляньгана [Янь Инь, 1972; его же, 1973] (рис. 16).

Черепки эти сильно деформированы (особенно в Давэнькоу), вследствие чего абсолютные размеры их мозговой коробки оказались крайне необычными, а черепной указатель исключительно высоким (90,5!), подобно тому как это наблюдается в других краниологических сериях с аналогичной затылочной деформа-

цией (например, у современных китайцев Хайнаня) [Чебоксаров, 1973а, 48].

Применяя различные приемы экстраполяции, Янь Инь сделал попытку вычислить естественные величины главных диаметров мозговой коробки древних шаньдунцев; она оказалась умеренно длинной, широкой, чрезвычайно высокой, но по черепному указателю мезобрахикранной (78,7). Для описываемой серии характерны также крупные размеры лица (особенно высота), его уплощенность как в верхней, так и в нижней части, некоторый общий и альвеолярный прогнатизм, высокие глазницы округлых очертаний, слабо выступающий мезоринный нос (индекс — 49,5). Общий облик неолитических черепов из Давнькоу довольно грацильный, несмотря на их крупные абсолютные размеры, надбровье развито не очень сильно, но лоб наклонный. По большинству измерительных признаков эти черепа обнаруживают значительную близость с яншаоскими сериями из бассейна Вэйхэ (рис. 16). «Южный» облик свойствен и тем и другим, но у «шаньдунцев» он выражен, по-видимому, более резко — недаром Янь Инь сравнивает их с современными краниологическими сериями из Океании. Логично поставить вопрос о продвижении каких-то южномонголоидных популяций (возможно, аустронезийских по языку) с юга на север еще в конце IV — начале III тысячелетия до н. э.

Неолитическое население Индокитая

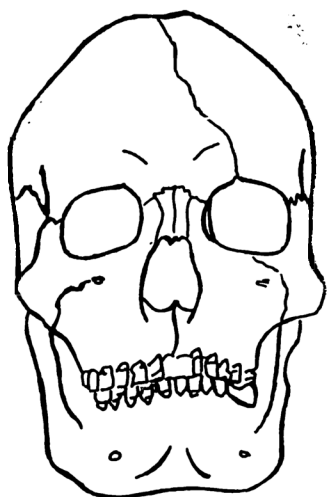
Для характеристики расового состава неолитического населения Среднекитайской равнины очень важны соответствующие данные с территории соседних стран Юго-Восточной Азии. Насколько можно судить по материалам Р. Верно, Г. Мансю и М. Колани, Ж. Фромаже и Э. Сорен, Е. Патта и Э. Жене-Варсен, Ха Ван Тана, Нгуен Зуя, Нгуен Куанг Куена и некоторых других преимущественно французских и вьетнамских исследователей, в составе различных неолитических племен Индокитая преобладали всевозможные варианты австралоидных рас или компоненты, переходные между австралоидами и монголоидами. К последним относятся, несомненно, типы так называемой индонезийской расы Ха ван Тана, представленной в первую очередь сериями черепов из пещеры Фобиньзя и Камау (СРВ). Это массивные, очень крупные по абсолютным размерам черепа, длинные, умеренно широкие и очень высокие, по черепному указателю мезодолихокранные (74—78), с покатым лбом и сильно развитым надбровьем. Лицо у них крупное — широкое и высокое, по-видимому, несколько уплощенное, с отчетливо выступающими скулами. Глазницы высокие, округлых очертаний (особенно на женских черепах), нос слабо выступающий, широкий. Альвеолярный прогнатизм выражен отчетливо. Очевидно, «индонезийская раса» возникла в процессе развития

древнейших австралоидных и монголоидных форм, сходных с люцзянцем и тампонгцем, и стала источником образования южномонголоидных популяций Южного Китая и Индокитая, на базе которых сложились в более поздние эпохи вьеты (кинъ), а также народы, говорящие на тайских, мон-кхмерских и индонезийских языках [Verneau, 546—559; Mansuy, Colani, 1—47; Fromaget, Saurin, 1—48; Patte, 277—314; Genêt-Varçin; Ha Van Tan, Nguyễn Duy, Nguyễn Quang Quyên, 351—368; Nguyễn Duy, 329—348].

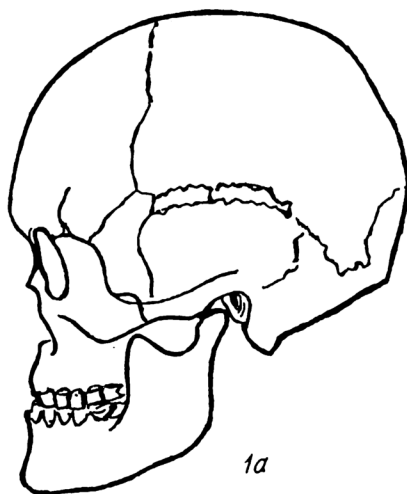
Можно согласиться с вьетнамским антропологом Нгуен Динь Хоа, когда он, говоря о сочетании у разных народов Вьетнама (и всей Юго-Восточной Азии) монголоидных и австралоидных черт, склоняется к мысли, что эта комбинация не может быть объяснена только метисацией. «Таким образом, — пишет он, — можно предположить, что в раннем неолите (и тем более раньше) были широко распространены среди населения Индокитая различные переходные формы, от которых могли произойти гораздо раньше, с одной стороны, веддо-индонезийцы и другие „негроавстралоидные“ формы, с другой же — южные варианты монголоидного типа, сохранившиеся до нашего времени в составе аборигенов различных областей этой территории» [Нгуен Динь Хоа, 9]. Те же соображения Нгуен Динь Хоа высказывает и в своих работах, посвященных антропологическому составу вьетнамцев, мыэнгов и различных малых народов СРВ

[Nguyễn Đình Khoa, 1968, 52—61; его же, 1969, 41—49; 1969а, 47—59]. Очень вероятно, что в неолите ареал распространения переходных монголоидно-австралоидных популяций простирался гораздо дальше на север, чем в более поздние исторические эпохи, и охватывал не только Индонезию и Индокитай, но и весь Южный Китай между Циньлином и Южнокитайским морем [Решетов, Чебоксаров, 108—109; Чебоксаров, 1973, 46—47].

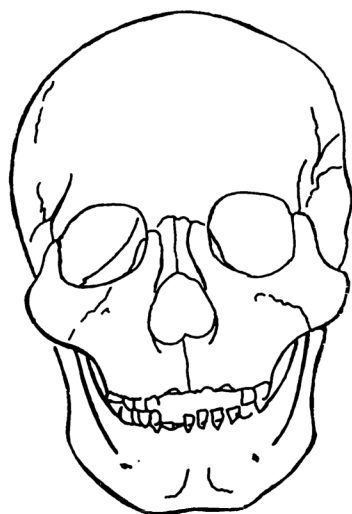
Говоря о расовом составе неолитического населения стран, примыкающих к территории современного Китая с юга, надо иметь в виду, что окончательное суждение об этом составе в настоящее время затруднено из-за немногочисленности, фрагментарности и не всегда удовлетворительной публикации палеоантропологических материалов. Среди ранненеолитических костных находок в Индокитае наиболее полно описаны четыре скелета (два мужских и два женских) из Тамханга в Лаосе, расположенного недалеко от мезолитического местонахождения Тампонг [Fromaget, Saurin, 41—45]. Оба найденных здесь мужских черепа отличаются небольшой вместимостью мозговой коробки, очень короткой (172—175 мм) и узкой (130—138 мм), но довольно высокой (134 мм), по головному указателю мезокранной (76—79). Костный рельеф у описываемых черепов развит слабо, надбровье сглажено, лоб почти прямой, лицо не-

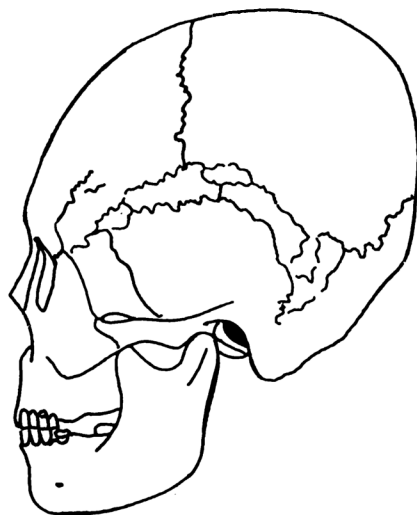
1

1a

2

2a

Рис. 16. Мужские черепа из Баныпо и Давэнькоу (прорисовка Г. В. Лебединской).

1, 1a — Баныпо; 2, 2a — Давэнькоу

большое, узкое и низкое, ортогнатное, глазницы сравнительно низкие, нос широковатый (индекс на объекте с лучше сохранившимся лицевым скелетом — около 50). Отмечая чрезвычайно низкий рост одного из мужчин Тамханга (около 140 см), Фромаже и Сорен считают возможным отнести их к пигмейскому расовому типу. Из женских черепов один очень сходен с мужскими, другой же отличается своеобразными чертами, требующими специального рассмотрения. Этот череп более крупный, чем остальные, короткий (174 мм), но сравнительно широкий и высокий (142,4 и 137 мм), по черепному указателю брахиокранный (81,9). Лицо для женщины высокое (71 мм) и довольно широкое (129 мм), несколько уплощенное, глазницы округлые, высокие, нос мезоринный, предносовые ямки, судя по опубликованному изображению, сильно развиты, имеется альвеолярный прогнатизм (см. табл. 15). Фромаже и Сорен отмечают, что женский череп напоминает монголоидов, обнаруживая особенно большое сходство с индонезийским расовым компонентом, преобладающим среди различных аборигенных этносов Южного Китая, в частности среди ицзу (лоло). Многие особенности сближают тамхангский череп с тампонгским и с женскими североазиатскими черепами, описанными Д. Блэком. Вряд ли можно сомневаться, что женщина из Тамханга принадлежала к южным монголоидам.

Ранним неолитом датируются также костяки из стоянок Донгтюок и Лангкюом на севере Вьетнама [Mansuy, Colani, 1—47]. Большинство неолитических черепов из Вьетнама обладает, по данным французских исследователей, «меланезоидными» особенностями: крайней долихокранией, абсолютно небольшим поперечником мозговой коробки (при большой ее высоте), малыми размерами лица, абсолютно и относительно широким носом, выраженным альвеолярным прогнатизмом. Два ранне-неолитических скелета из Донгтюока описываются как «прото-австралийские» [Eickstedt, 1944, 770—772; Weidenreich, 1939, 168].

Из поздне-неолитических черепов, найденных в Индокитае, упомянем детский череп № 3 из Тамханга (Лаос), который, по свидетельству Фромаже и Сорена, напоминает по одним признакам человека из Тампонга, по другим — современных папуасов и негритосов [Fromaget, Saurin, 46—47]. Другой детский череп, найденный в поздне-неолитическом погребении стоянки Минхкам в Среднем Вьетнаме, по мнению Эйкштедта, морфологически близок к азиатским пигмеям [Eickstedt, 1944, 770—771], по мнению же Ж. Фромаже и Э. Сорена — к черепу из Тампонга.

О черепах из пещеры Фобиньзя мы уже упоминали. Наиболее сохранившийся из них — мужской череп — очень крупный по вместимости (около 1800 куб. см), массивный, абсолютно длинный, но узкий и высокий, долихокранный, с умеренно

развитым надбровьем и покатым лбом (см. табл. 14). Лицо рассматриваемого черепа для мужчины очень низкое (68 мм), но довольно широкое. Скуловые дуги сильно развиты, клыковые (собачьи) ямки выражены слабо, глазницы крупные, округлые. Нос мезоринный, переносье — судя по рисункам — довольно низкое, угол носовых костей равен приблизительно 20° . Альвеолярный прогнатизм выражен отчетливо. Сохранившиеся хуже женские черепа по основным морфологическим особенностям напоминают мужской [Verneau, 546—559]. У всех объектов из пещеры Фобинья выражены, как уже упоминалось, основные особенности южномонголоидной «индонезийской расы», переходной к австралоидам.

Критически оценить все эти построения нелегко, так как фактические данные о расовом составе неолитического населения Юго-Восточной Азии далеко не достаточны для окончательных выводов. В общем, о гипотезах французских исследователей, изучавших палеоантропологические материалы с территории Индокитая, можно сказать то же, что было сказано выше относительно «меланезоидности» и «эскимонидности» позднелинитических черепов из Шаньдиндуна. Сочетание австралоидных, меланезоидных и негритосских особенностей у отдельных неолитических черепов Вьетнама и Лаоса свидетельствует, вероятно, о расовом полиморфизме популяций, генетически переходных между австралоидами и монголоидами. Несомненно, что разные варианты австралоидов, ставшие исходными для формирования цейлоно-зондских (веддоидных), папуасо-меланезийских и негритосских расовых типов, были в неолитическую эпоху распространены на юго-востоке Азии гораздо шире, чем в более поздние исторические периоды. Однако и в неолите в Индокитае (а также в Индонезии и на Филиппинах) существовали монголоидные популяции индонезийского типа. Эти популяции распространялись, по-видимому, далеко на юг, недаром одна из типичных «индонезийских» краниологических серий происходит из района мыса Камау на крайнем юге Вьетнама [Genêt-Varçin].

Неолитическое население Японии

Определенный интерес для проблем расогенеза, а в известной степени и этногенеза древних китайцев представляют данные об антропологических особенностях неолитического населения Японских островов. Для суммарной характеристики этого населения можно воспользоваться материалами Имамичи [Imamichi], Кинтака [Kintaka], Киёно и Миямото [Куоно, Miyamoto], сведенными и проанализированными в двух фундаментальных монографиях М. Г. Левина [Левин, 1958, 259—285;

Т а б л и ц а 15
ЖЕНСКИЕ ЧЕРЕПА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА

Признак (№ по Мартину) [Martin]	Регион		Китай					Индокитай	
	Серия, шифр	Автор, публикация	Баоцзи	Баньпо	Хуасянь	Давэнькоу	Сисяхоу	Тамканг	
			Янь Инь и другие *					Ранний неолит № 2	Поздний неолит № 4
1. Продольный диаметр	175,3 (10)	178,1 (4)	174,3 (4)	160,5	169,3 (8)	158,0 (1)	174,1 (1)	—	
8. Поперечный диаметр	138,6 (9)	141,1 (4)	140,7 (5)	145,2 (14)	144,3 (8)	134,5 (1)	142,5 (1)	—	
8:1. Черепной указатель	78,6 (9)	79,4 (4)	80,2 (3)	91,0 (11)	85,2 (8)	85,1 (1)	81,9 (1)	78,2 (1)**	
17. Высотный диаметр	135,9 (8)	—	136,2 (3)	143,0 (8)	142,6 (5)	130,5 (1)	137,0 (1)	—	
17:1. Выотно-продольный указатель	78,7 (8)	—	77,7 (3)	88,8 (8)	85,0 (5)	84,6 (1)	78,7 (1)	77,6 (1)	
17:8. Выотно-поперечный указатель	97,9 (7)	—	96,8 (3)	98,0 (8)	99,5 (5)	97,0 (1)	95,4 (1)	99,6 (1)	
9. Наименьший лобный диаметр	92,0 (12)	89,0 (6)	94,0 (1)	90,2 (12)	91,3 (6)	—	—	—	
9:8. Лобно-поперечный указатель	66,4 (9)	64,4 (2)	66,2 (1)	62,0 (11)	68,4 (5)	—	—	—	
5. Носо-основной диаметр	90,6 (6)	—	97,5 (2)	101,4 (8)	99,0 (4)	—	—	—	
40. Длина основания лица	96,6 (7)	—	97,3 (2)	94,4 (8)	96,4 (4)	—	—	—	
40:5. Указатель выступаания лица	[106,7] (6)	—	[100,0] (2)	[92,9] (8)	97,4 (4)	—	—	—	

Fromaget, Saurin. 1986

32. Угол наклона лба	75,9 (9)	—	81,8 (2)	78,3 (11)	87,6 (4)	—	—
48. Высота лица	68,3 (7)	69,0 (2)	70,5 (2)	69,0 (10)	67,2 (6)	—	71,0 (1)
48:17. Вертикальный кранио-фациальный указатель	[50,4] (7)	—	[52,2] (2)	[48,2] (10)	47,4 (4)	—	51,6 (1)
45. Скуловой диаметр	128,3 (4)	—	—	129,1 (8)	133,4 (5)	—	—
48:45. Лицевой указатель	52,4 (3)	—	—	53,3 (8)	50,0 (4)	—	55,0 (1)
72. Лицевой угол	83,2 (9)	—	87,0 (1)	84,4 (10)	84,6 (4)	—	—
74. Альвеолярный угол	74,4 (9)	—	79,0 (2)	77,1 (11)	61,6 (4)	—	—
77. Назомалярный угол	143,5 (9)	—	—	148,4 (12)	146,8 (5)	—	—
+ Зигмаксиллярный угол	138,9 (6)	—	129,5 (1)	136,4 (10)	132,0 (5)	—	—
52:51. Орбитный указатель (от максиллофронтале)	79,9 (7)	—	79,6 (2)	81,4 (11)	78,8 (5)	—	—
51:51a. Орбитный указатель (от дакриона)	86,1 (6)	—	86,2 (1)	87,5 (8)	86,7 (6)	—	—
54:55. Носовой указатель	52,4 (8)	50,2 (1)	41,2 (1)	50,8 (10)	40,8 (6)	—	50,9 (1)
+ Симметрический указатель	24,3 (8)	—	—	26,3 (9)	24,5 (5)	—	—
75(1). Угол носовых костей	—	—	—	16,9 (7)	—	—	—
+ Надбровье (1—6)	—	—	—	—	—	—	—
+ Клыковая ямка (0—4)	—	—	—	—	—	—	—

Признак (N по Мартину) [Martin]	Регион		Прибайкалье				Япония	
	Серия	Автор, публикация	Ранняя стадия	Средняя стадия	Поздняя стадия	Шукumo	Ёсико	Ога
			Дебел, 1951				Кулоо, Муэлото, 1926	
1. Продольный диаметр			183,5 (4)	180,4 (5)	184,1 (30)	175,7 (18)	176,1 (31)	174,8 (4)
8. Поперечный диаметр			140,0 (4)	137,4 (5)	139,2 (30)	141,9 (21)	141,7 (29)	140,5 (4)
8:11. Черепной указатель			76,3 (4)	76,2 (5)	75,6 (30)	80,8 (18)	80,1 (25)	79,3 (6)
17. Высотный диаметр			124,2 (4)	120,0 (4)	126,4 (21)	126,1 (14)	135,6 (7)	135,3 (3)
17:1. Высотно-продольный указатель			76,8 (4)	75,7 (4)	78,4 (22)	71,5 (14)	77,1 (7)	77,7 (3)
17:8. Высотно-поперечный указатель			[89,6] (4)	[87,3] (4)	[90,6] (21)	89,3 (14)	96,5 (7)	96,7 (3)
9. Наименьший лобный диаметр			91,2 (4)	90,8 (5)	92,4 (29)	93,8 (12)	—	—
9:8. Лобно-поперечный указатель			[65,8] (4)	[66,4] (4)	[67,4] (21)	66,2 (15)	—	—
5. Носо-основной диаметр			98,7 (3)	97,7 (3)	99,6 (20)	96,3 (12)	97,8 (8)	98,5 (2)
20. Длина основания лица			99,5 (2)	106,5 (18)	100,5 (12)	95,8 (12)	—	97,0 (1)
20:5. Указатель выступающего лица			100,0 (2)	112,8 (2)	100,9 (18)	94,8 (9)	—	88,1 (1)
32. Угол наклона лба			82,5 (2)	80,5 (2)	78,8 (23)	84,2 (12)	—	85,0 (3)
48. Высота лица			68,7 (3)	72,0 (3)	70,7 (27)	63,1 (9)	60,9 (7)	65,0 (1)

48:17. Вертикальный кранио-фациальный указатель

45. Скуловой диаметр

48:45. Лицевой указатель

72. Лицевой угол

74. Альвеолярный угол

77. Назомалярный угол

+ Зигмаксиллярный угол

52:51. Орбитный указатель (от максиллофронтале)

52:51a. Орбитный указатель (от дакриона)

54:55. Носовой указатель

+ Симметрический указатель

75(1). Угол носовых костей

+ Надбровье (1—6)

+ Клыковая ямка (0—4)

+ Признаки, отсутствующие у Мартина.

— Данные отсутствуют.

[ ] Отношения средних величин.

Цифры в круглых скобках — число исследованных.

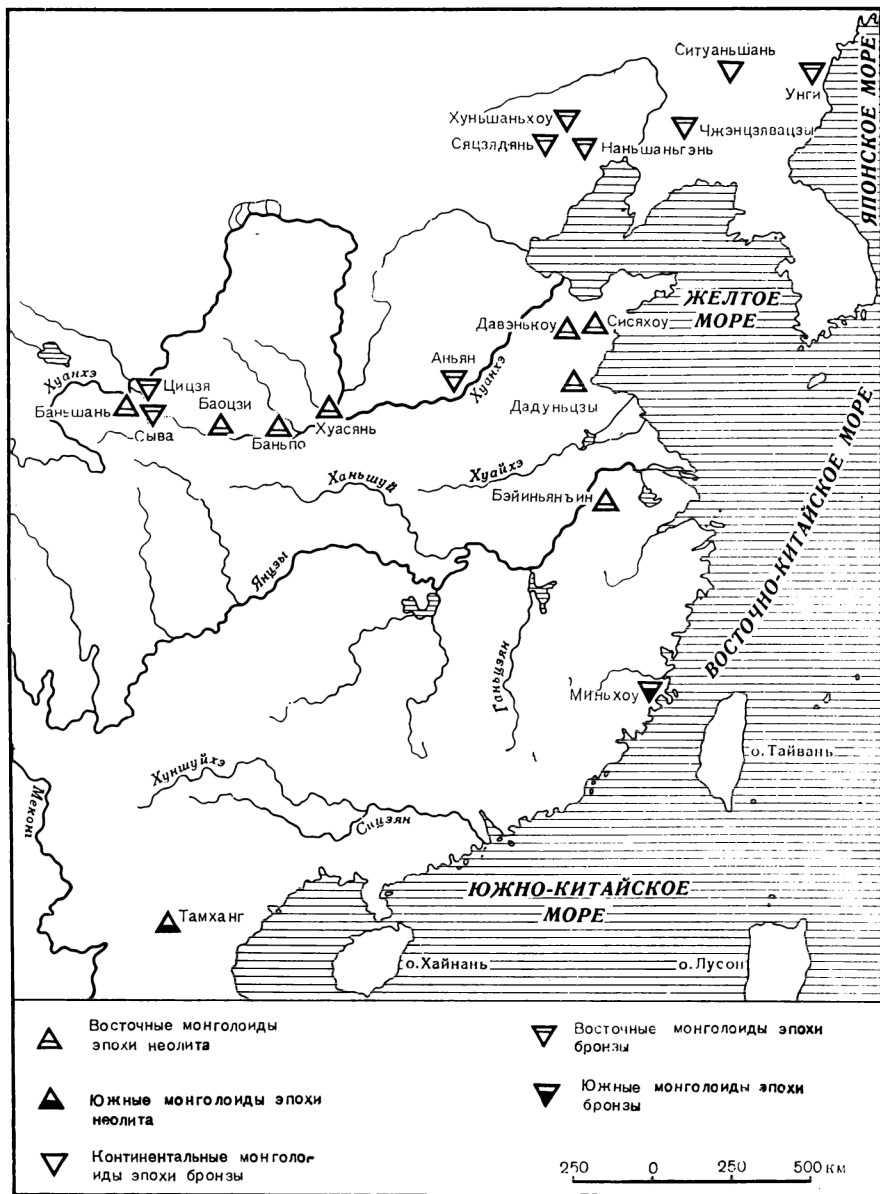
* Баоцзи: Янь Инь, Лю Чан-чжи, Гу Юй-минь, 1960; Баньпо: Янь Инь, У Синь Чжи, Лю Чан-чжи и др., 1960; Хуасянь: Янь Инь, 1962; Давэнькоу: Янь Инь, 1972; Сисяхоу: Янь Инь 1973.
 ** Ребенок 10—11 лет.

55,5 (3)	63,6 (2)	56,0 (19)	49,6 (10)	47,1 (7)	48,1 (1)
130,7 (2)	135,0 (26)	131,7 (9)	132,8 (9)	132,5 (2)	131,0 (1)
55,6 (2)	54,2 (23)	53,2 (6)	48,1 (6)	47,7 (1)	49,6 (1)
83,0 (2)	82,5 (2)	84,6 (20)	81,8 (10)	80,0 (2)	81,0 (1)
77,5 (2)	61,0 (2)	76,4 (19)	69,6 (11)	—	—
148,0 (3)	147,7 (3)	147,1 (21)	148,7 (12)	—	151,0 (2)
142,0 (2)	132,5 (2)	136,2 (19)	—	—	—
78,4 (2)	85,7 (1)	83,2 (17)	81,0 (7)	—	—
85,4 (3)	88,4 (2)	86,6 (24)	—	—	—
50,0 (3)	49,5 (3)	46,8 (24)	56,1 (10)	—	56,3 (1)
50,2 (2)	35,3 (3)	37,9 (18)	—	—	—
20,5 (2)	17,0 (2)	20,5 (17)	—	—	—
2,50 (4)	2,50 (6)	2,48 (31)	—	—	—
1,75 (4)	1,67 (3)	1,68 (28)	—	—	—

его же, 1971, 177—201]. По сравнению с относящимися к той же эпохе черепами из бассейна Вэйхэ черепа из неолитических погребений Японии, связанных с культурой дзёмон, характеризуются более крупными горизонтальными диаметрами мозговой коробки (при меньшей ее высоте), несколько более широким, но прямым лбом, гораздо более низким и широким лицом, по видимому, также абсолютно и относительно более низкими глазами; для японских серий характерны такие признаки, как мезобрахикрания, отчетливый альвеолярный прогнатизм, уплощенность лицевого скелета, тенденция к широконосости (см. табл. 14, 15). «По всем основным признакам древние черепа сближаются с айнскими и занимают крайние точки по сравнению с черепами японцев» [Левин, 1971, 195]. Вместе с тем по общему облику черепа эпохи японского неолита напоминают древние и современные южномонголоидные серии. Это не должно нас удивлять, так как между айнами и южными монголоидами «индонезийского» типа существует большое морфологическое сходство. На скелетных материалах разграничение айнов и индонезийцев часто оказывается крайне затруднительным. Очевидно, неолитические насельники Японии, среди которых были как айнские, так и индонезийские племена (кумасо), по своему происхождению были связаны, подобно жившим примерно в то же время протокитайским племенам бассейна Вэйхэ, с переходными монголоидно-австралоидными популяциями Юго-Восточной Азии.

Таким образом, в эпоху неолита на территории современного Китая и соседних с ним стран сложилось несколько ясно выраженных очагов расообразования и этногенеза (карта 4). В бассейне Хуанхэ жили популяции, принадлежавшие к восточноазиатской расе тихоокеанских монголоидов и говорившие, вероятно, на древнейших языках китайско-тибетской семьи. Среди этих популяций насельники долины Вэйхэ и прибрежных районов Шаньдуна (Давэнькоу) обнаруживали отчетливые этнорасовые связи с южномонголоидными, переходными к австралоидам племенами, обитавшими к югу от Циньлина, в то время как популяции, расселенные севернее и западнее (в пределах современной провинции Ганьсу), сохраняли протоморфные «американоидные» черты, обнаруживая связи с континентальными монголоидами Центральной Азии и Юго-Восточной Сибири, которые говорили, вероятно, на палеоазиатских языках.

Вопрос о контактах неолитических племен Ганьсу с европеоидными популяциями Южной Сибири и Средней Азии остается открытым, хотя некоторые морфологические особенности черепов ранней серии Д. Блэка дают возможность поисков в этом направлении. Зато генетическое родство неолитических племен Северного Китая с жившими к югу от Циньлина монголоидно-австралоидными предками тайских, мон-кхмер-

Карта 4. Палеоантропологические находки эпохи неолита и бронзы в Восточной Азии и на смежных территориях

ских, а вероятно, и аустронезийских этносов не вызывает сомнений. То же можно сказать о связях неолитических племен Японии и Юго-Восточной Азии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ

Миграция с Запада?

Первооткрыватель китайского неолита Ю. Андерсон, обобщая результаты своих исследований, выдвинул в свое время получившую значительный резонанс теорию о том, что «прото-китайцы» — создатели культуры крашеной керамики — были мигрантами с запада. Первоначально они, продвигаясь в восточном направлении, достигли Ганьсу, а затем проникли на территорию Хэнани [Andersson, 1925, 35—45]. Б. Карлгрен предложил несколько иную интерпретацию фактов, полученных Андерсоном: «протокитайцы» обитали в бассейне Хуанхэ еще в до-неолитическое время, а впоследствии туда переселились и смешались с «протокитайцами» другие племена, принесшие с собой культуру крашеной керамики. Предположение Б. Карлгрена поддержали некоторые японские археологи [Хамада Косаку, 31].

Идею распространения культур крашеной керамики с запада на восток разделял китайский ученый Лян Сы-юн, открывший в Шаньдуне культуру луншань. В одной из своих ранних работ Лян Сы-юн рисует картину постепенного распространения крашеной керамики из Ганьсу на восток, а черной керамики — из Шаньдуна на запад. Диффузия этих культур происходила, по Лян Сы-юну, несколькими волнами. Ранняя волна распространения черной луншаньской керамики около 2500 г. до н. э. достигла поселения Яншао, а затем продолжала движение на запад и около 2000 г. до н. э. пришла в Ганьсу, где черная керамика смешалась с крашеной. Поздняя волна достигла лишь Хоугана. Это произошло в 2300—2000 гг. до н. э., когда крашеная керамика на территории Хэнани уже исчезла. В свою очередь, ранняя волна крашеной керамики докатилась до Хоугана, тогда как поздняя — лишь до Яншао, где, столкнувшись со встречной волной черной керамики, утратила способность к дальнейшему продвижению на восток, исчезла или изменила направление своего движения [Лян Сы-юн, 97].

Несколько различных вариантов теории западного происхождения культуры яншао сформулировал за последние годы Л. С. Васильев.

В одной из своих первых статей на эту тему Л. С. Васильев подчеркивал «поразительное сходство» в орнаментации керамики типа баньшань и мяодигоу, с одной стороны, и триполья, а также анау — с другой. Утверждая, что в Синьцзяне, т. е. на полпути между Анау и Ганьсу, были обнаружены следы расписной керамики и что среди яншаоских черепов в Ганьсу Д. Блэком были обнаружены три экземпляра, свидетельствовавших о смешении западных и протокитайских черт, Л. С. Васильев следующим образом реконструирует предысторию формирования в бассейне Хуанхэ культуры яншао: «Археологические материалы свидетельствуют о том, что на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. из Ирана в Среднюю Азию шла интенсивная инфильтрация земледельцев, в результате чего на территории Средней Азии возникли заметные перемещения масс земледельческого населения... Возможно, что в результате этих зафиксированных археологией перемещений носителей культуры расписной керамики Средней Азии одна из племенных групп где-то в районе современного Синьцзяна вступила в контакт с местными доземледельческими монголоидными племенами, населявшими тогда Северный Китай, Монголию и ряд смежных районов Азии. В результате этого контакта и могла возникнуть новая культура» [Васильев Л. С., 1964, 132].

Позднее Л. С. Васильев отказался от поисков черт прямого сходства между яншао и анау, обратившись к культуре бурзахом на территории Кашмира [Васильев Л. С., 1974]. Показательно, что в своей монографии Л. С. Васильев лишь однажды, и то в весьма осторожной форме, упоминает об этой культуре [Васильев Л. С., 1976, 149], по-видимому, убедившись в том, что и она не может иметь какого-либо отношения к проблеме генезиса яншао.

Неизменным в концепции Л. С. Васильева остается лишь тезис о том, что центром первоначального формирования культуры яншао была территория Ганьсу: именно здесь возникла «протояншаоско-мацзяяская культура» [Васильев Л. С., 1976, 180—182].

Все приведенные выше предположения не согласуются с тем, что нам известно сегодня о культурах неолита в бассейне Хуанхэ. Для решения проблемы происхождения культуры яншао первостепенное значение имеют, в частности, абсолютные датировки по радиоуглероду.

Сейчас можно считать окончательно установленным факт хронологического приоритета варианта баньпо над мяодигоу. Если раньше типологические исследования не могли дать ответа на вопрос о соотношении этих вариантов яншао, а стратиграфические свидетельства подвергались сомнению, то датировки по радиоуглероду доказали: культура яншао возникает именно как вариант баньпо. Это обстоятельство наносит решающий удар по теориям, так или иначе связывающим генезис яншао

с миграциями из районов западной части Евразии. Лишается какой-либо доказательной силы тезис о «поразительном сходстве» орнамента крашеной керамики яншао на востоке и других типологически близких ей культур на западе: если вообще и можно говорить о каком-то сходстве орнамента, то только на этапе мяодигоу, который является вторичным, производным от более раннего баньпо. Баньпо же не обнаруживает каких-либо черт, позволяющих говорить о реальном сходстве с культурами запада Евразии.

В настоящее время мы не располагаем реальными основаниями для того, чтобы, оставаясь на почве объективных фактов, искать прародину культуры яншао или гипотетических групп населения, принявших участие в ее создании, где-то далеко на западе от бассейна Хуанхэ. Анахронизмом выглядит сегодня сравнение этой культуры с анау и трипольем; не может иметь отношения к делу и культура бурзахом в Северной Индии [об этой гипотезе см.: Васильев, 1973, 22—23], так как существовала эта культура во второй половине III — первой половине II тысячелетия до н. э. [Проблемы..., 47], возникнув более чем на полтора тысячелетия позже яншао.

Внешние связи культуры яншао

Вместе с тем ряд обстоятельств настоятельно требует рассмотрения вопроса о южных связях культуры яншао: в пользу этого говорят рассмотренные выше лингвистические и палеоантропологические данные.

Результаты датировок по радиоуглероду не внесли ничего принципиально нового в уже существовавшие представления о соотношении культуры яншао с неолитическими культурами западной зоны. Однако обращает на себя внимание относительно поздняя дата для всех трех вариантов культуры мацзяяо. Существенно также и то, что варианты мачан и баньшань оказались, в сущности, синхронными. Это возвращает нас к предположению, что различия между данными вариантами следует рассматривать в плане локальных, а не хронологических изменений. По-видимому, следует более тщательно изучить ареалы мачана и баньшаня. С этой точки зрения любопытно, что при разведках в районе Яньгося — Бапанься (верхнее течение Хуанхэ, уезды Юнцин и Юндэн провинции Ганьсу) были обнаружены памятники только мачанского типа [Хуанхэ шанью яньгося...].

Что же касается соотношения культур яншао с неолитическими культурами крашеной керамики восточной зоны, то здесь абсолютные датировки требуют пересмотра точек зрения, ранее казавшихся общепринятыми.

Совокупность новейших археологических данных не позволяет согласиться с мнением, что, возникнув в результате ин-

трузии каких-то племен западного происхождения, культура яншао, в свою очередь, явилась очагом возникновения ряда других культур крашеной керамики в более южных и восточных районах.

Наибольшее значение имеет в этом отношении датировка восточного очага крашеной керамики (культура цинляньган). Общим местом в работах абсолютного большинства археологов до недавнего времени было признание этого очага вторичным по отношению к яншао. Весьма характерно, что в этом отношении сходились мнения как сторонников западного происхождения культур крашеной керамики в бассейне Хуанхэ, так и археологов, высказывавшихся за полную автохтонность яншао: как бы ни возникла эта культура, она в своем последующем развитии, безусловно, оказала, по мнению этих исследователей, решающее влияние на формирование земледельческих культур крашеной керамики бассейна Янцзы.

Впрочем, уже в 1968 г. один из главных апологетов автохтонной теории, Чжан Гуан-чжи, счел возможным высказать компромиссную точку зрения. «Существуют, — писал он, — две возможные интерпретации. Либо эти культуры (имеются в виду неолитические культуры на территории Цзянсу — Чжэцзян. — М. К.) представляют собой самостоятельную систему, отличающуюся от яншао Среднекитайской равнины, возникшую в Юго-Восточном Китае (район Хуайхэ, или Янцзы — Ханьшуй), затем продвинувшуюся в северо-западном направлении, вошедшую в контакт с культурой яншао и положившую начало культуре луншань в Северном Китае. Либо луншаньские культуры являются дериватом яншао центральной зоны и представляют собой результат распространения этой культуры в восточные и юго-восточные районы Китая» [Chang Kwang-chih, 1968, 146—147].

Весьма симптоматично, что если в 1968 г. Чжан Гуан-чжи склонялся все же ко второй из сформулированных им возможностей, то после публикации радиоуглеродных датировок в 1972 г. он пишет: «Мы без сомнения должны теперь вновь проявить интерес к первой из них» [Chang K. С. 527]. Появившаяся уже после этого новая дата, относящаяся к цинляньгану (нижний слой поселения Дадуньцзы), показывает, что пересмотр прежних точек зрения по данному вопросу действительно необходим.

В самом деле, ранний вариант культуры цинляньган в Цзянсу оказался синхронным баньпо в Шэньси (первая половина IV тысячелетия до н. э.). Этот вывод оказался явно неожиданным и для самих китайских археологов, многие из которых еще совсем недавно предположительно датировали культуру цинляньган концом III — первой половиной II тысячелетия до н. э.

Не менее существенно и то, что культура лянчжу в Чжэцзяне оказывается теперь самой ранней из серии позднеолитиче-

ских культур черно-серой керамики. Если вспомнить, что культура яншао основана на возделывании чумизы, а все культуры бассейна Янцзы — Ханьшуя дают находки риса, то можно с еще большей определенностью, чем десять лет назад, говорить о существовании в неолитическом Китае по крайней мере двух самостоятельных очагов древнего земледелия.

В настоящее время мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы с большей или меньшей долей уверенности локализовать эти очаги. Тем не менее представляется необходимым обратить внимание на то, что южнее бассейна Хуанхэ нам известны сейчас по крайней мере два независимых центра мезолитической культуры, которые нельзя исключать из поля зрения в плане обсуждаемого нами вопроса.

Прежде всего датировка черепа из Цзыяна, считавшегося верхнепалеолитическим, должна быть, как уже говорилось, серьезно пересмотрена в сторону ее омоложения. По данным радиоуглерода, цзыянский человек датируется VI тысячелетием до н. э. (5535 ± 130 лет до н. э.). Даже если учесть, что эта дата определена без внесения поправочного коэффициента (в этом случае возраст цзыянского человека был бы удвоен примерно на 1 тыс. лет), мы, по всей вероятности, так или иначе имеем дело с эпохой позднего мезолита. Значительный интерес в этом отношении представляет также стоянка в пещере Сяньжэньдун (32) в уезде Ваньнянь (Цзянси), датируемая 8615 ± 240 (8920 ± 240) гг. до н. э. [Фаншэсин..., ч. 3, 337]. С этой точки зрения мы можем по-новому подойти к вопросу о «хиатусе», разделяющем эпоху верхнего палеолита и неолита на Среднекитайской равнине.

Поэтому если сейчас нет оснований предполагать, что создатели культуры яншао освоили долину Вэйхэ в результате миграции с запада, то целый ряд обстоятельств настоятельно требует рассмотрения вопроса о южном происхождении этой культуры.

Об этом свидетельствует антропологический тип людей из Баньпо, которые, образно говоря, «обращены лицом к югу».

Можно утверждать, что неолитические культуры, сложившиеся в северной части приморского района (Цзянсу) в конце IV тысячелетия до н. э., не были генетически связаны с культурой яншао, хотя и имели контакты с ней. Некоторые специфические особенности культуры населения этого района (выламывание резцов у юношей и девушек в возрасте около 18 лет, что может быть связано с обрядом инициации), а также антропологический тип этого населения указывают на его связи с островным миром. Представляется в высшей степени вероятным, что неолитическое население Цзянсу и Шаньдуна — это предки «восточных и», сведения о которых дошли до нас в письменных памятниках конца II—I тысячелетия до н. э.

Проблема происхождения неолитических культур в бассейне Хуанхэ

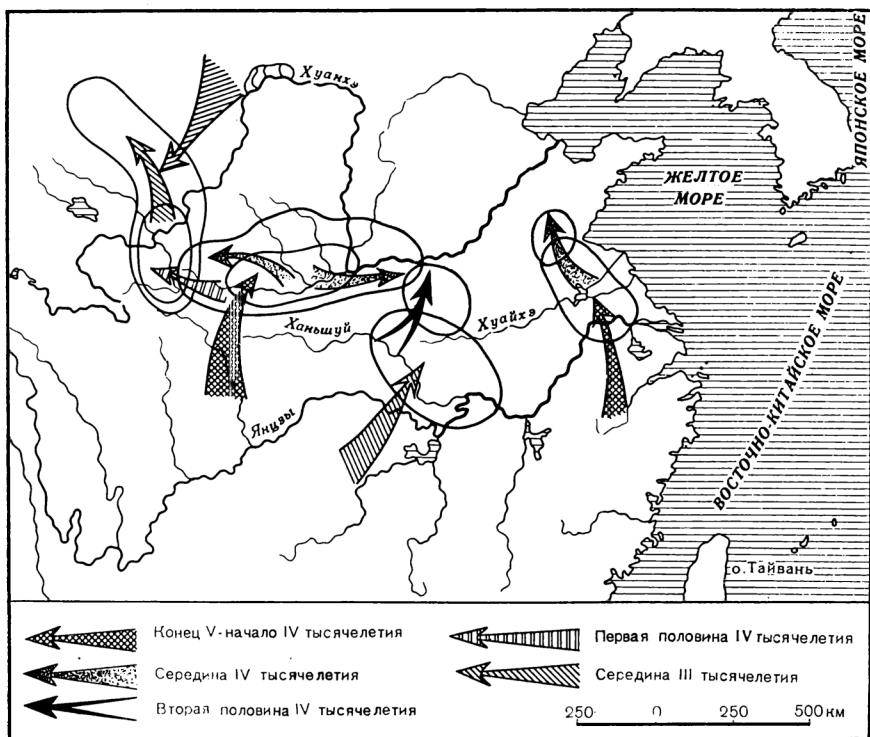
Связывая воедино все известные в настоящее время факты, имеющие отношение к происхождению неолитических культур центральной зоны, представляется возможным высказать следующую гипотезу (карта 5).

В V тысячелетии до н. э. в предгорных районах северо-западной части бассейна Янцзы (вероятнее всего, в северной части современной провинции Сычуань) возникла субнеолитическая культура, распространившаяся затем в северном направлении, вдоль р. Цзялинцзян и ее притоков. Одной из групп населения, передвигавшегося на север, удалось найти проходы через Циньлин, через которые она проникла в долину Вэйхэ. Население, с которым столкнулись здесь пришельцы, было чрезвычайно редким (ему, по-видимому, принадлежали немногочисленные стоянки с микролитическим инвентарем — Шаюань в Шэньси, Линцинчжай в Хэнани и т. д.); оно было вытеснено или ассимилировано.

Благоприятные природные условия долины Вэйхэ обусловили сложение здесь быстро прогрессирующего очага пойменного земледелия. Однако в течение длительного времени он не выходил за пределы долины Вэйхэ.

Значительное расширение ареала неолитической культуры пойменных земледельцев, возникшей в бассейне Вэйхэ в конце V — начале IV тысячелетия до н. э., относится к тому времени, когда в ее облике начинают уже проследиваться существенные изменения. Несмотря на сохранение некоторых уже сложившихся традиций (способы строительства жилищ, планировка поселений, погребальный обряд и пр.), в ряде аспектов культуры появляются модификации. Это относится прежде всего к керамике, в которой все больший удельный вес начинают получать крашенные сосуды. Первоначальный зооморфный и антропоморфный орнамент трансформируется, все более усложняясь и приобретая геометрический характер. Появление избыточного населения приводит к его передвижению в западном и восточном направлениях по долине Вэйхэ, ограниченной с юга Циньлином (на севере удобные речные поймы, пригодные для земледелия, отсутствовали).

Распространение яншаосцев все дальше на восток приводит к их проникновению на территорию современной провинции Хэнань. Обобщение суммы археологических данных по этому району позволяет сделать еще одно существенное предположение: распространение крашеной керамики в Хэнани связано не только с движением яншаосцев из Шэньси — оно имеет более сложную историю. В Центральной Хэнани столкнулись, по-видимому, два потока населения, один из которых двигался с юга (южная часть Хэнани, север Хубэя). Облик стоянок, объединяе-

Карта 5. Миграции неолитического населения на Среднекитайской равнине в V—III тысячелетиях до н. э.

мых сейчас в варианте циньванчжай, настолько отличен от того комплекса культурных традиций, который характеризует вариант мяодигоу, что крайне трудно предположить какие-либо генетические взаимосвязи между ними. Различия прослеживаются не только в керамике (здесь своеобразны как формы сосудов, так и типы орнамента), но и в погребальном обряде (ориентировка захоронений) и в строительных традициях. Жилище, раскопанное в Дахэцуне (Чжэнчжоу), принципиально отличается от почти синхронных ему жилищ в Мяодигоу (уезд Шэньсянь, Хэнань) и в то же время находит прямые параллели в ряде стоянок на территории Хэнани, охватывающих значительный хронологический период — вплоть до эпохи культуры цюйцзялин.

В начале III тысячелетия до н. э. расширение ареала распространения позднего варианта культуры яншао приводит к появлению неолитического населения в верхнем течении Хуанхэ. Здесь складывается культура, истоками своими восходящая

к мяодигоу, но приобретшая черты значительного своеобразия — мацзяо.

Можно предполагать, что насельники баньпо говорили на языке, относящемся к сино-тибетской семье языков. На языках той же семьи должны были говорить и создатели культуры мацзяо. Однако длительное разделение этих сино-тибетских племен на две ветви, одна из которых заселила современную провинцию Ганьсу и часть Цинхая, а вторая продвинулась далеко на запад, должно было привести к их обособлению. Западная ветвь оказалась в ином этническом окружении, нежели восточная: стоянки культуры мацзяо обнаруживают признаки контактов их населения с племенами более северной зоны степей (на это указывают, в частности, находки микролитов, столь характерных для территорий к северу от Китайской стены, в культурных слоях мачан и баньшань). Эти контакты сопровождались процессами этнического смешения, что приводит к сдвигам в антропологическом типе насельников культуры мацзяо, постепенно утрачивающего характерные для яншаосцев специфически «южные» черты — тенденцию к широконосости, альвеолярный прогнатизм и т. д.

Так к началу II тысячелетия до н. э. в бассейне Хуанхэ складываются три региона поздненеолитических культур, создатели которых в той или иной степени отличались друг от друга в этническом отношении: в верхнем течении Хуанхэ — культура цизя, в среднем ее течении — «хэнаньский луншань», в нижнем — «классический луншань». Первая из них была создана предками тибето-бирманских племен, которых древнекитайские историки называют «жунами»; последняя — «восточными и», говорившими, по всей видимости, на каком-то аустронезийском языке; что же касается «хэнаньского луншаня», то его насельники должны рассматриваться как предки протокитайской этнической общности, сложившейся в этом регионе в конце II тысячелетия до н. э.

**ФОРМИРОВАНИЕ
ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ
ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ**

СЯ, ШАН, ЧЖОУ НА СРЕДНЕКИТАЙСКОЙ РАВНИНЕ

II—I тысячелетия до н. э. — одна из важнейших переломных эпох в истории Китая. Это было время разложения родового строя, возникновения социального неравенства, классов и государства. Именно в эту эпоху на территории Северного Китая возникают сменяющие друг друга раннегосударственные общности Ся (35), Шан (36), или Инь (37), и Чжоу (38), объединяемые в традиционной историографии под названием «трех династий». Интенсивные этногенетические процессы, происходившие в недрах древнекитайского общества одновременно с трансформацией социально-экономических отношений, и привели в середине I тысячелетия до н. э. к возникновению этнической общности древних китайцев.

От мифа к истории

Свои «Исторические записки», задуманные как изложение истории Китая с древнейших времен, Сыма Цянь начинает главой об эпохе «пяти императоров». Сам историк придавал большое значение этой части своего труда. «Я как тенетами весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаниями, — писал он, — подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые то завершались, то разрушались, то процветали, то упали, и в верх веков считал до Сюань Юаня, и вниз дошел до нынешнего года... И у меня желанье есть: на этом протяжении исследовать все то, что среди неба и земли, проникнуть в сущность перемен, имевших место как сейчас, так и в дни древности далекой» (перевод акад. В. М. Алексеева) [Китайская классическая проза, 1958, 95—96]; [оригинал см.: Такигава Камэтаро, 1955, т. 9, 2735].

Начиная свое изложение со времен «пяти императоров»,

Сыма Цянь тем не менее в известном смысле противопоставляет этот период «трем династиям». Историк прямо указывает на то, что использованные им письменные источники содержат во многом противоречивые сведения об эпохе «пяти императоров». Так, «Шаншу» описывает события начиная со времени Яо, тогда как в других сочинениях содержатся данные о его предшественниках. Поэтому Сыма Цянь использовал также и устную традицию. «На западе я доезжал до Кундуна, на севере пересекал Чжолу, на востоке доходил до моря, на юге плывал по рекам Цзян и Хуай. Я посещал места, где старики рассказывали о Хуанди, Яо и Шуне» [там же, т. 1, 140].

Впрочем, сведения о «трех династиях», которыми располагал Сыма Цянь, освещали этот период также неравномерно. Достаточно сказать, что в своих «Хронологических таблицах» Сыма Цянь приводит лишь последовательность правления отдельных ванов и династий Ся, Инь и начала Чжоу, а с 841 г. до н. э. дает хронологию по годам [там же, т. 3, 900—1049].

Так или иначе, в позднейшей китайской историографии изложение истории начиная с «пяти императоров» стало традицией, неизбежным следствием чего было перенесение на этот период той системы социально-политических понятий, которая сформировалась в древнем Китае много позднее.

В конце XIX в. этот порок традиционной историографии стал уже вполне очевидным. «Что цивилизация китайская началами своими восходит к глубокой древности и вырабатывалась постепенно — это неоспоримая действительность, — писал в 1892 г. русский синолог С. М. Георгиевский, — что насадителями культуры и цивилизаторами китайцев являлись императоры Фу-си, Шэнь-нун, Хуанди, Ди-ку, Яо и Шунь — это не более как мифы, сложившиеся в народе на основе его мифических воззрений» [Георгиевский, 1885, 117].

Аналогичные взгляды высказывались и до С. М. Георгиевского. Один из самых выдающихся китайских историков начала XIX в., Цуй Дун-би, резко критиковал тех, кто «подходит к трем династиям с меркой событий в период Тан и Сун, а к древнейшим эпохам — с меркой трех династий» [Яо Шао-хуа, 80]. Цуй Дун-би следует считать родоначальником того направления в китайской историографии, которое получило значительное развитие в конце XIX — начале XX в. как китайский вариант «гиперкритицизма», свойственного многим исследователям античности на Западе.

Крайним выражением гиперкритического подхода к древней истории Китая было отрицание «достоверности» и «историчности» не только эпохи «пяти императоров», но также Ся и Инь. Представление о том, что достоверная история древнего Китая начинается с эпохи Чжоу, разделялось многими исследователями, группировавшимися в начале 20-х годов вокруг Гу Цзе-гана и его школы.

Успехи в дешифровке и анализе древнейших китайских язычных эпиграфических памятников, впервые обнаруженных еще в 1889 г., — надписей на костях животных и панцирях черепах — значительно ослабили позиции сторонников гиперкритицизма. В 1914 г. Ван Го-вэй обнаружил в этих надписях имя Ван Хай, затем — еще несколько имен правителей иньского времени. Это открытие по праву считается поворотным пунктом в истории изучения древнего Китая: оно не только позволило датировать надписи на костях иньским временем, но и со всей очевидностью доказало, что сведения об Инь, сообщаемые Сыма Цянем, достоверны и основываются на каких-то не дошедших до нас исторических источниках.

После работ Ван Го-вэя и Ло Чжэнь-юя, знаменовавших собой появление новой отрасли китайской историографии — «науки об иньских надписях», граница, отделяющая достоверную историю древнего Китая от легендарной, отодвинулась на несколько веков вглубь. Но накопление археологического материала, относящегося к иньскому времени (начиная с 1928 г. близ г. Аньян велись раскопки иньской столицы), истолковывалось многими китайскими учеными как новые доказательства того, что период Ся целиком принадлежит мифической предыстории.

«Проблема Ся»

Раскопки в Аньяне были первыми шагами молодой китайской археологии. Принципиально новый этап ее развития начался после победы китайской революции. С начала 50-х годов в Китае развернулись невиданные ранее по масштабам археологические исследования, результаты которых не только расширили наши знания о культуре древнего Китая эпохи бронзы, но и позволили по-новому подойти к «проблеме Ся».

Во-первых, в 1952 г. в Эрлигане (39) близ Чжэнчжоу (40) было открыто иньское городище, относящееся к гораздо более раннему времени, чем столица Инь в Аньяне. Аналогичные памятники затем были обнаружены позднее на значительной территории провинций Хэнань и Хэбэй [Синь чжунго..., 45—46]. Во-вторых, там же, близ Чжэнчжоу, были открыты еще более ранние слои иньской культуры, которые, как выяснилось, прослеживаются и в других поселениях эпохи Инь в Хэнани. Наиболее рельефно они представлены в районе Эрлитоу (41) (провинция Хэнань, уезд Яньши) [там же, 43—44].

Таким образом, результаты археологического изучения территории бассейна Хуанхэ свидетельствуют, что в этом районе практически повсеместно наблюдается следующая последовательность археологических культур: поздненеолитическая культура луншань; культура эрлитоу; культура чжэнчжоу-эрлиган; культура позднего Инь.

Основываясь на итогах археологических исследований 50-х годов, китайский историк и археолог Сюй Сюэ-шэн заново поднял вопрос о том, можно ли считать памятники какой-либо археологической культуры, известной на территории Среднекитайской равнины, принадлежащими эпохе Ся.

Систематизировав упоминание о событиях периода Ся, содержащиеся в таких древнекитайских памятниках, как «Цзо-чжуань», «Гоюй» и «Чжуншунь цзинянь», Сюй Сюэ-шэн попытался определить район, к которому относятся эти свидетельства. Выяснилось, что таких районов, собственно говоря, два. Первый — равнина близ Лояна в Хэнани (включая долину р. Иншуй, а также Дэнфэн и Юйсянь); второй — юго-западная часть Шаньси [Сюй Сюэ-шэн, 62—65]. Летом 1959 г. Сюй Сюэ-шэн предпринял археологические разведки в первом районе. Они не дали каких-либо оснований для существенных выводов, так как в результате выяснилось повсеместное распространение здесь как луншаньских, так и эрлитоуских памятников. Вопрос по-прежнему остался открытым: одни исследователи считали поселения типа эрлитоу относящимися к раннему периоду культуры Инь, а луншаньские — принадлежащими к культуре Ся; другие высказывали мнение, что с Ся следует отождествлять культуру эрлитоу [Синь чжунго..., 44—45].

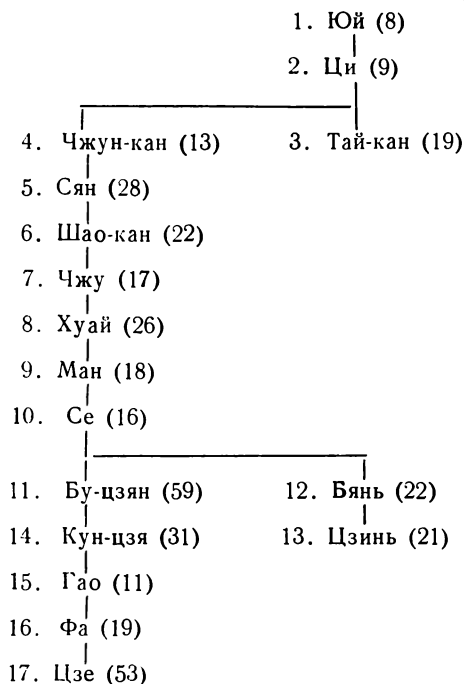
Все это привлекло значительное внимание к раскопкам в Эрлитоу, в более широких масштабах предпринятых после 1959 г. Они показали, что культурный слой в этом поселении представлен четырьмя горизонтами. В третьем из них, в центре поселения, обнаружено основание большого здания со следами колонн. Абсолютная датировка третьего горизонта — 1245 ± 90 г. до н. э. (с учетом поправочного коэффициента — $1300 - 1590$ гг. до н. э.), первого горизонта — 1620 ± 95 г. до н. э. ($1690 - 2080$ гг. до н. э.) [Хэнань яньши..., 234—248] (табл. 16).

Т а б л и ц а 16

АБСОЛЮТНАЯ ДАТИРОВКА ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ

Поселение	Культура	Даты			
		от наших дней (1950 г.)		до н. э.	
		5570 ± 30	5730 ± 40	5570 ± 30	5730 ± 40
Эрлитоу (Яньши)	Раннее эрлитоу	3470 ± 95	3570 ± 95	1520 ± 95	1620 ± 95
То же	Позднее эрлитоу	3105 ± 90	3195 ± 90	1155 ± 90	1245 ± 90
Сяотунь (Аньян)	Позднее инь	2980 ± 90	3065 ± 90	1030 ± 90	1115 ± 90
Угуаньцунь (Аньян)	То же	2950 ± 100	3035 ± 100	1000 ± 100	1085 ± 100

[см.: Такигава Камэтаро, т. 1, 144—193] *

* Цифра перед именем обозначает последовательность правления; в скобках — его продолжительность (в годах).

Если учесть данные письменных источников, связывающих с районом г. Яньши столицу Чэн Тана, победителя последнего правителя Ся и основателя иньской династии, то предположение о связи поселения Эрлитоу и других памятников этого типа с ранним Инь является, по-видимому, более основательным [там же, 248].

Будущие раскопки, несомненно, дадут новый материал для того, чтобы решить «проблему Ся». Но уже сейчас очевидно, что период Ся, изложение которого у Сыма Цяня по своему характеру весьма близко к Инь (и существенно отличается от эпохи «пяти императоров»), не может быть мифом. Достаточно вспомнить, что «Исторические записки» дают нам подробное генеалогическое древо правителей Ся (табл. 17), а аналогичные сведения об иньских правителях полностью подтвердили эпиграфические памятники.

Изучая вопрос о том, в каком районе первоначально сложилась шанская (иньская) общность, Ван Го-вэй, основывавшийся исключительно на данных позднейших письменных источников, считал ее пришедшей на Среднекитайскую равнину с востока. В противовес этой точке зрения Лян Дун-юань выдвинул в 30-х годах утверждение о том, что иньцы постепенно двигались с запада на восток [Лян Дун-юань, 152—160]. Решить этот спор оказалось возможным лишь на основе изучения археологических памятников иньского времени. Сейчас не может быть сомнений в том, что первоначальный ареал распространения раннеиньской культуры находится в западной части Хэнани — на территории, где за полтора тысячелетия до того пришли в соприкосновение два различных по своему происхождению локальных варианта культуры крашеной керамики — мяодигоу и циньванчжай.

По своему облику раннеиньская культура (памятники типа эрлитоу) еще во многом близка к луншаню в его хэнаньском варианте. В раннем Инь продолжали применяться те же земледельческие орудия, что и в луншане. В частности, до нас дошли иньские пиктограммы, изображающие процесс вскапывания земли: человек держит в руках двузубое орудие с перекладиной и движением ноги вонзает его в почву. Аналогичные копательные орудия (типа баскской «лайя») существовали в луншане.

О преемственности в развитии этих двух культур свидетельствует также керамика. Комплекс гончарной посуды, характерный для эрлитоу, чрезвычайно близок к луншаню как по формам сосудов, так и по основным техническим приемам их изготовления. И в том и в другом случае наиболее типична серая керамика, цвет которой, по всей вероятности, зависел от характера обжига. Иньские обжигательные печи по своей конструкции непосредственно восходят к луншаньским (рис. 17).

Вместе с тем раннеиньская культура принципиально отличается от всех предшествующих тем, что она уже бесспорно относится к культурам эпохи бронзы. В Эрлитоу найдены бронзовые наконечники стрел, а также ножи, шилья и другие мелкие орудия ремесла [Хэнань яньши..., 1974, 239]. Другое существенное новшество, характеризующее культуру раннего Инь, — это техника возведения больших общественных зданий на приподнятой глинобитной платформе.

В среднем Инь (период чжэнчжоу-эрлиган) ареал распространения иньской культуры значительно расширяется. Он охватывает в это время все среднее течение Хуанхэ, включая на западе даже часть бассейна Вэйхэ (самое западное иньское поселение обнаружено близ деревни Наньшацунь около Вэйюань), а на востоке — Чжэнчжоу. Как свидетельствуют недавние рас-

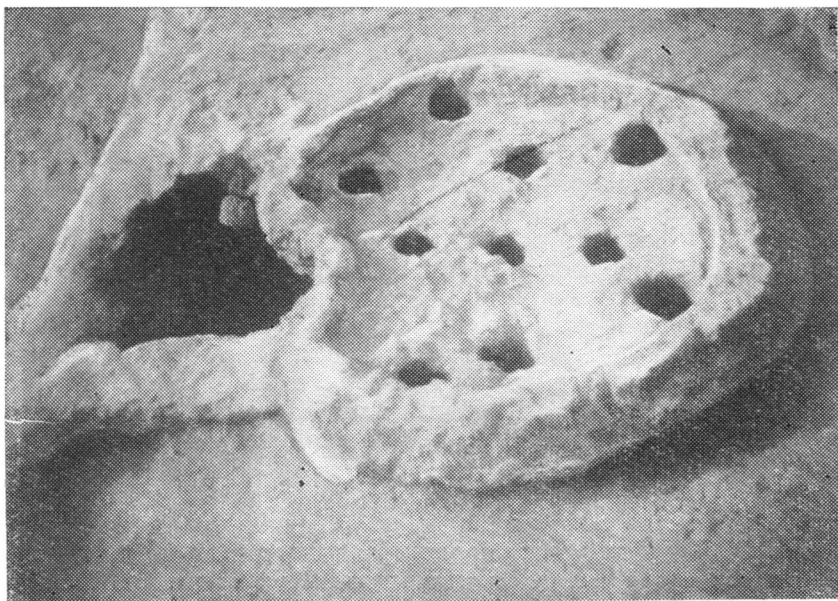

Рис. 17. Иньская печь для обжига керамики из Наньшацунь. Шэньси (фото М. В. Крюкова)

копки близ Хуанпо (Хубэй), на юге область влияния иньской культуры распространялась вплоть до Янцзы [И цзю лю сань нянь..., 49—59].

Иньское городище в Чжэнчжоу, окруженное глинобитной стеной, представляет собой поселение, во многом непохожее на неолитические. Жилища в это время возводились уже с помощью той же техники, что и городские стены. На территории поселения находились кварталы, занятые ремесленными мастерскими (бронзолитейными, керамическими, косторезными).

В области бронзолитейного производства — наиболее передовой отрасли ремесла и техники — в среднем Инь был достигнут значительный прогресс. Используя керамические формы, иньские мастера изготовляли не только оружие (клевцы, секиры, наконечники копий и стрел — рис. 18), но и ритуальные сосуды различного назначения и разнообразных форм. Многие из этих предметов украшались рельефным орнаментом [Чжэнчжоу ши мингунлу..., 501].

Наиболее ярким памятником позднеиньской культуры является, бесспорно, столица Инь, основанная при ване Пань Гэне близ современного Аньяна. Раскопки ее, начатые в 1928 г. и прерванные во время антияпонской войны, были возобновлены в 1950 г.; они продолжаются и сейчас.

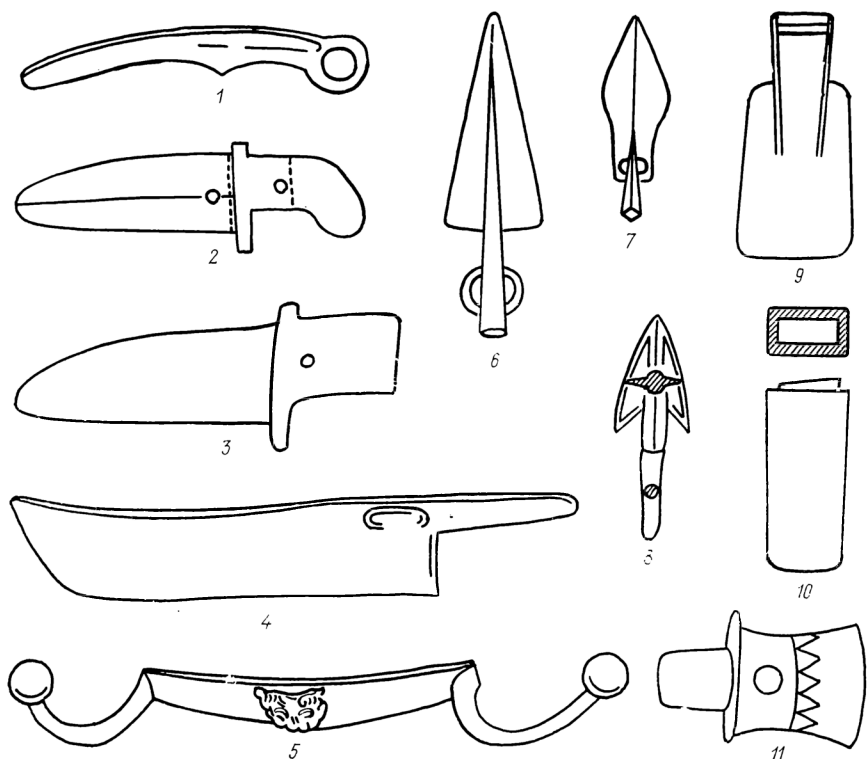

Рис. 18. Бронзовые предметы иньского времени.

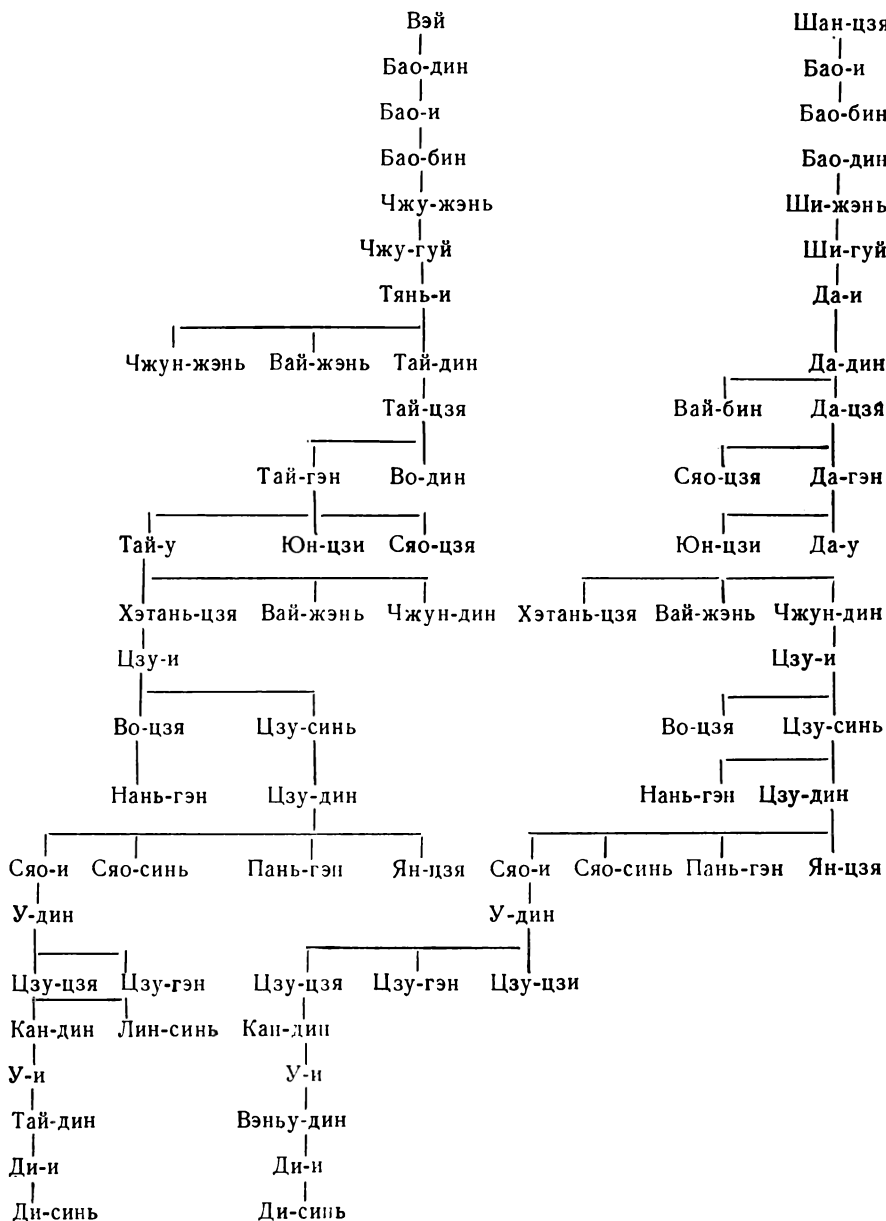
1, 4 — ножи; 2, 3 — кельцы; 5 — накладка на лук (?); 6, 7 — наконечники копий; 8 — наконечник стрелы; 9 — заступ; 10 — тесло; 11 — боевой топор [Каогусуэ цзичу, 75]

Почти триста лет приходится на период с момента переноса столицы Пань Гэном до падения Инь (табл. 18). Это было время наивысшего расцвета иньской культуры. В городище близ Аньяна раскопаны остатки огромных дворцов и храмов, неподалеку от него — усыпальницы иньских правителей, представляющие собой грандиозные подземные сооружения с богатым инвентарем и сотнями сопогребенных людей. В позднем Инь появляются и затем получают распространение такие принципиально новые средства ведения войны, как боевая колесница, запряженная лошадьми; значительного совершенства достигает каменная скульптура; в столичных мастерских изготавливаются разнообразные ритуальные бронзовые сосуды (рис. 19). Но, пожалуй, самой существенной чертой культуры этого периода является применение письменности: архив гадательных надписей, найденных впервые на месте иньской столицы еще до начала систематических раскопок и с тех пор непрерывно увели-

ГЕНЕАЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ ИНЬ ПО ДАННЫМ СЫМА ЦЯНЯ И ИНЬСКИХ НАДПИСЕЙ
 [см.: Такигава Каметаро, т. I, 193 — 229; Сима Кунио, 1958, 80]

СЫМА ЦЯНЬ

НАДПИСИ

Т а б л и ц а 19

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПОЗДНЕИНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Стратигра- фия в Дасы- кушуне	Статиграфия «к югу от Сяотуня»	Период правления вана	Абсолютные даты
I	Ранний период	У-дин	Конец XIII — на- чало XII в.
IIa	Средний период	Кан-дин — Вэнь- дин	Вторая полови- на XII — начало XI в.
IIб	Поздний период	Ди-и — Ди-синь	Середина XI в.

чивающихся в числе благодаря все новым и новым находкам¹, является сегодня одним из основных источников наших знаний об иньской эпохе.

Важным достижением в деле изучения иньской культуры за последние годы явилась разработка периодизации археологических памятников позднего периода Инь. Стратиграфически в иньской столице можно выделить по крайней мере три периода, прослеживаемых в различных частях территории городища. Находки в этих слоях надписей, собственная периодизация которых была разработана еще в начале 30-х годов Дун Цзо-бинем, позволяет теперь соотнести каждый из трех периодов со временем правления одного или нескольких конкретных ванов. Наконец, контрольные датировки отдельных предметов методом радиоуглеродного анализа дают возможность связать все эти данные на основе абсолютной хронологии (табл. 19).

Чжоуское завоевание

Уже в надписях, относящихся к периоду правления У-дина, упоминается о присылке дани людьми из племени чжоу, жившего где-то далеко на западе [Дун Цзо-бинь, 1949, № 4063; Сяотунь, 7801]. В это время чжоусцы воевали с цюань, в которых с большей или меньшей степенью вероятности можно узнать цюаньжунов; сведения о последних дошли до нас в более поздних письменных памятниках. Одной из жен У-дина была женщина из племени чжоу [там же, № 3894].

Последующая история взаимоотношений между Инь и чжо-

¹ По подсчетам специалистов, до 1950 г. было обнаружено в общей сложности около 100 тыс. фрагментов иньских надписей (почти 25 тыс. из этого числа были добыты в результате научных раскопок) [Дун Цзо-бинь, 1965, 13]. Около 5 тыс. надписей обнаружено в иньской столице в 1973 г. [И цзю ци сань..., 37].

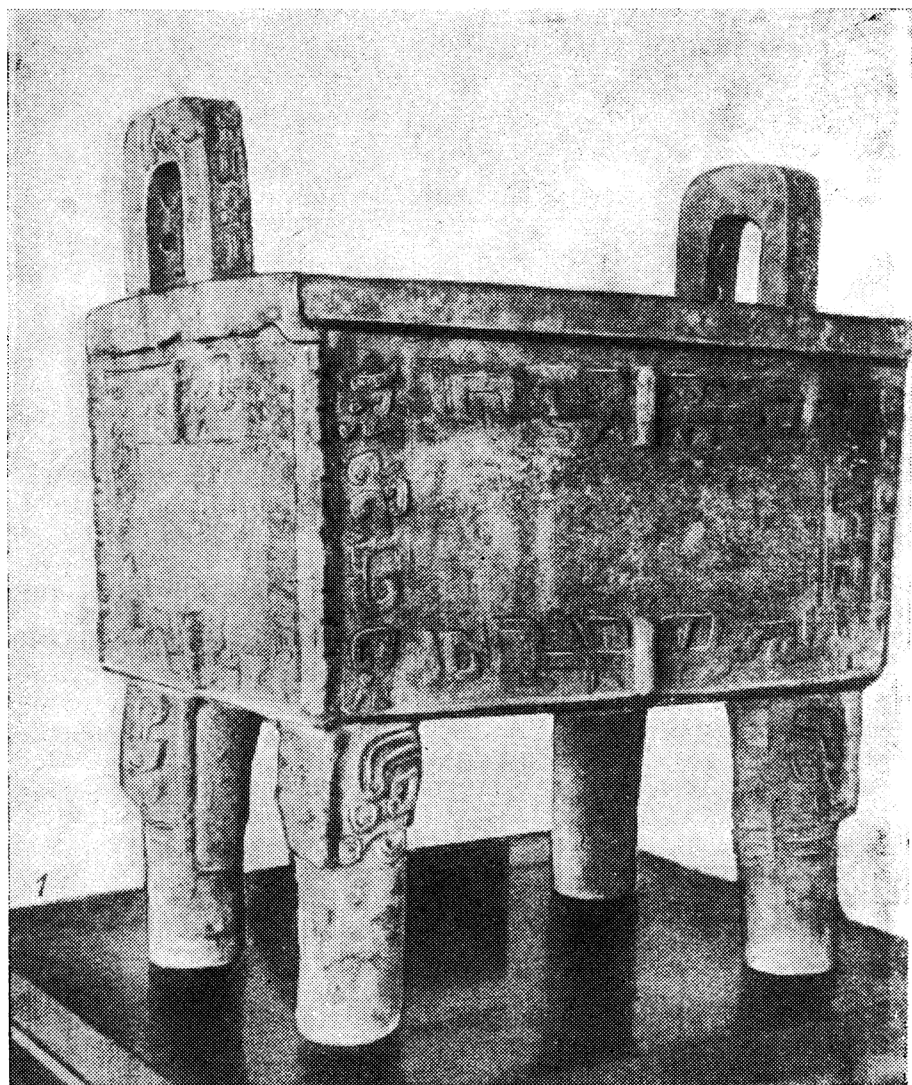

Рис. 19. Ритуальные бронзовые сосуды эпохи Инь.
1 — сосуд для мяса (дин); 2 — сосуд для вина (ю)

Рис. 19. Ритуальные бронзовые сосуды эпохи Инь.

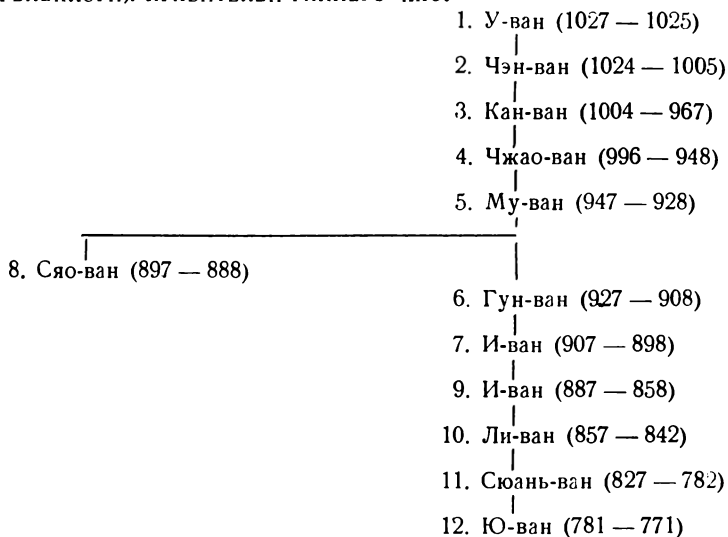
3 — сосуд для вина (шзунь); 4 — сосуд для зерна (ли) (из фототеки Пекинского Исторического Музея, инв. №№ 13916, 13973, 35144, 37614, 38634)

усцами характеризуется то признанием последними иньского правителя, то выступлениями против него. В надписи периода правления Вэнь-дина сообщается о поражении, нанесенном чжоусцам иньским ваном [Ху Хоу-сюань, 1955, т. 2, № 317]. Примерно к этому же времени относится свидетельство «Чжу-шущиняня» о том, что иньцы убили предводителя чжоу Цзи-ли [Фань Сян-юн, 23].

Преемник Цзи-ли, Чан, подчиняет своей власти ряд соседних племен. При нем чжоуская коалиция приобрела четко выраженную антииньскую направленность. Но Чан не успел предпринять непосредственные военные действия против Инь. Он получил посмертное имя Вэнь-ван («Просвещенный»), тогда как сын его вошел в историю как У-ван («Воинственный») (табл. 20).

Таблица 20

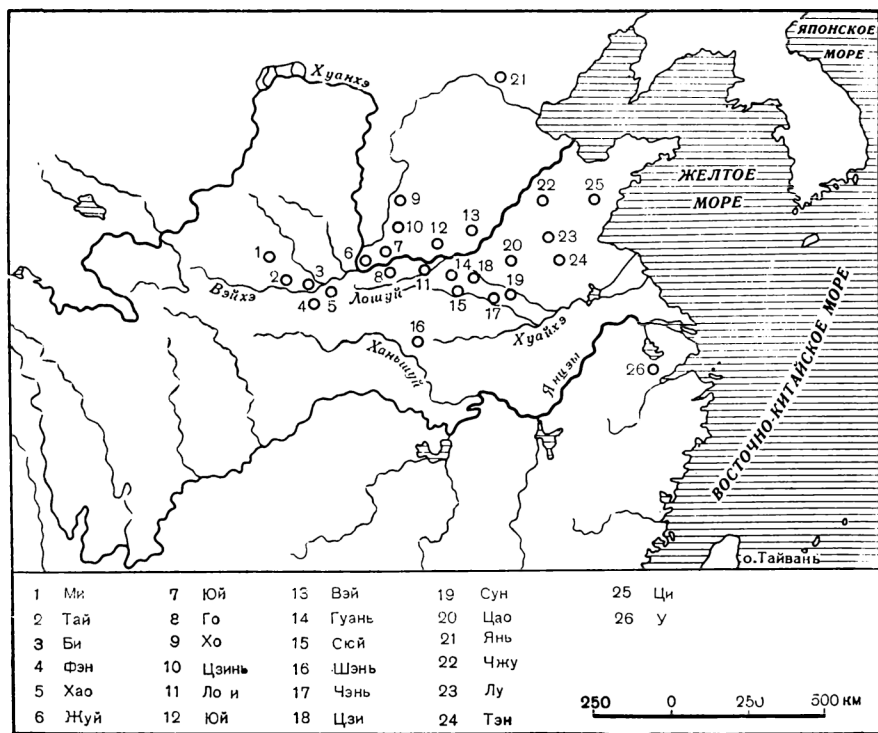
ГЕНЕАЛОГИЯ ПРАВИТЕЛЕЙ РАННЕГО ЧЖОУ*

* Цифра перед титулом обозначает последовательность правления; в скобках — годы правления.

Опираясь на поддержку союзных племен, число которых, если верить письменной традиции, доходило до 800, У-ван в 1027 г. до н. э. предпринял дальний поход на восток, разбил войска иньского Ди-синя и захватил его столицу². Ди-синь по-

² Различные исследователи по-разному датировали падение иньской династии: 1122; 1050; 1075; 1066 г. до н. э. Дата 1027 г. до н. э. представляется все же наиболее обоснованной [подробнее см.: Васильев Л. С., 1961, 221—229].

Карта 6. Важнейшие наследственные пожалования Чжоу в X в. до н. э.

кончил с собой, и иньская династия перестала существовать. Чжоуский У-ван объявил себя правителем Поднебесной.

Стремясь закрепить результаты своей победы над иньцами, У-ван осуществил ряд мероприятий, известных в китайской историографии под названием «система наследственных пожалований». Суть ее заключалась в том, что своим ближайшим родственникам или наиболее заслуженным соратникам ван жаловал земли вместе с их населением. Лица, получившие пожалование, становились наследственными владетелями — чжухоу. Каждый из чжухоу получал ранг — гун, хоу, бо, цзы или нань, в зависимости от размеров своего владения. В позднейших источниках содержатся указания на то, что наследственные пожалования получили при У-ване в общей сложности 55 его родственников [Legge, т. VIII, 725]. Более половины из них составляли крупные пожалования (табл. 21).

Кроме того, владениями пожаловали сподвижников У-вана, отличившихся в походе против Инь. Так, среди чжухоу ранне-чжоуского времени оказался некто Люй Шан, выходец из пле-

Таблица 21

ВАЖНЕЙШИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПОЖАЛОВАНИЯ РОДСТВЕННИКАМ
 ВАНА В НАЧАЛЕ ЧЖОУ

Владение	Ранг правителя	Первый правитель	Территория (современная)
Чжоу	гун	Дань, брат У-вана	Шэньси, Цишань
Шао	гун	Ши, родственник У-вана	К юго-западу от Цишаня
Би	гун	Сын Вэнь-вана	Шэньси, Сяньян
Гуань	?*	Сын Вэнь-вана	Хэнань, Чжэньсянь
Цай	хоу	Сын Вэнь-вана	Хэнань, Шанцай
Хо	хоу	Сын Вэнь-вана	Шаньси, Хосянь
Вэй	хоу	Сын Вэнь-вана	Хэнань, Цисянь
Цао	бо	Сын Вэнь-вана	Шаньдун, Динтао
Тэн	хоу	Сын Вэнь-вана	Шаньдун, Тэнсянь
Чэн	бо	Сын Вэнь-вана	Шаньдун, Вэньшан
Гао	цзы	Сын Вэнь-вана	Шаньдун, Чэнъу
Юань	бо	Сын Вэнь-вана	Хэнань, Циюань
Мао	бо	Сын Вэнь-вана	Хэнань, Иян
Дань	?*	Сын Вэнь-вана	Хубэй, Цзинмэнь
Юн	?	Сын Вэнь-вана	Хэнань, Сюу
Фэн	?	Сын Вэнь-вана	Шэньси, Хусянь
Сюнь	хоу	Сын Вэнь-вана	Шэньси, Линьцзинь
Лу	хоу	Бо Цинь, сын чжоу-ского гуна	Шаньдун, Цюйфу
Янь	хоу	Сын чжаоского гуна	Северная часть Хэбэя
Восточное Го	?	Брат Вэнь-вана	Хэнань, Фаньшуй
Западное Го	гун	Брат Вэнь-вана	Шэньси, Баоцзи
Юй	гун	?	Шаньси, Пинлу
Суй	хоу	?	Хубэй, Суйсянь
Цзя	бо	?	Шэньси, Пучэн
Хуа	бо	?	Хэнань, Яньши
Ди	?	?	Шаньси, Хэцзинь
Ян	хоу	?	Шаньдун, Иду
Ми	?	?	Хэнань, Мисянь
Чэнь	цзы	?	Хэнань, Жунин
Си	хоу	?	Хэнань, Сисянь
Жуй	бо	?	Шэньси, Дали

* ? — данные отсутствуют.

мени цян: он стал хоу владения Ци, расположенного на крайнем востоке завоеванной чжоусцами территории, вблизи морского побережья. В этом же районе получили пожалования некоторые соплеменники Люй Шана, ставшие владельцами Цзюй, Цзи и др. (табл. 22).

Наконец, была и еще одна категория наследственных пожалований. Сыма Цянь в «Исторических записках» сообщает о том, что У-ван даровал владения «потомкам древних правителей» [Такигава Камэтаро, т. 1, 260—261]. Речь здесь идет, по-видимому, о тех племенных объединениях, которые существовали еще до начала борьбы чжоусцев за верховное главенство на Среднекитайской равнине, а затем были признаны ими в каче-

Таблица 22

ВАЖНЕЙШИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПОЖАЛОВАНИЯ
 НЕРОДСТВЕННИКАМ ВАНА В НАЧАЛЕ ЧЖОУ

Владение	Ранг правителя	Родовое имя	Территория (современная)
Цзи	?*	Жэнь	Хэбэй, Цзисянь
Чжу	?	Ци	Шаньдун, Чанцин
Чэнь	хоу	Гуй	Хэнань, Хуайян
Цзи	гун	Сы	Хэнань, Цзисянь
Инь	хоу	Цзы	Хэнань, Чаогэ
Ци	хоу	Цзян	Шаньдун, Линьцзы
Шу	цзы	Янь	Аньхуй, Шучэн
Дэнь	хоу	Мань	Хэнань, Дэсянь
Янь	цзы	Сы	Шаньдун, Яньчэн
Люй	хоу	Цзян	Хэнань, Наньян
Гуй	?	Юнь	Хэнань, Мисянь
Чжоу	гун	Цзян	Шаньдун, Яньцю
Южное Янь	бо	Цзи	Хэнань, Цзисянь
Цзи	хоу	Цзян	Шаньдун, Шоугуан
Шэнь	хоу	Цзян	Хэнань, Наньян
Су	нань	Фэн	Шаньдун, Дунпин
Чжу	?	Цао	Шаньдун, Цзоусянь
Се	хоу	Жэнь	Шаньдун, Тэнсянь
Сун	гун	Цзы	Хэнань, Шанцю

* ? — данные отсутствуют.

стве подчиненных вану территорий чжухоу. Количество таких чжухоу, «пожалование» которых означало не более чем признание де-юре, было, очевидно, весьма значительным, так как общая численность чжухоу в начале Чжоу составляла около 200 [там же, 67—68] (карта 6).

Вопрос о социальных и этнических последствиях чжоуского завоевания сложен и не может считаться решенным. Есть основания полагать, что до завоевания чжоусцы находились на более низкой ступени общественного и культурного развития, чем иньцы. Хотя у чжоусцев, вероятно, уже существовала своя письменность [подробнее об этом см.: Крюков, 1965], она имела весьма ограниченную сферу применения, и в X в. до н. э. чжоусцы заимствовали письменность иньцев. Эпиграфические памятники раннечжоуского времени (надписи на ритуальных бронзовых сосудах и колоколах) написаны на иньском языке с помощью иньской письменности.

Факты говорят о том, что победители во многих отношениях стали прилежными учениками побежденных. Они заимствовали у иньцев не только письменность, но и все другие важнейшие культурные достижения, включая технику изготовления бронзовых предметов, боевые колесницы, умение возводить городские стены и многое другое.

Весьма противоречивы суждения исследователей о том, как повлияло чжоуское завоевание на социально-экономическое развитие общества [Крюков, 1967, 53—54]. Представляется, однако, весьма вероятным, что социальные последствия этого события не были значительны. Завоевание привело лишь к смене «верховного единства», тогда как основные ячейки социальной организации общества не претерпели сколько-нибудь значительных изменений [там же, 69—75].

Борьба за «гегемонию»

Политическая ситуация, сложившаяся в результате чжоуского завоевания, претерпела существенные изменения лишь в VIII в. до н. э. Под давлением враждебных западных племен столица чжоуского Сына Неба — Хао оказалась в опасности. В 771 г. до н. э. она была захвачена, а правитель Ю-ван попал в плен. Его сын, Пин-ван, вынужден был перенести столицу на восток, в город Ло-и, основанный еще в XI в. до н. э. в среднем течении Хуанхэ, при впадении в нее р. Лошуй. Начался период Восточного Чжоу³.

Сам по себе факт перенесения столицы был чреват немаловажными последствиями, которые вскоре не преминули сказаться. Чжоуский «домен» располагался теперь не на исконных землях предков Сына Неба, а на территории, первоначально принадлежавшей чжухоу. Поэтому постепенно все более и более отчетливо вырисовывалась тенденция ослабления власти вана. Он по-прежнему считался верховным правителем Поднебесной, но практически все реже вмешивался во взаимоотношения между подчиненными ему чжухоу.

В политической жизни эпохи Чуньцю возникла принципиально новая ситуация, не имевшая прецедентов в X—VIII вв. до н. э.: один из наиболее крупных чжухоу добился главенствующего положения среди соседних владений и стал «гегемоном», заняв, таким образом, позицию связующего звена между ваном и наследственными владениями, которые к тому времени стали фактически полусамостоятельными царствами.

Обособление прежних наследственных владений — одна из главных проблем эпохи Чуньцю. Некоторые из них, например Янь, некогда пожалованное У-ваном своему родственнику, в VII—V вв. до н. э. практически не поддерживали каких-либо прямых связей с чжоуским ваном. Это, между прочим, дало основание некоторым современным историкам отрицать достоверность того факта, что Янь было пожаловано в начале Чжоу родственнику У-вана [Ци Сы-хэ, 1940]. Находки ряда надписей раннечжоуского времени подтверждают свидетельства письмен-

---

³ Восточное Чжоу (770—256 гг. до н. э.) по традиции делится на период Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.) и Чжаньго (V—III вв. до н. э.).

ных источников⁴. Обособление Янь, как и некоторых других отдаленных царств, произошло, по-видимому, лишь в третьей четверти I тысячелетия до н. э.

Лозунгом первого «гегемона», с помощью которого он стремился сплотить под своей эгидой большинство царств на Среднекитайской равнине, было «уважение к вану». Эта попытка использовать традиционный идеал Сына Неба была тесно связана со вторым лозунгом: «отпор варварам». Такова была политическая программа правителя царства Ци, Хуань-гуна (685—643 гг. до н. э.), который стал первым «гегемоном» периода Чунью.

Борьба за «гегемонию», в которую включились все наиболее значительные царства, и прежде всего Ци, Цзинь и Чу⁵, шла непрерывно на протяжении VII—V вв. до н. э. (табл. 23).

Т а б л и ц а 23
«ГЕГЕМОНЫ» ПЕРИОДА ЧУНЬЦЮ

Царство	Правитель	Годы правления (до н. э.)	Политическая позиция «гегемона»
Ци	Хуань-гун	685—643	«Уважение к вану»
Сун	Сян-гун	650—637	То же
Цзинь	Вэнь-гун	636—628	То же
Цинь	Му-гун	659—621	То же
Чу	Чжуан-ван	613—591	Непризнание власти вана
У	Фу ча	495—473	То же
Юэ	Гоуцзянь	497—464	То же

Основным аргументом в этом споре сильнейших была военная сила; дипломатические акции лишь предваряли или завершали столкновения на поле брани. Только однажды, в 544 г. до н. э., по инициативе царства Сун, принадлежавшего к числу тех сравнительно небольших владений, которые в наибольшей степени страдали от войн между претендентами на гегемонию, состоялся съезд чжухоу, на котором был подписан договор «о мире».

⁴ Надпись на бронзовом треножнике, сообщающая о том, что «Шао-гун возвел стены в Янь», была в 1955 г. включена Чэнь Мэн-цзя в его свод текстов раннежюуского времени [Чэнь Мэн-цзя, 1955, 94—95]. В 1973 г. под Пекином было раскопано погребение западножюуского аристократа, в котором обнаружены ритуальные сосуды с надписями. В одной из них упоминается «яньский хоу» [Бэйцзин фуцзинь..., 1974, 314]. Все это соответствует указаниям летописей на то, что Янь, расположенное около современного Пекина, было пожаловано сыну Шао-гуна, получившего ранг «хоу».

⁵ Царство Чу возникло в X в. до н. э. в левобережье среднего течения Янцзы.

Этот договор, впрочем, разделил участь всех подобных документов древности: вооруженная борьба за власть вскоре после его заключения не только возобновилась, но и приобрела еще более жестокие формы.

Развитие социальных отношений

Хотя вопрос о характере социально-экономических отношений в древнем Китае во II—I тысячелетиях до н. э. продолжает оставаться предметом дискуссии [Китай, 298—299], наиболее убедительной представляется характеристика иньского и раннечжоуского общества как раннеклассового. Наиболее существенными особенностями этой эпохи было, с одной стороны, существование социального неравенства и имущественной дифференциации, с другой — отсутствие частной собственности на основное средство производства — землю.

Как свидетельствуют источники, раннечжоуское общество делилось на несколько социальных групп, соотнесенных друг с другом по принципу иерархии. Принадлежность человека к определенной социальной группе проявлялась в совокупности материальных благ, которыми он мог пользоваться. Эти различия касались материальной культуры и находили отражение даже в языке: для обозначения одного и того же понятия существовали различные слова, употреблявшиеся в зависимости от того, к какой социальной группе принадлежал говоривший. Структура социальных групп была непосредственно связана с системой землевладения и землепользования. Все земли в Поднебесной считались принадлежащими вану. Он жаловал наследственные владения представителям высшего ранга знатности, те в свою очередь жаловали землей обладателей следующего ранга и т. д. Поэтому земля, обрабатывавшаяся простолюдинами, не принадлежала кому бы то ни было в особенности: права на нее имели представители различных социальных групп. Система землепользования, таким образом, зиждилась на условном землевладении.

Принадлежность человека к определенной социальной группе определялась в чжоуском обществе отношениями генеалогического родства. Ранг своего отца мог наследовать только старший сын, а все остальные сыновья спускались на одну ступеньку социальной иерархической лестницы. Чжоуское общество характеризовалось практическим отсутствием социальной мобильности: судьба человека решалась в эту эпоху не его способностями или богатством, а узами родства.

В XIV—XI вв. до н. э. в древнем Китае несомненно существовали рабы. Они стояли вне иерархии социальных групп в обществе и не использовались в основной сфере общественного производства — земледелии.

Рис. 20. Сцена сражения (с бронзового сосуда эпохи Чжаньго)
[Го Бао-цзюнь, 21]

Важные сдвиги в системе социально-экономических отношений происходят в древнем Китае в период Чуньцю-Чжаньго («Борющихся царств»). Предпосылкой ломки многих традиционных институтов были резкие сдвиги в уровне производительных сил — появление железных орудий труда, поливного земледелия и пахоты с использованием тяглового скота. Повышение урожайности и расширение площади возделываемых земель, увеличение совокупного общественного продукта способствовали развитию торговли и товарно-денежных отношений. В ремесле (прежде всего в таких ведущих его отраслях, как горнодобывающие промыслы и железоплавильное дело), а также в тор-

говле впервые в древнем Китае в качестве производительной силы начинают использоваться рабы.

Бурное развитие производительных сил общества привело к сдвигам в формах землевладения и землепользования. В VI—IV вв. до н. э. все более и более настойчиво прокладывает себе дорогу частная собственность на землю.

Таким образом, к середине I тысячелетия до н. э. в древнем Китае происходит переход к иным, чем ранее, социально-экономическим отношениям. Основу их составляли частная собственность, развитие товарно-денежных отношений, использование рабов в производстве. Учитывая общую тенденцию развития древнекитайского общества, эти отношения можно охарактеризовать как рабовладельческие.

В IV в. до н. э. по всем крупным царствам прокатилась волна реформ, целью которых была ликвидация препятствий на пути новых социальных отношений. Эти реформы, осуществленные Ли Куем в Вэй, У Ци — в Чу, Шэнь Бу-хаем — в Хань, Шан Яном — в Цинь, стимулировали развитие частной собственности на землю, отменяли наследственные привилегии старой аристократии и тем самым ломали традиционную структуру социальных групп в обществе. Эти реформы открывали путь наверх нетитулованным, но разбогатевшим ремесленникам и торговцам, а также крупным землевладельцам, эксплуатировавшим труд непосредственного производителя как частные собственники основного средства производства.

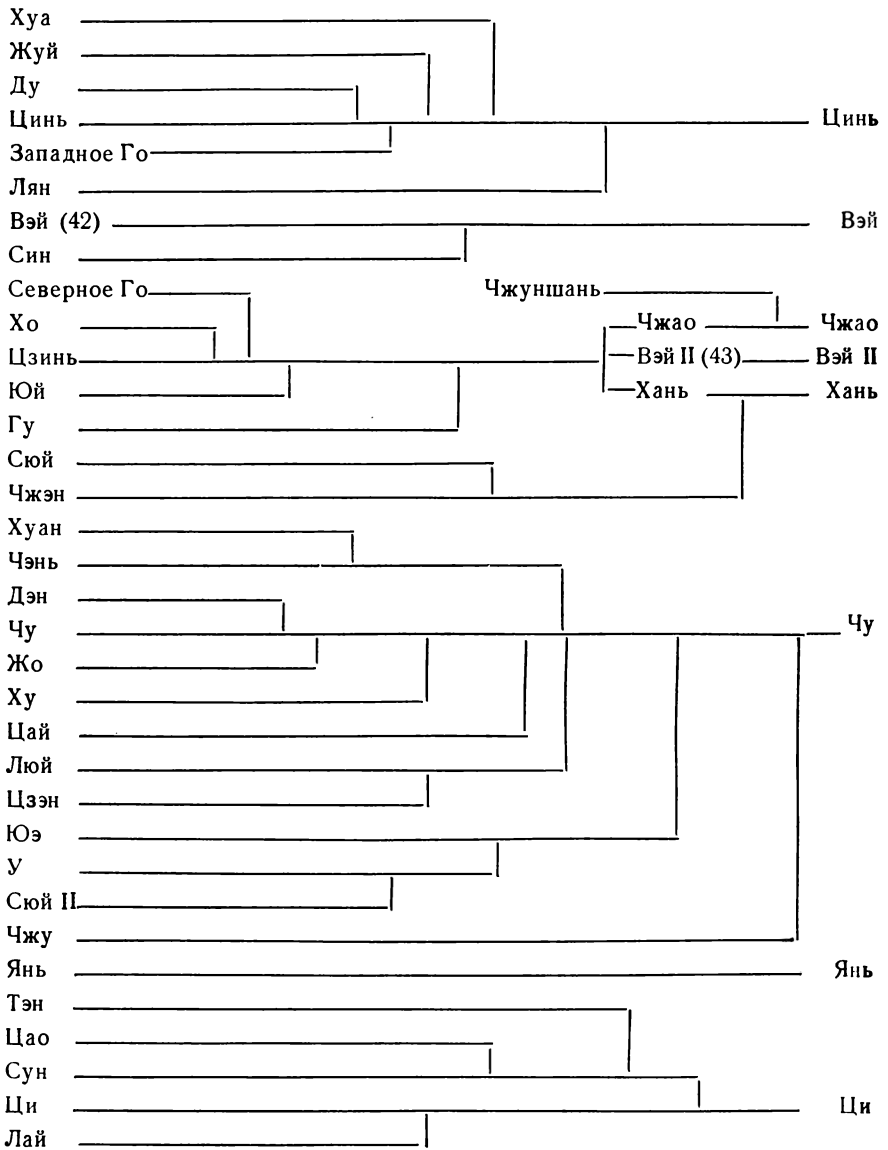
Развитие товарно-денежных отношений интенсифицирует культурные контакты между отдельными районами той территории, на которой в этот период существовали древнекитайские царства. Этому способствовала и общая ситуация во взаимоотношениях между ними. Если в VII—VI вв. до н. э. целью войн между царствами (рис. 20) было подчинение соседей и признание ими гегемонии одного правителя, то в период Чжаньго результатом военного поражения становилось, как правило, уничтожение побежденного царства и присоединение его территории к землям победителя. Конец Чуньцю и начало Чжаньго отмечены резким сокращением общего числа чжухоу и соответственно увеличением размеров царств, сохранивших свою независимость (табл. 24) (карта 7).

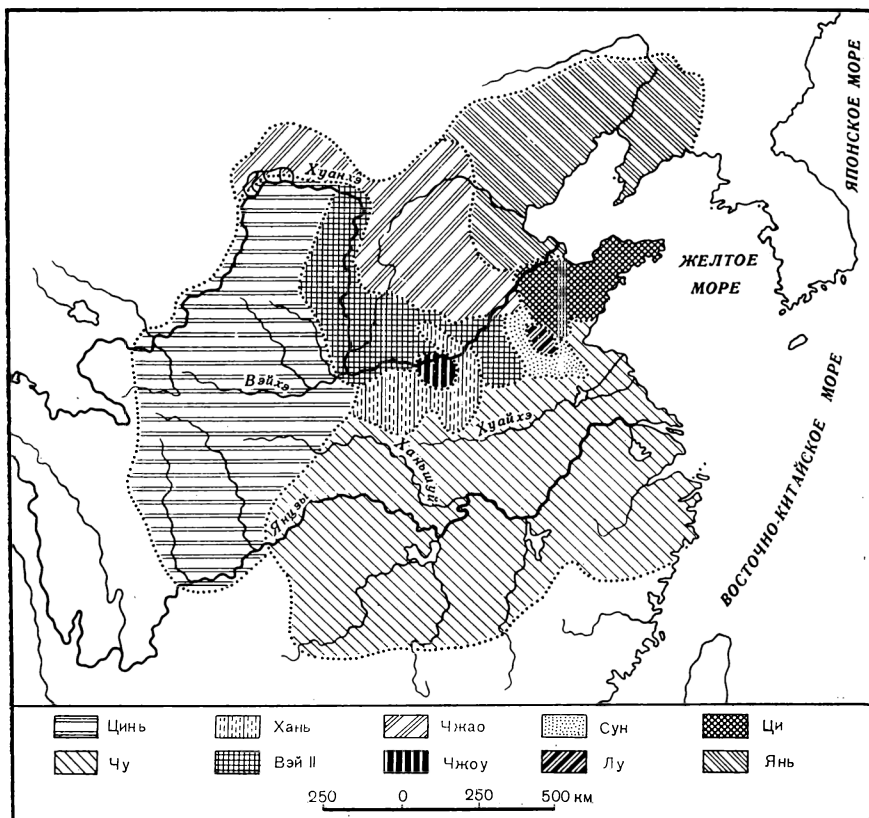
В то же время все более настойчиво начинает проявляться тенденция к созданию культурно-хозяйственных регионов, выходящих за рамки одного царства. Одно из свидетельств этого процесса — стихийная унификация монеты. В частности, на территории царств Ци, Янь и Чжао в V—IV вв. до н. э. получила распространение монета в виде ножа, первоначально отливавшаяся только в Ци; в Хань, Чжао, Вэй II в это время имела хождение монета в форме заступа [Чжэн Цзя-сян, 89—170].

Процесс социально-экономических преобразований был важнейшим фактором преодоления обособленности и разобщенно-

Т а б л и ц а 24

ВЗАИМОПОГЛОЩЕНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ЦАРСТВ В VII—III ВВ. ДО Н. Э.

Карта 7. Древнекитайские царства в IV—III вв. до н. э.

сти отдельных древнекитайских царств. Складывание экономической и культурной общностей населения различных районов Среднекитайской равнины и сопредельных территорий создавало условия для консолидации этнической общности древних китайцев, формирование которой интенсивно шло на протяжении предшествующих столетий.

СОСЕДИ

Формирование древнекитайского этноса происходило в процессе непрерывных контактов населения Среднекитайской равнины с соседними этническими общностями. Эти соседние племена были различны по своему происхождению, уровню этнической консолидации, хозяйственно-культурному типу. Поэтому и взаимодействие с ними по-разному сказывалось на складывающейся этнической общности древних китайцев.

Среди множества военных походов, предпринимавшихся иньскими ванами против враждебных племен, особое место занимают столкновения с цянами [44] или цян-фан⁶.

По упоминаниям географических названий, так или иначе связанных с походами против цянов, можно судить, что эти племена были западными соседями Инь. Но цяны иногда называются в надписях «северными» (бэй цян) [Ло Чжэнь-юй, 1913, т. 4, 37, № 1; Хуан Цзюнь, т. 3, 34, № 14]. Все это позволяет предполагать, что в конце XIII в. до н. э. цяны занимали территории, некогда принадлежавшие иньцам, — западную и центральную часть Хэнани, а также, вероятно, южную часть Шаньси.

Характерно и другое определение, нередко прилагаемое к цянам в иньских надписях, — «лошадиные» или «во множестве разводящие лошадей» (ма цян, до ма цян) [Хаяси Тайсукэ, т. 2, 15, № 18; Го Мо-жо, 1965, № 1554]. Заметим, что сами иньцы разводили лошадей не умели. Потребности в лошадях для нужд армии, главной ударной силой в которой были боевые колесницы, иньцы удовлетворяли за счет дани от западных и северо-западных соседей.

Войны с цянами упоминаются на всем протяжении поздней иньской истории, начиная с правления У-дина. При нем в экспедициях против цянов принимало участие по нескольку тысяч человек одновременно; максимальное число воинов в одном из таких походов достигло 13 тыс. [Chalfant, Britton, № 310]. Для сравнения можно сказать, что в нападениях на окраинные районы Инь со стороны племен ту-фан и гун-фан участвовало подчас лишь несколько десятков человек [Ло Чжэнь-юй, 1914, № 2, 6].

Результатом успешного похода против цянов был обычно «захват» пленных, которых затем доставляли в столицу. Полководца, «ведущего» пленных цянов, иньский правитель встречал у южных ворот столицы [Ху Хоу-сюань, 1951, № 730], а иногда даже выезжал для этого на берег р. Шан [Дун Цзо-бинь, 1948, № 896]. Затем пленные торжественно приносились в жертву предкам. При Вэнь-дине такая участь постигла двух вождей цянов: их обезглавили, а на черепахах сделали мемориальную надпись [Чэнь Мэн-цзя, 1956, табл. 24].

По-видимому, отдельные группы цянов в разное время признавали власть иньского вана. В надписях мы встречаем упоминания о том, что ван отдавал цянам приказы [Ло Чжэнь-юй, 1913, т. 4, 48, № 1; Хаяси Тайсукэ, т. 2, 15, № 15]. С другой стороны, У-дин приказывал каким-то «людям Чжун отправиться в цян-фан для обработки полей» [Дун Цзо-бинь, 1948, № 3510].

⁶ Термином «фан» (43) иньцы обозначали враждебные племена.

Ван Ди-и охотился на землях цянов [Ло Чжэнь-юй, 1913, т. 2, 44, № 5] и совершил там гадания [там же, т. 2, 26, № 1; т. 2, 35, № 2].

Цяны не упоминаются в источниках чжоуского времени. Тем не менее есть серьезные основания полагать, что именно эти племена фигурируют в более поздних письменных источниках под именем «жунов» (46).

В X—VI вв. до н. э. одна из групп жунов называлась «цзян-жун» (47) или «жуны, носящие родовое имя Цзян». Весьма вероятно, что этимологически Цзян восходит к названию «цянь», точно так же как цюаньжуны чжоуского времени, по-видимому, непосредственно связаны с племенами цюань иньских надписей⁷. Как предполагает Мэн Вэнь-тун, первые правители наследственного владения Цинь, возникшего в X—IX вв. до н. э., были выходцами из племени цюаньжунов [Мэн Вэнь-тун, 24]. Под ударами цюаньжунов в 771 г. до н. э. пала чжоуская столица [Такигава Камэтаро, т. I, 295]. Жуны, обитавшие в районе горы Лишань, назывались «лижун» [Legge, т. VII, 113].

Когда чжоуский Пин-ван перенес столицу на восток, в долине между реками Ишуй и Лошуй жили люди, «не причесывавшие волос и совершавшие жертвоприношения в поле» [там же, 181]. В источниках, в частности в «Цзочжуане», они называются «жунами [рек] И и Ло» (48). В 716 г. до н. э. они прибыли на аудиенцию к Сыну Неба, подобно тому как это делали подчиненные вану чжухоу [там же, 22]. Однако в середине VII в. до н. э. «жуны И и Ло» уже непосредственно угрожали чжоуской столице. В 648 г. до н. э. вместе с другими племенами они напали на город, захватили его и разграбили, а затем подожгли. Во время пожара сгорели восточные ворота столицы [там же, 158]. Это дерзкое нападение жунов вынудило царства Цинь и Цзинь предпринять против них совместные действия и заставить подчиниться вану. Но опасность не была устранена полностью, и поэтому в последующие годы чжухоу присылали свои ополчения для защиты чжоуской столицы — в 646, 641 гг. до н. э. и т. д. [там же, 160, 170].

В середине VII в. до н. э. в долину рек И и Ло переместилась еще одна группа жунов, получившая в источниках название «лухуньжун» (49). В 658 г. до н. э. войска царства Го, расположенного в верховьях Лошуй, нанесли жунам поражение в битве при Сантяне [там же, 135]. Примерно через двадцать лет после этого под давлением Цинь и Цзинь лухуньжуны переселились в долину р. Ишуй [там же, 181]. В последующие десятилетия лухуньжуны стали заметным фактором политических взаимоотношений между царствами Среднекитайской равнины. В 611 г. до н. э. они напали на Чу [там же, 273]. Предприняв

⁷ При У-дине предводитель цюаней признавал главенство Инь и участвовал в походах по его приказу [Ло Чжэнь-юй, 1914, т. 5, I, № 7].

через несколько лет ответный поход против лухуньжунов, чуские войска вышли в долину Лошуня и оказались на границе чжоуского домена [там же, 292].

В этот период крупнейшие царства Среднекитайской равнины нередко использовали реальную силу жунов для достижения своих политических целей. Так, в 618 г. до н. э. цзиньцы вели переговоры с «жунами И и Ло» [там же, 250], а затем заключили с ними договор. В 603 г. до н. э. лухуньжуны вместе с «жунами И и Ло» участвовали в карательном походе чжухоу против Сун [там же, 358] и т. д.

В соперничестве между царствами Цзинь и Чу лухуньжуны поддерживали своих южных соседей. Поэтому в середине VI в. до н. э. Цзинь предприняло решительные действия против лухуньжунов, а в 525 г. нанесло им сокрушительное поражение. Одна часть лухуньжунов во главе с вождем бежала в Чу, а другая — на восток, где была захвачена в плен чжоусцами [там же, т. 8, 666]. Это был последний период обитания жунов в долинах И и Ло.

Иначе сложились исторические судьбы тех групп жунов, которые оставались в VII—V вв. до н. э. в бассейне Вэйхэ и далее к западу.

После смерти второго «гегемона» периода Чуньцю, цзиньского Вэнь-гуна (628 г. до н. э.), на эту роль начал реально претендовать правитель царства Цинь Му-гун. Цзиньцы отказывались признавать главенство Цинь, и спор можно было решить только силой оружия. Битва при Яохане (627 г. до н. э.) кончилась поражением Цинь, но через четыре года Му-гун вновь напал на Цинь, перешел через Хуанхэ близ Вангуаня и одержал желанную победу. Это было началом его «гегемонии», хотя «Цзочжуань» называет его «гегемоном» среди «западных жунов» [там же, т. 7, 235].

Распространение политического влияния Цинь на племена жунов, живших преимущественно к северо-западу и западу от циньской столицы Сяньяна, привело к расширению территории этого царства. В конце периода Чуньцю некоторые племена западных жунов усиливаются и создают протогосударственные образования, среди которых самым крупным было в то время Ицюй.

В 470 г. до н. э. «царство» Ицюй, расположенное в верховьях р. Цзиншуй, присылает дань циньскому гуну [Такигава Камэтаро, т. 3, 1061]. Через двадцать с лишним лет Цинь нападает на Ицюй и захватывает в плен его правителя [там же, 1080]. В 430 г. Ицюй предприняло поход против Цинь и дошло до Вэйяна [там же, 1082].

Так с переменным успехом борьба Цинь с Ицюй продолжалась вплоть до середины IV в. до н. э.

Реформы Шан Яна способствовали усилению военной мощи Цинь, постепенно вошедшего после этого в число сильнейших

царств. К тому же под 331 г. до н. э. источники сообщают о «внутренней смуте» в Ицюе. Еще через четыре года правитель Ицюй признал себя вассалом Цинь [там же, 1127]. После этого Цинь перешло к последовательным действиям, направленным на захват земель Ицюя. В 314 г. до н. э. поход циньцев закончился присоединением 25 «городов» к царству Цинь [там же, 1132]. Это — последнее упоминание источников об Ицюй. Судьба его известна из раздела, посвященного истории западных цяннов в «Хоуханьшу». Там сообщается, что в 272 г. до н. э. правитель Ицюя был хитростью заманен в циньскую столицу и там убит. На территории его царства были основаны циньские округа Лунси, Бэйди и Шан [там же, т. 4, 3180].

Анализируя результаты археологических раскопок на востоке провинции Ганьсу, Ся Най высказал предположение, что энеолитические культуры, открытые в этом районе (в частности, сыва), связаны с этнической общностью жунов. Основанием для этого ему послужила находка захоронения культуры сыва с трупосожжением. Как свидетельствуют некоторые источники, такой обычай практиковался в Ицюй [Моцзы иньдэ, 39]. Хотя кремация — отнюдь не единственный способ захоронения, зафиксированный в могильниках культуры сыва, такое предположение представляется весьма убедительным. Если оно верно, поздняя энеолитическая серия древних черепов, добытая Ю. Андерсоном в погребениях культур сыва, шадин, синьдянь и описанная Д. Блэком, является источником наших суждений о физическом типе племен западных жунов в первой половине I тысячелетия до н. э.

В этой связи уместно поставить вопрос о вероятном этническом родстве жунов и чжоусцев. Есть основания полагать, что по своему происхождению чжоусцы были связаны с группой племен, сформировавшихся на территории современных провинций Шэньси и Ганьсу и говоривших на тибето-бирманских языках. Обособление двух подразделений этой группы, одно из которых привело к формированию цяннов (жунов), другое — чжоусцев, началось, по-видимому, еще в конце III тысячелетия до н. э.

Смутные реминисценции этого процесса нашли отражение в древнекитайских мифах, в которых племена восточной части этой группы были персонализированы в образе «императора» Хуанди, а западной — Яньди; оба они якобы были братьями, но «Хуанди появился на р. Цзишуй, Яньди — на р. Цзяншуй; они появились и обнаружили различные добродетели, поэтому Хуанди основал род Цзи, а Яньди — род Цзян» [Гоюй, 128]. Цзи — это родовое имя чжоусцев; Цзян этимологически идентично наименованию «цян». Согласно легенде, матерью прадеда чжоусцев была Цзян Юань, т. е. женщина из рода Цзян [Такигава Камэтаро, т. 1, 232].

Таким образом, можно предполагать, что чжоусцы и цяны

имели общих предков. Позднее, в результате обособления чжоусцев, с одной стороны, и цянов (жунов) — с другой, представление о единстве происхождения этих племен постепенно отходит на второй план и затушевывается политическим противоборством.

Ди

Племена ди (50) впервые появились на горизонте древнекитайской истории в VII в. до н. э. и с этого времени надолго превратились в важный этнический фактор взаимоотношений между царствами чжухоу на Среднекитайской равнине.

Первым из этих царств, непосредственно столкнувшимся с ди, было Цзинь. Одно из крупнейших наследственных владений того времени, Цзинь переживало в конце VII в. до н. э. смутные годы. Младшая ветвь правящего дома одержала в конце концов верх в борьбе за власть, и в 678 г. один из ее представителей, У-гун из Цюйво, был признан чжоуским Сыном Неба в качестве законного правителя Цзинь. Период царствования сына У-гуна, Сянь-гуна (675—651), отмечен усилением царства и расширением его территории. На северо-западных границах своего государства Сянь-гуну и пришлось столкнуться с племенами ди, безраздельно господствовавшими в районе бассейна р. Фэньхэ.

О том, как далеко на юг простиралась в это время территория, занятая ди, свидетельствует тот факт, что пограничные крепости Пу и Эрцюй, построенные Сянь-гуном на отвоеванных у ди землях, находились на правом берегу Фэньхэ (правая из них — вблизи Цайсана, переправы через Хуанхэ, важного стратегического пункта, связывавшего Цзинь с более западными районами). В 666 г. до н. э. сыновья Сянь-гуна, Чун-эр и И-у, были назначены командующими гарнизонами в этих крепостях. Прямая угроза цзиньской столице со стороны ди была предотвращена [Legge, т. 7, 113].

Победа, одержанная Сянь-гуном, по-видимому, в значительной мере объясняет весь ход последующих событий. Встретив сопротивление в нижнем течении Фэньхэ, ди устремились вверх по ее долине и вскоре оказались у северных отрогов хребта Тайханшань. Когда ди обогнули их с северо-востока, перед ними открылась Хэбэйская равнина и тем самым — прямой путь на юг, которым они не преминули воспользоваться.

В 661 г. до н. э. ди напали на царство Син; помощь со стороны Цзинь на время стабилизирует его положение [там же, т. 7, 123]. Однако уже в следующем году ди осадили столицу царства Вэй. Войска соседних царств не успели прийти на выручку, и силы оказались неравными. Вэйская армия была разгромлена, правитель убит. Жители столицы попытались спа-

стись бегством, но были настигнуты на берегу Хуанхэ. Из всего населения Вэй лишь 730 человек избежало смерти. Вся территория царства была разграблена [там же, 126].

Вслед за этим ди создают прямую угрозу царству Ци. Но Хуань-гун, только что добившийся статуса «гегемона», не решился начать активные действия против ди и ограничивался строительством крепостей вдоль западной границы своего государства.

Середина VII в. до н. э. — период наибольших успехов ди на Среднекитайской равнине. Несмотря на неудачу в битве с цзиньцами при Цайсане (651), они предпринимают дальнейшее наступление в районе Хэбэйской равнины, переходят Хуанхэ и нападают на царства, расположенные на его южном берегу. В 649 г. до н. э. под ударами ди гибнут государства Вэнь и Су [там же, 155]. Это было время, когда Цзинь рассматривало ди как столь же грозного соперника, как Чу, Ци и Цинь.

Начиная с 20-х годов VII в. до н. э. в источниках появляются упоминания о двух группах ди — «белых», или западных, и «красных», восточных. «Красные ди», обосновавшиеся в среднем течении Хуанхэ, консолидировались под властью некоего Фэншу. На протяжении четверти века все соседние царства трепетали перед этим талантливым предводителем ди, отдавая дань уважения его способностям и успехам. В 638 г. до н. э. Ци заключил договор с ди [там же, 178]; на помощь со стороны ди пытался в это время опереться и чжоуский Сын Неба.

В 634 г. до н. э. между чжоуским ваном и правителем царства Чжэн возник конфликт. Честь Сына Неба была задета, и он, не обладая собственными возможностями для того, чтобы покарать мятежного чжухоу, обратился за помощью к ди. Воспользовавшись этим, ди напали на Чжэн и захватили часть его территории. Благодарный ван уже собирался в знак своей особой милости взять в жены дочь предводителя ди, как они, выступив и против вана, нанесли поражение его войску. Ван был вынужден бежать из столицы, а несколько его ближайших сановников попали в плен к ди [там же, 189—190]. Это произошло через 14 лет после захвата чжоуской столицы жунами. «Жуны И и Ло» и «красные ди» были в эти годы фактическими хозяевами на территории чжоуского домена.

В это же время активизировались «белые ди», продолжавшие угрожать Цзинь. Цзиньский Вэнь-гун, который до своего вступления на престол более десяти лет жил среди ди, добился признания себя «гегемоном», оказав помощь Сыну Неба и восстановив его в своих правах. В 630 г. до н. э. Вэнь-гун специально создал три армии для борьбы с ди (во главе армии центра был поставлен знаменитый цзиньский полководец Сюнь Линь-фу) [там же, т. 7, 206], а спустя два года — пять армий, предназначенных для той же цели [там же, 218]. Однако Вэнь-

гуну не довелось стать свидетелем исхода борьбы; он умер в 628 г. до н. э.

В 625 г. произошла битва между ди и Цзинь при Ци. Она получила противоречивую оценку современников. В «Чуньцю» записано: «Цзиньцы разгромили ди в Ци» [там же, 221]. Действительно, в этом сражении был захвачен вождь «белых ди», но, с другой стороны, в нем погиб цзиньский полководец Сянь Чжэнь. Позднее один из цзиньских сановников относил битву при Ци к «трем позорнейшим событиям» в истории Цзинь наряду с поражениями при Хань и Би⁸ [Мэн Вэнь-тун, 64].

В 621 г. до н. э. один из видных аристократов царства Цзинь, Цзя Ци, вместе со своим кланом перешел на сторону ди. Это очень осложнило положение Цзинь, так как другой видный деятель этого царства примерно в то же время бежал в Цинь: «Ши Хуй в Цинь, Цзя Ци — у ди; для Цзинь наступили трудные дни», — признавали цзиньцы [Legge, т. VII, 262]. «Белые ди» в этот период то выступали на стороне Цинь, то присоединялись к Цзинь.

Тем временем «красные ди» продолжали набеги на государство в восточной части Среднекитайской равнины. В 620 г. до н. э. они напали на западные пределы Лу, затем — на Ци и Сун [там же, 247]. В 615 г. до н. э. ди вторглись на территорию Ци и, пройдя ее, опустошили луские города (карта 8). На обратном пути их настигла армия Лу; в знак уважения к противнику луский полководец назвал своих сыновей именами трех взятых им в плен богатырей ди.

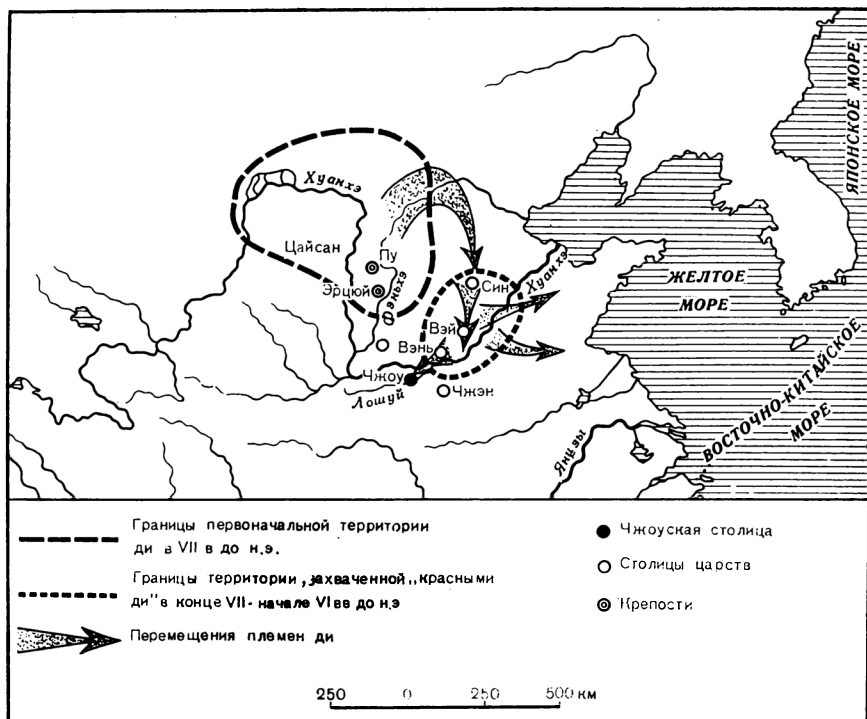
В самом начале VI в. до н. э. начинаются столкновения «красных ди» с Цзинь. Осенью 603 г. до н. э. они напали на цзиньский город Хуай, расположенный в том месте, где хребет Тайханшань подходит к самому берегу Хуанхэ [там же]; на следующий год — на Сянбинь, где захватили только что скошенный урожай хлебов [там же, т. 7, 298, 299]. Однако их могущество уже клонилось к закату.

Прежде всего Цзинь удалось внести раскол в ряды ди, и часть последних перешла в 598 г. до н. э. на сторону Цзинь. Добившись тем самым ослабления своего грозного соперника, цзиньцы решают воспользоваться борьбой между двумя представителями местной верхушки, чтобы покончить с «красными ди».

Один из вождей «красных ди», по имени Инэр, взял себе в жены сестру цзиньского правителя и, по-видимому, склонен был пойти на союз с этим царством. Против такой политики выступил Фэншу. Он убил жену Инэра, а его самого ранил в стычке. Это послужило Цзинь прекрасным поводом для вме-

---

⁸ Битва при Би (597 г. до н. э.) закончилась сокрушительным поражением цзиньцев и полной победой Чу; при Хань (645 г. до н. э.) Цзинь было разбито войсками Цинь. Если не считать битвы при Вангуане (623 г. до н. э.), в истории Цзинь не было военных поражений, подобных этим.

Карта 8. Племена ди в VII—VI вв. до н. э.

шательства. После ожесточенных дебатов между различными группами придворной знати в Цзинь победила линия некоего Бо Цзун, требовавшего немедленных действий против ди. Для оправдания такой позиции Бо Цзун предложил выдвинуть против ди следующие обвинения: во-первых, они пьют слишком много вина; во-вторых, они не совершают жертвоприношений своим предкам; в-третьих, они захватили земли царства Ли; в-четвертых, они убили сестру цзиньского гуна; в-пятых, они ранили своего правителя [там же, 326]. Демагогический характер этих обвинений не нуждается в комментариях (отметим лишь, что все это очень напомало квалификацию «преступлений»⁹, приписанных чжоусцами свергнутому Ди-синю).

В 593 г. до н. э. цзиньская армия под командованием Сюнь Линь-фу совершила переход вдоль южных отрогов Тайханшаня и, повернув затем на север, нанесла удар по главным силам ди близ Цюйляна (современный уезд Юнньюань в Хэбэе). Фэншу

⁹ Роскошь и злоупотребление вином; отказ от совершения жертвоприношений предкам; внимание к советам женщин и пр.

был разгромлен и взят в плен. Его отправили в цзиньскую столицу и казнили. Но и Инэр не был восстановлен в своих правах; он также оказался в числе пленных.

По обычаю, наиболее высокопоставленные пленники из числа ди были убиты, а остальные превращены в рабов. Сюнь Линьфу, главный герой кампании, получил 1 тыс. семей ди; многие ди были включены в армию Цзинь¹⁰. «Благодаря вам я получил земли ди»,— говорил цзиньский гун своим полководцам [там же, 327]. Напомним, что речь шла о землях, расположенных в самом центре Среднекитайской равнины, на территории царств Чжэн, Сун и Вэй.

Хотя с господством ди в среднем течении Хуанхэ было покончено, «белые ди» еще сохраняли свою независимость. Подчинение их власти Цзинь и постепенная ассимиляция относятся к несколько более позднему времени. Часть «белых ди» переместилась в это время на восток и обосновалась в районе к северу от Тайханшаня, на северо-западе современного Хэбэя.

Здесь возникло небольшое государство Сяньюй, основанное «белыми ди». Этому государству, которое с начала V в. до н. э. начало именоваться Чжуншань, суждено было сыграть определенную роль в политической и культурной истории древнекитайских царств периода Чжаньго. Достаточно сказать, что, когда в 318 г. до н. э. пять правителей наиболее крупных царств впервые официально приняли титул вана, который до тех пор мог носить лишь чжоуский Сын Неба, в их числе был правитель Чжуншаня.

Итак, нам сравнительно хорошо известна цепь политических событий, участниками которых были на протяжении VII—IV вв. до н. э. племена ди. К сожалению, сведения об их культуре, образе жизни, языке куда более фрагментарны. Это объясняет значительные расхождения во мнениях исследователей по поводу происхождения и этнической принадлежности ди. То, что известно об этническом облике этих племен, не позволяет присоединиться к точке зрения А. Масперо, считавшего, что ди родственны древним китайцам и отличаются от них лишь уровнем культурного развития [Maspero, 20]. Ф. Хирт и В. Эберхард считали ди тюркоязычным народом [Prusek, 209]; к этой же точке зрения присоединился затем Ма Чан-шоу [Ма Чан-шоу]. Совершенно иное мнение на этот счет было высказано в одной из ранних работ Го Мо-жо.

Обращая внимание на изменения в художественном стиле древнекитайских бронзовых изделий середины эпохи Чуньцю, Го Мо-жо видел в этом результат внешнего влияния. «В высшей степени вероятно, что здесь наблюдалось воздействие скиф-

---

¹⁰ Например, при осаде цзиньцами Бяна в 563 г. до н. э. отличился некто Сыми, родом из племени ди, который один сражался с целым отрядом противника [Legge, т. VIII, 442].

ского искусства, — писал он. — В период Чуньцю-Чжаньго территория, занятая скифами, расширилась вплоть до северной части Монголии и стала соседствовать с владениями Чжуншань, Янь и Чжао... Население царства Чжуншань было „ответвлением белых ди“. Быть может, оно представляло собой этнически смешанную группу, в формировании которой приняли участие скифы?» [Го Мо-жо, 1954, 321] ¹¹.

Полагая, что решение этой проблемы может стать возможным лишь после появления новых археологических данных, Го Мо-жо впоследствии, насколько нам известно, никогда больше не возвращался к вопросу о возможном присутствии скифов на территории древнекитайских царств. Между тем эта мысль представляется в высшей степени плодотворной. Кочевники-ди появились на северо-западных окраинах древнего Китая именно в тот период, когда на огромных степных просторах Евразии возник «скифский мир» с его своеобразной кочевнической культурой. Проблема скифского влияния встает перед археологом каждый раз, когда на этой территории обнаруживаются датированные I тысячелетием до н. э. предметы «скифской триады» — специфический набор оружия, конская сбруя и украшения, выполненные в «зверином стиле».

Следы «скифской триады» есть и в Северном Китае. Не говоря уже об Ордосе, где было найдено большое число предметов скифского искусства в «зверином стиле» (они были изучены Ю. Андерсоном [Andersson, 1933]), аналогичные находки сделаны за последние годы в ряде других районов. Все они локализируются в широкой зоне, примыкавшей с севера к территории царства Цзинь эпохи Чуньцю. Один из центров таких находок расположен в северной части Хэбэя (Чжанцзякоу, Хуайлай, Синтан). Здесь обнаружены изображения барса, свернувшегося в клубок, лошади с подогнутыми ногами и типичного скифского оленя; кинжалы скифского типа; характерные бронзовые котлы на поддоне [Синтансянь лицзячжуан..., 55; Хэбэйшэн цзинянь..., 1960, 60] (рис. 21). Как раз здесь находилось в начале Чжаньго царство Чжуншань. О его падении «Чжаньгоцэ» рассказывает, что во время пира одному из сановников не досталось «бараньей похлебки». Обиженный, он бежал в Чу и уговорил чуского вана наказать Чжуншань. Лишившись своего царства, чжуншаньский правитель воскликнул: «Я потерял свое государство из-за чашки бараньего супа!» [Чжаньго..., т. 33, 4]. В этом историческом анекдоте есть примечательная деталь. Баранью похлебку в царстве Чжуншань варили, наверное, в тех самых скифских котлах, которые фигурируют в отчете о раскопках под названием «бронзовых сосудов из царства Чжуншань» [Синтансянь лицзячжуан..., 56].

---

¹¹ В русском переводе Го Мо-жо в этом месте допущена ошибка: вместо скифов в нем фигурируют согдийцы [Го Мо-жо, 1959, 434].

Рис. 21. Бронзовые предметы с территории Северного Китая [Ли И-ю, 79; Дациншань, 50—51].

1, 2 — бляхи; 3 — котел; 4 — кинжал

Горные жуны

Помимо жунов, занимавших в VII—V вв. до н. э. территорию на западе Хэнани, в Шэньси и Ганьсу, источники этого времени сообщают о совершенно иной группе племен, которая также именуется «жунами». Это «северные» (51), или «горные», жуны (52).

Упоминания о горных жунах, содержащиеся в «Чуньцю» и «Цзочжуане», немногочисленны. В 721 г. до н. э. луский прави-

тель Инь-гун встретился с предводителем жунов, который предложил заключить договор. Он был заключен осенью того же года, восстановив добрые отношения между жунами и Лу, существовавшие при Хуй-гуне (768—723) [Legge, т. VII, 8].

Через семь лет после этого отмечено нападение северных жунов на царство Чжэн. Правитель этого царства был удивлен, увидев, какова принятая у жунов манера ведения боя: «Они воюют в пешем строю, тогда как мы — на колесницах». Его сын успокоил отца: «Жуны легкомысленны и не имеют твердо установленных боевых порядков. Они жадны и не признают уз родства. Одерживая победу, они не уступают славы, а терпя поражение, не приходят друг другу на помощь». Слова наследника подтвердились, и чжэнская армия наголову разгромила вторгшихся жунов [там же, 27].

В 706 г. до н. э. северные жуны напали на Ци, заключив предварительно союз с Лу. Известно также, что Ци вынуждено было обратиться за помощью к соседям, прежде всего к Чжэн. Чжухоу спасли Ци от поражения [там же, 47, 54, 56].

В дальнейшем взаимоотношения Ци с северными жунами связаны с деятельностью Хуань-гуна. В летописи «Чуньцю» сообщается, что в 663 г. до н. э. «Ци пошло походом на горных жунов». «Цзочжуань» поясняет, что причиной этих действий были неприятности, причиненные жунами царству Янь [там же, 117]. В 650 г. до н. э. Хуань-гун добился наконец признания своей гегемонии на съезде в Куйцю. На этом совещании чжухоу не присутствовал лишь правитель Цзинь, который был остановлен по дороге циским чиновником. Тот отговорил гуна участвовать в съезде, указав на опасные действия Ци: оно «на севере воюет с горными жунами, а на юге — с Чу» [там же, 152].

Изложенным, в сущности, и исчерпываются основные сведения о горных жунах, содержащиеся в наших источниках. К ним можно добавить лишь очень немного, в частности слова автора «Гуаньцзы», который пишет о заслугах Хуань-гуна: «Разбойники, разъезжающие верхом, первый раз потерпели от него поражение» [Гуаньцзы, т. 6, 11].

Таким образом, мы можем лишь весьма приблизительно определить район обитания горных жунов в VIII—VII вв. до н. э. Учитывая местоположение царств, подвергавшихся в это время набегам жунов, таким районом, вероятнее всего, должен быть северо-восток Хэбэя или еще более восточные прибрежные области.

Гипотетически можно связывать с горными жунами своеобразную культуру бронзы, открытую в Северо-Восточном Китае и зафиксированную также на территории Северной Кореи. Эта культура характеризуется специфическим набором бронзового оружия, среди которого обращают на себя внимание кинжалы с фигурным лезвием и рукоятью с противовесом. Такие кинжалы впервые были обнаружены в Муянчэне (Люйшунь) в 1928 г.

Начиная с 1958 г. находки кинжалов этого типа стали столь многочисленны, что были предприняты попытки их типологического анализа. Особое значение в этом смысле имеют результаты раскопок двух погребений с кинжалами в Чжэнцзявацзы (Шэньян). Здесь были найдены уникальные по полноте комплексы оружия и украшений (среди них характерны зеркалообразные круглые бляхи, украшенные геометрическим орнаментом), а также псалии и другие предметы конской сбруи. По бляшкам, некогда нашитым на сапоги захороненного, оказалось возможным восстановить, какова была обувь всадника (рис. 22). Наконец, хорошая сохранность черепов позволила составить представление о физическом типе насельников этой культуры [Шэньян..., 141—155]. В их антропологическом облике прослеживаются черты, свойственные, с одной стороны, тихоокеанским, с другой — континентальным монголоидам [Хань Кан-синь, 157—162]. Уместно напомнить, что корейский историк Ли Джирин, специально изучавший памятники культуры «с бронзовыми кинжалами», считает их принадлежащими населению древнего Чосона [Ли Джирин].

«Восточные и»

Среди племен, с которыми иньским ванам пришлось вести длительную борьбу, было одно, именуемое в надписях «и-фан» (53)¹². Местонахождение его вызывало споры среди исследователей иньской эпиграфики. Большинство из них все же согласно с тем, что и-фан локализовалось к востоку или к юго-востоку от последней иньской столицы.

Походы на и-фан отнимали у иньских ванов много времени и сил, особенно в последний период существования Инь. По-видимому, к годам правления Ди-синя относится большая серия взаимосвязанных надписей, повествующих об обстоятельствах похода на и-фан; экспедиция началась в 9-м месяце 10-го года правления вана, а закончилась в 5-м месяце следующего года, т. е. продолжалась около 260 дней [Чэнь Мэн-цзя, 1956, 304]. О походе на и-фан в 15-м году правления вана рассказывается в надписях на позднейиньских бронзовых сосудах [Ло Чжэнь-юй, т. 8, 33; № 2; т. 11, 34, № 1; т. 13, 42, № 2].

Эти эпиграфические свидетельства следует рассматривать в совокупности с позднейшей письменной традицией о том, что при ване Ди-сине «восстали восточные и», Ди-синь «покорил восточных и, но вскоре сам был убит» [там же, 593, 631]. По-видимому, поход У-вана на иньскую столицу был предпринят примерно в то время, когда Ди-синь был занят на востоке проблемами и-фана.

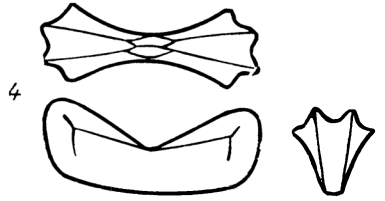
¹² Некоторые специалисты полагают, что название этого племени дешифруется как жэнь-фан (54) [Чэнь Мэн-цзя, 1955, 301].

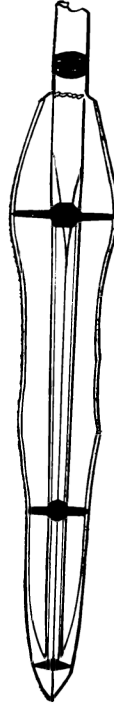
1

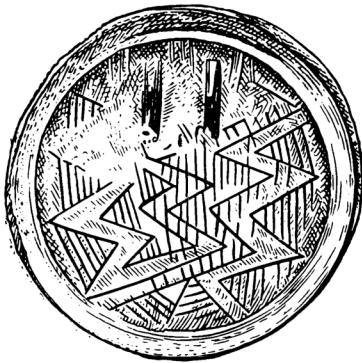
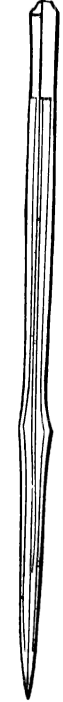
2

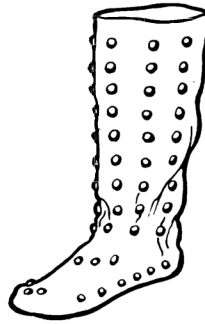
4

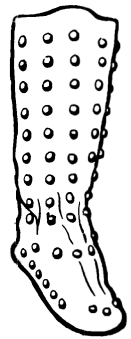
5

3

6

Свергнув Ди-синя, чжоусцы недолго задержались на востоке. Сын Ди-синя, У-гэн, был признан правителем иньцев, зависимым от Чжоу; после этого У-ван вернулся в свою столицу на запад. Когда после смерти У-вана его место занял малолетний Чэн-ван, иньский У-гэн восстал против него. В союзе с У-гэном выступили племена восточных и. Поэтому Чэн-ван был вынужден снова пойти на иньцев походом, который продолжался три года и завершился вторичным взятием бывшей иньской столицы.

Эти события нашли отражение в раннечжоуских надписях на бронзовых сосудах. В нескольких эпиграфических текстах, датируемых временем правления Чэн-вана, говорится о «восставших восточных и», о «великом мятеже восточных и», о «походе вана против восточных и» [Го Мо-жо, 1958, т. 6, 20, 23, 28]. Одно из этих свидетельств особенно важно потому, что в походе действия развертывались на «морском берегу» [там же, 23].

Одна из надписей, относящаяся к периоду правления Чэн-вана или Кан-вана, сообщает о походе против «южных и» [там же, 66]. После этого вплоть до начала IX в. до н. э. какие-либо упоминания о восточных или южных и в эпиграфических источниках отсутствуют. Следующее по времени сообщение, содержащееся в надписи на колоколе «Цзунчжоу чжун», касается успешной войны чжоуского вана против племен пу. После того как предводитель пу был разбит, он направил послов в столицу Чжоу для выражения своей покорности. «Прибыли все южные и восточные и, всего 26 царств», — говорится в надписи [там же, 51]. В другом тексте первой половины IX в. до н. э. впервые упоминаются «хуайские и» (55) [там же, 62]. Это наименование указывает на основную территорию их обитания — бассейн р. Хуайхэ. Очевидно, термином «и» в иньское и раннечжоуское время назывались племена, населявшие прибрежные районы современных провинций Шаньдун, Цзянсу и Чжэцзян, а также долину Хуайхэ. Число отдельных племен («царств», по терминологии авторов надписей) превышало здесь два десятка.

В эпиграфических текстах второй половины IX — начала VIII в. до н. э. преобладают упоминания о «южных хуайских и». Против них ходили походами [Го Мо-жо, 1958, т. 7, 120, 121], поводами для которых часто были нападения хуайских и на владения чжухоу. Во время одного из таких нападений племена «южных хуайских и» дошли до долины Лошуя и Ишуя [там же, 110].

Большой интерес представляет надпись на сосуде «Си-цзя пань», датируемая началом VIII в. до н. э. Некто Си-цзя был

Рис. 22. Предметы из «погребений с бронзовыми кинжалами» [Шэньян, 144—149].

1, 3 — бронзовые зеркала; 2 — обкладка ножен; 4 — каменные противовесы рукоятки кинжала; 5 — бронзовый кинжал; 6 — кожаные сапоги, украшенные бронзовыми бляшками (реконструкция)

назначен ваном на должность сборщика дани в Чэнчжоу (Ло-и). При этом оговаривалось, что Си-цзя будет отвечать за дань, поступающую «со всех четырех стран света, вплоть до южных хуайских и». Племена хуайских и, утверждается далее в надписи, «это люди, издревле присылающие нам подношения и подарки», в тех же случаях, когда они «осмеливаются ослушаться приказа, следует наказывать и карать их» [там же, 144]. Эта формулировка почти дословно повторена в другой надписи того же периода: «Хуайские и — наши подданные, издавна присылающие нам дань и подношения» [там же, 146].

Отвлекаясь от явной тенденциозности данного утверждения, следует заметить, что эта надпись содержит указание на обстоятельства, находящие подтверждение в археологических находках недавнего прошлого. В 1955—1957 гг. при раскопках раннечжоуского поселения близ Чжанцзяпо, где, по преданию, находилась столица Чжоу, были обнаружены глазурованные керамические сосуды зеленовато-серого цвета, в целом совершенно нехарактерные для керамического комплекса чжоуского культурного слоя. Напротив, именно такая керамика свойственна инвентарю погребений, обнаруженных близ Туньси, в провинции Аньхуй. После того как был произведен сравнительный химический и микроструктурный анализ керамики из Чжанцзяпо и Туньси, стало ясно, что она изготовлялась в одном и том же месте — в Аньхуе. В X—VIII вв. до н. э. эти территории как раз и занимали «южные хуайские и» [Чжоу Жэнь, Ли Цзя-чжи, Чжэн Юн-пу, 444—445].

Указанная группа племен продолжала существовать на этих землях и в более позднее время. «Восточные и» и «хуайские и» нередко упоминаются в источниках периода Чуньцю.

В «Цзочжуане» «восточные и» фигурируют в ситуациях, связанных главным образом с событиями в царствах Чу, У, Чэнь, Сун, Чжу, Цзэн, Лу, Ци.

В 646 г. до н. э. на встрече правителей царств Ци, Сун, Лу, Вэй, Чэнь, Чжэн, Сюй и Цао в Сяне обсуждались два вопроса: о помощи чжоускому вану в связи с захватом столицы жунами и о сопротивлении «хуайским и», которые причиняли неприятности царству Ци [Legge, т. VII, 160]. Это царство было расположено на Шаньдунском полуострове, к востоку от Ци. Если «хуайские и» занимали в это время только бассейн Хуайхэ, они вряд ли могли угрожать Ци. Поэтому очевидно, что термин «хуайские и» мог употребляться для обозначения также и «восточных и».

После смерти циского Хуань-гуна положение «гегемона» перешло к Сян-гуну, правителю Сун. Его авторитет, однако, не был так высок, как у его предшественника. На съезде чжухоу в Цао кроме Сян-гуна прибыли лишь правители Чжу и Цао. Сян-гун посоветовал Вэнь-гуну из Чжу принести захваченного им правителя Цзэн в жертву на алтаре предков. Целью Сян-гуна было

привлечь на свою сторону «восточных и», которые практиковали человеческие жертвоприношения [там же, 175]. Этот поступок, расцененный большинством чжухоу как негуманный, оттолкнул их от Сун. Гегемония сунского Сян-гуна продолжалась недолго; через два года он попал в ловушку к Чу и был взят в плен.

Между тем «восточные и» противостояли укреплявшемуся Чу. В 621 г. до н. э. Лю, крохотное государство, расположенное на территории нынешнего Аньхуя и до того признававшее главенство Чу, порвало с этим царством и перешло на сторону «восточных и». Правитель Чу послал против Лю армию и уничтожил своего бывшего союзника. Земли Лю вошли в состав государства Чу [там же, 240].

Упоминания о «восточных и» встречаются в «Цзочжуане» и при изложении событий второй половины VI в. до н. э. Чу утратило влияние на «восточных и» (546 г. до н. э.); правитель Чу во главе нескольких царств «восточных и» ходил походом на У (537 г. до н. э.); «хуайские и» приняли участие в междоусобной борьбе за власть в царстве Лу, присоединившись к одной из партий (514 г. до н. э.). Все эти свидетельства рисуют «восточных и» как реальную силу, с которой приходилось считаться соседним царствам. Одно из последних упоминаний о «восточных и» относится к 473 г. до н. э., когда против них выступило Чу [там же, т. 8, 852].

Таким образом, вплоть до начала эпохи Чжаньго в долине Хуайхэ и прилегающих прибрежных районах жили племена, называвшиеся «и»; по всей вероятности, они являлись прямыми потомками создателей неолитических культур этого региона. Этнически близким к ним было коренное население царств У и Юэ, по языку и культуре резко отличавшееся от жителей Среднекитайской равнины. Учитывая наблюдения Янь Иня, сравнивавшего черепа из поздненеолитических могильников в Давэнькоу и Сисяхоу с краниологическими сериями полинезийцев (см. выше, с. 131), можно предполагать принадлежность «восточных и» аустронезийцам.

Пу, мань, ба

Выше мы уже ссылались на надпись «Цзунчжоу чжун», датируемую концом IX — началом VIII в. до н. э., где сообщается о столкновении Чжоу с племенами пу (56). «Правитель южного царства Пу, — читаем мы в надписи, — осмелился бесчинствовать на наших землях» [Го Мо-жо, 1958, т. 6, 51]. Чжоуский ван покарал ослушника и дошел до его столицы, после чего пу вновь признали власть Чжоу.

Это — единственное известное нам свидетельство непосредственных взаимоотношений племен пу с государствами на Среднекитайской равнине. В период Чуньцю пу, как и многие южные племена — мань, ба и другие, — оказывали лишь косвенное

влияние на развитие этих государств, имея дело преимущественно с Чу.

В ранней истории царства Чу до сих пор немало белых пятен. Отрывочность и противоречивость свидетельств письменных источников не позволяют даже точно установить, где первоначально находилась территория этого царства. Наиболее вероятным все же представляется мнение о том, что первая столица Чу находилась в среднем течении р. Ханьшуй, где сейчас проходит граница между провинциями Хэнань и Хубэй [Тун Шу-е, 119]. VIII—IV века до н. э. — это период непрерывного расширения территории Чу, которое стало к началу Чжаньго безраздельным хозяином всей южной части междуручья Хуанхэ — Янцзы.

Царству Чу приходилось сталкиваться со многими местными племенами, о которых мы знаем сегодня очень мало. Одним из таких племен (или групп племен) были пу. В 611 г. до н. э., когда на Чу напали жуны, против него выступили, воспользовавшись его затруднениями, многие соседние племена и мелкие царства. Люди из Юн, возглавив «всех мань» (57), отказались подчиняться Чу, а пу в это время готовы были выступить против Чу, сосредоточившись в Сюане. В этот критический для Чу момент возникла даже мысль о переносе столицы в более безопасное место. Один из чуских сановников был против этого: «Если мы можем добраться туда, то это значит, что и наши враги смогут это сделать. Лучше самим выступить в поход на Юн. Цзюнь и пу уверены, что из-за неурожая мы не сможем собрать войско. Если мы все же соберем его, они наверняка будут уstraшены и вернутся обратно. Пу живут разбогаченно, и, когда они разойдутся по своим селениям, кто сможет снова собрать их?» [Legge, т. VII, 273]. Этот план был принят и осуществлен. В походе Чу на Юн приняли участие также люди из Цинь и Ба. «Все мань» заключили союз с Чу, и царство Юн было уничтожено [там же].

До нас дошли отрывочные данные об участии пу во взаимоотношениях Чу со своими соседями в середине VI в. до н. э. [там же, т. 8, 570]. В 523 г. «чуский правитель собрал войско, действующее на лодках, для похода на пу» [там же, 673]. Это предприятие было связано со стремлением Чу добиться полного господства на «южных землях».

Чжоуский Цзин-ван говорил в 532 г., что «Ба, Пу, Чу, Дэн — наши южные земли» [там же, 624]. Однако и ба (58), подобно пу, практически не имели в это время каких-либо прямых связей с государствами Среднекитайской равнины, хотя постоянно контактировали с Чу.

К 702 г. до н. э. относится, например, сообщение о переговорах между ба и Чу по поводу отношений с Дэн, небольшим царством в бассейне Ханьшуя. Чуский правитель послал своего приближенного сопровождать посла из ба к Дэн. Однако на

южной границе этого царства на посольство напали люди из Ю и завладели подарками, которые послы везли с собой. Это явилось поводом для совместного похода ба и Чу против Ю [там же, т. 7, 53]. Любопытно, что то же Ю упоминается в «Цзо-чжуане» под 476 г. до н. э. в связи с походом ба против Чу [там же, т. 8, 851]. Это заставляет предположить, что в VIII—V вв. до н. э. племена ба жили значительно восточнее тех мест, где в конце Чжаньго возникло царство Ба, завоеванное Цинь.

Скудность сведений о пу, ба и мань, сохранившихся в древнекитайских источниках, не позволяет хотя бы гипотетически связать эти группы племен с предками каких-то определенных современных народов, населяющих территории к югу от Янцзы. Несомненно, однако, что они участвовали в этногенезе народов таи, мяо-яо, а возможно, и ицзу [Итс, 1972, 136—177].

РАСОВЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ КИТАЯ ВО II—I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

Дав общую характеристику раннегосударственным образованиям Ся, Инь и Чжоу, последовательно сменявшим друг друга на Среднекитайской равнине во II—I тысячелетиях до н. э., а также их иноэтническому окружению, обратимся к анализу палеоантропологических данных, позволяющих судить о расовом составе населения рассмотренных территорий.

Иньцы

Несмотря на то что в настоящее время накоплены весьма значительные материалы по антропологии иньцев, они до сих пор еще недостаточно изучены.

В 1934—1935 гг. во время раскопок иньского могильника в Сибэйгане (к северо-западу от Великого города Шан близ Аньяна) было извлечено в общей сложности более 400 черепов, которые передали в только что организованный тогда Отдел антропологии Института истории и языка, возглавлявшийся У Дин-ляном. Антропометрическое изучение этой краниологической серии было прервано началом антияпонской войны, а в 1949 г. черепа из Сибэйгана вывезли на Тайвань.

В 1954 г. Ли Цзи опубликовал результаты частичных измерений 160 иньских черепов из Сибэйгана. Он обратил внимание на то, что при средней длине (181,3 мм) и ширине (139,2 мм) они очень высоки (139,1 мм). Значительный размах вариаций головного указателя свидетельствует, по мнению Ли Цзи, о расовой неоднородности изученной им серии [Ян Си-мэй, 259—260].

В 1957 г. с краниологической коллекцией из Сибэйгана познакомился К. Кун. Он также пришел к выводу, что среди этих

иньских черепов представлены различные расовые типы: во-первых, долихокефальный, близкий к современному северокитайскому; во-вторых, массивный брахицефальный, характерный для «классических» монголоидов; в третьих, тип, представленный двумя черепами, которые «можно было бы считать европеоидными, не обладай они лопатообразными резцами» [Coop, 1958, 29—40].

С середины 50-х годов систематическое изучение черепов из Сибэйгана было предпринято Ян Си-мэем. Он исследовал не только всю коллекцию полностью (она насчитывала 398 черепов, в том числе 51 женский), но и 12 иньских черепов из двух других могильников — в Сяогуне и Хоуцзячжуане. Ян Си-мэй отметил хорошую сохранность всей серии. Применявшаяся им программа измерений включала 120 признаков; были также вычислены величины 48 указателей. В 1966 г. Ян Си-мэй опубликовал предварительное сообщение о своих исследованиях, результаты которых более подробно, но без приведения всего цифрового материала, были сообщены в его другой работе [Ян Си-мэй, 1972].

В краниологической серии из Сибэйгана Ян Си-мэй выделил 5 подгрупп, соответствующих, по его мнению, различным расовым типам.

Первая подгруппа (31 череп) характеризуется относительной широкоголовостью (черепной указатель 79,16), уплощенным лицом, сравнительно узким грушевидным отверстием. Эту подгруппу Ян Си-мэй относит к «классическому» монголоидному типу.

Вторая подгруппа (34 черепа) обнаруживает тенденцию к длинноголовости (черепной указатель 75,01). Черепа имеют сравнительно низкое лицо, низкие орбиты, широкое грушевидное отверстие, что позволило автору отнести их к «океаническому негроидному типу».

Третья подгруппа (2 черепа) характеризуется черепным указателем, равным 73,58, относительно узким лицом, слабо развитыми скуловыми костями, сильно выступающими носовыми костями. Эти два черепа Ян Си-мэй считает принадлежащими к «кавказоидному типу».

Четвертая подгруппа (51 череп) определена как «эскимоидная»: обнаруживая черты сходства с первой подгруппой (выступающие скуловые кости, уплощенное лицо), она отличается от нее более высоким и длинным черепом (черепной указатель — 76,35, высотно-поперечный — 100,76), более низким и округлым грушевидным отверстием.

Наконец, пятая подгруппа (41 череп) характеризуется небольшими абсолютными размерами, узким лицом (скуловой диаметр — 131,32, лицевой указатель — 54,25) и по этим признакам прямо противоположна первой подгруппе. В предварительном сообщении Ян Си-мэй сопоставлял данную подгруппу с полинезийским типом, однако в более поздней работе от-

Таблица 25

МУЖСКИЕ ЧЕРЕПА ИНЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СИБЭЙГАНА
(составлено по данным: [Ян Си-мэй, 250])

Признак по Мартину [Martin]	Группа				
	I	II	III	IV	V
1. Продольный диаметр	182,5 (30)	182,9 (34)	181,5 (2)	182,5 (50)	180,1 (38)
8. Поперечный диаметр	144,4 (31)	136,8 (34)	133,5 (2)	139,0 (50)	136,8 (38)
8:1. Черепной указатель	79,2 (30)	75,0 (34)	73,6 (2)	76,2 (50)	75,7 (38)
17. Высотный диаметр	135,1 (23)	141,1 (25)	138,5 (2)	140,1 (42)	136,7 (31)
17:1. Высотно-продольный указатель . . .	74,2 (24)	77,1 (25)	76,3 (2)	76,5 (43)	76,3 (32)
17:8. Высотно-поперечный указатель . . .	[88,8]	[103,1]	[100,9]	[100,1]	[99,9]
48. Высота лица . . .	73,6 (24)	71,4 (34)	71,0 (2)	72,9 (50)	72,2 (32)
45. Скуловой диаметр	141,2 (31)	134,5 (31)	131,5 (2)	135,1 (50)	131,3 (32)
48:45. Лицевой указатель	51,9 (25)	53,2 (30)	54,0 (2)	54,5 (50)	54,3 (30)
52:51. Орбитный указатель	[80,6]	[78,2]	[78,1]	[79,0]	[81,2]
54:55. Носовой указатель	[50,2]	[53,7]	[47,4]	[50,9]	[50,1]

[ ] — Отношения средних величин.

Цифры в круглых скобках — число исследованных.

мечает сомнительность выявленного между ними сходства. Возможно, что в эту подгруппу попало некоторое число женских черепов [Ян Си-мэй, 242—245].

Ознакомление с приводимой Ян Си-мэем таблицей небольшого числа измерительных признаков (табл. 25), а также опубликованными им фотографиями (некоторые из них представлены прорисовками на рис. 23) позволяет прийти к следующим выводам:

Ян Си-мэй выделял подгруппы черепов из Сибэйгана визуально-типологически, а такой метод расового анализа имеет только вспомогательное значение (примененный в качестве основного приема, он часто приводит исследователей к неверным выводам). В данном конкретном случае подгруппы иньских черепов столь сильно отличаются друг от друга по многим морфологическим признакам, часто не связанным между собою физиологической корреляцией, что результаты, полученные Ян Си-мэем, могут служить веским аргументом в пользу заключения о гетерогенности всей изученной им серии.

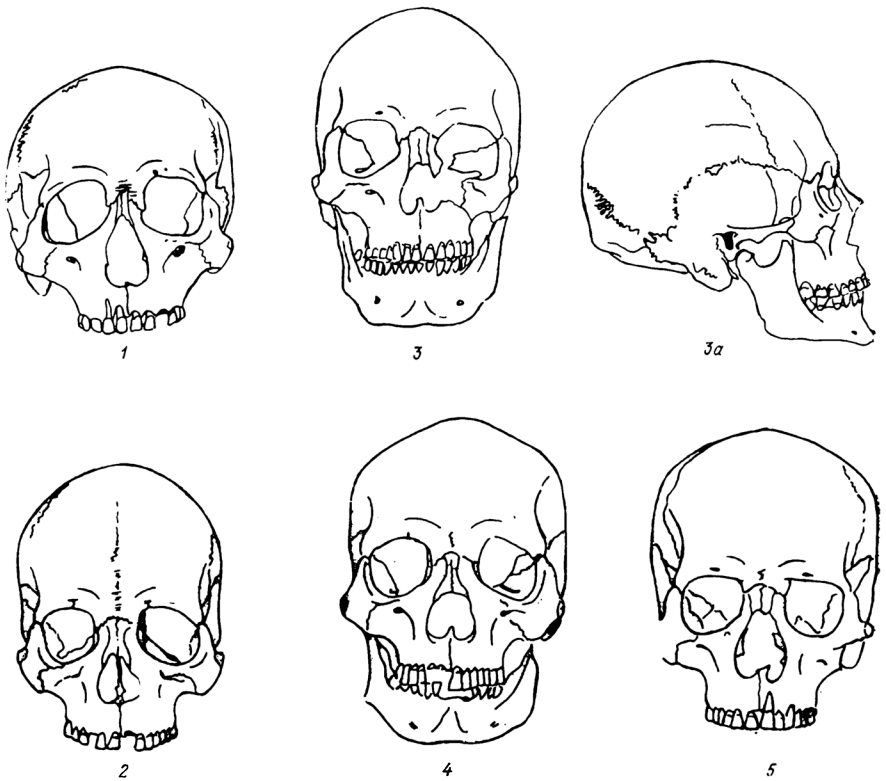

Рис. 23. Мужские черепа иньского времени из Сибэйгана (прорисовка Г. В. Лебединской).

1 — тип I; 2 — тип II; 3, 3а — тип III; 4 — тип IV; 5 — тип V

Первая подгруппа, относимая Ян Си-мэем к «классическому» монголоидному типу, действительно отличается от всех других подгрупп многими существенными чертами, имеющими большое расодиагностическое значение: очень широкой, но низкой мозговой коробкой, наиболее широким и в то же время высоким лицом. При общем монголоидном облике черепов этой подгруппы (как, впрочем, и всех других объектов из Сибэйгана), можно предполагать, что в ее состав входят представители континентальных (северных) монголоидов центральноазиатского или сибирского облика.

Вторая подгруппа Ян Си-мэя отличается от всех других (в особенности от первой) абсолютно узким, долихокранным черепом, огромной высотой мозговой коробки и связанной с этим гипсистерокранией, сравнительно небольшими абсолютными размерами лица, относительно низкими глазницами и очень широким хамэринным носом. Все перечисленные признаки при-

мо указывают на наличие в этой подгруппе черепов, принадлежащих к южномонголоидным или монголоидно-австралоидным расам.

Третья подгруппа включает всего 2 черепа (из 410!); уже это обстоятельство заставляет относиться к выводу о европеоидности черепов указанной подгруппы с крайней осторожностью. Отмеченное К. Куном наличие у обоих «кавказоидов» Ян Си-мэя лопатообразных резцов еще больше снижает правдоподобность гипотезы о наличии в составе сибэйганской краниологической серии даже ничтожной европеоидной примеси. По большинству измерительных признаков «кавказоиды» Сибэйгана мало отличаются от других подгрупп. Единственной реальной их особенностью является относительная узконосость (лепториния), которая сама по себе не может служить для отграничения монголоидов от европеоидов.

Четвертую подгруппу черепов из Сибэйгана, самую многочисленную во всей серии, Ян Си-мэй определяет как «эскимоидную». Однако от черепов как современных, так и древних эскимосов черепа этой подгруппы отличаются сравнительно небольшими горизонтальными диаметрами мозговой коробки, умеренно высоким и сравнительно узким лицом. По всем этим признакам объекты четвертой подгруппы обнаруживают сходство не с эскимосами, а с населением бассейна Хуанхэ всех эпох, начиная от неолита и кончая современностью. Интересно, что К. Кун не нашел в краниологической коллекции из Сибэйгана черепов эскимоидного облика, зато выделил (совершенно справедливо) тип, близкий к современному северокитайскому; именно он, надо думать, был господствующим как среди иньцев, так и среди их соседей.

Череп пятой подгруппы Ян Си-мэй первоначально сопоставлял, как мы видели, с полинезийцами, но позднее вполне разумно отказался от такого сопоставления. Исследователь отмечает вероятное присутствие в пятой подгруппе женских черепов, что, естественно, должно было отразиться на уменьшении всех средних абсолютных размеров головы и лица. С учетом этого обстоятельства пятую подгруппу скорее всего надо объединить с четвертой; удельный вес северокитайского типа в сибэйганской серии благодаря этому еще более возрастет.

Вторая большая иньская палеоантропологическая коллекция хранится сейчас в Институте археологии АН КНР в Пекине.

В отличие от сибэйганской, она включает помимо черепов также и длинные кости, происходящие из иньских погребений близ Аньяна и в уезде Хуйсянь (раскопки 1950—1953 гг.). Во время своего пребывания в Китае в 1956—1958 гг. автор настоящего раздела имел возможность познакомиться с иньской коллекцией. Исследовать черепа из этой коллекции ему, к сожалению, не удалось, но их основные морфологические особенности,

решающие для расовой диагностики, были выражены настолько отчетливо, что не оставалось никаких сомнений в принадлежности иньцев к восточноазиатской (дальневосточной) расе тихоокеанских монголоидов. Большинство осмотренных черепов мезокранны, с очень высокой мозговой коробкой, уплощенным, высоким, среднешироким лицом, тенденцией к альвеолярному прогнатизму, абсолютно и относительно узким носовым отверстием.

В 1959 г. появилась специальная работа Мао Се-цзюня и Янь Иня, посвященная зубной системе иньских черепов [Мао Hsieh-chün, Yen Yin, 183—186]. В этой работе китайские исследователи специально подчеркивают монголоидность изученных объектов и останавливаются на некоторых специфических особенностях строения зубов древних и современных китайцев. На верхних челюстях 80—90% резцов были лопатообразными, на нижних челюстях доля лопатообразности составляла 20—40% для резцов и 20—30% для клыков. Очень характерная для современных китайцев пятибугорковая форма вторых моляров нижней челюсти оказалась также широко распространенной у иньцев: для нижнего правого моляра доля пятибугорковых форм достигала 83%, а для нижнего левого — 86% (у европеоидов почти все вторые моляры на нижних челюстях имеют только четыре бугорка).

Таким образом, изучение зубной системы иньцев дает дополнительные аргументы в пользу вывода о непосредственной преемственности неолитического, иньского и современного населения Северного Китая.

Чем же можно объяснить, с одной стороны, очевидную расовую неоднородность краниологической серии из Сибэйгана, с другой — принадлежность черепов из пекинской коллекции к одному и тому же антропологическому типу? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить характер захоронений, из которых были извлечены соответствующие костные остатки.

На территории могильника в Сибэйгане площадью менее 20 тыс. кв. м было раскопано около 1 тыс. погребений иньского времени. Совершенно исключительное положение среди них занимают одиннадцать грандиозных усыпальниц, принадлежавших, по всей вероятности, иньским ванам. Три из них расположены в восточной части могильника. Рядом с ними обнаружены ряды небольших могильных ям, в которых были захоронены либо обезглавленные скелеты, либо отделенные от туловища черепа (рис. 24).

Из 398 черепов, изученных Ян Си-мэем, 337 было извлечено из 99 ям западнее усыпальниц № 1129, 1400 и 1443, один череп — из усыпальницы № 1443. При этом 86 ям содержали лишь черепа. Таким образом, примерно 81% всех иньских черепов, хранящихся в настоящее время на Тайване, принадлежали лю-

дям, которые перед захоронением были обезглавлены. Учитывая характер расположения ям с отделенными от туловища черепами, Ян Си-мэй высказывает мнение, что в них погребены пленные, принесившиеся в жертву усопшим иньским ванам [Ян Си-мэй, 236—238].

Этот вывод находится в соответствии с данными надписей на иньских гадательных костях о жертвоприношениях предкам правящего вана. Когда во время похода против какого-либо непокорного племени захватывали военнопленных, гадатель, как правило, задавал вопросы: когда, в каком количестве, каким способом и какому предку их следует принести в жертву? Например: «Принести ли в жертву предкам начина с покойного вана Шан-цзя цянов, приведенных Шэ и Ча, в день цзя-шэнь?» [Го Можо, 1965, 34, № 81]. Одним из наиболее распространенных способов принесения в жертву было обезглавливание — фа (59): «В следующий день цзя-инь совершить жертвоприношение Шан-цзя, обезгавлив пять цянов и одного быка» [Ло Чжэнь-юй, 1916, 21, № 13].

Очень существенно наблюдение, сделанное Ян Си-мэем. В одной и той же яме, где могло быть захоронено от 5 до 32 черепов, зачастую были представлены субъекты одного и того же расового типа [Ян Си-мэй, 257].

Совершенно иной характер имеют иньские захоронения, из которых происходят черепа пекинской коллекции. Это средние и мелкие могилы с труположением лицом вверх и типично иньским сопровождающим инвентарем — керамикой, бронзовым оружием и т. д. Вот почему можно полагать, что в этих могилах были погребены собственно иньцы в узком смысле слова. Краниологическая коллекция из Института археологии АН КНР дает, таким образом, представление о физическом типе иньцев, а тайваньская серия — об антропологическом облике их соседей.

Как те, так и другие принадлежали в массе к восточноазиатской дальневосточной расе тихоокеанских монголоидов, но сре-

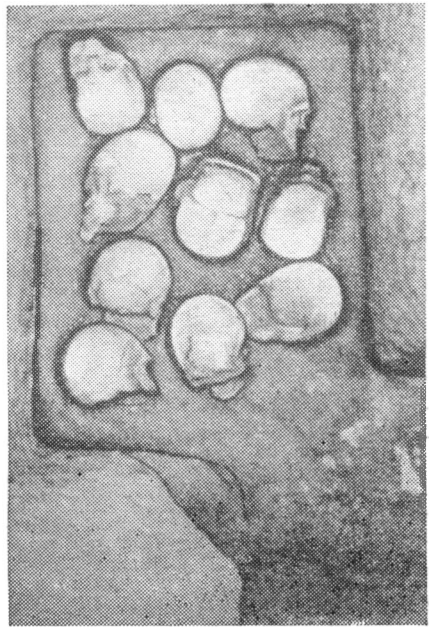

Рис. 24. Захоронения близ ванской усыпальницы в Сибэйгане [Кайдзука Киёси, табл. 14]

ди иньцев эти монголоиды, представленные в первую очередь относительно длинноголовым (долихомезокранным) северокитайским типом, составляли абсолютное большинство, в то время как среди соседних популяций, из которых происходят многие сибэйганские черепа, восточные монголоиды присутствовали наряду с северными (континентальными) и южными, переходными к австралоидам. Военные походы иньцев за пленными для человеческих жертвоприношений совершались, вероятно, в разных направлениях, но вряд ли достигали территорий, удаленных от Великого города Шан больше, чем на 200—300 км. Восточные монголоиды преобладали, очевидно, во всех популяциях бассейна Хуанхэ, но в более северных их группах наряду с ними встречались массивные, низкоголовые континентальные монголоиды, а в более южных и восточных популяциях присутствовали южные низколицие и широконосые монголоиды с австралоидными чертами.

Советский синолог Л. С. Васильев — сторонник гипотезы о западном происхождении древнекитайской культуры — для доказательства расовой смешанности иньцев использует данные об их искусстве. «Обычно центральное место в иньском орнаменте, — пишет этот исследователь, — занимала маска тао-те — изображение монстра с огромными круглыми глазами, мощными разветвленными рогами, изредка также с большим ртом, носом и туловищем зверя, дракона или даже человека. Рядом с ним изображались животные, змеи, драконы, цикады, рыбы, затейливые спирали и зигзаги. Изредка встречались и человеческие лица, обычно выполнявшиеся в строго реалистической манере и убедительно свидетельствующие о том, что иньцам были знакомы различные расовые типы, включая лица с явно выраженными негро-австралоидными и европеоидными признаками» [Васильев Л. С., 1974, 99]. Вероятно, и в этом случае речь идет об отражении расового полиморфизма и генетических связей иньцев с южными монголоидно-австралоидными и северными континентально-монголоидными популяциями, возможно обладавшими некоторыми «американоидными» чертами.

В частности, найденная в Аньне керамическая форма для отливки бронзовой маски [Вэй Шу-сюнь, 272] (рис. 25), а также антропоморфные изображения на позднеиньских бронзовых сосудах [Гао Чжи-си, 70] (рис. 26) обнаруживают многие особенности тихоокеанских монголоидов — плоское лицо с выступающими скулами, альвеолярный прогнатизм, прохейлию; эти черты нередко сочетаются с узким носом и несколько повышенным переносьем, придавая лицу «американоидный» облик.

Несколько иной расовый тип с резко выраженными монголоидно-австралоидными чертами (широкий нос, альвеолярный прогнатизм, утолщенные губы и др.) представлен на позднеиньском сосуде в виде чудовища, держащего человека (хранится в собрании Сумитомо в Киото; другой, полностью аналогич-

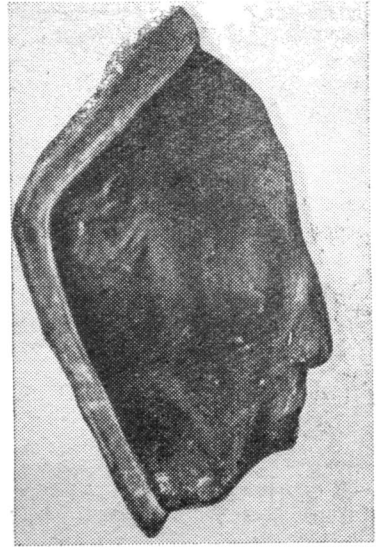

Рис. 25. Человек иньской эпохи. Гипсовая отливка по керамической форме, предназначенной для изготовления бронзового сосуда (из собрания М. В. Крюкова)

ный сосуд принадлежит Музею Чернуски в Париже) (рис. 27). Глаза на этих изображениях имеют отчетливо выраженный эпикантус. Напомним, что, как впервые было отмечено еще Г. Крилом, в иньской и раннечжоуской иероглифике знак «глаз человека» представляет собой пиктограмму, в которой также подчеркнут эпикантус [Creel, 61].

Говоря о характеристике расового типа иньцев, нельзя не коснуться суждений, высказанных на этот счет в недавно увидевшей свет монографии Л. С. Васильева. Ссылаясь на мнение Ли Цзи, сопоставлявшего иньские черепа с краниологическими сериями, описанными Д. Блэком, Л. С. Васильев утверждает, что «по всем семи основным прямым измерениям иньские черепа отличны от неолитических, причем разница (головной указатель у иньцев — 76,96) свидетельствует о заметном возрастании брахицефального элемента в иньской популяции» [Васильев Л. С. 1976, 261].

Подобная непрофессиональная манера изложения антропометрических фактов создает у читателя впечатление, что антропологи оперируют какими-то «прямыми измерениями», которых к тому же насчитывается 7. Существеннее здесь выводы, которые делает Л. С. Васильев из сопоставлений Ли Цзи. Брахицефализация иньцев связывается этим автором с возможным участием «в этом процессе иных, немонголоидных расовых типов» [там же, 296].

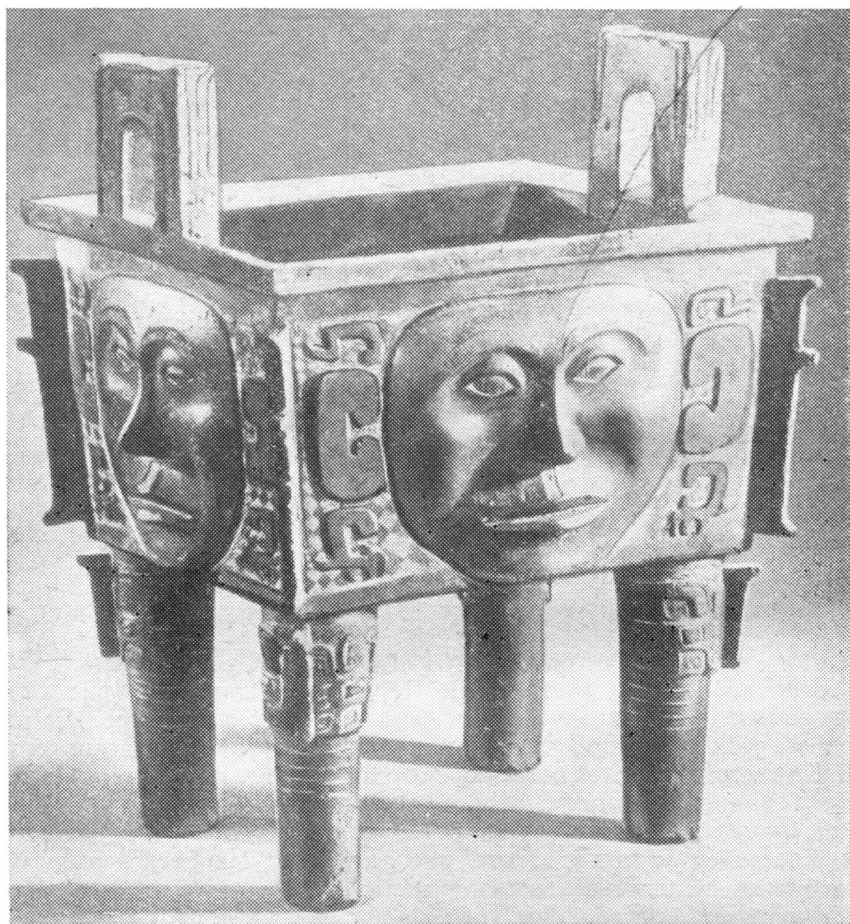

Рис. 26. Иньский сосуд с изображением человеческого лица [Гао Чжи-си, 59]

Следует заметить, что черепной указатель иньцев действительно выше, чем у серий Д. Блэка. Но в настоящее время мы хорошо знаем, что неолитическое население как центральной, так и восточной зоны было более брахикефально, нежели люди с верховьев Хуанхэ. Учитывая ареал формирования иньской общности, мы, таким образом, не имеем оснований говорить о «процессе брахикефализации иньцев».

Но если бы даже иньцы действительно характеризовались более высоким, чем у их неолитических предков, головным указателем, этот факт сам по себе не мог бы стать основанием для предположения об участии в генезисе иньской общности «немонголоидных расовых типов». В современной антропологической

Рис. 27. Иньский сосуд в форме чудовища, держащего человека (из собрания Сумитомо, Киото)

науке при выделении расовых типов головной (черепной) указатель играет лишь второстепенную роль, особенно если учесть его эпохальные изменения. Нет никаких оснований предполагать европеоидную примесь в монголоидных иньских популяциях на основании средней величины их черепного указателя.

Люди эпохи бронзы из Ганьсу

К первой половине II тысячелетия до н. э., т. е. к началу иньской эпохи, относятся два черепа из погребений культуры цицзя в Ганьсу, описанные Янь Инем [Янь Инь, 1955, 193—197]. Черепа эти несомненно монголоидны и по многим существенным расодиагностическим признакам сходны с краниологическими сериями, описанными Д. Блэком, но отличаются от последних большими горизонтальными размерами мозговой коробки и очень высоким лицом. Один из цицзяских черепов мезокранный (78,3), другой — резко брахикранный (86,4), оба черепа имеют абсолютно и относительно узкое носовое отверстие (табл. 26); по-видимому, они относятся к той же восточной азиатской расе тихоокеанских монголоидов, что и неолитические черепа из Ганьсу, связанные с культурой мацзяо [см. выше, с. 123]. Возможно предполагать связи всех этих объектов с восточнотибетскими американоидными популяциями. Вполне возможно, что на территории Ганьсу в первой половине II тысячелетия до н. э. жили древнетибетские племена, известные в источниках иньского и чжоуского времени под именем «цян» и «западных жунов». Позднее, в начале I тысячелетия до н. э. примерно на той же территории обитали популяции, оставившие памятники культуры сыва. Именно с этими популяциями, также принадлежавшими, вероятно, к тибетоязычным цянам — жунам, можно, по-видимому, связывать позднюю краниологическую серию Д. Блэка (см. табл. 26). Серия эта, как мы знаем, морфологически очень близка к неолитической серии того же ученого, отличаясь от нее несколько более короткой, но более широкой мозговой коробкой и соответственно более высоким черепным указателем (76,0), заметно более крупным как по высоте, так и по ширине лицом (72, 5×132,2), несколько более высокими глазами. Очевидно, у древнетибетских носителей культуры сыва американоидные черты были выражены сильнее, чем у племен, создавших культуру мацзяо.

Население смежных территорий во II—I тысячелетиях до н. э.

Примерно к тому же периоду, что и ганьсуйские черепа, связанные с культурой сыва, относятся костные остатки из Ситуаньшаня в провинции Гирич, описанные Цзя Лань-по и Янь Инем

[Цзя Лань-по, Янь Инь, 101—110]. Китайские ученые справеливо указывают, что изученные скелеты принадлежат к монголоидам, по расовому типу они напоминают тунгусов. Это проявляется в следующих особенностях черепов: длинное основание черепа, исключительно узкий лоб (наименьшая ширина лба очень мала), высокие округлые глазницы, сильно выступающие в стороны и вперед скуловые кости, удлинённая и узкая форма грушевидного отверстия, сжатые носовые косточки, слабое развитие клыковых ямок и сравнительно широкое костное небо. «В классификации советских антропологов,— пишут Цзя Лань-по и Янь Инь,—тунгусы включаются в сибирскую (байкальскую), или североазиатскую, группу, которая является одним из подразделений северных монголоидов». Длина тела наилучше сохранившихся мужских скелетов была определена по размерам бедренных и большеберцовых костей (по способу Троттера и Глезера) в 159,8 см [там же, 109]. Черепа из Ситуаньшаня сравнительно короткие и узкие, по черепному указателю мезодолихокранные (75,2), с широким и высоким лицом и слабо выступающим мезоринным носом. Их близость к континентальным массивным монголоидам, подмеченная исследователями, не вызывает сомнений. Поэтому представляется весьма вероятным, что они принадлежали людям из какого-то древнего палеоазиатского племени (см. табл. 26).

К концу бронзового века (середина I тысячелетия до н. э.) относятся два неполных черепа и несколько костей скелета взрослых мужчин, найденных в захоронениях в Чжэнцзявацзы около Шэньяна в провинции Ляонин в Маньчжурии. Эти костные остатки описаны Хань Кан-синем [Хань Кан-синь, 157—164]. Морфологически оба черепа характеризуются выраженными монголоидными особенностями. По большому размеру мозговой коробки и по уплощенности лица люди из Чжэнцзявацзы обнаруживали сходство с современными монголами, в то время как гипсикрания (абсолютная и относительная высокоголовость) сближала их с северными китайцами. С другой стороны, высотно-продольный индекс черепов из Чжэнцзявацзы оказывается более высоким, чем у современных монголов и тунгусов. Можно вполне согласиться с мнением Хань Кан-синя о том, что на этих черепах наблюдается комбинация северо- и восточномонгоидных особенностей (см. табл. 26). Отметим еще огромную высоту лица (79,5 см!) и мезоринию у черепа с сохранившимися лицевыми костями. Учитывая принадлежность черепов из Ситуаньшаня к континентальным монголоидам и морфологически переходный к тихоокеанским монголоидам тип находок в Чжэнцзявацзы, можно с большой долей вероятности утверждать, что в I тысячелетии до н. э. (т. е. в эпоху Чжоу) на территории современной Маньчжурии происходило взаимодействие двух групп монголоидных популяций — тихоокеанской и континентальной. Первая, возможно, была представлена протокитайцами, а вто-

Таблица 26

МУЖСКИЕ ЧЕРЕПА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ (II — I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ)

Признак по Мартину [Martin]	Регион	Ки						
		Серия, шифр	Цицзя		Ганьсу-Хэнань	Сичуань-шань	Чжэнцзявацзы	
	Аньян		1	2			651	659
	Автор, публикация	Ян Си-мэй, 1972	Янь Инь, 1955		Блэк, 1928	Цзяляньпо, Янь Инь, 1963	Хань Кансинь, 1975	
1. Продольный диаметр		182,0 (319)	184,0 (1)	177,0 (1)	180,3 (41)	175,1 (2)	184,0 (1)	187,0 (1)
8. Поперечный диаметр		141,6 (317)	144,0 (1)	153,0 (1)	138,6 (42)	138,1 (2)	151,5 (1)	152,0 (1)
8:1. Черепной указатель		76,7 (316)	78,3 (1)	86,44 (1)	76,0 (41)	75,2 (1)	82,3 (1)	81,3 (1)
17. Высотный диаметр		138,8 (220)	—	—	137,0 (39)	132,0 (1)	141,0 (1)	142,0 (1)
17:1. Высотно-продольный указатель		76,3 (221)	—	—	76,0 (39)	75,8 (1)	76,6 (1)	75,9 (1)
17:8. Высотно-поперечный указатель		100,0 (215)	—	—	99,0 (39)	95,7 (1)	93,1 (1)	93,4 (1)
9. Наименьший лобный диаметр		91,8 (309)	99,0 (1)	99,0 (1)	91,1 (41)	86,2 (2)	90,0 (1)	—
9:8. Лобно-поперечный указатель		—	—	—	65,9 (41)	62,8 (2)	59,4 (1)	—
5. Носо-основной диаметр		—	—	—	101,6 (39)	100,2 (1)	95,0 (1)	—
40. Длина основания лица		98,0 (183)	—	—	—	98,0 (1)	91,8 (1)	—
40:5. Указатель выпуклости лица		—	—	—	—	97,9 (1)	96,6 (1)	—
32. Угол наклона лба		—	—	—	—	—	84,0 (1)	—
48. Высота лица		72,4 (266)	78,0 (1)	72,0 (1)	72,5 (40)	76,1 (4)	79,5 (1)	—
48:17. Вертикальный кранно-фациальный указатель		[52,5] (220)	—	—	[52,8] (19)	55,1 (1)	56,4 (1)	—
45. Скуловой диаметр		136,2 (272)	—	—	132,2 (37)	148,2 (1)	—	—
48:45. Лицевой указатель		52,4 (266)	—	—	54,6 (30)	51,3 (1)	—	—
72. Лицевой угол		—	—	—	85,9 (32)	—	88,0 (1)	—
74. Альвеолярный угол		—	—	—	—	—	80,0 (1)	—
77. Назомалярный угол		—	—	—	—	—	161,0 (1)	—

тай				Сибирь			Вьетнам			
Хун- шаньхоу	Нань- шань- гань	Сяцзя- дянь	Минь- хоу	Афанась- евская культура	Андро- новская культура	Карасук- ская культура	Тхьеузыонг			
							ТД2М 21	ТД2М 17	ТД2 М34	ТД2 М30
Муяки, Yoshimi, Namba, 1938	Чифон..., 1975		Хань Кан- синь, Чжан Чжэнь-бяо, Цзэн Фань, 1976	Алексеев, 1963			Nguyễn Duy, 1966			
181,9 (8)	177,5 (2)	183,0 (1)	189,7 (3)	191,1 (18)	187,2 (22)	182,1 (37)	179,0 (1)	176,0 (1)	—	182,0 (1)
135,6 (7)	134,5 (2)	143,5 (1)	139,2 (3)	144,1 (16)	145,0 (22)	145,4 (38)	120,0 (1)	141,0 (1)	155,0 (1)	133,0 (1)
74,4 (7)	75,9 (2)	78,4 (1)	73,4 (3)	75,3 (16)	77,5 (22)	80,2 (36)	63,8 (1)	80,1 (1)	—	73,1 (1)
138,0 (2)	139,0 (2)	149,5 (1)	141,3 (2)	132,6 (13)	138,7 (21)	130,9 (28)	—	—	—	—
76,5 (2)	78,3 (2)	81,7 (1)	73,8 (2)	69,3 (12)	74,1 (20)	72,7 (28)	—	—	—	—
104,6 (2)	102,0 (2)	104,2 (1)	99,5 (2)	91,5 (12)	95,7 (20)	90,1 (28)	—	—	—	—
88,4 (2)	89,8 (2)	94,5 (1)	91,0 (3)	99,7 (21)	100,9 (23)	97,4 (38)	91,8 (1)	99,8 (1)	—	—
65,1 (7)	66,7 (2)	65,9 (1)	—	69,5 (16)	69,7 (22)	66,8 (37)	76,5 (1)	71,2 (1)	—	—
101,5 (2)	104,2 (2)	100,5 (1)	101,1 (2)	104,2 (11)	106,3 (21)	100,6 (28)	—	—	—	—
103,5 (2)	102,2 (2)	92,5 (1)	103,5 (2)	99,8 (9)	101,4 (19)	99,7 (28)	—	—	—	—
102,0 (2)	98,1 (2)	92,0 (1)	102,5 (2)	96,5 (9)	96,3 (19)	99,2 (28)	—	—	—	—
86,0 (2)	85,5 (2)	81,5 (1)	86,5 (3)	75,1 (10)	83,3 (16)	83,5 (32)	81,0 (1)	90,0 (1)	—	—
72,0 (2)	71,5 (2)	76,0 (1)	68,0 (3)	71,8 (12)	68,3 (20)	72,7 (37)	60,5 (1)	—	—	—
[52,2] (2)	[51,4] (2)	51,0 (1)	[48,1] (2)	55,3 (10)	49,2 (20)	55,5 (28)	—	—	—	—
131,0 (2)	136,5 (2)	—	135,6 (3)	138,4 (10)	141,5 (20)	136,6 (32)	125,0 (1)	140,0 (1)	157,0 (1)	135,0 (1)
54,8 (2)	52,4 (2)	—	—	52,3 (10)	48,1 (19)	53,0 (32)	48,4 (1)	—	—	—
81,0 (2)	79,0 (2)	83,0 (1)	81,0 (3)	86,1 (10)	85,5 (17)	85,5 (31)	82,0 (1)	—	—	—
—	61,5 (2)	74,0 (1)	71,7 (3)	82,9 (8)	82,6 (16)	81,6 (22)	57,0 (1)	—	—	55,0 (1)
—	149,5 (2)	—	143,8 (3)	137,6 (10)	139,3 (18)	140,0 (26)	145,0 (1)	145,1 (1)	—	—

Признак по Мартину [Martin]	Регион		Ки					
	Серия, шифр	Аньян	Цицзя		Ганьсу-Хэнань	Ситуань-шань	Чжэнцзявацзы	
			1	2			651	659
	Автор, публикация	Ян Си-мэй, 1972	Янь Инь, 1955		Блак, 1928	Цзяляньпо, Янь Инь, 1963	Хань Кан-синь, 1975	
+ Зигмаксиллярный угол	—	—	—	—	—	—	—	
52:51. Орбитный указатель (от максиллофронтале)	—	—	—	76,2 (35)	—	—	—	
52:51a. Орбитный указатель (от дакриона)	—	—	—	—	—	96,4 (1)	—	
+ Симотический указатель	—	—	—	—	—	—	—	
54:55. Носовой указатель	—	46,2 (1)	47,2 (1)	47,7 (39)	48,2 (2)	50,2 (1)	—	
75 (1). Угол носовых костей	—	—	—	20,0 (34)	—	—	—	
+ Надбровье (1—6)	—	—	—	—	—	—	—	

+ Признаки, отсутствующие у Мартина.

— Данные отсутствуют.

Цифры в круглых скобках — число исследованных.

Цифры в квадратных скобках — отношение средних величин.

рая — предками этносов, говоривших на палеоазиатских или алтайских языках.

С этой гипотезой хорошо согласуются также данные о черепах из трех местонахождений в районе Чифэна на юго-востоке Внутренней Монголии. Эти черепа датируются V—II вв. до н. э. Краниологическая серия из Хуншаньхоу была описана японскими археологами Мияке, Ёсими и Намба [Miyake, Yoshimi, Namba]. Данные о черепах из Сяцзядяня и Наньшаньгэня были опубликованы недавно в журнале «Каогу сюэбао» [Чифэн..., 157—168]. Японские исследователи указывают на близость краниологической серии из чифэнских каменных ящиков (дольменов) и из захоронений в Ганьсу, вошедших в позднюю, «энеолитическую» группу Д. Блэка [Miyake, Yoshimi, Namba, 1—24]. Действительно, черепа из чифэнских дольменов по всем основным расодиагностическим признакам оказываются очень сходными с черепами древних и современных насельников бассейна Хуанхэ и должны быть, подобно последним, отнесены к северокитайско-

тай				Сибирь			Вьетнам			
Мияки, Yoshihmi, Namba, 1938	Нань- шань- гань	Сяцзя- дянь	Минь- хоу	Афанась- евская культура	Андро- новская культура	Карасук- ская культура	Тхьеузыонг			
							ТД2М 21	ТД2М 17	ТД2 М34	ТД2 М30
	ЧиФэн..., 1975		Хань Кан- синь, Чжан Чжэнь-бяо, Цзэн Фань, 1936	Алексеев, 1963			Nguyễn Duy, 1966			
—	—	—	137,0	128,7	128,1	128,4	—	—	—	—
77,8	79,3	81,4	(3)	(10)	(18)	(23)	—	—	—	—
(3)	(2)	(1)	77,1	73,6	70,9	77,4	—	—	—	—
—	85,9	90,5	(3)	(9)	(17)	(27)	—	—	—	—
—	(2)	(1)	84,4	78,6	75,4	83,6	87,7	—	—	—
—	—	—	(3)	(11)	(20)	(34)	(1)	—	—	—
—	—	—	37,4	59,5	53,7	55,0	—	—	—	—
—	—	—	(2)	(9)	(18)	(22)	—	—	—	—
54,2	50,4	52,7	57,4	50,3	51,7	48,9	51,0	—	—	—
(2)	(2)	(1)	(2)	(12)	(20)	(35)	(1)	—	—	—
—	—	—	—	32,7	31,9	28,8	—	—	—	—
—	—	—	—	(16)	(16)	(29)	—	—	—	—
—	—	—	—	3,86	3,86	3,37	—	—	—	—
—	—	—	—	(22)	(21)	(38)	—	—	—	—

му типу восточноазиатской расы, составляющей северную ветвь тихоокеанских монголоидов (см. табл. 26). Для рассматриваемой краниологической серии характерны средние размеры горизонтальных диаметров мозговой коробки (при значительной ее высоте), мезодолхокrania, очень узкий лоб, умеренно высокое, довольно узкое лицо, тенденция к общему и альвеолярному прогнатизму, сравнительно низкие глазницы, относительно широкий нос. Судя по фотографии, приложенным к работе Мияке, Ёсими и Намба, черепа из ЧиФэна обладают сильно выступающими вперед и в стороны скуловыми дугами, низким и плоским переносьем, прямым или слабо наклонным лбом, мало- или среднеразвитым надбровьем. Прямых данных об этнической принадлежности популяции, оставившей эти памятники, у нас нет, но можно предполагать, что это были древние китайцы, жившие в самом северном царстве эпохи Чжаньго — Янь.

По многим важным расодиагностическим признакам со скелетами из Ганьсу и Хэнани эпохи энеолита и ранней бронзы сходны древние костяки из Унги в Северной Корее (недалеко от границы СССР, близ Посьета), описанные Имамуре [Итаига,

447—469]. Костяки эти относят обычно к неолиту, так как вместе с ними не найдено металлических вещей, хотя датируются они II тысячелетием до н. э., т. е. периодами Инь и началом Чжоу. Всего около Унги было вскрыто 5 погребений: 4 мужских и 1 женское. Продольный диаметр корейских черепов несколько меньше, чем северокайских, поперечный диаметр, напротив, больше. По черепному указателю два черепа из Унги принадлежат к брахикранам (86—87), остальные к мезодолихокранам (74—77). Вертикальная ось в группах Д. Блэка и Имамура почти одинаково велика, высотно-продольный и высотно-поперечный указатели — высокие. Наименьшая ширина лба у древних насельников Северной Кореи превосходила, по-видимому, тот же показатель, что у их северокайских современников. Общая массивность черепов из Унги сравнительно небольшая, надбровье развито средне или даже слабо, лоб прямой или слабо наклонный. Лицо высокое, очень плоское (верхний угол горизонтального профиля — 147—158°). Скуловые дуги полностью сохранились только на двух черепах: в одном случае скуловая ширина очень велика (148 мм), в другом — немного выше среднего (137 мм). Глазницы у описываемых черепов округло-прямоугольных очертаний, носовые кости слабо выступающие, переносовые низкие, по указателю нос узкий или среднеширокий. Преднососовые ямки сильно развиты, общий прогнатизм отсутствовал, альвеолярный был выражен слабо.

Резкая неоднородность древнекорейских черепов по форме мозговой коробки являлась, возможно, следствием того, что процесс брахикефализации тогда еще только начинался, и в одной популяции наряду с индивидами короткоголового корейско-маньчжурского типа восточных монголоидов были представлены формы мезодолихокефального северокайского компонента, широко распространенного в то время в бассейне Хуанхэ.

Локальные географические различия в пропорциях мозговой коробки восточных монголоидов намечались, таким образом, уже во II тысячелетии до н. э.: на западе (Ганьсу, Хэнань) складывались более длинноголовые формы (протокайцы), на востоке (Маньчжурия, Корея) — более короткоголовые (предки тунгусо-маньчжуров и корейцев). В этой связи интересно отметить, что корейский язык, по мнению некоторых специалистов, обнаруживает известное сходство с алтайскими языками и, может быть, имеет с ними общее происхождение. Во всяком случае, очень похоже, что расовый состав корейцев, маньчжуров и других народов Маньчжурии (хэцжэ, сибо, солонов, дауров) сложился в процессе взаимодействия восточномонголоидных популяций, близких к северным китайцам, но более брахикранных с различными группами континентальных (северных) монголоидов, к которым с глубокой древности принадлежали палеоазиатские, тунгусские и монгольские этносы Дальнего Востока, Восточной Сибири и Центральной Азии [Чебоксаров, 1947а, 50—56;

его же, 1960, I—II; его же, 1965, 76—89; его же, 1965, а или б, 37—59; Cheboxarov, 1966, 1—15; его же, 1970, 1—18; Tchekboksarov, 1973, 1—18].

Неизвестно, к сожалению, где проходила в пределах современного Китая и соседних стран древнейшая граница между ареалами расселения монголоидных и европеоидных популяций. Если на северной периферии ареала распространения тихоокеанских монголоидов они взаимодействовали главным образом с континентальными вариантами той же большой группы рас, то на западных границах этого ареала, по крайней мере с неолита и бронзового века, должна была происходить межрасовая митисация между монголоидами и различными европеоидными популяциями, жившими в то время на юге Сибири и Средней Азии.

В Южной Сибири в бронзовом и раннежелезном веках (III—I тысячелетия до н. э.) большинство населения принадлежало к различным европеоидным расам, которым в более ранние эпохи (неолит, а может быть, и верхний палеолит) предшествовали монголоиды континентальной ветви [Дебеч, 1948, 61—83; Левин., 1958, 155—177; Алексеев В. П., 1968, 135—164]. Европеоидность носителей афанасьевской, андроновской и тагарской культур ни у кого из советских антропологов не вызывала никаких сомнений. Однако по вопросу о расовой принадлежности популяций, оставивших памятники карасукской культуры (II—I тысячелетия до н. э.), долгие годы велась оживленная дискуссия. Г. Ф. Дебеч в работе 1932 г. высказал мысль о широком распространении среди карасукцев дальневосточных узколиких монголоидов, близких к антропологическим типам северных китайцев [Дебеч, 1932, 26—48]. Позднее тот же исследователь писал: «В карасукскую эпоху в Минусинский край проникает некоторое количество переселенцев с юго-востока, относящихся к дальневосточной расе азиатского ствола. Однако эти новые переселенцы отнюдь не были единственным типом населения Минусинского края в карасукскую эпоху и могут быть констатированы только как примесь. У отдельных черепов наблюдаются то разрозненные черты, то даже комбинации признаков, сближающие их с афанасьевскими, а может быть, и с андроновскими. Черепов, полностью совмещающих в себе все признаки узколикого монголоидного типа, пока не найдено» [Дебеч, 1948, 82].

Построения Г. Ф. Дебеца встретили поддержку С. В. Киселева, который в своей книге «Древняя история Южной Сибири» дал полную и содержательную аргументацию по проблеме аналогий между памятниками карасука и синхронными памятниками иньского Китая [Киселев, 106—183]. Позднее В. П. Алексеев, используя при исследовании краниологической карасукской серии методы количественной оценки уплощенности лица, показал, что вывод Г. Ф. Дебеца о наличии в составе карасукцев восточных монголоидов несостоятелен, так как черепа этой серии отличаются выраженными европеоидными особенностями (см.

табл. 26) и напоминают представителей брахикранной памиро-ферганской расы: «Наличие демонстративных археологических параллелей карасукским памятникам в одновременных памятниках Северного Китая и Монголии должно рассматриваться в свете палеоантропологических данных как результат культурного взаимодействия, а не миграции населения с юго-востока в Минусинскую котловину» [Алексеев В. П., 1968, 159]. Очевидно, в эпохи Инь, Восточного Чжоу, Чуньцю и Чжаньго, т. е. до III в. до н. э., восточные монголоиды почти не распространялись за пределы расселения протокитайцев.

Нет в нашем распоряжении также никаких палеоантропологических материалов, которые позволили бы сделать вывод о широком распространении восточных монголоидов на запад и северо-запад — в сторону современного Синьцзяна (Восточного Туркестана), Средней Азии и Казахстана. Как уже было упомянуто выше, население Средней Азии в эпоху неолита и бронзы принадлежало к различным европеоидным расам (с возможной примесью экваториальных элементов); монголоидные популяции в составе этого населения, по-видимому, отсутствовали [Гинзбург, Трофимова, 48—89]. В античном периоде (VII—VI вв. до н. э.—IV—V вв. н. э.) в Средней Азии взаимодействовали главным образом те же европеоидные расы, что в неолите и бронзовом веке. Наряду с ними в некоторых районах (например, в Семиречье и Приаралье) присутствовали монголоидные популяции континентального облика [там же, 99—189]. Для Синьцзяна в нашем распоряжении почти нет никаких антропологических данных по эпохам бронзы и раннего железа. Однако черепа из Лобнора, предположительно датируемые серединой I тысячелетия до н. э., принадлежали к европеоидам, которые и во все последующие периоды истории играли главную роль в расовой структуре коренного населения Восточного Туркестана [Тенишев, 1—9; Юзефович, 310—311].

Данные о расовой принадлежности древнего населения Тибета, примыкавшего к Синьцзяну с юга, до недавнего времени отсутствовали. Однако в конце 1958 г. китайский этнограф Ван Фу-жэнь нашел близ деревни Линьчжи около слияния рек Ниянхэ и Цангпо черепную крышку, левую сторону верхней челюсти, нижнюю челюсть, рукоятку грудной кости и левую пяточную кость, принадлежащие молодой женщине. При этом никаких орудий труда и остатков фауны не обнаружено. Датировка черепа из Линьчжи неясна, по степени минерализации костей и некоторым их морфологическим особенностям можно предполагать, что он относится к какой-то древней эпохе, может быть даже ко II или I тысячелетию до н. э. Находки Ван Фу-жэня описаны антропологом Линь И-пу; на русском языке характеристику этих находок дал А. М. Решетов [Линь И-пу; Решетов, 150—156].

Череп из Линьчжи средний по абсолютным размерам, длина его — 174 мм, ширина — 140 мм, черепной указатель — 80—84.

Лоб сравнительно слабо наклонный, надбровье развито; хорошо сохранившиеся носовые косточки узкие, переносье низкое, симметрический указатель—36,0. Несомненно, что череп из Линьджи относится к тихоокеанским монголоидам и обнаруживает определенное сходство, с одной стороны, с черепами из стоянок культуры яншао, с другой же стороны — с современными популяциями восточноазиатской расы, особенно с тибетцами южных районов (тип «А», по Дж. Моранту) [Mogant, 1923, 193—260; его же, 1924, 1—105]. Следует отметить еще лопатообразную форму резцов, сохранившихся в верхней челюсти. Если фрагментарные и плохо датированные находки из Лобнора и Линьджи будут подтверждены более многочисленными и более определенными палеоантропологическими материалами, то можно будет утверждать, что не позднее I тысячелетия до н. э. в западных областях современного Китая началось смешение восточных монголоидов и европеоидов. Первые были представлены скорее всего древнетибетскими популяциями, а вторые — иранскими.

О расовой принадлежности населения современного Китая к югу от Циньлина мы до настоящего времени знаем очень мало. Опубликованные недавно данные о черепках из Таньшишаня (уезд Миньхоу, провинция Фуцзянь), относящихся к самому концу II тысячелетия до н. э., позволяють предполагать, что в это время на крайнем юго-востоке материкового Китая жило население с плоским, средним по абсолютным размерам лицом, широким носом, заметным альвеолярным прогнатизмом, длинным, узким и чрезвычайно высоким черепом [Хань Кан-синь, Чжан Чжэнь-бяо, Цзэн Фань, 121—130]. Есть все основания относить это население к южной ветви тихоокеанских монголоидов, обладающих некоторыми австралоидными чертами. По своим расовым особенностям оно существенно отличалось от популяций той же эпохи, расселенных в бассейне Хуанхэ, а также от более ранних групп, обитавших на территории современного Шаньдуна.

В расовой структуре фуцзяньских популяций большую роль играла, по-видимому, «индонезийская раса», широко распространенная в более раннее — неолитическое — время в Индокитае. К «индонезийской» монголоидно-австралоидной расе могут быть отнесены черепа бронзового века, найденные в Тхьеузыонге (в провинции Тхань Хоа) на севере Вьетнама. Вьетнамский археолог Нгуен Зуй характеризует их как крупные в горизонтальном сечении, высокие, но довольно грацильные с прямым среднешироким лбом, уплощенным лицом, выступающими вперед и в стороны скуловыми дугами, относительно широким носом, резко выраженным альвеолярным прогнатизмом [Nguyễn Duy, 329—348].

Таким образом, на территории современного Китая и соседних стран уже несколько тысячелетий тому назад — вероятно, в эпоху неолита — вполне сложились все основные группы рас, существующие в этой части ойкумены в настоящее время (карта

4). На ее южной периферии расселялись южные монголоиды, переходные к австралоидам, предки тайских, аустроазиатских и аустронезийских этносов, на западных рубежах жили различные европеоидные группы иранцев и тохаров, а на северных границах — континентальные монголоиды, говорившие на палеоазиатских и протоалтайских языках. Весь Северный, а отчасти и Центральный Китай (бассейны Хуанхэ и Янцзы) был занят восточномонголоидными популяциями, ареал которых на западе включал Тибет, а на северо-востоке — Маньчжурию и Корею. Видимо, на базе этих популяций, составлявших северную группу тихоокеанских монголоидов, формировалось большинство тибето-китайских народов КНР, включая собственно тибетцев, другие тибето-бирманские этносы и, конечно, китайцев, колыбелью которых был скорее всего ареал распространения культуры яншао, а последовательными этапами этнического развития — иньцы, чжоусцы и «люди хуася» периодов Чуньцю и Чжаньго.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Китайская иероглифическая письменность — исключительное явление среди всех известных науке видов письма. Иероглифическое письмо отличается от фонетического прежде всего самим принципом обозначения. Фонетическое письмо служит для передачи элементов плана выражения лингвистических единиц: отдельных звуков или их сочетаний — слогов. Иероглифическое письмо служит для передачи значения лингвистических единиц, т. е. обозначает их содержание.

Для этих двух видов письменности характерны совершенно различные отношения с языком, который они передают. Фонетическое письмо всегда предназначено для какого-то определенного состояния одного языка: без соответствующих изменений оно не может быть использовано для другого языка или для другого состояния одного и того же. Иероглифическая письменность, наоборот, отличается своей универсальностью. Теоретически иероглифы могут быть использованы для любого языка. Практически же наиболее приспособленными для восприятия иероглифической письменности оказались языки со слогоморфемной структурой, т. е. те, в которых морфема обозначается отдельным слогом. Независимость от действительного произношения обозначаемой лингвистической единицы дает иероглифической письменности также еще и вневременные качества: при знании грамматики текст, написанный иероглифическим письмом, может быть понят независимо от того, когда он был написан, а его знаки могут быть прочитаны любым удобным способом. Эти свойства иероглифической письменности сыграли немалую роль в том, что китайская письменность сохраняется и в наше время.

Рассматривая происхождение китайской письменности, следует различать легенду и действительность. Китайская традици-

онная история письменности сообщает об эпохе мифических императоров Фу Си и Шэнь Нуна, когда для записи информации использовались шнуры с узелками и триграммы, состоящие из комбинаций целых и прерванных линий, после которой наступила эпоха более позднего мифического императора Хуанди, когда его придворный историограф Цан Цзе создал иероглифическую письменность современного вида. Согласно традиционным представлениям, иероглифы, созданные Цан Цзе, были изображениями соответствующих предметов и поэтому назывались «вэнь» (60) «рисунок, орнамент». В дальнейшем стали создаваться более сложные знаки, состоящие из нескольких простых рисунков. Эти сложные знаки получили название «цзы» (61). В словаре «Шовэнь» указывается, что этимология слова «цзы» (62) — «рожденный», т. е. «производный».

Современные археологические данные позволяют во многих существенных деталях реконструировать действительную эволюцию китайской иероглифической письменности от ее создания до начала новой эры. Источником сведений о древнейшем периоде истории китайской письменности являются надписи на иньских гадательных костях, обнаруженные при раскопках последней столицы династии Шан.

Существует и другой взгляд на начальную точку истории китайской письменности, непосредственно связанный с общим представлением о начале достоверной истории Китая. В рамках традиционной исторической концепции император Хуанди был реальным историческим лицом, правившим Китаем в XXVI в. до н. э.; тогда же жил и его историограф Цан Цзе. Следовательно, и создание письма относится к тому же времени. Сторонники этого взгляда на историю китайской письменности считают, что китайская иероглифическая письменность существовала даже до Цан Цзе и он выступил не столько как создатель новой, сколько как реформатор существовавшей письменности [Дун Цзо-бинь, 1967, 61—62]. В защиту такого взгляда на историю китайского письма обычно приводятся косвенные соображения, однако прямые свидетельства, указывающие на существование письма в это отдаленное время, до сих пор отсутствуют.

Иньское письмо

Документированная история древнекитайской письменности начинается примерно с XIV в. до н. э. — к этому времени относятся наиболее ранние образцы древнекитайской иероглифической письменности. Письменные знаки, которые были обнаружены на панцирях черепах и лопаточных костях крупных млекопитающих, представляли собой прообраз современной китайской иероглифической письменности (рис. 28). Эти знаки были в большинстве своем пиктограммами и часто сохраняли значительное сходство с предметом, который изображали на письме. Знаки

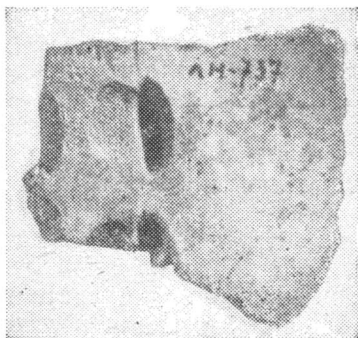

Рис. 28. Фрагмент иньской гадательной надписи на черепашем панцире (из собрания Государственного Эрмитажа); лицевая сторона; оборотная сторона

наносились на поверхность кости с помощью острого предмета и затем натирались красителем, с тем чтобы сделать их более контрастными.

Палеографическим признаком иньского письма является его нестандартность. Для распознавания иероглифа в тексте гадательной надписи требовалась не идентификация его с некоторым стандартным начертанием, а общее сходство с изображаемым предметом. Исследование графической структуры иероглифов, обозначавших животных, показало, что графическим инвариантом, различавшим знаки для обозначения барана и быка, являлось направление рогов. Любое изображение, где рога направлены вверх, представляет собой иероглиф «бык» (рис. 29, 1), соответственно, любое изображение, где рога направлены вниз, представляет собой иероглиф «баран» (рис. 29, 2). Графическим инвариантом иероглифа «лошадь» является грива и голова при изображении тела сбоку (рис. 29, 3). При этом направление головы не было существенным: в ранних начертаниях этого иероглифа голова была обращена влево, а в более поздних — вправо. Графическим инвариантом иероглифа «тигр» является зубастая раскрытая пасть, полосатая шкура, хвост колечком при изображении тела сбоку (рис. 29, 4) [Карапетьянц, 1972, 453—454].

Степень детализации изображения могла быть различной. В отличие от современных иероглифов знаки иньского письма не разлагались на стандартные графические единицы (черты). Число черт в знаке зависело от желания пишущего передать в своем изображении большее или меньшее число деталей. Исследователи иньского письма указывают на сходство графического стиля иероглифов, изображающих животных, со стилем зооморфного орнамента, который можно встретить на различных предметах культуры эпохи Инь и даже предшествующих исторических эпох [Бунаков, 1940, 358; Карапетьянц, 1972, 457—463].

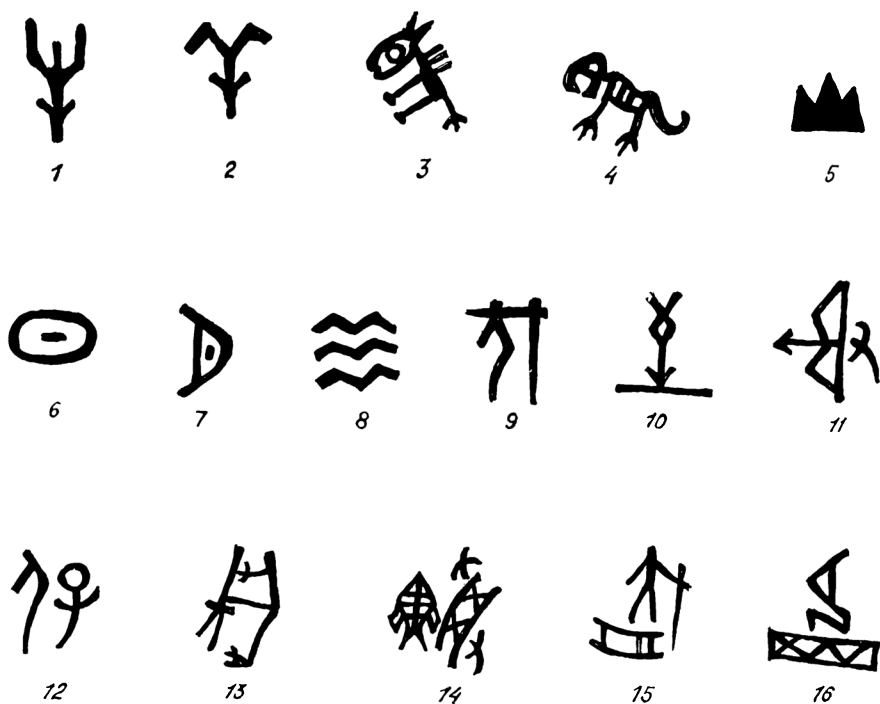

Рис. 29. Инские иероглифические знаки.

1 — «бык», 2 — «баран»; 3 — «лошадь», 4 — «тигр»; 5 — «гора»; 6 — «солнце»; 7 — «луна»; 8 — «вода»; 9 — «карать»; 10 — «достигнуть»; 11 — «стрелять»; 12 — «защищать»; 13 — «возделывать землю»; 14 — «ловить рыбу»; 15 — «грести»; 16 — «сидеть на циновке»

Это означает, что в своих истоках китайская иероглифическая письменность связана с изобразительным искусством, точнее, с орнаментом, и это делает понятным причины, по которым письменные знаки были названы и продолжают называться словом «вэнь» («узор»).

В настоящее время иногда высказываются взгляды, согласно которым китайское письмо происходит с Ближнего Востока. Основной аргументацией в пользу такого взгляда является сходство некоторых знаков инского письма со знаками ближневосточных иероглифических письменностей [Васильев, 1976, 303]. Не отрицая в принципе возможности культурных связей населения бассейна Хуанхэ с западной частью Евразийского материка, следует все же указать, что сходство в различных письменностях может быть основано прежде всего на их сходстве с изображаемым объектом. Памятники китайской письменности демонстрируют столь ясную эволюцию от элементарных пиктограмм, генетически связанных с орнаментом, к более сложным формам, а затем к современным, что самостоятельность ее раз-

вития на местной основе не может вызвать никаких сомнений. Детальная аргументация в пользу автохтонности китайского письма приведена в статье А. М. Карапетьянца [Карапетьянц, 1977, 223—229].

Иньское письмо состояло, в основном, из пиктографических и идеографических знаков. Пиктограммы иньского письма представляли собой схематизированное изображение предмета: горы, солнца, луны, текущей воды и т. п. (рис. 29). Пиктограммы создавались прежде всего для обозначения предметов с явно выраженной внешней формой. Для обозначения более абстрактных и чисто абстрактных понятий пиктограммы были неудобны. Для обозначения слов с абстрактным значением создавались сложные знаки — идеограммы, состоящие из нескольких простых пиктограмм. Значение такой идеограммы иньского письма могло быть выведено из значений пиктограмм, которые входили в ее состав.

Так, например, знак фа «качать» (59) является изображением человека и клевца, приставленного к его шее, знак чжи «достигнуть» (63) — стрелы, воткнувшейся в землю, знак шэ «стрелять» (64) — лука со стрелой и правой руки, знак бао «защипать» (65) — мужчины и ребенка.

Все перечисленные идеограммы сохранились по сей день и продолжают существовать в измененном виде в современной китайской письменности. Однако часть иньских пиктограмм была забыта и уже не встречалась в надписях последующих эпох. К специфически иньским пиктограммам относятся такие знаки, как «возделывать землю», представляющий собой изображение человека с палкой-копалкой в руках, «ловить рыбу» — изображение рыбы, сети и руки, «грести» — изображение лодки и человека с веслом в руках, «несчастье» — изображение ноги, наступающей на змею, «сидеть» — изображение человека, сидящего на циновке (рис. 29, 13—29, 16).

Язык иньских надписей, вероятно, был близок к языку, на котором говорили при дворе правителей династии Шан. Характер вопросов и ответов, записанных на гадательных костях, подразумевал их краткость. Тем не менее в расшифрованных текстах встречаются не только знаменательные; но и служебные морфемы, предлоги и т. д. Слова и формулы надписей время от времени менялись. Исследователь иньских надписей Дун Цзо-бинь установил, что примерно за 300 лет существования династии Шан, отраженных в надписях на гадательных костях, менялось как содержание надписей, так и форма записи вопросов и ответов. Эти отрезки времени он условно называет периодами консервативного правления и реформ или периодами старой и новой школы стиля иньских надписей. Дун Цзо-бинь указывает на тенденцию к более четкому различению дня и месяца надписи в стиле новой школы, для чего при обозначении месяца в этот период писали, скажем, не «август», а «в августе» — с предло-

гом [Tung Tso-pin, 94]. В надписях, составленных в духе новой школы, год обозначался словом «сы» (66), а январь — «чжэнюэ» (67); в надписях старой школы год обозначался словом «нянь» (68), а январь — «и юэ» (69). Кто знает, может быть эти слова, используемые разными школами, отражали существование двух речевых стилей в том языке, на котором эти надписи составлялись.

Исследователи иньского письма различают несколько периодов эволюции графики от раннего, характеризовавшегося крупными отчетливыми знаками, до позднего, когда знаки писались мелко с тщательным исполнением всех деталей. Между этими крайними периодами эволюции иньской графики находятся промежуточные ступени падения и возвышения искусства каллиграфии; однако общая тенденция развития иньской графики обычно характеризуется как усложнение формы знаков. Вот что пишет об этом Дун Цзо-бинь: «Перемены в стиле письма в надписях на панцирях и костях — это в конечном счете перемены от простого к сложному. Перемены произошли в разных формах — простое возрастание числа черт без изменений значения, усложнение, вызванное новым значением иероглифа, переход от пиктограмм к знакам типа сешэн (полуидеографические, полуфонетические комплексы) и т. д.» [там же, 87].

Сфера употребления письменности в государстве Инь функционально была ограничена надписями на гадательных костях, территориально же — столицей, во всяком случае в других местах археологических раскопок периода династии Инь гадательные кости с надписями обнаруживаются крайне редко.

Письменность эпохи Чжоу

В памятниках иньской письменности встречаются графические элементы, которые можно воспринимать как указания на то, что в государстве Чжоу в то же самое время существовали свои письменные знаки. Некоторые из них были воспроизведены в иньских надписях [Тан Лань, 1957, 33—36; Крюков, 1965, 122—127].

Этих упоминаний, к сожалению, недостаточно для того, чтобы составить представление об их природе — являлись ли они знаками для обозначения реальных лингвистических единиц или имели какие-либо другие функции, например функции знаков собственности.

После того как Инь было покорено Чжоу, завоеватели воспользовались достижениями иньской культуры, в том числе иероглифической письменностью, которая по-прежнему использовалась главным образом в ритуальной сфере. В духовной культуре Чжоу важную роль играли ритуалы, связанные с культом предков. В наиболее торжественных случаях совершение ритуала сопровождалось соответствующей надписью, которая, нано-

силась на сосуд, отливаемый в честь этого события (рис. 30). Надписи на бронзовых сосудах представляют собой основной источник сведений о китайской письменности периода династии Чжоу (рис. 31).

Для эпохи Чжоу характерно значительное территориальное распространение иероглифической письменности — ритуальные сосуды с надписями обнаруживаются при раскопках всех сколько-нибудь заметных культурных и политических центров государства Чжоу.

Чжоуская письменность является прямой преемницей иньской, однако примечательно, что отнюдь не все знаки, которые встречаются на гадательных костях, перешли в письменность государства Чжоу. Структура знаков в письменных текстах Чжоу осталась в принципе той же, что в иньских. Однако в некоторых случаях последовательность графических элементов в иероглифах могла изменяться. Порядок элементов в знаках поздних чжоуских надписей был закреплен в современной стандартной форме начертания китайских иероглифов. Графическая структура знаков продолжала усложняться. Выше уже говорилось о том, что пиктограммы не всегда представляли собой изображения одного предмета. Иногда они могли сопровождаться изображением других ассоциативно связанных предметов. Процесс расширения знаков продолжался и в эпоху Чжоу. Так, например, знак для передачи слова цзо «левый» (70) в иньском письме представлял собой изображение руки с пальцами. В чжоуском письме это изображение было дополнено маленьким знаком гун «труд» (71) в нижнем углу справа без какого-либо изменения общего значения иероглифа. В таком виде он и оказался закрепленным в современной стандартной форме. Имеются и другие примеры. Как уже упоминалось выше, знак бао «защищать» (65) на иньских надписях состоял из изображения мужчины и ребенка. В большинстве чжоуских надписей эта структура иероглифа сохраняется без изменений. Однако в некоторых надписях позднего Чжоу к указанным двум компонентам добавлен третий — юй яшма (72). Иначе говоря, в семантическую структуру иероглифа был введен момент оценки: «мужчина охраняет ребенка как драгоценность». Однако в современной стандартной форме закреплена его первоначальная форма как наиболее простая.

Причины усложнения графической структуры иероглифов остаются не вполне ясными. Насколько можно судить по приведенным выше примерам, усложнение графической структуры знаков-идеографов можно объяснить стремлением внести дополнительный компонент прежде всего оценочного характера в его значение в целом. В случае знаков-пиктограмм объяснение такого рода не подходит. Можно лишь предположить, что усложнение графической структуры пиктограмм связано с эстетическими соображениями. В чжоуском письме начинает вырабаты-

Рис. 30. Чжоуский бронзовый сосуд с надписью (из собрания Государственного Эрмитажа)

Рис. 31. Надпись на чжоуском бронзовом сосуде (из собрания Государственного Эрмитажа)

ваться принцип начертания иероглифов, который сохраняется до наших дней: компоновать знак таким образом, чтобы его можно было вписать в квадрат. Естественно, что некоторые простые пиктограммы выглядели неэстетично при таких требованиях к почерку. Это обстоятельство вызвало у писцов соблазн дополнить знак одним или несколькими графическими элементами для того, чтобы иероглиф вписывался в квадрат без существенных пробелов.

Заемствованные и фонетические знаки

Изменения в семантической структуре знаков китайского письма в эпоху Чжоу имеют исключительно важное значение для эволюции китайской письменности. В условиях расширения общественных функций китайского письма потребовалось увеличение числа знаков.

Эта потребность была вызвана развитием письменной культуры и расширением круга тем, по поводу которых составлялись письменные тексты. В ответ на эту потребность стали использоваться так называемые заимствованные знаки и была создана новая категория фонетических знаков.

Заемствованные знаки представляют собой такие знаки китайской письменности, которые были созданы для обозначения одних слов и фактически используются для обозначения других. Так, например, иероглиф лай (73) «приходить» первоначально был создан для того, чтобы обозначать слово «лай» — «пшеница». Однако в дальнейшем в связи с тем, что слово «приходить» произносилось точно так же, как и слово «пшеница», этот знак стал использоваться для обозначения глагола «приходить».

Использование заимствованных знаков в письменных текстах приводило к тому, что один и тот же знак мог приобретать несколько значений, которые не всегда были связаны между собой семантически — как это было в случае использования знака «пшеница» для обозначения слова «приходить». Многозначность заимствованных знаков неизбежно вела к затруднениям при понимании письменных текстов. Заимствованные знаки оказались непрактичными. От недостатков заимствованных знаков были в значительной мере свободны новые фонетические знаки, которые в большом количестве стали создаваться в эпоху Чжоу.

Фонетические знаки состоят из двух частей, из которых одна называется «фонетиком» или «фонетической частью». Она указывает с большей или меньшей точностью на чтение иероглифа. Другая, называемая «ключом» или «детерминантом», указывает на предметную область, к которой относится слово, обозначенное этим знаком. Примером фонетического знака может служить иероглиф фань (74) «зерно, варенное на пару», который состоит из двух графических элементов. Его фонетический элемент представляет собой иероглиф фань (75) «перевернуть», который произносится точно так же, как и слово «вареное зерно», но для того, чтобы его можно было отличить на письме от иероглифа «перевернуть», к нему добавляется ключ или детерминант ши, (76) «пища», который указывает, что новый знак обозначает слово, относящееся к предметной области пищи.

Опыт истории китайской письменности показал, что пиктографический и идеографический принципы образования иероглифов не в состоянии обеспечить письменность нужным числом знаков, с помощью которых можно обозначить практически любое слово языка. Иероглифическая письменность с большим числом знаков может быть создана только с помощью фонетических знаков. Заимствованные знаки представляют собой разновидность фонетических. Различие между ними состоит в том, что заимствованные иероглифы ключа не имеют, между тем как фонетические имеют в своем составе поясняющий ключ.

Рассуждая чисто теоретически, использование заимствованных знаков не приводит к увеличению числа иероглифов, находящихся в употреблении, а создает лишь увеличение числа значений иероглифов, которые в таких условиях должны выступать как письменные знаки для изображения нескольких слов. Это опасный путь, по которому не может пойти иероглифическая письменность, предназначенная для широкого распространения. Поэтому естественно, что заимствование знаков никогда не было распространенным путем развития китайского письма, и на первый план выдвинулись знаки фонетической категории.

Для определения приблизительного времени создания большей части знаков фонетической категории можно прибегнуть к лингвистическим данным. Рифмы старейшего поэтического произведения Китая — «Шицзин» дают ценные сведения относительно

но произношения китайских иероглифов в начале I тысячелетия до н. э. Рифмующиеся слова в «Шицзине» могут быть объединены в классы. В настоящее время исследованы также рифмы поэтических произведений периода династии Хань, поэтому можно с достаточной уверенностью судить о том, какой из известных систем рифм ближе всего соответствуют иероглифы фонетической категории.

Теоретически иероглиф фонетической категории должен был читаться в точности так же, как и его фонетическая часть. В дальнейшем это правило оказалось нарушенным, но на раннем этапе существования иероглифов этого класса оно соблюдалось. Для того, чтобы сопоставить классы рифм «Шицзина» с иероглифами фонетической категории, нужно было выяснить, как рифмуются между собой слова, обозначенные иероглифами фонетической категории. Если знаки с двумя разными фонетиками обозначают рифмующиеся слова, это значит, что их вокалические части были одинаковы. Если они не используются при передаче рифмующихся слов, то вокалические части этих слов различны. Так, например, слова, переданные знаками (77) и (78) свободно рифмуются в китайской средневековой поэзии, но они не рифмуются в «Шицзине», потому что принадлежат к разным классам рифм. Иероглифы фонетической категории с фонетическими частями (77) и (78) не рифмуются между собой в «Шицзине». Отсюда следует, что система вокализма, которую можно разглядеть за классами иероглифов фонетической категории, совпадает с той системой вокализма, которая реконструируется на основании рифм «Шицзина». Таким образом, та фонетическая система иероглифов китайского языка, на которую опиралась система иероглифов фонетической категории, в целом совпадает с фонетической системой «Шицзина». Исследование рифмы поэтических надписей на бронзе подтверждает этот вывод.

В настоящее время существует мнение, разделяемое большинством исследователей древнекитайского языка, что «Шицзин» как поэтический памятник сформировался в начале I тысячелетия до н. э., а записан в середине этого тысячелетия. Поэтому система рифм «Шицзина» и система иероглифов фонетической категории относятся примерно к одному и тому же времени — к первой половине I тысячелетия до н. э. Это вполне согласуется с фактами истории китайской письменности. Начало I тысячелетия до н. э. почти точно совпадает с утверждением династии Чжоу и использованием иньской письменности в новых условиях и для новых целей.

Древнекитайский язык заведомо не был единым во время создания большинства иероглифов фонетической категории, поэтому естественно возникает вопрос о том, каким образом удалось достигнуть столь высокой степени единства системы иероглифов фонетической категории; достоверно известно, что иерог-

лифы создавались не только писцами при дворе чжоуского вана, но и при дворах отдельных наследственных владетелей.

Лингвистической основой единства системы иероглифов фонетической категории в значительной степени являются закономерные соответствия между отдельными диалектами китайского языка того времени. В сущности, даже не зная ничего относительно реального произношения иероглифов в разных частях Китая того времени, можно сказать, что и тогда древнекитайские диалекты были связаны некоторыми соответствиями, поэтому связи между членами класса иероглифов с одинаковыми фонетическими частями оставались постоянными, независимо от того, как они реально произносились.

Некоторые сложности возникали в том случае, когда нужно было обозначить слова, которые не были связаны закономерно с диалектом столицы. И здесь было два пути их принятия в общее употребление. Первый путь состоял в том, что при переходе на общегосударственный уровень знак получал другое чтение. Второй — в том, что его диалектное чтение сохранялось. И в обоих случаях это вело к разрушению системы иероглифов фонетической категории.

Таким образом, существовало достаточно причин для того, чтобы последовательная фонетическая система образования древнекитайских иероглифов оказалась практически неосуществимой. Помимо чисто синхронных причин, разрушающих серии фонетических иероглифов, существовала также и важная диахронная причина: фонетическая эволюция языка постепенно приводила к изменениям в чтении иероглифов фонетической категории. В этом случае обычно возникает разрыв между чтениями общеизвестных иероглифов, обозначающих часто употребляющиеся слова, и чтениями более редких, обозначающих более редкие слова, не встречающиеся в повседневном языке, где перемены не столь явственны. Обычно более редкие, чисто литературные слова сохраняют архаизованное произношение, которое в дальнейшем по-разному толковалось авторами фонетических комментариев.

Особую проблему составляют ключи иероглифов фонетической категории. С помощью этих ключей указывается принадлежность обозначаемого слова к определенной предметной области. Однако в выборе ключа открывалось широкое поле деятельности воображения писцов, создававших новые иероглифы. В зависимости от точки зрения на обозначаемый объект его можно относить к различным предметным областям. Именно этим можно объяснить тот факт, что ключи были наименее устойчивым элементом иероглифов фонетической категории. Один и тот же иероглиф у разных авторов мог быть записан с несколькими различными ключами. Эти колебания заметны в китайской письменности еще много веков позднее в период династии Хань — и только благодаря деятельности ханьских ком-

ментаторов ключи при иероглифах фонетической категории были закреплены окончательно.

Когда в конце I в. н. э. в словаре «Шовэнь» был подведен итог развития китайской письменности за первое тысячелетие ее существования, оказалось, что из 9353 иероглифов, собранных в этом словаре, 364 являются пиктограммами, 125 — знаками традиционной указательной категории, 1167 — идеограммами. Все остальные знаки являлись заимствованными или фонетическими. Таким образом, три четверти знаков китайского письма образованы фонетическим способом.

Функции древнекитайской письменности эпохи Чжоу и пути ее эволюции

Исторические памятники эпохи Чжоу свидетельствуют о том, что письмо и грамотность были довольно широко распространены (во всяком случае — в правящем классе общества Чжоу). Широко известно одно место из исторической хроники «Цзочжуань» [Legge, т. 8, 607], где говорится о том, как Цзы Чань в царстве Чжэн распорядился отлить бронзовые доски с начертанным на них кодексом законов для всеобщего сведения. Таким образом, уже в VI в. до н. э. существовали неритуальные тексты и было достаточно грамотных, способных их читать. Об этом свидетельствуют тексты «проезжих грамот» конца IV в. на металлических пластинках из царства Чу [Васильев К. В., 1972, 63—69] (рис. 32). Естественно, не следует думать, что современные знания относительно светских текстов чжоуского времени восходят к этому отрывку из «Цзочжуани». Они основаны на китайской письменной традиции, включающей значительное количество текстов исторического, политического и философского содержания, написанных в эпоху Чжоу. Именно эти чжоуские тексты составляли основу духовной культуры Китая на протяжении всей его средневековой истории.

Китайская иероглифическая письменность использовалась также в практике государственного управления в сношениях между государствами. О широком распространении китайской письменности в эпоху Чжоу свидетельствуют находки бронзовых сосудов с надписями повсюду, где были города чжоуского Китая. Итак, древнекитайская иероглифическая письменность в эпоху Чжоу была повсеместно распространена на обширной территории, слабо интегрированной как в политическом, так и в лингвистическом отношениях. В таких условиях функционирования иероглифической письменности возникает опасность создания локальных вариантов письма. Китайская письменность в эпоху Чжоу не смогла избежать появления некоторых локальных элементов и локальных вариантов, которые теоретически могли привести к ее дезинтеграции. Однако на пути к дезинтеграции

китайского письма того времени стояли довольно существенные преграды.

Знаки пиктографической и идеографической категорий были более или менее одинаковыми повсеместно в эпоху Чжоу. Все редкие иероглифы, встречающиеся в древних текстах, дошедших до нашего времени, которые считаются локальными знаками, состоят из элементов, известных по иньским и чжоуским надписям в новом сочетании. Основные расхождения между различными региональными вариантами могли существовать только в классе иероглифов фонетической категории. Однако писцы и авторы текстов не могли заходить слишком далеко в создании новых иероглифов этой категории. Прежде всего, создавая иероглиф, они должны были давать себе отчет в том, будет ли этот новый знак письма понят читателями. Поэтому более разумно предполагать, что новые иероглифы создавались только в тех случаях, когда они действительно отсутствовали, а не тогда, когда писцу было некогда заглянуть в словарь.

Помимо этих чисто индивидуальных ограничений, вероятно, существовало нечто вроде общегосударственной системы контроля над письменностью. В «Чжоу ли» сообщается о существовании при чжоуском дворе специальной филологической службы, которая должна была заниматься переводом переговоров чжоуских ванов с иностранными послами; помимо этой основной функции она занималась также и проблемами поддержания единства письменности. Ежегодно это управление созывало в столицу писцов из разных частей страны, и здесь происходило сравнение письменных знаков, распространенных в разных частях Китая. Знаки произносились вслух для того, чтобы всем было известно их чтение. «Чжоу ли» не является подлинным сочинением эпохи Чжоу, поэтому нельзя сказать, что поддержание единства письма происходило с помощью таких мероприятий. Но этот текст не является чистым вымыслом — он основан на каких-то данных, отражающих, может быть, более позднюю практику.

Сведения о деятельности чжоуского двора в области унификации письменности содержатся в словаре «Шовэнь». В годы правления чжоуского Сюань-вана (827—782 г. до н. э.) придворный историограф Чжоу разработал новое письмо, которое получило название «дачжуань» (79). Знаки нового начертания были сведены в особом труде из пятнадцати глав, который назывался «Дачжуань» или «Ши Чжоу пянь» («Книга историографа Чжоу»). Этот свод иероглифов просуществовал вплоть до конца династии Хань и был утрачен во время бурных событий Троецарствия. Словарь «Шовэнь» регулярно ссылается на свод «Ши Чжоу пянь» и приводит начертания из него достаточно часто.

Однако наряду со знаками «дачжуань» в «Шовэне» имеются несколько более редкие ссылки на «древние знаки» — гувэнь (80). Исходя из прямого смысла термина «гувэнь», можно ска-

зять, что они должны были предшествовать знакам историографа Чжоу во времени. Однако такая интерпретация не является единственной. Существует другой взгляд на связи между чжоуэнь и гувэнь, согласно которому чжоуэнь представляет собой локальный вариант, распространенный на западе государства Чжоу, а гувэнь — на востоке. Согласно преданию, труды Конфуция, спрятанные в стене его дома, а затем вновь открытые в начале правления династии Хань, были написаны письмом «гу-вэнь». Другим более поздним названием этого письма было «кэдоу вэнь» («головастиковое письмо») — из-за того, что знаки этого письма напоминали головастиков. Однако, как сообщает Дун Цзо-бинь, среди многочисленных памятников китайской письменности периода Чжоу, обнаруженных археологами, образцов письма «гу-вэнь» или «головастикового» письма не было (Tung Tso-pin, 75). Таким образом, при любом понимании природы «древних знаков» можно сказать, что унификация письма при династии Чжоу не была достигнута.

Значение иероглифической письменности как основного фактора культурного и в какой-то степени политического единства страны осознавалось в то время уже достаточно явственно. Поэтому представляется не случайным то, что одной из первых правительственных реформ, проведенных после объединения китайских царств под властью династии Цинь, была реформа китайской письменности.

Перед китайской письменностью в IV—III вв. до н. э. открывалась возможность развития по направлению к фонетическому письму. Эволюция китайского письма в эпоху Чжоу ничем не отличалась от эволюции ближневосточных иероглифических письменностей, где на смену ритуальному пиктографическому и идеографическому письму пришли иероглифы фонетической категории, в дальнейшем сменившиеся чисто слоговыми знаками. Однако в Китае переход от фонетических иероглифов к слоговым знакам, которыми можно было обозначать любой слог определенного звукового состава, так и не произошел.

Существовали лингвистические и социальные причины того, что китайская иероглифическая письменность в своей эволюции не продвинулась далее создания иероглифов фонетической категории. Лингвистические причины представляются менее существенными, хотя и сыграли свою роль, способствуя развитию китайского письма по иероглифическому пути. Уже в момент создания иероглифов фонетической категории китайский язык был слогоморфемным: морфемы в этом языке могли быть выражены по меньшей мере целым слогом. При этом сочетание знаменательной морфемы со служебной, как правило, не соединялось в один фонетический слог, а продолжало оставаться сочетанием двух слогоморфем. Если при этом в то время еще существовали какие-нибудь морфологические возможности образования производных форм иногда с помощью перегласовки, иногда — с помо-

шью изменения начального или конечного согласного, то они уже не были продуктивными, поэтому связи родственных слов далеко не всегда осознавались говорящими, и зависимость между ними не обязательно должна была выражаться в письменности. Все эти обстоятельства способствовали тому, чтобы для записи каждой слогоморфемы древнекитайского языка эпохи Чжоу создавался особый индивидуальный иероглиф. Такой способ письма оказался бы нерациональным, если бы в китайском языке существовали сложные грамматические формы, которые могли бы соединяться с соответствующей знаменательной морфемой в единый фонетический слог. Так, например, попытка приспособить китайскую иероглифическую письменность для японского языка оказалась безуспешной, потому что иероглифическая письменность неудобна для передачи сложных грамматических форм. Именно поэтому вскоре после принятия иероглифической письменности в Японии было разработано алфавитное письмо, с помощью которого записывались грамматические формы, прилегающие к знаменательной морфеме, обозначаемой иероглифом.

Общественные причины, способствовавшие сохранению китайской иероглифической письменности, заключены в самой природе китайского общества того времени. В ареале формирования китайской культуры и государственности мы наблюдаем конгломерат этнических общностей. Люди, жившие на этой территории, говорили не только на разных диалектах китайского языка, но и просто на разных языках, которые не обязательно были родственны китайскому.

Лингвистическое объединение этого конгломерата на базе единого языка было невозможно. Его объединение произошло позднее не на лингвистической, а на политической и культурной основе, и в условиях такого объединения универсальные свойства иероглифической письменности сказались весьма кстати. Иероглифическая письменность была очень удобным средством для того, чтобы писать на любых очень непохожих друг на друга диалектах древнекитайского языка и даже на других языках, отличных от него. Универсальная иероглифическая письменность оказалась созвучной универсальным культурно-политическим идеям, разрабатываемым общественной мыслью Китая в те времена.

В чисто практическом плане иероглифическая письменность оказалась очень удобной для передачи информации в разнодиалектном и разноязычном обществе чжоуского Китая. Письменный текст, написанный в царстве Ци, мог быть без труда прочитан в царстве Чу и наоборот. Иероглифическая письменность в условиях чжоуского Китая способствовала ускоренной циркуляции информации, обмену идеями, в конечном счете — политической и культурной интеграции населения удаленных друг от друга районов страны.

Как уже отмечалось выше, представления о генетических связях китайского языка с другими языками Восточной Азии довольно существенно менялись на протяжении истории его изучения. Первые же исследователи этой проблемы указали на его родственные связи с тибетским языком. По мере изучения языков юга Восточной Азии было обнаружено сходство с тайскими языками. Так, в китайском языке было установлено наличие значительных слоев общей лексики как с тибето-бирманскими, так и с тайскими языками. Однако невозможность сформулировать фонетические законы, связывающие эти близкие формы, породила значительное количество классификаций, которые в зависимости от принятых критериев по-разному группировали языки Восточной Азии в языковые семьи. Изучение генетических связей китайского языка было поставлено на научную основу после реконструкции фонетики древнекитайского языка, относящегося к началу I тысячелетия до н. э. Очевидно, возможности сравнительно-исторического изучения китайского языка могли бы намного возрасти, если бы удалось реконструировать произношение знаков наиболее древних памятников китайского письма — иньских надписей на гадательных костях. Однако до сих пор не ясно, как это можно сделать. Вот почему материалы древнейшего периода истории китайского языка все еще остаются вне сферы досягаемости сравнительного метода. Это означает, что единственным путем сравнительного изучения языка иньских надписей в настоящее время является исследование его типологических свойств.

Типология порядка значимых элементов в языках Восточной Азии

Лапидарный стиль и стандартное содержание большинства надписей на гадательных костях предопределили также и ограниченный набор грамматических средств, с помощью которых они были написаны. Этот набор грамматических средств не позволяет реконструировать грамматику языка иньских надписей в объеме, необходимом для сравнительно-исторического исследования, но он содержит тот необходимый минимум лингвистической информации, по которому можно судить об основных типологических чертах языка этих текстов. Это важно потому, что типологические характеристики языка иньских текстов могут быть сравнены с соответствующими характеристиками современных и тех древних языков Восточной Азии, которые известны в настоящее время. Тем самым становится возможным определение его места в типологической классификации языков этого ареала.

Наиболее полная информация относительно грамматики языка иньских надписей относится к порядку значимых элементов.

Несмотря на возможные недостатки в реконструкции отдельных грамматических форм, в настоящее время можно считать твердо установленными следующие важные для типологического исследования лингвистические факты, относящиеся к порядку значимых элементов: основной порядок слов и его альтернативы, наличие предлогов, наличие префиксов.

Возможности использования типологии языков Восточной Азии для изучения ее этнической истории были известны достаточно давно. В первую очередь для типологических исследований был привлечен такой их заметный и важный признак, как последовательность знаменательных элементов. Однако первый опыт изучения типологии порядка слов в языках Восточной Азии, предпринятый Т. Делякупри, был признан неудачным; это строгое суждение было основано не столько на критической оценке по существу лингвистической аргументации первой типологической классификации языков Восточной Азии, сколько на несогласии с общими этнологическими выводами, которые Т. Делякупри сделал из своей классификации.

Возвращение к типологическим методам изучения и классификации языков Восточной Азии стало теперь возможным прежде всего потому, что за истекшее время наши знания об этих языках существенно расширились и, что самое главное, создана достаточно строгая теория языковых типов, которая ставит типологические исследования на прочную методическую основу.

Основной порядок значимых элементов в языках Восточной Азии отличается значительной устойчивостью во времени. Об этом свидетельствуют факты более поздней документированной истории языков этого ареала. Примерами могут служить китайский язык с письменной традицией, восходящей к началу I тысячелетия до н. э., тибетский язык с письменной традицией от VII в. до н. э. и другие языки с более поздней письменной традицией.

Однако устойчивость основного порядка значимых элементов в языках юга Восточной Азии не означает его полную неподвижность. Перемены в порядке значимых элементов все же происходят. Причины изменений могут быть объяснены как эволюцией самого языка, так и влиянием внелингвистических факторов. Естественно, что в условиях нормальной исторической эволюции языка перемена порядка значимых элементов наиболее вероятна в языках с развитыми морфологическими средствами, где порядок как грамматическая форма менее важен, чем морфология; они менее вероятны в языках, где отношения между словами обозначаются не только морфологическими средствами, но также и порядком значимых элементов.

Несмотря на то что в большинстве языков юга Восточной Азии морфология развита сравнительно слабо, все же наблюдается изменение порядка значимых элементов. Примером перестройки порядка значимых элементов в языке в сравнительно недавние исторические времена обычно называют каренский

язык, где произошла перестройка порядка значимых элементов от «объект-глагол» к «глагол-объект». Современная теория языковых типов называет языковые контакты в числе основных причин перестройки порядка значимых элементов. Для изменения порядка значимых элементов языка нужны очень интенсивные контакты, совершающиеся в двуязычной среде, где два различных порядка одних и тех же значимых элементов одинаково приемлемы и понятны [Li, 75, 115].

Со времени Т. Делякупри известно, что с точки зрения порядка значимых элементов языки Восточной Азии делятся на два типологических класса — северный и южный. Класс северных языков характеризуется последовательностью «субъект — объект — глагол», а класс южных — последовательностью «субъект — глагол — объект» со всеми остальными признаками, вытекающими из этой основной последовательности. К классу северных языков относятся все урало-алтайские и палеоазиатские языки Восточной Азии, а также сино-тибетские, исключая китайский и каренский. К классу южных языков — тайские и аустроазиатские [Delacourie, 130—140].

Таково современное географическое распределение этих типологических признаков. Однако для наших целей важно знать, каким оно было во времена создания иньских надписей. В наиболее ранней реконструируемой лингвистической ситуации, о которой говорилось выше, географическое распределение языков в принципе мало отличалось от современного, поэтому предположение, что типологические характеристики языков южной части Азии сложились очень давно и сохранились до настоящего времени, представляется вполне правдоподобным.

Типология порядка значимых элементов в языке иньских надписей

Основной порядок значимых элементов в языке иньских надписей представляет собой последовательность «субъект — глагол — объект». Однако наряду с этим встречаются предложения с альтернативной последовательностью «субъект — глагол — объект»: хуа ху лай (81) «Хуа позвать», хуа лу цинь (82) «Хуа оленя поймал». Ян Шу-да толкует такие примеры как предложения с прямым дополнением перед глаголом [Ян Шу-да, 61—62]. В настоящее время это толкование подвергнуто сомнению из-за того, что встречающееся в серии надписей слово «Хуа» Ян Шу-да в одних случаях толкует как имя собственное, в других — как географическое название. С точки зрения современных представлений о грамматическом анализе серий надписей на иньских костях предпочтительней считать, что слово Хуа во всех случаях представляет собой географическое название¹³.

¹³ Сообщение М. В. Крюкова.

Прямое дополнение, выраженное местоимением, стоит в языке иньских надписей не после, а перед глаголом с отрицанием. Точно такие же примеры можно найти и в письменных памятниках китайского языка, относящихся к более позднему времени, поэтому примеры последовательности «объект — глагол» являются записью реальных фактов языка иньских надписей.

Прилагательное, выступающее в функции определения, всегда находится перед определяемым существительным: бай ма (83) «белая лошадь», хуан ню (84) «желтый бык» и т. п.

Пространственные отношения между словами языка иньских надписей выражаются с помощью предлогов. В грамматиках языка иньских надписей указываются пять предлогов: юй (85), цзай (86) «в», цзы (87) «от, из», чжи (88), цзи (89) «до, к». Из них только первый, пожалуй, представляет собой предлог в точном смысле этого слова. Остальные глаголы-предлоги, восходящие к знаменательным словам «достигать, приходиться», что проявляется в возможности их сочетания с отрицаниями и глагольными префиксами [Крюков, 1973, 79—84].

В именных словосочетаниях с определительной связью определение, выраженное существительным, занимает позицию перед определяемым словом: си ту (90) «западные земли», ту фан (91) «племя Ту», цзяо фу (92) «жена Цзяо» и т. п. Однако в определительной конструкции с именным приложением, состоящей из имени нарицательного и собственного, существует обратный порядок слов: хоу чжуань (93) «Хоу, имя которого Чжуань», цзу гэн (94) «мужской предок Гэн», пи гэн (95) «женский предок Гэн», фу си (96) «жена Си».

Сравнивая фу си с последовательностью цзяо фу, встречающейся в другом месте, можно сказать, что и в конструкции с именным приложением можно наблюдать два альтернативных порядка слов: в одном имя собственное ставится на первое место, в другом — на второе.

В именных словосочетаниях с определительной связью определение, выраженное указательным местоимением, обычно стоит перед определяемым существительным: цзы цю (97) «эта конюшня». Однако в определительных конструкциях с местоименными предикативами возможны две альтернативные последовательности. В языке иньских надписей встречаются два местоименных предикатива жоцзы (98), жочэн (99) «такой», которые, как и указательные местоимения, могут находиться как перед определяемым существительным: жоцзы бу (100) «такое гадание», так и после него: суй жочэн (101) «такой вред».

В большинстве языков мира позиция дополнения, выраженного личным местоимением, относительно глагола не отличается от соответствующей позиции существительного. Исключения отмечены лишь в немногих языках. В языке иньских надписей встречается достаточно большое число случаев, когда дополнение, выраженное личным местоимением, стоит не после глагола,

а перед ним. В таких случаях при глаголе имеется отрицание, находящееся перед местоимением: бу во суй (102) «не повредит ли мне?»

При сочетании числительного с существительным их относительный порядок также является важной типологической характеристикой языка. Основным типом последовательности существительного и связанного с ним числительного в языке иньских надписей была последовательность: существительное — числительное: лан эр ши у (103) «волков 25», ма эр ши бин (104) «коней 20 упряжек», цян сань ши жэнь (105) «цянгов 30 человек». Однако наряду с этим можно встретить также и альтернативный порядок: числительное—существительное: у цян (106) «5 цянгов». Числительные всегда предшествуют словам, обозначающим единицы измерения времени: ба юэ (107) «8 месяцев», у жи (108) «5 дней» или «пятый день».

В конструкциях, где один глагол подчиняет другой, связанный с ним семантически, главный глагол, детерминирующий появление подчиненного, ставится перед ним: ван цянь (109) «отправился преследовать», ху цзи (110) «приказал обрабатывать» (поля) [Крюков, 1973, 83].

Обстоятельства времени и места во всех языках являются наиболее подвижными членами предложения. Однако для каждого типа языка существует место предпочтительного расположения для них. Для языка иньских надписей характерно наличие обстоятельства места главным образом в конце предложения: ба жи гэн суй ю чу юнь цзы дун (111) «Через восемь дней в день гэн-суй появились тучи с востока» [там же, 108]. Обстоятельство времени с предлогом или без него чаще всего находится в начале предложения: юй лай и хай гао (112) «В будущий день и-хай сообщить» [там же, 83].

О морфологии языка иньских надписей можно получить лишь самые общие представления. Но даже при нынешнем состоянии наших знаний о ней можно сказать, что в этом языке существовала префиксация как способ аффиксального формообразования. Примером глагольного префикса, встречающегося в иньских текстах, является ци (113), функции которого не вполне ясны, однако похоже на то, что этот префикс имеет отношение к образованию вопросительной формы предложения.

Таковы основные факты, относящиеся к порядку значимых элементов в языке иньских надписей. Типологические признаки языка образуют структуру, части которой взаимообусловлены. Поэтому, зная некоторую типологическую характеристику языка, всегда можно ожидать наличие других типологических характеристик, связанных с нею коррелятивно. Это происходит не всегда, потому что грамматическая структура и типологические признаки каждого языка индивидуальны. Однако при исследовании достаточно большого количества примеров наиболее общие корреляции выявляются вполне четко. Эти вычисляемые корреляции

ляции называют также «лингвистическими универсалиями». Отсутствие коррелирующего элемента структуры языка или его несоответствие типологической универсалии обычно объясняется возмущающим действием различных лингвистических контактов. Различие между ожидаемым и наблюдаемым признаком при типологическом изучении языков может быть интерпретировано с точки зрения того типа языков, которым свойственны наблюдаемые признаки. Отсюда появляется возможность говорить, правда в самых общих выражениях, о типе языков, которые оказали возмущающее воздействие.

Из общей теории языковых типов известно, что основной порядок значимых элементов «объект— глагол» коррелирован с послелогоми, а порядок «глагол — объект» — с предлогами. В свою очередь, предлоги коррелированы с порядком «номинатив — генетив», а послелоги — с порядком «генетив — номинатив». Таким образом, можно установить связь основного порядка «объект — глагол» с послелогоми и порядком «генетив — номинатив», а основного порядка «глагол — объект» — с предлогами и порядком «номинатив — генетив».

Если в определительной конструкции с приложением имя собственное предшествует нарицательному, то язык чаще всего принадлежит к числу тех, где объект предшествует глаголу. Если в определительной конструкции с приложением нарицательное имя существительное предшествует имени собственному, то язык чаще всего принадлежит к числу тех, где объект следует за глаголом [Гринберг, 1970, 133].

Если в определительной конструкции с приложением имя собственное предшествует нарицательному, то язык чаще всего принадлежит к числу тех, где управляющее существительное предшествует зависящему от него генетиву. Для подавляющего большинства языков если имя нарицательное предшествует имени собственному в конструкции с приложением, то зависимый генетив предшествует своему управляющему существительному [там же, 134].

Как было показано выше, основная последовательность значимых элементов языка иньских надписей представляет собой «глагол — объект». Имеющаяся в отдельных текстах альтернативная последовательность «объект — глагол» встречается достаточно редко. Существование этой альтернативной последовательности свидетельствует о наличии возмущающего фактора со стороны языка или языков с основным порядком «объект — глагол».

Последовательность «числительное — существительное» также соответствует теоретической корреляции: как было указано выше, числительные в языке иньских надписей занимают место после существительных, к которым они относятся.

Таким образом, в языке иньских надписей наличие сосуществование основного и измененного порядка значимых элементов. С основным порядком «глагол — объект» коррелируют наличие

предлогов, последовательность зависимого и подчиняющего глаголов, структура конструкции с именным приложением. С альтернативным основным порядком «объект — глагол» коррелирует место прилагательного, зависимого генетива, указательного местоимения относительно связанного с ними существительного. Числительное в языке иньских надписей может стоять перед существительным, но наряду с этим основным порядком имеется также и альтернативный, в котором числительное предшествует существительному. Примечательно, что влияние порядка значимых элементов, коррелированных с основной последовательностью «объект — глагол», различно в разных разделах грамматической структуры. Последовательность «объект — глагол» представляет собой редкое явление, но коррелированная с ним последовательность «прилагательное — существительное», по существу, исключений не имеет. Коррелированная с нею последовательность «имя собственное — имя нарицательное» в определительной конструкции с приложением имеет лишь небольшое число исключений. Менее прочны позиции коррелятов этой последовательности основного порядка в конструкциях «числительное — существительное», где можно было с одинаковой вероятностью встретить оба альтернативных порядка.

Рассмотренные выше типологические признаки языка иньских надписей указывают на то, что этот язык по своим основным типологическим признакам был южноазиатским, однако испытал при этом возмущающее воздействие языка или языков, которые по своим типологическим характеристикам относятся к североазиатским. Наличие альтернативного порядка значимых элементов в языке иньских надписей свидетельствует об активных лингвистических контактах языков южноазиатского и североазиатского типов в долине Хуанхэ в период создания этих надписей. Судя по соотношению южноазиатских и североазиатских корреляций в языке иньских надписей, можно предположить существование североазиатского адстрата наряду с преобладающим языком южноазиатского типа.

Установив сам по себе факт лингвистических контактов в эпоху составления иньских текстов, можно задать следующий вопрос: какие именно языки описанных выше типов принимали участие в этих контактах? Что касается южноазиатского лингвистического компонента, то здесь можно говорить лишь о том, что эти языки были в числе предков современных языков южной части Восточной Азии. В настоящее время невозможно определить, к каким именно современным южноазиатским языкам был ближе всего язык иньских надписей.

О североазиатском лингвистическом компоненте можно говорить с большей определенностью, потому что генетические связи современного китайского языка с тибето-бирманскими показаны достаточно убедительно, а тибето-бирманские языки по своим типологическим характеристикам относятся к североазиатскому

типу. Тибетские народы, в частности постоянно упоминавшиеся в иньских надписях цзяны, жили на западной окраине государства Инь. Вероятно, к моменту создания надписей в состав Инь входило несколько этнических общностей, говоривших на древних сино-тибетских языках; видимо, роль этих общностей достаточно велика, если их язык пользовался таким широким распространением.

Формирование системы типологических признаков порядка значимых элементов древнекитайского языка

Дальнейшая эволюция типологической характеристики языка письменных памятников послеиньского периода привела к усилению черт сходства с типологическими характеристиками тибето-бирманских языков.

Надписи на бронзе, относящиеся к периоду западной династии Чжоу, сделаны на том же языке, который мы находим на иньских гадательных костях. Поэтому можно говорить о непрерывности развития письменного языка эпох Инь и Чжоу. Однако внутри этой непрерывности явно выделяются два периода, из которых первый лингвистически тяготеет к языку иньских надписей, а второй представляет собой уже древнекитайский язык начала I тысячелетия до н. э., засвидетельствованный в письменных памятниках. В настоящее время известно значительное число расшифрованных надписей на бронзовых сосудах. Однако этот материал недостаточно изучен в лингвистическом отношении.

Как и в случае с надписями на гадательных костях, лапидарность и высокая стандартизированность текстов на бронзе сужают круг грамматических форм, которые дошли до нашего времени. Однако основные типологические признаки китайского языка периода Чжоу поддаются установлению. В языке надписей на бронзе основной порядок значимых элементов был «глагол — объект», в определительных конструкциях — «прилагательное — существительное» и «генетив — номинатив». Как и в языке иньских надписей, встречается порядок «имя нарицательное — имя собственное» в конструкции с именным приложением. Среди служебных грамматических элементов в языке надписей на бронзе, относящихся к раннему периоду Чжоу, мы находим предлоги и префиксы.

В позднем древнекитайском языке, который датируется восточной династией Чжоу, порядок значимых элементов конструкции с именным приложением пришел в соответствие с порядком всех остальных определительных конструкций: «имя собственное — имя нарицательное». Наряду с этим в китайском языке эпохи Чжоу появляются послелоги, суффиксы и исчезают префиксы, которые встречались в надписях на костях и бронзе.

Важные изменения произошли также и в позиции объекта при глаголе. Как уже указывалось выше, в языке иньских и ран-

нечжоуских надписей основной позицией дополнения была позиция после глагола. Альтернативный порядок, который изредка встречался на некоторых надписях, ничем не был оговорен. Можно предположить, что этот порядок существовал в разговорном языке и его роль постепенно возрастала. Однако примечательной особенностью истории китайского языка является то, что в нем не произошло вытеснение порядка «глагол — объект» порядком «объект — глагол», а наоборот, произошло их соединение в рамках единой грамматической структуры, причем каждый из этих двух порядков получил собственное осмысление и грамматическое оформление.

Порядок «глагол — объект» был традиционным порядком, который не нуждался в специальном грамматическом оформлении, однако для того, чтобы поставить глагольный объект в позицию перед глаголом, требовалось специальное грамматическое оформление, нужно было специальное указание на то, что существительное, стоящее перед глаголом, представляет собой не субъект, а объект соответствующего действия. Проблема грамматического оформления была решена с помощью глагола-предлога. Принцип использования глагола в качестве предлога был известен еще в языке иньских надписей. Как уже указывалось выше, такие глаголы-предлоги использовались в тех случаях, когда обстоятельство места нужно было поставить перед глаголом. В языке надписей на бронзе глаголы с абстрактным значением «и» (113) («держать») и «юн» (114) («употреблять») стали использоваться в тех случаях, когда перед глаголом нужно было поставить обстоятельство образа действия [Dobson, 76].

Однако в дальнейшем функциональная сфера глагола-предлога «и» была расширена: с его помощью прямое дополнение могло быть также поставлено перед глаголом. Такой порядок оказался очень удобным в тех случаях, когда прямое дополнение нужно было представить как исходную точку коммуникации.

После того как прямое дополнение древнекитайского языка получило описанный выше грамматический статус, формирование типологических признаков китайского языка, которые в целом сохраняются и по настоящее время, завершилось. Содержание этого процесса состоит в том, что в языке письменных памятников долины Хуанхэ количество североазиатских сино-тибетских типологических черт постепенно нарастало. Этот процесс завершился не полной перестройкой по сино-тибетской типологической модели, а своего рода компромиссом, при котором североазиатский и южноазиатский основные порядки значимых элементов были объединены и переосмыслены в рамках единой грамматической системы. Формирование основных типологических характеристик китайского языка, относящихся к порядку значимых элементов, завершилось к середине I тысячелетия до н. э.

Природные условия и общественно-политическая среда, в которых протекало развитие древнекитайского языка, способствовали формированию многочисленных диалектов. Первые сведения о лингвистических различиях между царствами периода Чжоу можно найти уже в письменных текстах этой эпохи. Так, например, в книге «Мэнцзы», одном из ранних памятников конфуцианской письменной традиции, философ Мэнцзы упоминает о лингвистической ситуации в Китае в период «Борющихся царств». Из этого упоминания явствует, что лингвистические различия между царствами Чу и Ци были настолько велики, что для овладения языком Чу жителям Ци требовалось специальное обучение [Legge, т. II, 275].

Наиболее ранним описанием лингвистической ситуации в Китае является словарь «Фанъянь» («Местные слова»), составленный ханским филологом и поэтом Ян Сюном на рубеже новой эры. Этот словарь представляет собой свод диалектной лексики китайского языка, которую Ян Сюн собирал всю жизнь. Наиболее ценно для современного исследователя то, что в этом словаре каждая статья не только толкует значение диалектных слов на общем языке той эпохи, но и описывает ареал их распространения. Это дает возможность установить границы основных диалектных ареалов китайского языка в начале новой эры. Лингвистические границы, огибающие области устойчивого общения, обнаруживают значительный консерватизм и часто указывают на политические, административные, этнические границы, реально существовавшие за несколько столетий до составления этого словаря.

Многие лингвистические границы, проведенные по материалам «Фанъяня», несомненно, сформировались задолго до начала новой эры. Одна их часть относится к позднему периоду эпохи Чжоу, а другая — к еще более раннему времени. Эти лингвистические границы свидетельствуют о том, что диалекты древнекитайского языка существовали уже в эпоху Чжоу. Они дают представление о том, как в общих чертах выглядело диалектное членение древнекитайского языка в то время.

Диалектные ареалы чжоуского и ханьского Китая могли формироваться под влиянием многих факторов. В настоящее время достоверно известно о миграциях китайского и некитайского населения в ареале распространения китайских племен, переселения китайского населения из одного царства в другое и т. п. с последующим смешением и широкими лингвистическими контактами. Поэтому исследование лексики диалектов китайского языка по «Фанъяню» дает важные указания не только на связи древнекитайских диалектов между собой, но также и на существование лексики субстратного происхождения. Последнее обстоятельство позволяет интерпретировать некоторые лингвисти-

ческие границы не только с точки зрения истории, но и с точки зрения этнографии древнего Китая.

Для обозначения диалектных ареалов своего времени Ян Сюн пользовался географической терминологией следующих трех типов: названиями царств VIII—V вв. до н. э., названиями административных областей, установленных циньским Ши Хуанди и далее сохраненными при следующей династии Хань, терминами физической географии — названиями гор, рек, горных проходов. Линь Юй-тан, исследовавший «Фанъянь» в двадцатых годах нашего века, различал четырнадцать лингвистических ареалов, которые достаточно четко выделялись при помощи метода, основанного на объединении в единый лингвистический ареал совместно упоминаемых в словаре географических единиц [Линь Юй-тан, 35—36]. Среди этих четырнадцати ареалов находились области древнекитайского языка и области некитайских языков.

Используя методы современной лингвистической географии, П. Серройс предложил обобщенное членение древнекитайского языка на шесть диалектных групп.

Западные диалекты — царства Цинь, Цзинь, административная область Лян, административный округ Ичжоу — современный северо-запад и запад Китая.

Центральные диалекты, которые Ян Сюн обобщенно называл диалектами, расположенными к востоку от заставы Ханьгугуань. В свою очередь, они делились на *западную группу* — домен Чжоу, царство Чжэн, долины рек Лошуй и Ханьшуй — западная часть современной провинции Хэнань и северная часть провинции Хубэй, и *восточную* — царства Сун, Вэй, Лу, Ци, Вэй II — восточная часть современной провинции Хэнань и западная часть провинции Шаньдун.

Северные и северо-восточные диалекты — царство Янь, административный округ Дай, царство Чжао, территории на полуострове Ляодун, в долине реки Лешуй на Корейском полуострове — северная часть современных провинций Шэньси, Шаньси, Хэбэй, провинция Ляонин полностью.

Восточные диалекты — восточная часть царства Ци, административные области Хайдай и Сюйчжоу, долина Хуанхэ — восточная часть современной провинции Шаньдун, северная часть провинции Цзянсу, восточная часть провинции Аньхуй.

Юго-восточные диалекты — царства У и Юэ, административная область Янчжоу — южная часть современной провинции Фуцзянь.

Южные диалекты — царство Чу, которое делилось на три диалектных ареала: первый — северная часть царства Чу, царство Чэнь, долины рек Жушуй и Иншуй — восточная часть современной провинции Хубэй и южная часть провинции Хэнань; второй — долина Хуанхэ, междуречье Янцзы — Хуанхэ — южная часть современной провинции Аньхуй; третий — южная часть царства Чу — административная область Цзиньчжоу, долины

Янцзы, Сянцзяна, Юаньцзяна, Лицзяна — северная часть современной провинции Хунань [Serruys, 1959, 98—99].

Метод, который был использован при выделении этих диалектных групп, близок к лексико-статистическому. В его основе лежит весьма простая мысль, состоящая в том, что близкие диалекты должны иметь достаточно много общей лексики. Чем ближе диалекты, тем больше общей лексики они должны содержать. Как уже указывалось выше, для описания области распространения слов китайского языка Ян Сюн оперирует довольно мелкими географическими единицами. Более четкая по сравнению с предшествующими группировка географических единиц в диалекты или группы диалектов может быть проведена лишь на основе количественной оценки общей лексики, содержащейся в языках этих географических единиц.

Географически связанные области распространения слов китайского языка, имеющие регулярные совпадения слов, считаются одной диалектной группой, состоящей из нескольких географических единиц. Нерегулярные совпадения могут наблюдаться повсеместно. Эти нерегулярные совпадения не могут свидетельствовать о принадлежности диалекта к определенной группе, но они являются бесспорным доказательством междиалектных контактов.

В зависимости от числа нерегулярных совпадений можно исчислить также и силу этих контактов. И в этом случае чем больше нерегулярных совпадений между диалектами, тем сильнее контакт между ними. П. Серройс предложил статистические критерии, с помощью которых он различает пять ступеней интенсивности междиалектных контактов. По этим критериям можно различать области собственно древнекитайской культуры и языка и области различной степени интенсивности распространения древнекитайского языка на территории, где обитало некитайское население империи Хань.

Области собственно древнекитайского языка и культуры обнаруживают весьма примечательную внутреннюю структуру, наиболее важная особенность которой — фундаментальное членение диалектов этого ареала на два основных блока: западный и восточный. В этой структуре диалекты, распространенные к западу от заставы Ханьгугуань, противопоставляются диалектам, распространенным к востоку от нее. В терминах исторической географии это означает противопоставление западного ареала — Цинь-Цзинь, Лян-И, Юго-Запада — всем остальным диалектам китайского языка, распространенным к востоку от линии, проходящей по долине Фэньхэ, через Хуанхэ и далее на юг до ее пересечения с Янцзы.

Каждый из этих диалектных блоков обладает собственной внутренней структурой. Для западного характерен высокий уровень совпадений слов, что свидетельствует о его значительной лингвистической однородности. Совершенно иначе обстоит дело

Экспансия диалекта Цинь может быть прослежена в нескольких формах. В одних случаях слово диалекта Цинь заменяло исходное диалектное слово, в других — оно выступало как синоним собственному диалектному слову. Наряду с областями, поддающимися воздействию со стороны диалекта Цинь, существовала также область, которая не поддавалась такому воздействию. Эта область состояла прежде всего из старых китайских царств долины Хуанхэ — Сун, Вэй, Чэнь, Чжэн, Хань и домена Чжоу, которые составляют ядро области сопротивления экспансии форм диалекта Цинь. Границы этой области за пределами ядра не всегда поддаются точному определению, однако можно сказать, что этот блок оказывал достаточно сильное воздействие на окружающие царства Ци, Лу, Чу, а также на ареал Цзян—Хуай. Слова в этом консервативном ареале часто трудны для этимологического истолкования и относятся к числу редких. Это позволяет утверждать, что здесь находилась область архаических форм. «Эти ареалы, — пишет П. Серройс, — являются также областями, где работали древнекитайские философы и интенсивно развивалась литература. Поэтому мы можем предположить, что сопротивление этого старого культурного центра новым течениям и влияниям с запада было сознательным, происходящим от чувства гордости древней культурной традицией. Следовательно, эти ареалы совершенно отличны от таких ареалов экспансии, как Лян-И, Шу-Хань, или ареалов колонизации (Северное Янь, Корея, Лешуй), или ареалов, где китайская культура и язык были принесены через иммиграционные пути или по соображениям престижа на каждом уровне были ассимилированы в различной степени, как, например, Восточное Ци, Хайдай, У, Ян, Юэ. Здесь одинаково воспринимались как литературные слова, так и слова стандартного языка середины династии Хань, сильно окрашенные западными диалектами» [там же, 220].

Междиалектные связи

Статистическая обработка данных «Фанъяня» позволяет достаточно достоверно оценить связи между собственно древнекитайскими диалектами, с одной стороны, и древнекитайскими диалектами с языком периферийных царств — с другой.

Язык царства Янь оказывается наиболее близким к языку собственно древнекитайских царств. В его лексике наблюдается наибольшее число совпадений с языком прилегающего к нему царства Ци и административного округа Дай. Много совпадений также с диалектами западного блока в целом, который обозначался общим термином «к западу от заставы Ханьгугуань». Примечательно сходство с Южным Чу, о чем будет сказано ниже.

Диалект Ци имеет сильные связи с Чу и довольно слабые связи с окружающими китайскими диалектами Сун, Лу, Вэй,

Чжао. «Наиболее важной связью Ци является связь с Чу,— пишет П. Серройс.— Однако эти два ареала не связаны: между ними находятся центральные диалекты и частота их контактов с Ци уменьшается по мере продвижения с востока на запад (Лу, Сун, Вэй, Чэнь, Чжоу). Особые отношения между Чу и Ци вызваны не культурной, политической или литературной деятельностью, потому что Лу, Сун, Вэй были не менее связаны с политическими и культурными событиями, чем Чу и Ци. Они могут быть объяснены только как результат параллельного развития диалектов Ци и Чу из общей группы, в то время как промежуточная область Лу — Сун — Вэй развила некоторое количество особых черт, отличных от диалектов Ци и Чу» [там же, 168].

Диалект ареала Восточное Ци представляет собой изолированное явление на лингвистической карте древнего Китая. Он имеет сильные связи только с диалектом ареала Хайдай. Примечательно, что одиннадцать слов диалекта этой области вообще не имеют никаких связей с лексикой остальных диалектов. Исследователи «Фанъяня» считают эти слова некитайскими, принадлежащими языку древнейших обитателей Шаньдуна — «восточных и», а также лай и [там же, 170]. Диалект Восточного Ци имеет четыре общих слова с диалектом Янь. Посредником в миграции этих общих слов могло бы оказаться соседнее царство Ци, которое имело активные контакты с Янь. Однако это предположение представляется маловероятным, потому что область Восточное Ци практически не имела лингвистических контактов со своим западным соседом. Остается предположить прямые связи с Янь по морю через Бохайский залив.

Диалект ареала Цзян—Хуай имел сильные связи с диалектами Чу и Южного Чу, Чэнь. Контакты с северными соседями — Сун, Ци — были слабы, точно так же слабы контакты с южными соседями — царством У и административной областью Янчжоу. Отмечены также контакты с административной областью Сюйчжоу, которая включала в себя Восточное Ци и ареал Хайдай. Однако лексика, общая с диалектом Сюйчжоу, является чисто китайской. Некоторые из этих слов отмечены в письменных памятниках [там же, 172].

Ареал Цзян—Хуай был населен некитайскими племенами хуай и, жившими в бассейне Хуайхэ, и сы и, жившими в бассейне р. Сышуй. То обстоятельство, что китайский диалект этого ареала не оказался насыщенным некитайскими словами, свидетельствует о том, что процесс китаизации этого ареала продвигался успешнее, чем на Шаньдуне.

Диалект царства У имеет сильные лингвистические связи с соседними территориями на западе и на юге: с административной областью Янчжоу и с царством Юэ. Отмечаются более слабые связи с царством Чу и административной областью Цзинчжоу. Связи с остальными лингвистическими ареалами случайны. П. Серройс подчеркивает, что связи с Цзинчжоу представле-

ны чисто древнекитайскими, между тем как связи с Чу — в значительной мере чисто диалектными словами неясного происхождения. Такое соотношение между лексикой китайского и не-китайского происхождения объясняется как следствие более старого влияния китайского языка царства Чу, которое затем сменилось литературным влиянием языка области Цзинчжоу. Основные контакты языка царства У происходили с соседями на севере и на юге. При этом примечательно, что связи с более северными ареалами — Восточным Ци, Хайдай, Цзян—Хуай — по силе ничем не отличаются от связей с центральнокитайскими территориями того времени.

Диалект административной области Янчжоу обнаруживает сильные связи со своим восточным соседом — царством У и западным соседом — царством Чу. Более слабые связи существовали у него с Цзинчжоу и царством Юэ. Связи с Чу и Цзинчжоу могут быть истолкованы точно так же, как связи царства У с этими территориями, с тем только отличием, что влияние языка царства Чу здесь сказывалось сильнее, чем в царстве У. В целом же Янчжоу представляет собой ареал, лингвистически родственный У, но китаизированный более значительно.

Диалект Юэ обнаруживает сильные связи с диалектом У. Слабее были его связи с Янчжоу. Остальные связи носят лишь случайный характер.

Диалект ареала Южное Чу насчитывает значительное число слов, не отмеченных в других диалектах древнекитайского языка. Обычным объяснением причины появления этих специфических слов является взгляд на них как на слова аборигенных народов, живших здесь до появления китайского населения. Однако П. Серройс считает, что часть этих слов в действительности представляет собой крайне архаические китайские слова [там же, 175—177]. Этот взгляд нуждается в дополнительном обосновании, потому что метод реконструкции древнекитайской фонетики, принятый П. Серройсом, не является общепринятым.

Помимо слов, специфических для ареала Южное Чу, имеется также значительная группа слов, область распространения которых описывается как Южное Чу в сочетании с Цзинчжоу в целом или с отдельными частями области Цзинчжоу. Большинство этих слов древнекитайские. Наиболее сильны лингвистические связи ареала Южное Чу с ареалом Цзян — Хуай. Связи с западными и центральными ареалами выражены значительно слабее.

Для лингвистического ареала Цзинчжоу характерно, что в «Фанъяне» можно встретить слова, специфические для отдельных частей, но не для ареала в целом. Это означает, что этот ареал, вероятно, не представлял собой лингвистического единства. Как считает П. Серройс, большинство слов этого ареала являются древнекитайскими, но наряду с ними встречаются также подозрительные и явно не-китайские слова. Наиболее сильны

лингвистические связи с Чу и прибрежными ареалами Янчжоу, У, Юэ [там же, 179].

Диалект ареала Чу обнаруживал сильные многосторонние контакты, что свидетельствует об активной политической и культурной роли этого царства в период Борющихся царств. Наиболее сильными явились лингвистические связи с северными соседями царств Чэнь, Сун, Вэй, Ци. На востоке наиболее сильны связи с ареалом Цзян — Хуай и несколько более слабы с царством У, административной областью Янчжоу, ареалом Хайдай. Связи с южным ареалом — Южным Чу и Цзинчжоу, с центральным царством Чжэн и доменом Чжоу, а также с ареалами к востоку от Ханьгугуаня и междуречьем Лошуй и Ханьшуй, в общем, слабы. Минимальными были связи с западными царствами Цинь и Цзинь и вообще с ареалом к западу от Ханьгугуаня.

Таким образом, ареал к югу от Чу был гораздо менее связан с китайским языком, чем сам ареал Чу. Центром этого ареала были Южное Чу и Цзян — Сян, и этот центр уже был слабее связан с прибрежными ареалами У и Янчжоу, чем Цзинчжоу.

По этому поводу П. Серройс предлагает две гипотезы. Первая: «До того как Чу распространялось на север и на восток (Чэнь, Хуай), его главным центром был ареал вокруг столицы Ин. Отсюда оно распространилось прежде всего на юг по направлению к району оз. Дунтинху, т. е. в ареалы Южное Чу и Цзян — Сян. Эта экспансия Чу врезалась в некитайский ареал, который был связан генетически (или имел контакты) с У, Юэ, Янчжоу таким образом, что они обладали некоторым количеством общих (или взаимно заимствованных) слов» [там же, 180]. Вторая: «Когда Чу двинулось далее на север и на восток, его культурный центр также переместился, оставив районы Южное Чу и Цзян — Сян как более независимую подгруппу, которая сохранила кое-что из древнейшего словаря, но при этом также развила свои собственные новые тенденции» [там же].

Диалекты центральной части империи Хань в словаре «Фанъянь» обычно описывались термином физической географии: «Область к востоку от заставы Ханьгугуань». Лексика этого ареала обнаруживает сильные связи со следующими ареалами как внутри него, так и за его пределами: «Область к западу от Ханьгугуань», царства Чу, Вэй II, Чэнь, Чжоу Лу. Связи с остальными ареалами Восточного Китая характеризуются как слабые. Некоторые слова этого ареала не встречаются ни в одном из отдельных диалектов. Все эти слова, однако, встречаются в древних письменных текстах, т. е. в некотором смысле являются словами литературного языка.

Однако внутри этого лингвистического единства явственно различались две группы царств. Западная центральная группа была образована доменом Чжоу, царствами Хань, Чжэн и районом долины р. Лошуй. В пределах этой группы Чжоу обнаруживает сильные связи с Чжэн и менее сильные связи с Чу,

Цинь, Вэй II, Хань, Сун и районом долины Лошуй. Чжэн обнаруживает сильные связи с Чэнь и Хань и слабые с Чу, Сун, Вэй II. Таким образом, как для Чжоу, так и для Чжэн лингвистические связи по степени убывания их силы располагаются в следующем порядке: западный ареал, Чу, блок Су — Лу — Вэй II, Вэй [там же, 184].

Восточная центральная группа была образована царствами Лу, Сун, Вэй II, Вэй. В пределах этой группы царство Сун обнаруживает сильные связи с царствами Вэй II, Чэнь, Чу, Вэй, Лу, Ци. Менее сильные связи обнаруживаются с царствами Цинь, Чжэн, ареалами к востоку от Ханьгугуаня в целом, Цзинчжоу. Слабые связи обнаруживаются с царствами Чжоу, Цзинь и У и с ареалами Цзян — Хуай, Жушуй и т. д. Таким образом, области наиболее частых лингвистических контактов восточной центральной группы в целом ориентированы на юг и на восток. Лингвистические контакты с западной центральной группой в целом можно охарактеризовать как слабые.

Царство Лу обнаруживает сильные связи с Сун, Ци и Вэй II и слабые — с ареалом Сюйчжоу, Хуайшуй, Восточное Ци, Янчжоу — У, Лян — И, Цин — Цзинь. «Лу,— считает П. Серройс,— представляет собой пункт, где влияния Сун и Ци соперничали и смешивались. Это доказывает, что Лу и Сун представляют собой единую группу вместе с Вэй II» [там же, 186].

Царство Вэй обнаруживает тесные контакты с царствами Сун и Лу и относительно слабые с Цзинь, Вэй и Ци. И это означает, что Вэй представляет собой часть единого блока Лу — Сун — Вэй.

Царство Вэй II занимает весьма независимую лингвистическую позицию в восточном центральном блоке. Оно обнаруживает сильные связи с царствами Чжао и Сун, а также с ареалом Чэнь — Чу. Менее сильны его связи с ареалом к востоку от Ханьгугуаня в целом, царствами Чу, Чжоу, Вэй, Янь. Слабые связи отмечены с ареалом Цзян—Хуай, царствами Цзинь, Ци, Хань, Чжэн, Цинь — Цзинь, У, Южным Чу. Как считает П. Серройс, Вэй оказало сильное лингвистическое и культурное влияние на Чжао. Вообще Чжао занимает на западе центрального блока примерно ту же позицию, как Лу на востоке, потому что оно оказалось местом пересечения лингвистических влияний царства Цинь, принадлежавшего западному блоку, и царства Вэй, принадлежавшего восточному. Зависимость Вэй и Чжао настолько велика, что П. Серройс предлагает сгруппировать царства Вэй и Чжао в особый северный центральный блок, который достаточно четко дифференцирован от чисто западных и центральных диалектов [там же, 187].

Как уже упоминалось выше, фундаментальным делением китайской языковой области в период династии Хань было деление диалектов на западный и восточный блоки. Граница между этими двумя блоками проходила по западной окраине Великой ки-

тайской равнины на южном берегу Хуанхэ и захватывала часть долины р. Фэньхэ на северном берегу этой реки. Данные «Фанъяня» относительно различий между этими двумя основными блоками китайских диалектов эпохи династии Хань свидетельствуют о том, что между этими двумя ареалами проходила не только лингвистическая граница, но также культурная и этническая.

Диалекты и субстратные области

Выше была высказана гипотеза о происхождении древнекитайского языка как о результате процесса смещения языков североазиатского и южноазиатского типов. Данные «Фанъяня» помогают выяснить многие важные детали этого процесса. Этническая история бассейна Хуанхэ представляет собой непрерывный процесс контактов между различными этническими группами, населявшими этот ареал. Поэтому в китайских диалектах эпохи Хань и тем более эпохи Чжоу общая лексика может появиться не только в результате деления диалектов и междиалектных контактов, но и в результате общего лингвистического субстрата. Поэтому, рассматривая связи между древнекитайскими диалектами, не следует забывать об их лингвистическом субстрате.

Прежде всего существенное значение имеет то обстоятельство, что чжоусцы, говорившие на сино-тибетском языке, относящемся к североазиатскому типу, завоевали Великую китайскую равнину, но вряд ли смогли сделать сколько-нибудь существенный вклад в высокую культуру населения этой равнины. Поэтому естественно, что различные части населения Великой китайской равнины реагировали на это завоевание по-разному. Более близкая к чжоуским исконным землям западная центральная группа, имевшая общую границу и традиционные связи с ареалом, расположенным к западу от заставы Ханьгугуань, оказалась более подверженной ассимиляции Чжоу, и поэтому его связи с языком западного ареала оказались самыми сильными на Великой китайской равнине.

Восточный центральный блок царств оказался тесно связанным с территориями, образывавшими центр государства Инь. Когда Инь было завоевано Чжоу, иньские земли были разделены на три надела: Юн, Бэй и Инь. Позднее Бэй было присоединено к Янь. Юн был переименован в Сун, а Инь — в Вэй II. Бэй располагалось в северо-восточной части Хэнани, т. е. его местонахождение соответствовало местоположению царства Вэй. Этот ареал сохранял память о былом величии и развивал культурные и лингвистические традиции предшествующей династии, сопротивляясь влияниям, идущим с запада. Возможности сопротивления в сфере письменного языка здесь были довольно большими, потому что центр древнекитайской культуры и просвещения в период Восточного Чжоу по-прежнему находился здесь. Отсюда

происходило значительное число писателей, философов и политических деятелей чжоуского Китая.

Примечательно, что два центральных блока древнекитайских диалектов — восточный и западный, — сформировавшиеся еще в конце эпохи Чжоу, сохранили свое ведущее значение в китайском языке на протяжении многих веков и в дальнейшем. Это были диалекты, находящиеся в ареале, где помещались столицы Китая на протяжении всего средневекового периода истории страны. Китайский письменный язык формировался под влиянием этих диалектов, а когда в VI в. возник вопрос об унифицированном чтении китайских иероглифов, за основу этого чтения был принят диалект указанного ареала.

Вокруг этого лингвистического центра располагались царства Цинь, Чу, Чжао, Янь, население которых говорило на древнекитайском языке, испытывавшем значительное влияние некитайского субстрата. То были области, непосредственно колонизуемые центральными царствами, где язык китайских поселенцев смешивался с языком местного населения. Поэтому большинство специфических слов этих диалектов следует объяснять через этнический и лингвистический субстрат.

Роль окраинных диалектов в формировании общего языка периода династии Хань была достаточно велика. Как показали подсчеты П. Серройса, число диалектных слов Цинь и Чу в общем языке периода династии Хань было весьма значительным. Это объясняется той активной ролью, которую играли упомянутые царства в политических событиях периода Борющихся царств. Поэтому языки Цинь и Чу были языками политического престижа в военных блоках, возглавляемых ими.

За пределами этих больших окраинных царств располагались периферийные области, о языке которых в «Фанъяне» сохранились лишь отрывочные сведения: Восточное Ци, область Хайдай, царства У и Юэ, область Янчжоу, Южное Чу, Западное Цинь, северная оконечность царств Цинь и Цзинь и др. Очевидно, древнекитайское население этих ареалов было крайне немногочисленным, большинство в них составляли некитайские этносы: сино-тибетские на западе, урало-алтайские на севере, племена и в Восточном Шаньдуне и в прибрежной полосе до устья Янцзы, и в междуречье Янцзы и Чжэцзяна, юэ в прибрежной полосе на территории современной провинции Фуцзянь, мань в долинах рек Сянцзян, Лицзян, Юаньцзян.

Лингвистические связи этих периферийных территорий с окраинными и центральными царствами носят, вероятно, субстратный характер. Это предположение позволяет проследить некоторые субстратные связи между ареалом Восточное Ци и царствами Янь, У и Юэ. Особый случай субстратных связей — это общая лексика диалектов Чу и Ци. Если лексические совпадения этих двух диалектов не случайны, то они означают значительное влияние общего или близкого субстрата на древние диалекты этих

двух царств, а это ведет к предположению, что ареал Ци и Чу когда-то был занят этносами, говорящими на одном или близких языках, но в ходе их дальнейшей истории судьбы частей этих этносов, живущих к северу и к югу от Хуанхэ, оказались различными в связи с тем, что племена, заполнившие долину Хуанхэ, разделили их.

При истолковании лингвистических связей между отдельными диалектами, описанными в «Фанъяне», с точки зрения этнического и лингвистического субстрата можно выделить по меньшей мере две субстратные области. Одна располагается вдоль морского побережья и характеризуется в целом слабыми континентальными связями. В эту зону входят Восточное Ци, Хайдай, Янчжоу, царства У и Юэ. Лингвистические контакты внутри этой зоны также довольно слабы, что дает возможность разделить ее на несколько частей: ареал Восточное Ци и Хайдай со следами связей с царством Янь, ареал Ян — У, ареал Юэ. Другая включает в себя ареалы Южное Чу, Чу и Ци. Она как бы прервана центральнокитайскими царствами Чэнь, Сун, Вэй II. Вероятно, этот субстрат сыграл не последнюю роль как источник южнокитайских типологических черт при формировании языка иньских надписей.

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Специфика материальной культуры — один из существенных признаков любого этноса. Однако, как было убедительно показано С. А. Токаревым [Токарев, 1970], материальная культура имеет различные функции, среди которых наряду с этноразличительной особое значение имеет социально-различительная функция. В известном смысле слова они действуют в различных направлениях. Этноразличительная функция направлена на подчеркивание некоторых общих черт, свойственных материальной культуре всего данного этноса в противоположность другим этносам; социально-различительная функция фиксирует различия в материальной культуре отдельных социальных групп внутри данного этноса.

В реальных исторических условиях древнего Китая значение социально-различительной функции материальной культуры было весьма велико. В особенностях материальной культуры находила, в частности, свое внешнее выражение принадлежность человека к тому или иному социальному рангу чжоуского общества. Говоря словами Гуань Чжуна, «одежда зависит от ранга, а потребление богатств — от размера вознаграждения, соответствующего рангу. Различны количество питья и еды, покроя одежды, размеры жилищ, численность скота и рабов, существуют запреты на употребление определенных форм лодок, колесниц и домашней утвари. При жизни человека соблюдаются различия в головном уборе, одежде, числе полей и размерах жили-

ща, после смерти — в размерах внутреннего и внешнего гроба, савана и могильной ямы. Как бы мудр и благороден ни был человек, он не осмеливается носить одежду, не соответствующую его рангу; как бы ни был богат, он не решится воспользоваться благами, не предусмотренными его вознаграждением» [Гуаньцзы, 32].

В данном случае нас интересует не древнекитайская культура в целом, во всей совокупности ее многообразных функций, а лишь этническая ее специфика. Мы рассмотрим поэтому только те черты избранных нами аспектов материальной культуры, которые имели этноразличительные функции и воспринимались в качестве таковых самими древними китайцами.

Одежда и прическа

Нам ничего не известно об одежде яншаосцев; очень мало — о том, как одевались иньцы. Однако есть основания утверждать, что на протяжении I тысячелетия до н. э. одежда древних китайцев претерпела весьма существенные изменения. Речь идет прежде всего о составе древнекитайского костюма.

Подчеркивая отражение социальных различий чжоуского общества в одежде, один из государственных деятелей VIII в. до н. э. говорил: «Халат, шапка, передник, яшмовая табличка, которую держат в руках при аудиенции, пояс, плахта, обмотки и туфли... все указывает на соблюдение установлений, соответствующих рангу» [Legge, т. VII, 38]. В основном те же элементы костюма постоянно упоминаются и в более ранних чжоуских надписях на бронзе: «дарю тебе... головной убор, халат, передник и туфли» [Го Мо-жо, 1958, т. 6, 34]; «дарю тебе пурпурный халат... и красный передник» [там же, 72] и т. д. Таким образом, основными компонентами традиционного чжоуского мужского костюма были: головной убор, халат, пояс, передник, туфли.

Древние китайцы не стригли волос и в этом отношении противопоставляли себя юэсцам, носившим короткие прически. Единственно приемлемой с точки зрения общепринятых норм прической древние китайцы считали волосы, свернутые в пучок, закрученные на затылке и скрепленные шпилькой. Эта прическа сохранялась у китайцев вплоть до маньчжурского завоевания в XVII в., когда повсеместное распространение получили косы; восходит она к глубокой древности. В культурном слое яншаоских поселений нередко встречаются головные шпильки [Мяодигоу..., 62]; они чрезвычайно характерны и для иньского времени, когда для их изготовления использовалась слоновая кость [Сэкай, 131]. Об исключительном значении головных шпилек в иньское время свидетельствует иероглиф «фу» («мужчина») — изображение человека анфас со шпилькой в волосах. Этимология этого иероглифа проясняется в свете несколько более позд-

них письменных свидетельств. По достижении совершеннолетия юноши проходили в чжоуском Китае своеобразную инициацию. Им укладывали волосы пучком и закалывали их шпилькой — с этого момента прошедший инициацию становился полноправным мужчиной [подробнее см.: Ли Ань-чжай, 49—51].

В отличие от женщин взрослые мужчины всегда носили головной убор — необходимый атрибут мужского костюма. «Без меня вы то же, что одежда без головного убора или река без источника», — говорится в «Цзочжуане» [Legge, т. VIII, 625]. В отличие от Европы в Китае не сформировался обычай снимать головной убор, входя в помещение и тем более приступая к трапезе: в средневековом Китае обедать или заниматься каллиграфией с непокрытой головой считалось для мужчины совершенно неприличным [Цзацзуань, 34]. Эти представления восходят по крайней мере к чжоускому времени. Когда циский правитель Хуань-гун опьянел на пиру и снял при всех свой головной убор, это было сочтено проявлением крайней разнузданности; три дня после этого Хуань-гун стыдился показываться на глаза придворным [Шан Бин-хэ, т. 4, 2]. Добавим попутно, что прическе и уходу за волосами чжоусцы придавали особое значение. Считалось необходимым мыть голову раз в три дня [Чэнь Хао, 154]. Для мытья головы использовали пшеничный отвар [Шан Бин-хэ, т. 4, 10]. Правила хорошего тона предписывали детям вставать утром с петухами, мыть руки, полоскать рот и причесываться [Чэнь Хао, 152]. Находки гребней (преимущественно костяных) в стоянках эпохи неолита свидетельствуют, что уже яншаосцы и луншаньцы ходили причесанными. Традиция не прерывалась и в дальнейшем. Известны иньские гребни из слоновой кости, украшенные великолепным орнаментом [Сэкай, 131]. В чжоуское время считалось, что жена должна ухаживать за мужем «с полотнцем и гребнем» [Legge, т. VIII, 461]. Гребни были деревянные или из слоновой кости [Шан Бин-хэ, т. 4, 11]. Образ гребня нередко используется в поэтических сравнениях, например:

В плотные, плотные груды ссыпают зерно;
в груды высокие, как крепостная стена,
гребню густому как будто подобна она
[Шицзин, 439—440].

Одним из важных компонентов чжоуского костюма был, как отмечалось, халат.

В письменных источниках сохранились некоторые указания, позволяющие в общих чертах восстановить особенности покроя чжоуского халата. Он должен быть «не настолько коротким, чтобы было видно тело, и не настолько длинным, чтобы волочиться по земле» [Чэнь Хао, 315]. Халат кроился из 12 кусков ткани [там же], ширина которых составляла 2 чи 2 цуня (около 55 см) и зависела от конструкции ткацкого станка. Примерно

такую же ширину имели ткани и в ханское время; однако реальная величина единиц длины постепенно уменьшалась, и поэтому во II—I вв. до н. э. 2 чи 2 цуня составляли уже от 48,5 до 45,5 см [Лубо-Лесниченко, 18—19].

Рукава халата должны были иметь ширину 1 чи 2 цуня (около 30 см) [Чэнь Хао, 169], ширина халата на поясе — в три раза больше, а нижняя ширина — вдвое больше, чем на поясе [там же], т. е. около 1,8 м. Рукава были длинными настолько, чтобы, будучи завернуты, они достигали локтя [там же, 315]. Халат имел дополнительную полу в виде клина [там же, 169]. В квадратный вырез вшивался воротник высотой 2 цуня (около 5 см) [там же].

Легкие халаты шились без подкладки [там же]. Если же они имели подкладку, последняя обычно была другого цвета, чем сам халат:

Одежда на вас зеленого цвета,
вы желтый мой шелк для подкладки избрали
[Шицзин, 37].

Зимние халаты подбивались шелковой ватой (в «Цзочжуане» помещены слова некоего У Чэня, советовавшего правителю лично проинспектировать свою армию: тогда даже в холод солдатам будет казаться, что на них халаты на ватной подкладке [Шан Бин-хэ, т. 4, 16].

Халат непременно следовало подпоясывать: «не настолько низко, чтобы пояс давил на бедра, и не настолько высоко, чтобы он давил на ребра» [Чэнь Хао, 315]. Пояс делался из куска шелковой ткани; он закреплялся застежкой, причем свободные концы свешивались вниз:

Отрок на пояс привесил наперстье стрелка...
Пусть он на пояс привесил наперстье стрелка,
разве с моею сравнится искусством рука?
С поясом мужа он беззаботен и рад —
кисти у пояса, вниз опускаясь, висят [Шицзин, 78].

Поясные пряжки в позднечжоуское время делались из бронзы и нередко украшались инкрустацией [Го Бао-цзюнь, 51; Ань Чжи-минь, 1953, 100 и далее]. Наиболее крупные экземпляры из числа найденных в археологических раскопках достигают значительных размеров — более 20 см в длину [Го Бао-цзюнь, 49]. .

Неотъемлемой частью чжоуского костюма был также передник — далекий аналог набедренной повязки или пояса стыдливости. Передник этот изготовлялся из кожи и имел ширину 2 чи (около 50 см) внизу и 1 чи наверху при длине 3 чи [Чэнь Хао, 171]. Он завязывался на поясе и спускался до колен. Этим, очевидно, объясняется ошибка Дж. Легга, употреблявшего в переводе слово *knee-covers*; русский эквивалент этого выражения («наколенники») использован А. А. Штукиным в его переводе

«Шицзина» (например, «в алых стоят наколенниках триста вельмож» [Шицзин, 179]; «наколенники ярким багрянцем сверкают» [там же, 226]; «заблестит наконец их наколенников яркий багрец» [там же, 242] и т. д.). Однако В. Эберхард еще в 1946 г. отмечал, что так называемые *knee-covers* в действительности представляют собой *Schurz* («передник», «фартук») [Eberhard, 36—37].

Эберхард высказал также предположение, что древнекитайский передник южного происхождения. Это мнение было поддержано П. Серройсом, обратившим внимание на то, что в словаре «Шовэнь», составленном в I в. н. э., слово «передник» поясняется как «одежда южных варваров» [Serruys, 1969, 257]. К тому времени у самих древних китайцев этот компонент костюма уже вышел из употребления.

Туфли в чжоуское время были двух типов: на твердой (деревянной) и мягкой подошве. В надписях на бронзовых сосудах упоминается первый тип, в «Шицзине» — и тот и другой:

1. Преславный потомок, велик и прекрасен был князь, спокоен и важен,— багряные туфли на нем [Шицзин, 193].
В золоте туфель сафьян [там же, 227].

Алые туфли и черный халат [там же, 399].

2. Туфель пеньковых пять пар подобрала она [там же, 122].

Легкие туфли свои из пеньки

он и в морозец согласен носить [там же, 129].

И в легких туфлях, свитых из пеньки,

там ходят по земле, покрытой льдом [там же, 275].

Входя в дом, древние китайцы снимали обувь. Соответствующее указание содержится в официальных предписаниях «Лици»: «В туфлях не поднимайся в залу» [Чэнь Хао, 7]. Об этом же говорят и многочисленные упоминания в других источниках. Например, в «Цзоцжуане» рассказывается о том, что, получив неожиданное послание, правитель выбежал из дворца босиком: он забыл второпях надеть туфли, стоявшие у входа [Legge, т. VII, 323].

Древние китайцы надевали туфли на босу ногу. Когда однажды правитель царства Вэй устроил пир, то некто Шэн-цзы занял свое место, не сняв туфель. Правитель был разгневан. Но Шэн-цзы извинился и объяснил: «У меня на ногах чирьи, и, если Вы увидите их, Вам будет неприятно. Вот почему я не осмелился снять туфли» [там же, т. 8, 856].

Надевали обувь сидя, сначала на одну, затем на другую ногу, укрывая их халатом [Чэнь Хао, 7].

Читатель, конечно, обратил внимание на то, что при перечислении компонентов чжоуского костюма не были упомянуты штаны. Как и многим другим древним народам, чжоусцам и иньцам этот немаловажный с современной точки зрения предмет одежды не был известен. Поэтому когда в IV в. до н. э. правитель царства Чжао, Улин-ван, ввел в своей армии ношение штанов, заимствованных от северных соседей — кочевников, это

означало поистине революционные изменения в традиционном костюме. Вскоре штаны вошли во всеобщее употребление.

Несмотря на то что состав древнекитайской одежды претерпел на протяжении I тысячелетия до н. э. важные изменения за счет заимствования первоначально чуждых древним китайцам элементов, некоторые особенности ее покроя и манеры ношения оказались чрезвычайно стойкими. Речь идет, например, о манере запахивать верхнюю одежду.

Здесь приходится отметить одно недоразумение, вошедшее в русскую китаеведческую литературу с легкой руки такого крупного авторитета, как Н. Я. Бичурин (Иакинф). Во время своего длительного пребывания в Китае в начале XIX в. монах Иакинф постоянно носил китайскую одежду и должен был хорошо знать ее особенности. Однако в переводе династийной хроники «Чжоу-шу» он допустил труднообъяснимую ошибку. В тексте говорится о древних тюрках, и Иакинф переводит: «Обычай тукюэсцев: распускают волосы, левую полу наверху носят» [Бичурин, т. 1, 229]. Это повлекло за собой целую цепь досадных ошибок [подробнее см.: Вайнштейн, Крюков, 182—186].

Между тем по крайней мере с иньского времени предки древних китайцев всегда запахивали верхнюю одежду только направо, так что левая пола оказывалась наверху. Правда, судить об этом по знаку «халат», встречающемуся в иньских надписях, трудно: как любой иньский знак, он мог иметь прямой и зеркальный вариант. Но на статуэтке, найденной в иньском погребении близ Аньяна, мы видим халат, запахнутый направо [Ли Я-нун, табл. 30]. То же самое прослеживается на всех без исключения известных в настоящее время древнекитайских изображениях чжоуского времени (рис. 33). Вполне закономерно, что на керамической форме, предназначенной для отливки детали бронзового сосуда и представляющей собой зеркальное изображение человека, халат на нем запахнут налево [Синь чжунго... табл. 51].

Манера запахивать одежду направо сохраняется у китайцев до сих пор—это одна из наиболее устойчивых черт китайской материальной культуры. Именно этой черте китайцы всегда придавали исключительное значение, рассматривая ее как показатель этнической принадлежности. Достаточно вспомнить высказывание Конфуция, в котором он оценивает заслуги Гуань Чжуня в борьбе с кочевниками: «Если бы не Гуань Чжун, мы все ходили бы непричесанными и запахивали бы одежду налево» (т. е. приняли бы обычаи «варваров») [Legge, т. 1, 282].

Пища

Этнические традиции в пище проявляются в различных аспектах этой сферы материальной культуры. Они могут находить свое выражение в том, что едят; каким способом готовят пищу; как и с помощью чего едят и т. д.

Основу рациона древних китайцев составляло зерно. Мы знаем, что земледелие в бассейне Хуанхэ возникло как возделывание чумизы. Это единственный злак, материальные следы которого находят в яншаоских поселениях. Чумиза преобладала и в иньское время: об этом можно судить по тому, что в гадательных надписях чаще других задается вопрос об «урожае чумизы» [Сима Кунио, 1967, 197]. Кроме того, иероглиф «хлеб на корню» представляет собой пиктограмму именно этого злака.

Однако уже в иньское время на Среднекитайскую равнину проникает рис, до того возделывавшийся лишь в бассейне Янцзы и ее притоков. Ассортимент злаковых культур значительно расширился в чжоуское время. В письменных памятниках встречаются такие выражения, как «у гу» («пять злаков»), «лю гу» («шесть злаков»), «ба гу» («восемь злаков»), «цзю гу» («девять злаков») и даже «бай гу» («сто злаков»).

Наиболее употребительным является первое из этих сочетаний, но в источниках не уточняется, какие именно злаки имеются в виду. Комментаторы более позднего времени предлагают на этот счет различные толкования. Согласно одной версии, «пять злаков» включали в эпоху Чжоу коноплю, пшеницу, черное просо, чумизу, бобы; по другой — рис, чумизу, черное просо, пшеницу, бобы; согласно третьей — пшеницу, чумизу, просо, рис и бобы [Ци Сы-хэ, 1949, 266—167].

В «Шицзине» встречаются названия пятнадцати видов зерновых культур. Не исключено, что частотность названий различных хлебных злаков в тексте этого памятника в определенной мере отражает их относительную распространенность в чжоуское время. Чаще всего в песнях «Шицзина» упоминается чумиза — 19 раз (21, 3%), черное просо — 18 раз (20,2%). Пшеница отме-

Рис. 33. Манера запахивания халата у иньцев и чжоусцев.

1 — фрагмент иньской каменной скульптуры из Аняня [Ли Я-ун, табл. 30]; 2 — позднечжоуская бронзовая фигурка человека из Лояна [там же, табл. 3]

цена лишь 9 раз (10,1%), а рис — 5 раз (5,4%) [там же, 268—269].

Анализируя упоминания о рисе, встречающиеся в «Шицзине», Ци Сы-хэ приходит к выводу, что рис возделывался в чжоуское время даже в тех районах Среднекитайской равнины, где сейчас рисоводство не распространено; однако в целом этого злака на Среднекитайской равнине было сравнительно мало, и поэтому он особенно ценился [там же, 305]. Не случайно, разъясняя своему ученику правила соблюдения трехлетнего траура по усопшим родителям, Конфуций спрашивал его: «Можешь ли ты в это время позволить себе питаться рисом и одеваться в парчу?» [Legge, т. I, 327—328]. В «Цзочжуане» сообщается, что некто Юань По вынужден был бежать и скрываться в соседнем царстве. По дороге он нашел приют у своего родственника, который накормил его рисом и напоил вином, т. е. устроил ему отменное угощение [там же, т. VIII, 822].

Обдирать зерно с помощью крупорушки для приготовления крупы было тяжелым трудом. По словам Моцзы, в его время после удачного похода против соседнего царства пленных мужчин делали конюхами, а женщин заставляли обрушивать зерно [Моцзы иньдэ, 47]. В «Шицзине» мы находим описание приготовлений к торжественным жертвоприношениям предкам:

Тот обдирает, а тот растирает зерно,
Тот провеивает, тот топчет колосья ногой,
Плещутся всплески — зерно промывает другой.
Варят зерно — уже пар над котлами поплыл
[Шицзин, 355].

Основным способом приготовления круп была варка на пару. Для этого использовался специальный сосуд «цзэн» с отверстиями в дне: в него клалась специальная решетка, поверх которой насыпалась крупа, а сам сосуд ставился на треножник или котел с водой, которая доводилась до кипения.

Варка на пару имеет в Китае чрезвычайно длительную историю, восходящую к эпохе неолита. Сосуды типа «цзэн» появились уже в яншаоское время [Мяодигоу, табл. 28—30]. В иньское время «цзэн» ставили обычно на треножник, а иногда применялся специальный сосуд «сянь», представляющий собой комбинацию «цзэн» и треножника. По-видимому, уже в I тысячелетии до н. э. способ варки круп на пару постепенно вытесняет более древний способ обычной варки в воде. В ханьском сочинении «Шоюань» сообщается, что Конфуций вместе со своими учениками был как-то в гостях у одного скупого человека из царства Лу. Тот сварил кашу в сосуде с водой и подал ее Конфуцию в глиняной чашке. «Глиняный сосуд—нищенская посуда,— заметил кто-то из учеников философа,— а зерно, варенное в воде,— жалкое угощение» [Шан Бин-хэ, т. 7, 7]. Если верить этому источнику, то древние китайцы отдавали явное предпочтение способу варки на пару уже во времена Конфуция.

Зерно, варенное на пару и называемое, как и в современном китайском языке, «фань», составляло основной компонент пищи. Кроме того, в отдельной чашке на стол подавали мясные или овощные кушанья, понемногу добавлявшиеся в «фань». Из овощей в чжоуское время наиболее популярными были лук и черемша [Чэнь Хао, 158]. Мясные блюда отличались значительным разнообразием. В трактате «Лицзи» до нас дошло несколько кулинарных рецептов той эпохи, отражавших достаточно изысканные гастрономические вкусы чжоуской аристократии. Среди них — свинина, запеченная с финиками; жаркое из говядины, баранины, оленины; говядина, нарезавшаяся ломтиками и вымачивавшаяся в вине, после чего ее употребляли в сыром виде; котлеты из мясного фарша и вареного риса и т. д. [там же, 160].

Древние китайцы пользовались во время еды палочками, похожими на современные, но делали это иначе, чем сейчас. В «Лицзи», например, содержится следующее предписание, касающееся застольного ритуала: «Если в супе есть овощи, пользуйся палочками; если нет, то палочек не употребляй» [там же, 10]. Более того, там же напоминают, что «вареное зерно палочками есть нельзя» [там же, 9]. Вплоть до последних веков до н. э. древние китайцы ели руками — обычай, совершенно неприемлемый с точки зрения современных китайских представлений об этике. Правила хорошего тона предписывали чжоусцам не класть обратно в чашку то, что уже взято оттуда, не пить большими глотками, не грызть кости, не бросать костей собакам, не ковырять в зубах и т. д. [там же]. Поскольку ели руками, обращалось внимание на то, чтобы до и после еды мыть руки — по крайней мере пять раз в день. Руки мыли в тазу, после чего вытирали их полотенцами [там же, 153].

Жилище

На протяжении нескольких тысячелетий типы жилища, распространенные на Среднекитайской равнине, эволюционировали прежде всего в плане вертикального развития — от жилища, углубленного в землю, к наземному, а затем — к строению, возводимому на стилобате.

Последний тип появляется впервые в иньское время, что может быть проследжено как археологически (рис. 34), так и по начертанию соответствующих иньских пиктограмм. Позднее стилобат, или приподнятая глинобитная платформа, становится обязательной деталью жилой постройки. Отсюда закрепление в языке таких словосочетаний, как «подняться в дом», «спуститься из дома» и т. д. Наличие стилобата отмечено на всех позднечжоуских рисунках с изображениями жилых помещений.

Значительно изменились за это долгое время техника возведения жилищ и соответствующие строительные материалы. Если в неолите стены обмазывались глиняным раствором, то в Инь

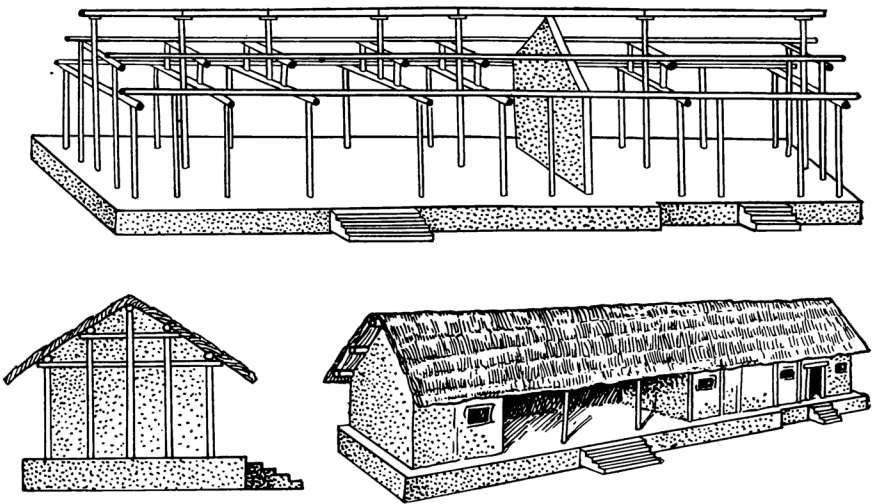

Рис. 34. Дворцовое здание из Аньяна (реконструкция) [Кайдзука Киёси, 111]

получает распространение техника трамбовки земли, использовавшаяся для сооружения как стилобата, так и стен. Для этого в раму, сделанную из вертикально поставленных досок, засыпалась земля, которую, затем трамбовали специальными битами, после чего рама снималась:

досками место для стен обнесли,
крепко меж досок набили земли [Шицзин, 240]¹⁴.

Крыши в то время по-прежнему сначала обмазывались глиной, а затем крылись тростником, соломой или другим сходным материалом. Ни в одном из встречающихся в «Шицзине» описаний строительства дома нет упоминаний о черепице. Даже в последние века до нашей эры в домах аристократов черепица еще не применялась. В «Люйши чуньцю», например, рассказывается, как мастер отказывался использовать для строительства дома сырое дерево на том основании, что «если мазать по сырому, то потом крыша непременно потрескается» [Шан Бин-хэ, т. 10, 3]. В «Цзочжуане» мы находим указание на то, что даже храмы предков в чжоуское время имели крыши из тростника [Legge, т. VII, 37].

Между тем начало изготовления черепицы относится в Китае к X—IX вв. до н. э. В частности, поблизости от столицы Чжоу было найдено большое скопление обломков черепицы раннечжоуского времени [И цзю лю и..., 407—408]. Сколько-нибудь

¹⁴ В 1963 г. при раскопках ранней циньской столицы близ Ляна была найдена каменная насадка на биту для трамбовки [Циньцзю лян..., 17].

широкого применения она тем не менее не получила. Одно из первых упоминаний о черепице в письменных источниках относится к концу IV в. до н. э. и связано с описанием битвы между царствами Цинь и Чжао: «Циньцы стали с такой силой бить в барабаны, что задрезжала черепица на крышах» [Шан Бинхэ, т. 10, 3]. В «Каогунци» содержится указание на то, что наклон крыши бывает различным в зависимости от того, чем она крыта — тростником или черепицей [там же, 2].

Во второй половине I тысячелетия до н. э. все более широкое распространение получил обычай украшать край черепичной крыши декоративными концевыми дисками. На них наносился рельефный орнамент, причем в отдельных царствах существовали свои наиболее привычные мотивы. В настоящее время известны концевые керамические диски, обнаруженные в столицах царств Янь, Лу, Ци, а также в чжоуской столице близ Лояна [Каогусяэ цзичу, 112] (рис. 35).

Несмотря на значительные изменения в строительной технике, древнекитайское жилище сохраняло некоторые существенные черты, сформировавшиеся еще в глубокой древности и просуществовавшие почти в неизменном виде вплоть до рассматриваемого времени.

Уже в неолите на Среднекитайской равнине сложился достаточно специфический тип жилища, основу конструкции которого составляли не стены, а столбы каркаса, принимавшие на себя главную тяжесть кровли.

О зданиях иньского времени мы можем судить лишь по их сохранившимся основаниям. Известно, между прочим, что под столбы каркаса иньцы подкладывали каменные (иногда бронзовые) базы, прототип которых прослеживается уже в неолите. Особенности конструкции чжоуских зданий могут быть в общей форме реконструированы по данным «Шицзина» и «Цзочжуаня». Здесь неоднократно подчеркивается, что дом не может существовать без продольных балок и поддерживающих их столбов-колонн. Именно поэтому названия данных деталей конструкции здания часто выступают в качестве метафор и сравнений. «Вы для царства Чжэн словно балка в крыше, — говорит одному из сановников первый министр Цзы Чань, — если балка рухнет, то слуги рассыплются» [Legge, т. VII, 562]. Примерно ту же мысль высказал Шу Сунь, который спросил, указывая на поддерживающий кровлю столб: «Даже если мне он не нравится, разве я могу убрать его?» [там же, 571]. При описании строительства храма прежде всего упоминается о столбах и балках:

Ныне по склонам на гору Цзин-шань поднялись:
сосны и туи на ней устремились ввысь.
Мы их срубили, сюда привезли, а потом,
их окорив, обтесали стволы топором.
Толстые балки длины оказались такой,
как надлежало. Со множеством мощных колонн
храм завершили... [Шицзин, 466].

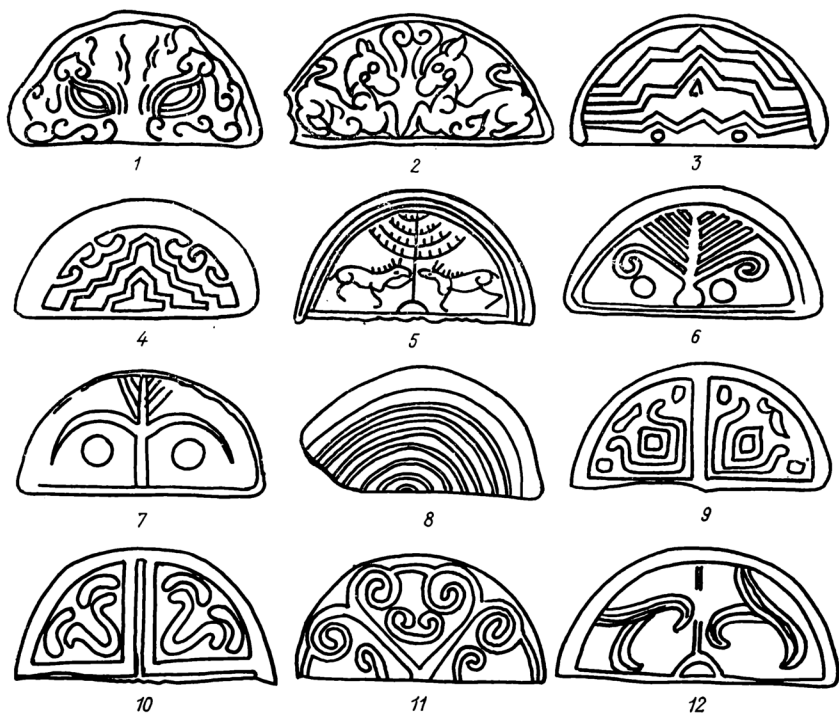

Рис. 35. Декоративная черепица с территории древнекитайских царств V—III вв. до н. э.

1 — 4 — Янь; 5, 6 — Ци; 7, 8 — Лу; 9—12 — Чжоу [Каогусяэ цзичу, 112]

Древние китайцы придавали большое значение выбору пород деревьев, предназначенных для изготовления тех или иных деталей здания. Помимо упоминавшихся сосны и туи, шедших преимущественно на балки и следи, высоко ценилась древесина катальпы, дриандры, черной березы и особенно тунгового дерева, использовавшаяся для изготовления основных колонн во дворцах знати. Именно такие колонны были во дворце правителя царства Цинь, будущего объединителя Китая. Пытаясь совершить на него покушение, Цзин Кэ «бросил кинжал, но промахнулся, и клинок воткнулся в тунговую колонну» [Такигава Камэтаро, т. 8, 3926].

Характерно, что, как и в современном традиционном китайском доме, потолков в чжоуское время не было; поэтому, войдя в храм и посмотрев наверх, можно было увидеть «балки и следи» [Сюньцзы иньдэ, 107]. Известная параллель с современным домом южнокитайского типа прослеживается в конструкции дверей. В иньской письменности слово «дверь» обозначается пиктограммой, позволяющей предполагать, что створки двери не за-

крывали в иньское время весь дверной проем. Такими же были двери и в чжоуское время. Во время покушения на правителя царства Ци в 686 г. до н. э. он спрятался во дворце, и его долго не могли найти. Однако затем кто-то «увидел ноги правителя под дверью» [Legge, т. VII, 81]: это значит, что между нижним обрезом створок двери и порогом был значительный зазор, через который покушавшиеся и увидели ноги спрятавшегося в соседнем зале правителя.

Интерьер древнекитайского жилища был предельно прост. Основными предметами обстановки были циновки, расстеленные на полу и служившие для сидения, низенькие столики, на которых подавали пищу, кровати, на которых спали или сидели. Зимой в помещении ставили переносной очаг с тлеющими углями. Очаг помещался обычно в углу комнаты. Об этом свидетельствует, например, следующий отрывок из «Люйши чуньцю»:

«Вэйский правитель Лин-гун приказал копать рвы в холодную погоду. Вань Чунь отсоветовал ему делать это: „Погода холодная, и люди пострадают“. „Разве сейчас холодно?“— спросил Лин-гун. Вань Чунь ответил: „Вы одеты в лисью шубу, сидите на медвежьей шкуре, а в углу у вас еще очаг. Вот вам и не холодно“» [Шан Бин-хэ, т. 10, 4]. Вспомним, что в неолитическое время насельники Баньпо и Мяодигоу сооружали очаг непосредственно перед входом в жилище, тогда как жители поселений типа циньванчжай помещали его у стены, чаще всего в углу.

Особенностями повседневной бытовой обстановки были обусловлены многие нормы поведенческого стереотипа, в частности характерная для древних китайцев манера сидеть.

Единственно приемлемой позой они считали следующую: человек подгибал ноги, как бы становясь на колени, а затем опускался на пятки (так сидят в наше время японцы). Именно эта поза представлена на многочисленных пиктограммах иньского времени — человек, сидящий на циновке; два человека рядом с большим сосудом для жертвоприношений; человек, закончивший трапезу и отвернувшийся от сосуда с едой, и т. д. Это же характерно и для всех без исключения скульптурных изображений людей иньского и чжоуского времени.

Совершенно недопустимым считалось сидеть, скрестив ноги или, более того, вытянув ноги вперед. «Когда сидишь, не вытягивай ноги»,— предписывает трактат «Лицзи». По преданию, дошедшему в одном из более поздних памятников, Мэнцзы, войдя как-то в комнату, увидел, что его жена сидит, вытянув ноги. Он немедленно сообщил своей матери, что намерен прогнать жену, так как она не соблюдает правил приличия. На это мать его ответила: «Входя в комнату, нужно голосом предупреждать об этом. А ты вошел молча и увидел, как человек сидит, вытянув ноги. Это означает, что не жена твоя не знает приличий, а ты сам» [там же, т. 19, 5].

Во всяком случае, древний китаец мог позволить себе такую позу лишь в том случае, если был уверен, что его не видят, или же совершенно не заботился о соблюдении норм приличия. Так, совершив неудачное покушение на правителя Цинь, Цзин Кэ получил смертельную рану. «Понимая, что все кончено, он прислонился к колонне и засмеялся. Потом сел, вытянув ноги вперед» [Такигава Камэтаро, т. 8, 3826].

Средства передвижения

Колесницу, о которой пойдет речь, можно лишь весьма условно считать в иньское и чжоуское время обычным средством передвижения. Колесницы были в эту эпоху своего рода мерилom знатности аристократов; они использовались на войне или на охоте. В первой половине I тысячелетия до н. э. числом колесниц определялась сила армии и всего государства в целом.

Колесницы впервые стали применяться предками древних китайцев в эпоху Инь, приблизительно в XIV—XII вв. до н. э. Как показано П. М. Кожиным, колесница появилась в иньское время внезапно; ей не предшествовали какие-либо местные формы колесного транспорта [Кожин, 278].

Появление колесниц не было подготовлено самостоятельными техническими достижениями; конструктивные особенности колесниц, сбруйные и уздечные наборы, а также способ запряжки и управления лошадьми находят аналогии в ближневосточном и средиземноморском центрах древних цивилизаций [там же]. Поэтому несомненно, что иньцы узнали о колеснице от своих соседей, хотя сейчас не вполне ясно, кто же был передатчиком этого важного технического достижения. В этой связи большой интерес представляют находки петроглифов с изображениями колесниц в Гоби и Туве [Вайнштейн, Денисова, 201]. Опубликованный С. И. Вайнштейном рисунок колесницы воспроизводит все основные конструктивные детали двухколесной повозки, чрезвычайно напоминающей иньскую (рис. 36).

Чжоусцы заимствовали колесницу у иньцев; поэтому чжоуские экземпляры, известные нам по раскопкам погребений, практически полностью аналогичны иньским.

Как в иньское, так и в чжоуское время на колесницах ездили стоя. Когда Конфуций «поднимался в колесницу, он всегда стоял прямо, держась за шнур; в колеснице он не оборачивался, не говорил слишком быстро и не указывал пальцем» [Legge, т. 1, 236]. В кузове колесницы помещалось обычно три человека. Центральное место было наиболее почетным; стоявшие по бокам охраняли находившегося посередине.

Использовать колесницу можно было лишь на просторной равнинной местности, но и здесь нередки были случаи аварий. Увеличению устойчивости колесниц способствовало перемещение центра тяжести за счет удлинения оси в пространстве между

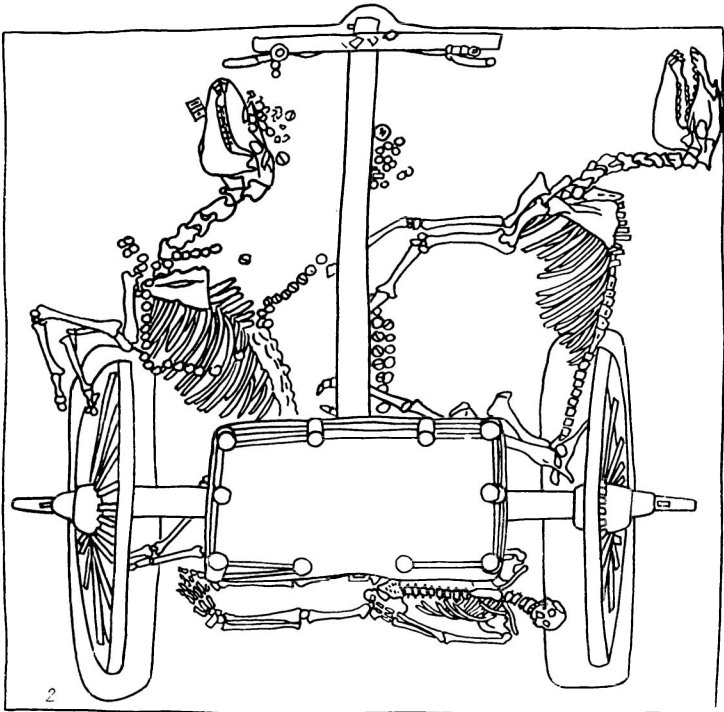

Рис. 36. Колесницы II—I тысячелетия до н. э.

1 — наскальное изображение колесницы из Сыын-Чурека (Тува) [Вайнштейн, Денисова, 197]; 2 — иньская колесница из погребения близ Аньяна [Аньян, 25]

колесами, что отмечается в чжоуских колесницах [Кожин, 280]. Совершенно очевидно, что колесницы иньско-чжоуского типа не могли применяться ни на сильно пересеченной местности, ни в горах.

Лодки применялись на Среднекитайской равнине главным образом не как средство передвижения по рекам, а как средство для преодоления водных преград. Уже в иньских надписях встречаются знаки, изображающие человека, стоящего в лодке с шестом в руках; этот иероглиф записывал глагол с вероятным значением «пересекать реку» [Сима Кунио, 1967, 465].

В «Шицине» образ лодки, движущейся по течению, использовался всегда для характеристики тревоги, неуверенности, тоски:

Двое детей садятся в лодку простую,
тени, я вижу, на глади колеблются вод.
К ним я душою стремлюсь в думе о детях:
в сердце сомненье, в сердце тревога растет

[Шицзин, 57].

А я точно челн — по течению вод
скользит он, не зная, куда приплывет!
О, сердца тоска и глубокая боль! [там же, 263] и т. д.

Чжоусцы чувствовали себя гораздо увереннее на земле, чем на воде. В этом они были прямо противоположны жителям юго-восточных царств, в частности У. Характерно, например, следующее высказывание одного из сановников этого царства, советовавшего своему правителю идти походом на Юэ: «Люди, привыкшие к суше, живут на суше; люди, привыкшие к воде, живут на воде. Если мы нападём на северные государства и победим их, я все равно не смогу жить на их земле и ездить на их колесницах. Если же я нападу на Юэ и смогу победить его, то я смогу жить на его землях и ездить на его лодках!» [Гоюй, 230]. Действительно, население царства У и Юэ предпочитало не только постоянно пользоваться лодками, но и сражаться на них [там же, 227, 231 и др.]. Поэтому, предпринимая военные походы на У, чусцы вынуждены были создавать военные лодочные флотилии [Legge, т. VIII, 505].

Эти традиции жителей царств У и Юэ уходят в глубокую древность. Уже в культуре лянчжу характерны находки деревянных весел, поплавок и грузил для сетей, что указывает на органическую связь повседневного быта местного населения с речными промыслами [Синь чжунго..., 32]. В отличие от жителей северных древнекитайских царств население У и Юэ чувствовало себя на воде в родной стихии, что определялось самими внешними природными условиями, в которых происходило формирование особенностей их культуры.

Противопоставление в этом отношении северных и юго-восточных царств начинает постепенно преодолеваться лишь много позднее, в конце эпохи Чжаньго. Однако и в первых веках нашей эры оно еще дает себя знать.

Как было убедительно показано А. Леруа-Гураном, для древнего человека характерны две различные модели восприятия окружающего пространства [Leroi-Gourant, т. 2, 139]. Бродячие и кочевые народы видят мир таким, каким он предстает перед ними в движении; поэтому им свойственно линейное, или «маршрутное», представление об ойкумене. Иное дело — оседлые народы. Для них обитаемый мир — это круг, в центре которого находятся они сами.

Такая эгоцентрическая картина мира сформировалась у многих земледельческих народов древности. Достаточно вспомнить, что эллинам их страна представлялась лежащей «на полпути между восходом и заходом солнца», т. е. посредине ойкумены, а как раз в центре Эллады были расположены Дельфы, являвшиеся «пупом Земли».

Представления, весьма близкие к древнегреческим, сложились и в древнем Китае. Их истоки восходят по крайней мере к иньскому времени.

*Картина обитаемого мира
в представлении иньцев*

По свидетельству Сыма Цяня, иньцы неоднократно переносили свою столицу. До Чэн Тана было восемь таких переселений; пять раз иньцы перемещали столицу после него. Каковы были причины того, что вплоть до периода правления Пань Гэна «иньцы не жили постоянно в одних и тех же поселениях» [Legge, т. III, 223]?

Мнение, согласно которому иньцы первоначально были кочевым племенем, ныне окончательно отброшено. Против этого свидетельствует все, что нам известно об экономике этого времени. Некоторые современные историки объясняют перемещение иньцев на Среднекитайской равнине потребностями переложного земледелия. Ван Юй-чжэ для доказательства этой точки зрения привлекает сравнительно-этнографический материал, в частности данные по мадагаскарским танала [Ван Юй-чжэ, 68]. Существует и иное объяснение, восходящее к средневековым комментаторам: причиной переселений иньцев были губительные наводнения Хуанхэ и ее притоков [Цэнь Чжун-мянь, 116—121].

Так или иначе, после перенесения столицы Пань Гэном иньцы окончательно обосновались на равнине, называемой ныне Хэбэйской, — восточнее горного хребта Тайханшань и севернее Хуанхэ. Здесь в течение более чем 270 лет находилась последняя столица иньского вана.

Эта столица, или «Великий город Шан», неоднократно упоминается в иньских надписях. Здесь находилась резиденция вер-

ховного правителя — «единственного среди людей». Тут же были расположены храмы предков правителей. Неподалеку от города размещались их усыпальницы. «Великий город Шан» был для иньцев такой же центральной точкой Поднебесной, какой для эллинов — Дельфы.

Вокруг «Города» находились «земли», различавшиеся по сторонам света. В своей совокупности они и составляли территорию Инь. Заботясь о том, чтобы на всей территории его государства жатва прошла успешно, ван задавал вопросы о том, «будет ли урожай на восточных землях, будет ли урожай на северных землях, будет ли урожай на западных землях, будет ли урожай на южных землях, будет ли урожай в Шан» [Го Мо-жо, 1965, № 907]. Территория «четырёх земель» складывалась из большого числа полусамостоятельных этнополитических образований, признававших верховную власть иньского вана.

Но иньская ойкумена не исчерпывалась «четырьмя землями». Вокруг них лежало кольцо «племен» (фан), чуждых иньцам и открыто враждебных им. «Си Чжэнь доложил: племя ту-фан напало на наши восточные окраины и разрушило два селения; племя гун-фан также вторглось на поля наших западных окраин» — такие записи [Ло Чжэнь-юй, 1914, № 2] характерны для взаимоотношений Инь с «племенами» (рис. 37).

В надписях встречаются названия более 50 «племен» [Сима Кунио, 1958, 384—424]. Эти названия можно подразделить на две группы. К первой относятся наименования, восходящие к названиям животных или растений. Это «ма-фан» («племя Лошади») [Ло Чжэнь-юй, 1913, т. 4, 46, № 1], «ху-фан» («племя Тигра») [там же, т. 6, 63, № 6], «чай-фан» («племя Шакала») [Шан Чэн-цзо, № 945], «лун-фан» («племя Дракона») [там же, № 219], «му-фан» («племя Дерева») [Дун Цзо-бинь, 1948, № 600] и многие другие. К этой же группе относятся и такие наименования, в которых, например, изображение барана сочетается со смысловым детерминативом «человек» (цян-фан) [там же, № 1947]. Большинство исследователей единодушно связывают названия этого типа с тотемами [Стратанович, 61; Тодо Акиясу, 115].

В названиях второй группы также встречаются изображения человека, но совершенно иного типа. Здесь это не самостоятельный элемент иероглифа, служащий детерминативом, а нерасчленимый пиктографический знак, изображающий человека с той или иной особенностью одежды или причёски. Так, Си записывается знаком, представляющим собой фигуру человека с волосами, заплетенными в косу [Ло Чжэнь-юй, 1913, т. 1, 42, № 3]; Мэй — человек с шапкой всклокоченных волос [там же, 29, № 2] и т. д.

Крайне маловероятно, чтобы наименования типа «си» и «мэй» были самоназваниями «племен», как дело, по-видимому, обстояло с первой группой. Можно предполагать, что «племена»

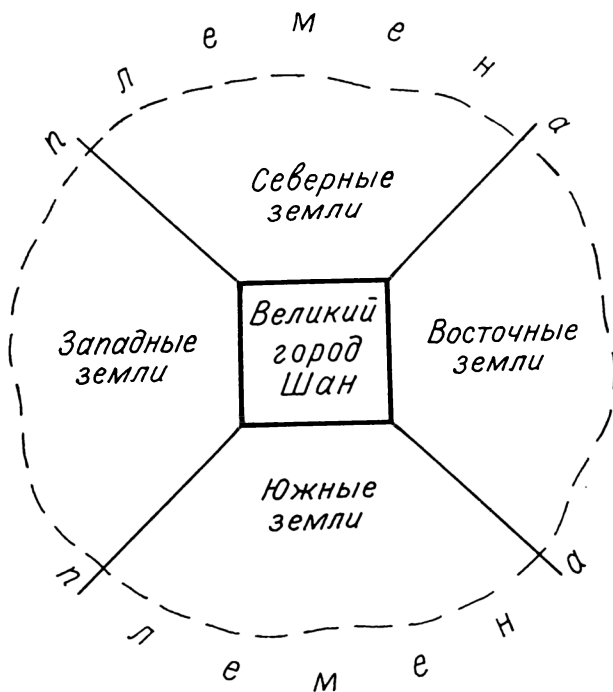

Рис. 37. Обитаемый мир в представлении иньцев (по данным гадательных надписей)

си и мэй получили свои названия от иньцев, которым резко бросались в глаза непривычные черты материальной культуры их соседей.

Чрезвычайно важно отметить, что, несмотря на известное противопоставление «земель» и «племен», между ними не было четкой и непроходимой границы. Например, в период правления вана Кан-дина местность Юй входила в состав территории Инь, и правитель часто охотился там [Дун Цзо-бинь, 1948, № 692], заботился о состоянии тамошних полей [Ли Дань-цю, № 137] и о том, «получит ли Юй урожай» [Ху Хоу-сюань, 1954, № 4437]. Между тем в надписях правнука Кан-дина, вана Ди-и, упоминается уже не Юй, а юй-фан, причем это «племя» совершало набеги на Инь, в ответ на что ван предпринимал против него карательные походы [Ло Чжэнь-юй, 1916, № 1189]. Так же дело обстояло и с местностью Суй. При У-дине это была территория, подчиненная Инь и подвергавшаяся нападениям враждебного «племени» гун-фан, что вызывало беспокойство У-дина [Ху Хоу-сюань, 1955, т. 1, № 550]. Но при Кан-дине Суй превращается в суй-фан, которое вместе с ян-фан и другими «племенами» было объектом карательного похода вана [Тан Лань, 1939, т. 3, 43,

№ 7]. При наследнике Кан-дина, вана У-и, не упоминается о суй-фан, но вновь появляется Суй, куда У-и ездил охотиться и где он проводил целые недели [Го Мо-жо, 1965, № 1426]. А по прошествии десяти с небольшим лет мы снова встречаемся с записями о военных действиях «против цзи-фан, цян-фан, ян-фан и суй-фан» [Ло Чжэнь-юй, 1933, т. 3, 13, № 1].

Примеры, приведенные выше, относятся к разным периодам поздней истории. Но аналогичные изменения в статусе подчиненных Инь этнополитических образований часто происходили и при жизни одного вана.

Так, при У-дине «племя» гун-фан было одним из главных противников Инь на его западных границах. В ответ на нападения гун-фан вану приходилось собирать ополчения численностью в три или пять тысяч человек и совершать ответное наступление. Во главе войска стоял или сам ван [Ло Чжэнь-юй, 1916, т. 1, 16, № 12], или глава одного из подчиненных родов — Юэ, Фу, Цинь и др. Среди территорий, подвергавшихся нападениям со стороны гун-фан, упоминается Цзи [Ло Чжэнь-юй, 1913, т. 7, 2, № 1]. У-дин приказывал людям из Цзи прибыть в столицу [Дун Цзо-бинь, 1949, № 2803]. Но наряду с вопросом «удастся ли Цзи настичь гун-фан?» до нас дошла следующая надпись: «Удастся ли Цзи настичь И и Вэй?» [Ло Чжэнь-юй, 1913, т. 7, 32, № 2]. Казалось бы, И и Вэй, подобно гун-фан, должны быть врагами Инь. Но Вэй также воевало с гун-фан [Цзинь Цзу-тун, № 428]. Более того, ван отдавал Вэй приказы и спрашивал: «Не случится ли с Вэй несчастья, выполнит ли он поручение вана?» [Ху Хоу-сюань, 1955, 2907].

О периоде правления У-дина как об одной из самых ярких страниц иньской истории говорят многие источники. Оказывается, что картина, представляемая перед нашими глазами в свете приведенных выше надписей, отражает не период упадка власти вана и внутренней смуты, а, наоборот, воспетую потомками эпоху, когда

правнук Чэн-тана, У-дин наш, воинственно смел:
нету страны, чтобы он победить не сумел [Шицзин, 461].

Чжоуское завоевание не изменило социально-политических отношений в Поднебесной. На первых порах осталась неизменной и терминология, которой пользовались иньцы для описания ойкумены. В частности, враждебные племена, не признававшие власти Чжоу, по-прежнему именовались «фан»: в надписях XI—X вв. до н. э. упоминаются многие из тех «племен», которые известны по эпиграфическим памятникам иньского времени: юй-фан [Го Мо-жо, 1958, т. IV, 31], ху-фан [там же, т. I, 11] и др.

Есть основания полагать, что и в раннечжоуское время противопоставление территории Чжоу и «племен» носило политический, а не этнический характер: признав власть Сына Неба, враждебное племя становилось членом чжоуской коалиции.

Первые изменения в этой системе отношений нашли отражение в памятниках VI в. до н. э. В тексте надписи на ритуальном сосуде «Цинь-гун гуй», датированном приблизительно 576—537 гг. до н. э., мы читаем: «Мой достославный предок получил повеление Неба и обосновался на землях Юя. 12 гунов... почтительно следовали небесному приказу и, оберегая Цинь, заставили служить себе и „ся“, и „мань“» [там же, т. VIII, 247].

Нетрудно усмотреть здесь прямую связь между «землями Юя» и общностью «ся»: Юй был первым правителем династии Ся, название которой используется в данной надписи в качестве единого самоназвания некоей общности, противопоставленной «мань».

Контroversа «ся — мань» в этом тексте чрезвычайно напоминает употребление древнегреческими авторами терминов «эллины» и «варвары». Здесь будет, по-видимому, уместен небольшой экскурс в историю появления этих терминов в греческих источниках.

Предваряя изложение событий Пелопонесской войны общим очерком предшествующего развития Эллады, Фукидид писал:

«Следующее обстоятельство служит для меня преимущественным указанием на бессилие древних обитателей Эллады: до Троянской войны она, очевидно, ничего не совершила общими силами. Мне даже кажется, что Эллада, во всей своей совокупности, и не носила еще этого имени, что такого обозначения ее вовсе и не существовало раньше Эллина, сына Девкалиона, но что названия ей давали по своим именам отдельные племена, преимущественно пеласги. Только когда Эллин и его сыновья достигли могущества в Феотиде и их стали призывать на помощь и другие города, только тогда эти племена, одно за другим, и то скорее вследствие взаимного соприкосновения друг с другом, стали именоваться эллинами, хотя все-таки долгое время название это не могло вытеснить все прочие. Об этом свидетельствует лучше всего Гомер. Он жил ведь гораздо позже Троянской войны и, однако, нигде не обозначает всех эллинов, в их совокупности, таким именем... Точно так же Гомер не употребляет и имени варваров, потому, мне кажется, что сами эллины не обособились еще под одним именем, противоположным названию варваров» [Фукидид, т. I, 4—5].

Известно, что Страбон позднее подвергал сомнению это предположение Фукидида [Страбон, 618—619]. Однако все имеющиеся в настоящее время данные говорят в пользу того, что до VIII—VII вв. до н. э. термин «эллины» не стал еще общим самоназванием древних греков, как не существовало тогда и противопоставления «эллинов» и «варваров». Слово «эллины» в этом его значении впервые зафиксировано, очевидно, в произ-

ведении Архилоха; примерно к 600 г. до н. э. относится первое эпиграфическое свидетельство употребления термина «элландик», служившего для обозначения судей на всегреческих Олимпийских играх [Egenberg, 411].

Подобно тому как в древней Греции термин «эллины», ставший этническим самоназванием, восходит к имени легендарного Эллина, сына (или брата?) Девкалиона, так и чжоуский термин «ся» этимологически связан с названием династии, о времени правления которой в VI в. до н. э. сохранились лишь весьма смутные воспоминания. Чжоусцы считали себя потомками не свергнутых ими иньцев, а их предшественников, людей Ся.

Наряду с «ся» в VII—VI вв. до н. э. существовало другое самоназвание — «хуа». Так, по свидетельству «Цзочжуаня», предводитель жунов Цзюйчжи говорил в 559 г. до н. э.: «Мы, жуны, отличаемся от хуа в пище и одежде... и говорим на другом языке» [Legge, т. VIII, 459].

Вопрос о взаимосвязи между этими самоназваниями остается не вполне ясным; несомненно, что в период Чуньцю оба они были фонетически близки друг другу. Высказывалось предположение, что эти два слова представляли собой два варианта одного этнонима [Люй Сы-мянь, 17]. Несомненно одно: в это время они употреблялись как синонимы, а часто выступали в различных сочетаниях. Практически в источниках, освещающих историю VII—V вв. до н. э., можно встретить следующие варианты этого самоназвания: «хуа» [Legge, т. VIII, 422, 774]; «чжухуа» (т. е. «многие хуа» или «все хуа») [там же, 450]; «ся» [там же, т. VII, 179; т. VIII, 774]; «чжуся» («все ся») [там же, т. VIII, 456, 493, 505, 673]; «хуася» [там же, 521].

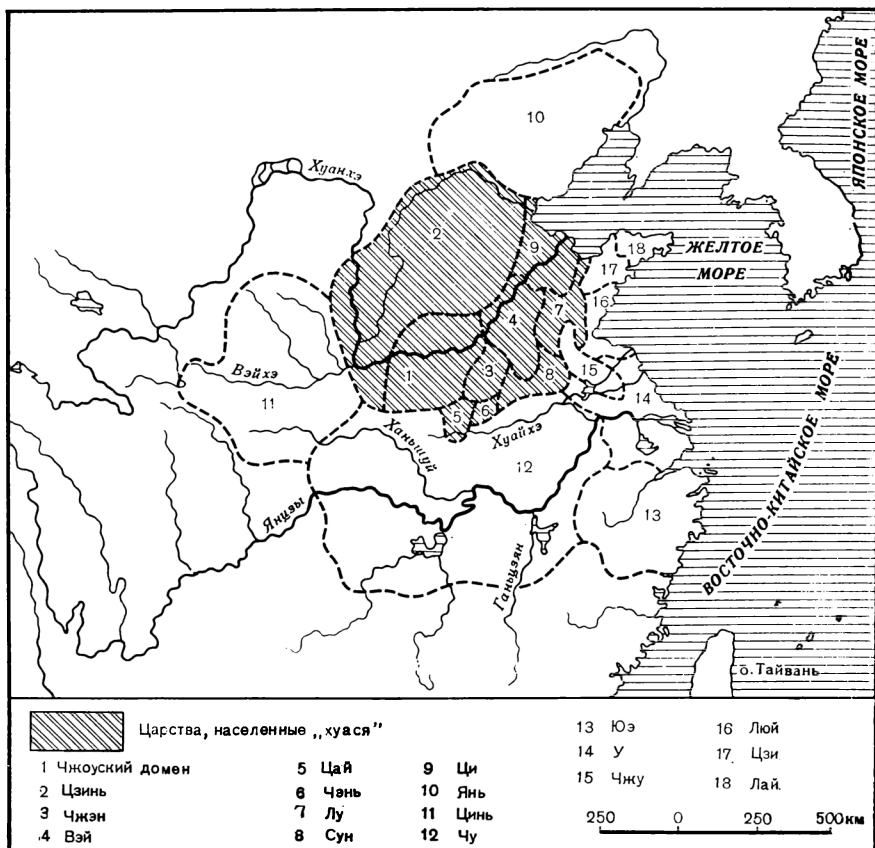
Представление об единстве происхождения

В чем же заключалась суть противопоставления общности «хуася» всем другим общностям, объединяемым под различными названиями, по своему значению весьма близкими к древнегреческому «варвары»?

С точки зрения самих «хуася», в основе их общности лежали узы родства, единство происхождения.

Противопоставление «хуася», связанных между собой родственными отношениями, всем «варварам» отчетливо видно во взаимоотношениях между царствами эпохи Чуньцю. В 528 г. до н. э. Цзинь предложило своим соседям заключить союз, в котором, однако, не приняли участия два небольших «варварских» государства — Чжу и Лай (карта 10). Они объясняли это тем, что им угрожает царство Лу. Это привело к обострению отношений между Цзинь и Лу. Однако Цзы Фу, сановник цзиньского правителя, попытался убедить его в необходимости изменить свою позицию. «Вы поверили навету варваров, порвав тем самым с владением братьев!» — упрекал он своего господина

Карта 10. Древнекитайские царства в VII—VI вв. до н. э. и этническая территория «хуася»

[там же, 645]. Требуя освободить задержанного в Цзинь луского аристократа, Цзы Фу следующим образом аргументирует свою мысль: «Если царство Лу будет служить Цзинь как старшему, то неужели это хуже, чем если нашему царству будет служить ничтожное варварское государство? Лу — владение наших братьев. Если отречься от него ради варваров, какую пользу это принесет Цзинь?» [там же, 647].

Представление о родстве, связывающем всех «хуася», неоднократно используется в эту эпоху для обоснования тех или иных политических шагов. Когда на Среднекитайскую равнину вторглись ди, чжоуский правитель попытался использовать их для того, чтобы покарать непокорное Чжэн. Сановник Фу Чэнь остановил его: «Это невозможно. Ныне Вы, о Сын Неба, не можете сдержать сиюминутного раздражения и намерены отказаться от родственного нам Чжэн!» [там же, т. VII, 189].

Мысль о единстве происхождения всех «хуася» была следующим образом сформулирована известным деятелем царства Ци, Гуань Чжуном:

«Варвары — это шакалы и волки, им нельзя идти на уступки. Ся — это родственники, и их нельзя оставлять в беде» [там же, 123].

Однако так вопрос ставился лишь в чисто теоретическом плане. В реальной обстановке периода Чунью «варварские» племена отнюдь не всегда были враждебны «хуася». Они прибывали в столицу Чжоу на аудиенцию к вану, подобно чжухоу; чжухоу заключали с ними договоры [там же, т. VIII, 22, 38]. Но это отнюдь не означало, что «варвары» перестали быть таковыми в глазах «хуася». И наоборот, даже находясь в состоянии войны с царством, относившимся к общности «хуася», чжоусцы отнюдь не считали, что тем самым их противник превращался в варвара. Противопоставление «хуася» и «варваров» не зависело от политической конъюнктуры: после успешного похода на «варваров» победоносный полководец, согласно обычаю, приводил в столицу пленных, а затем совершал церемонию принесения их в жертву; если же карательный поход предпринимался против владений «родственников», то победитель ограничивался реляцией вану и пленных в жертву не приносили, «проявляя уважение к тем, кто связан узами родства», подчеркивает летопись [там же, 343].

Формирование представлений о противоположности «хуася» и «варваров», таким образом, внесло существенные изменения в принципы классификации этнополитических образований, свойственные иньскому и раннечжоускому периодам.

Даже предпочитая при определенных обстоятельствах «служить варварам» [там же, т. VII, 166] и «выполнять свои обязанности в отношении варваров» в ущерб долгу перед Сыном Неба [там же, т. VIII, 657—658], люди «хуася» продолжали считать, что «варвары» — это «шакалы и волки» [там же, т. VII, 123], «дикие звери» [там же, т. VIII, 422]. «Варвары не связаны с нами родством и отличаются жадностью» [там же]; «варвары легкомысленны и не знают порядка, они жадны и не связаны с нами узами родства; побеждая, они не уступают славы, а терпя поражение, не приходят друг другу на помощь» [там же, т. VII, 27]; «варвары не придают значения нравственному началу» [там же, т. VIII, 830] — вот характерные высказывания деятелей эпохи Чунью о сущности противопоставления «хуася» и «варваров».

Эгоцентрическая модель ойкумены

Обратим внимание на термины, которыми выражалось понятие «варвары». Чаще всего это двусложные сочетания «мани» [там же, т. 7, 179; Чэнь Дэн-юань, 1936, т. 8, 456, 562, 645, 793

и др.], «жунди» [там же, 123; т. 8, 422, 450, 593, 657 и др.], «диджун» [там же, т. 7, т. 8, 803]. Кроме того, в источниках этого времени употребляются также термины «маньи жунди» [там же, т. 7, 343] и «четыре категории и» [там же, т. 7, 194; т. 8, 666, 697].

Нетрудно видеть, что для обозначения «варваров» в эпоху Чуньцю применялись наименования нескольких конкретных групп племен, с которыми чжоусцам приходилось сталкиваться на протяжении первых веков I тысячелетия до н. э. Позднее эти этнонимы, приобретшие более абстрактное значение «варвары вообще», стали употребляться в несколько ином смысле.

К середине I тысячелетия до н. э. каждый из четырех основных терминов оказался связанным с определенной стороной света: восточные варвары — и, южные — мань, западные — жун, северные — ди, хотя в своем первоначальном употреблении в качестве этнонимов эти термины использовались с иными географическими детерминативами (вспомним «северных жун» или «южных и»).

То, каким образом противопоставление «хуася» — «варвары» наложило на эгоцентрическую картину ойкумены, ориентированную по сторонам света¹⁵, можно видеть из следующего текста, дошедшего до нас в трактате «Лицзи»:

«Живущие на востоке называются и; они не расчесывают волос и разрисовывают тело, некоторые из них не употребляют огня для приготовления пищи.

Живущие на юге называются мань; они делают надрезы на лбу и сидят скрестив ноги, некоторые из них не пользуются огнем для приготовления пищи.

Живущие на западе называются жун; они ходят с распущенными волосами и одеваются в шкуры, некоторые из них не употребляют в пищу хлебных злаков.

Живущие на севере называются ди; они одеваются в шкуры и перья, живут в землянках, некоторые из них не употребляют в пищу хлебных злаков.

...Народы пяти стран говорят на разных языках и имеют различные наклонности» [Чэнь Хао, 14—15].

В центре ойкумены расположены «Чжунго» — «Срединные царства».

Понятия «хуася» как этнической общности древних китайцев и «Чжунго» как территории расселения этой общности начали отождествляться еще в источниках эпохи Чуньцю. В «Цзочжуане», например, утверждается, что «добродетелью подчиняют

---

¹⁵ Иньское представление о «четырех землях» сохранилось и в чжоуское время: «Вэй, И, Жуй, Ци, Би — это наши западные земли; Пугу, Шанянь — это наши восточные земли; Ба, Пу, Чу, Дэн — наши южные земли; Сушэнь, Янь, Бо — это наши северные земли», — говорил чжоуский ван в 533 г. до н. э. [Legge, т. VIII, 624].

Срединные царства, наказаниями наводят страх на варваров» [Legge, т. VII, 194]. «Срединные царства» противопоставляются «варварам» в том же плане, что и «хуася», и в других местах этого источника [там же, 118, 362]¹⁶.

Большой интерес представляют для нас те черты культуры, которые рассматриваются автором «Лицзи» как этнически значимые. Заметим, что в приведенной характеристике нет упоминаний о том, что казалось столь важным самим «хуася» несколькими столетиями до этого, — об общности происхождения. Не узы родства, а особенности культуры — вот что определяло теперь, в середине I тысячелетия до н. э., принадлежность человека к «хуася» или к «варварам».

Одним из важных этнических признаков был в представлении древних китайцев язык.

«Народы пяти стран говорят на разных языках», — утверждает автор «Лицзи» [Чэнь Хао, 15]. В «Цзочжуане» приводятся слова, приписываемые вождю племени цзянжун: объясняя, чем его соплеменники отличаются от «хуася», он говорит о различиях в языке [Legge, т. VIII, 459]. Философ IV в. до н. э. Мэнцзы, стремясь доказать идейную несостоятельность учения свего непримиримого противника Сюй Сина, характеризует его как «южного варвара, говорящего на своем птичьем языке» [там же, т. II, 255]¹⁷.

Помимо языка этноразличительными признаками были для древних китайцев некоторые особенности материальной культуры.

Упомянувшийся выше вождь племени цзянжун ссылается на то, что их «пища и одежда неодинаковы с хуа» [там же, т. VIII, 459]. Что касается первого аспекта, то автор «Лицзи» придает большое значение тому, что едят (варвары не употребляют в пищу зерна) и как готовят пищу (некоторые из них едят продукты только сырыми). Особенности костюма, прически, украшений воспринимались древними китайцами как единый комплекс, отражающий принадлежность к «хуася» или к «варварам». «Житель Сун приехал в Юэ торговать шапками, но юэцам шапки не нужны, потому что они коротко стригут волосы и разрисовывают тело» [Чжуанцзы, 5]. Когда царство У разгромило Сюй, правитель этого последнего владения вышел встречать уские

---

¹⁶ Позднейшие комментаторы ханьского времени толковали эти свидетельства в несколько ином плане. В частности, в «Гунъянчжуане» содержится утверждение о том, что для автора летописи «Чуньцю» понятие «хуася» было внешним по отношению к «Чжунго», точно так же как «варвары» — по отношению к «хуася» [Чэнь Дэн-юань]. Такая интерпретация не соответствует духу источников.

¹⁷ По мнению Геродота, «население Аттики, бывшее пеласгическим, с переходом в эллинов переменяло и язык свой... С другой стороны, для меня ясно, что эллины с самого начала и всегда говорили на одном и том же языке» [Геродот, т. I, 1888, 27].

войска, коротко постригшись и выражая тем самым готовность принять обычай варваров-победителей [Legge, т. VIII, 733]¹⁸.

Этноразличительными признаками были, далее, религиозные обряды, различия в которых также хорошо известны древним китайцам.

Моцзы сообщает о том, что «к югу от Чу есть царство людей Янь. Когда у них умирает родственник, они ждут, пока тело разложится, и выбрасывают его, после чего хоронят кости. Поступивший так считается выполнившим свой сыновний долг. С другой стороны, к западу от Цинь есть царство Ицью. Когда у них умирает родственник, они собирают хворост и сжигают его... Только после этого человек считается выполнившим свой сыновний долг» [Моцзы иньдэ, 39]. Сообщая об обычае кремировать умерших, распространенном у племени дицян, Сюньцзы отмечает, что они больше всего «боятся не того, что попадут в плен, а того, что после смерти их трупы не будут преданы огню» [Сюньцзы иньдэ, 98]¹⁹.

Наконец, большое значение придавалось древними китайцами формам хозяйства и связанному с ними образу жизни.

Так, древним китайцам казалось необъяснимым, почему «северные варвары» ценят не землю, а захваченную добычу [Legge, т. VIII, 422]. Занятие земледелием казалось им единственно правильным способом добывания средств к жизни²⁰.

Выше речь шла преимущественно о том, каким образом общность «хуася» осмыслялась самими членами этой общности. Попытаемся теперь выяснить, какие реальные процессы явились предпосылкой ее возникновения и трансформации.

В основе общности «хуася» в VII—VI вв. до н. э. лежало, как мы видели, представление о родстве и единстве происхождения. Для того чтобы понять, какой конкретный смысл вкладывался в это утверждение, необходимо установить, что вообще понималось в эпоху Чжоу под узами родства.

Система родства представляет собой совокупность принципов, согласно которым в том или ином обществе осуществляется классификация родственников. Система родства, как правило, более консервативна, чем породившие ее социальные отношения. В силу этого чжоуская система родства, функционировавшая в VII—VI вв. до н. э., не соответствовала уже реальным отноше-

¹⁸ Персы противопоставляли себя скифам, «которые носят островерхие шапки» [Хрестоматия..., 364]. Они с презрением относились к воинам Леонида, которые выходили на бой с расчесанными волосами [Страбон, 444].

¹⁹ Различия в погребальном обряде, отражающем всю совокупность религиозных представлений народа, всегда привлекали к себе внимание древних. Ср. сообщение Геродота о массагетах: «Предела жизни у них не полагается вовсе, но кто очень состарится, к тому сходятся все родственники, убивают его, а вместе с ним и разный скот, варят это вместе и поедают. Такой конец жизни считают они счастливейшим» [Геродот, т. I, 1888, 114].

²⁰ Ср. у Геродота: «Будины, туземцы в этой стране, ведут кочевой образ жизни; гелоны, напротив, земледельцы, употребляют в пищу хлеб» [там же, т. II, 352].

ниям того времени. Она отражала социальные связи, существовавшие в гораздо более раннее время.

Чжоуская система в принципе аналогична иньской. В ней нет противопоставления прямых и боковых родственников (в частности, отец и братья отца обозначались в ней одним термином). Не различаются в чжоуское время также кровные родственники и свойственники (брат матери терминологически совпадает с отцом жены и т. д.). Но зато очень четко и последовательно проводится различие родственников по отцу и по матери, составлявших две «половины». Первоначально эти «половины» были связаны правилом обязательного брака, что и определяло всю структуру системы родства [Крюков, 1972, 153—162].

Признаком принадлежности человека к одной из этих двух «половин» было родовое имя («син»). Вплоть до конца периода Чуньцю строго соблюдалась родовая экзогамия, в силу которой собственно чжоусцы, носившие родовое имя Цзи, могли вступать в брак только с людьми, носившими другое родовое имя.

В терминах этой системы мыслились в чжоуское время и отношения между отдельными наследственными владениями чжоуху. Те из них, которые имели родовое имя Цзи, считались «сюнди» («старшими и младшими братьями»). Соответственно чжоуху, носившие иные родовые имена, но связанные с чжоусцами матримониальными отношениями, назывались «шэн-цзю» («братья матери и их сыновья»).

Это значит, что среди «родственников» в начале I тысячелетия до н. э. были не только чжоусцы в узком смысле этого слова, но и представители других племен. Понятие «хуася», таким образом, по своему содержанию не совпадало с понятием «собственно чжоусцы» (карта 10).

Но реальная картина в первых веках I тысячелетия до н. э. была еще более сложной. Во многих владениях (если не в большинстве их), правители которых были сородичами чжоуского вана, основная масса населения отнюдь не была связана с ними узами родства. Наследственное владение Лу, например, было пожаловано сыну Чжоу-гуна и считалось поэтому принадлежащим роду Цзи, но его население состояло первоначально из шести иньских кланов [Legge, т. VIII, 750]. По преданию, Бо Цинь, первый правитель Лу, прибыл в чжоускую столицу для отчета лишь через три года после пожалования ему владения. «Почему же так поздно?» — спросил его Чжоу-гун. «Я изменял обычаи населения моего царства, поэтому и задержался», — отвечал Бо Цинь [Такигава Камэтаро, т. 5, 2187]. Хотя это сообщение нельзя понимать буквально, все же несомненно, что формированию этнической общности «хуася» предшествовало сглаживание культурной неоднородности царств, правители которых принадлежали к чжоускому роду. Во второй четверти I тысячелетия до н. э. этнические различия между элитой и основной массой населения этих царств уже не ощущались.

Сказанное, впрочем, справедливо отнюдь не для всех царств «старших и младших братьев». Отмеченный процесс характерен в это время для таких наследственных владений, как Цзинь, Лу, Вэй, Цай и некоторых других. К их числу относились и царства, созданные в конце эпохи Западного Чжоу, например Чжэн (основано в 806 г. до н. э.).

Иначе складывалась ситуация в некоторых других царствах, пожалованных в начале I тысячелетия до н. э. сородичам чжоуского Сына Неба. Мы уже говорили о том, что сомнения некоторых ученых в достоверности сообщений источников о пожаловании наследственных владений Янь и У родственникам Вэнь-вана можно считать необоснованными. Однако территория этих царств находилась слишком далеко от чжоуской столицы, поэтому фактические их связи с Чжоу были затруднены. В этих условиях существование значительных различий в этнической принадлежности правящей элиты и основного населения привело к прямо противоположному результату, чем тот, который можно отметить для Лу, Вэй и других царств. Здесь правители и их ближайшее окружение вынуждены были постепенно перенять обычаи своих подданных. В частности, уже первый правитель царства У, Тай-бо, а также его младший брат и преемник Юн-чжун стали татуироваться, подобно местным жителям, и коротко стричь волосы [Legge, т. VIII, 812; Такигава Камэтаро, 1955, т. 5, 2062].

Мы располагаем сейчас прямыми указаниями на то, что сходные события происходили в Янь. Это царство в VII—VI вв. до н. э. также не входило в сферу «хуася».

Формирование этнической общности «хуася» и политические события начала периода Чуньцю способствовали тому, что эта общность начинает оказывать культурное воздействие на соседние раннегосударственные образования «варваров». К числу последних относились, например, царства Чжу, Цзюй, Цзи, расположенные в юго-западной части Шаньдунского полуострова и граничащие с Ци и Лу. Когда весной 631 г. до н. э. Хуань-гун, правитель царства Цзи, прибыл на аудиенцию к Сыну Неба, он следовал «варварскому ритуалу» [Legge, т. VII, 200]. Его отец, Чэн-гун, также назван в «Цзочжуане» «варваром» [там же, 184]. «Варварскими» считает Чжу и Цзюй сановник царства Цзинь [там же, т. 8, 645]. О том, что Чжу — «варварское» государство, упоминается и в другом месте «Цзочжуаня» [там же, 695]. Между тем до нас дошли ритуальные бронзовые сосуды, изготовленные в VI в. до н. э. в царствах Чжу и Цзи. Как по своему внешнему виду, так и по характеру иероглифических надписей они не отличаются сколько-нибудь существенно от аналогичных изделий из царств Лу и Цзинь.

Неоспоримо сильное культурное влияние древнекитайских царств в VII—VI вв. до н. э. на Чу, возникшее на местной этнической основе и практически никогда не признавшее политиче-

ской власти Чжоу. По свидетельству Сыма Цяня, в период правления чжоуского И-вана (середина IX в. до н. э.) Сюн Цюй, царь Чу, заявлял о том, что он «варвар и поэтому не носит титулов, принятых в Средних царствах» [Такигава Камэтаро, т. 5, 2479]²¹. Но фактически на протяжении периода Чуньцю царство Чу в значительной мере восприняло культуру «хуася», прежде всего древнекитайскую письменность. В чжуском орнаменте своеобразно сочетались местные традиции и элементы, заимствованные у населения «Средних царств».

Существенное воздействие на формирование общности «хуася» оказало, в свою очередь, вторжение на Среднекитайскую равнину кочевников ди. Более столетия они, обосновавшись на территории царства Вэй, в самом центре территории царств «хуася», совершали нападения на Ци, Лу, Цзинь, Чжэн и чжоуский домен. Примерно к тому же времени относятся попытки горных жунов продвинуться на юг, на Хэбэйскую равнину.

«Средние царства»

Изучение реальной этнополитической ситуации эпохи Восточного Чжоу показывает, между прочим, что понятия «хуася» и «чжунго» не могли возникнуть одновременно.

Противопоставление «хуася» и «варваров», зафиксированное в памятниках VII—VI вв. до н. э., не связывалось еще с эгоцентрическим делением ойкумены. Этому препятствовало оседание скифских племен в районе Среднекитайской равнины, в непосредственной близости к чжоуской столице. В середине VII в. до н. э. по соседству с нею еще жили «жуны И и Ло», совершавшие, как мы помним, нападения на город Сына Неба.

Понятие «Средних царств» могло возникнуть лишь к V в. до н. э., когда в среднем течении Хуанхэ сложилась территория, населенная исключительно «хуася». Это произошло после того, как там сначала были разгромлены, затем постепенно ассимилированы скифские племена ди, а горные жуны были частично оттеснены на север и частично также ассимилированы.

Коль скоро самовозникновение понятия «Средние царства» было связано с процессами этнической ассимиляции различных по своему происхождению племен, не удивительно, что в середине I тысячелетия до н. э. характер противопоставления древних китайцев и «варваров» приобретает новый аспект. Единство происхождения и родство всех «хуася» отступают теперь на второй план.

Действительно, в условиях интенсивного взаимодействия различных этнических групп, одним из проявлений которого были

²¹ В основе этого сообщения лежат, возможно, реальные факты. Их изложение, однако, дано Сыма Цянем в терминах, которых в IX в. до н. э. еще не могло существовать.

широко распространенные в Чуньцю смешанные браки, единство происхождения «хуася» неизбежно должно было утратить прежнее актуальность. Достаточно вспомнить, например, что у правителя царства Цзинь, Сянь-гуна, было пять жен, три из которых были родом из «варваров». Сын Сянь-гуна от одной из них, Вэнь-гун, будущий «гегемон» и фактический повелитель Поднебесной, в юности много лет жил на родине своей матери. Этот выдающийся древнекитайский политический деятель по своему происхождению и воспитанию был скорее «варваром», нежели древним китайцем.

Показательна в этом отношении судьба одного из видных сановников царства Цзинь, Чжао Дуня. Его отец, Чжао Цуй, сопровождал Вэнь-гуна во время его пребывания среди ди и женился там на местной девушке. Когда Чжао Цуй вернулся в Цзинь, его сын, Дунь, оставался с матерью. Однако вторая жена Чжао Цуя, дочь Вэнь-гуна, потребовала от мужа, чтобы тот взял к себе Чжао Дуня и его мать. «Если бы не она,— говорил позднее Чжао Дунь о жене своего отца,— я был бы человеком из племени ди» [Legge, т. VII, 289]. Приехав в Цзинь и приобщившись к древнекитайской культуре, Чжао Дунь стал «хуася». С точки зрения этнических представлений того времени он мог быть либо варваром, либо «хуася»²².

Таким образом, примерно к V в. до н. э., когда этническое самосознание общности «хуася» наложило на эгоцентрическую картину ойкумены, возникшее на этой основе представление о «Срединных царствах» было связано уже не с общностью происхождения их населения, а с единством его культуры.

Какие же царства относились к числу «Срединных» в начале периода Чжаньго?

Это были прежде всего Чжао, Вэй II, Хань (возникшие на территории бывшего Цзинь), Ци, Лу, Сун, Цай, Чжэн, Чэнь. Вопрос о Вэй, расположенном на землях бывшего Великого города Шан (его не следует путать с Вэй II, образованным после раздела Цзинь), спорен. Чэнь Дэн-юань ссылается на слова Сыма Цяня о том, что «варвары... на востоке достигали Вэй, грабили Срединные царства и причиняли им ущерб» [Такигава Камэтаро, т. 9, 4504], и относит Вэй к числу владений, занимавших промежуточное положение между варварами и «Срединными царствами» [Чэнь Дэн-юань, 38].

Двойственным было в это время положение Цинь. Правитель этого царства Цзин-гун недвусмысленно относил себя к числу ся (надпись на сосуде «Цинь-гун гуй»). Но, по утверждению Сыма Цяня, это владение «было то в числе Срединных царств, то среди варваров» [Такигава Камэтаро, т. 1, 332].

---

²² Ср. возражение Эфора против существования смешанных народностей: «Если бы они даже были „смешанными“, то все же перевес в ту или иную сторону сделал бы их эллинами или варварами» [Страбон, 633].

Примерно таково же было положение Янь. Правитель Янь говорил во время встречи с Чжан И: «Я — варвар и живу на окраине» [там же, т. 7, 3520] ²³.

В то время ряд царств, игравших значительную роль в политической жизни, не относился к числу «Срединных». Царство У, прекратившее свое существование в 473 г. до н. э., так и не стало «Срединным», хотя правитель этого государства, Фуча, в самом начале V в. до н. э. стал «гегемоном». У было уничтожено Юэ, которое тоже так и осталось «варварским». Это царство прямо противопоставляется «Срединным царствам». Точно так же противопоставлялось им и Чу.

В результате интенсивных контактов между семью царствами, определявшими политическую ситуацию в IV—III вв. до н. э., происходит постепенное втягивание Цинь, Янь, Чу в культурную сферу «Срединных царств».

---

²³ Несколькоми столетиями спустя Цзин Кэ, житель Янь, пытался совершить покушение на будущего Цинь Ши-хуанди. Один из спутников Цзин Кэ, родом тоже из Янь, в последний момент струсил и изменился в лице. Цзин Кэ, однако, это не смутило. «Этот варвар с северных окраин никогда не видел Сына Неба, вот он и испугался!» — сказал он [там же, т. 8, 3924].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перед нами прошла история формирования этнической общности древних китайцев. Разумеется, многие важные звенья этого процесса могут быть рассмотрены сегодня лишь в самой предварительной форме. Новые археологические, палеоантропологические и лингвистические данные и исследования, несомненно, уточнят или изменят выводы предлагаемой монографии.

Тем не менее есть основания считать, что по крайней мере некоторые из этих выводов могут иметь не только частный, локальный, но и более общий характер.

Итак, обратимся к выводам.

ЭТНОГЕНЕЗ ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ И ЕГО ПРЕДЫСТОРИЯ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Формированию древнекитайской этнической общности предшествовали сложные и длительные процессы антропо-, расо- и глоттогенеза. Палеоантропологические данные свидетельствуют, что в период позднего палеолита на территории Северного Китая обитали преимущественно различные популяции тихоокеанских монголоидов. Люди из Шаньдиндуна уже обнаруживают некоторые черты, свойственные восточной ветви тихоокеанских монголоидов (восточноазиатской расы). Но они не могут рассматриваться в качестве предков только древнекитайского этноса, так как древнейшие этнолингвистические общности, находившиеся у истоков современных языковых семей Восточной Азии, складывались, по-видимому, лишь в эпоху мезолита (10—7 тыс. лет до н. э.). Что же касается дробления этих общностей и формирования этнических предков древних китайцев, то эти процессы относятся уже к неолитическому времени.

Анализ археологических, лингвистических и антропологических материалов позволяет сформулировать гипотезу о том, что истоки североазиатских неолитических культур следует искать

в более южных районах. Можно предполагать, что одна из групп раннеолитического населения на юге Китая, занимавшая маргинальное положение по отношению к территориальному центру культур позднегоабиньского круга, мигрировала в V тысячелетии до н. э. вдоль р. Цзялинцзян и, найдя проходы через хребет Циньлин, проникла в бассейн Вэйхэ. Немногочисленное население, с которым столкнулись здесь мигранты, было большей частью, вероятно, ассимилировано.

Благоприятные природные условия долины Вэйхэ обусловили сложение быстро прогрессирующего очага пойменного земледелия. Неолитические популяции, создавшие в конце V — начале IV тысячелетия до н. э. развитую среднеолитическую культуру яншао в ее локальном варианте — банпо, могут, по всей вероятности, рассматриваться как одно из ответвлений племен, говоривших на сино-тибетских языках.

В IV тысячелетии до н. э. происходит значительное расширение ареала культуры яншао. На базе ее хронологически более позднего варианта — мяодигоу возникают две группы населения, одна из которых перемещается в восточном, другая — в западном направлении.

Первая группа, двигаясь по долине Хуанхэ на восток, столкнулась в западной части современной провинции Хэнань с насельниками стоянок типа циньванчжай, по своему происхождению связанными с бассейном р. Ханьшуй. Взаимодействие этих племен, различных по облику культуры и, как можно предполагать, по языку, послужило основой формирования культуры хэнаньского луншаня, на базе которого позднее, во II тысячелетии до н. э., возникла раннеиньская (шанская) общность.

Группа яншаоских племен, распространившаяся в IV тысячелетии до н. э. в западном направлении, впоследствии претерпела дальнейшую дифференциацию. Одна ее ветвь, достигшая в III тысячелетии до н. э. верховьев Хуанхэ и создавшая там культуру мацзяо, позднее стала именоваться «цянами» (или «жунами»); другая ее ветвь составила основу чжоусцев.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. иньцы, переместившиеся в нижнее течение Хуанхэ, создали там раннегосударственное образование с центром близ современного Аньяна. Здесь им пришлось столкнуться с аустронезийскими племенами «восточных и», частично вошедших в состав иньцев и оказавших на них культурное влияние, а также с северными племенами, обитавшими в лесостепной зоне.

Чжоуское завоевание конца XI в. до н. э. не привело к сколько-нибудь значительным социально-экономическим сдвигам в развитии древнекитайского общества, однако имело важные этнополитические последствия. На базе раннегосударственных образований, возникших в результате чжоуского завоевания и осуществления системы «наследственных пожалований», в VII—VI вв. до н. э. на Среднекитайской равнине завершается дли-

тельный процесс складывания этнической общности «хуася», которая может быть названа «древнекитайской». Формирование этой общности происходило в процессе интенсивных контактов с соседними племенами, говорившими на сино-тибетских, протоалтайских, аустроазиатских и аустронезийских языках. Существенным эпизодом в формировании общности «хуася» было вторжение на Среднекитайскую равнину племен ди, принадлежавших к «скифскому миру» (табл. 27).

В IV—III вв. до н. э. происходит постепенное расширение территории «хуася». Последняя, однако, не выходила еще за пределы бассейна Хуанхэ и среднего течения Янцзы. Консолидации этнической общности «хуася» в значительной мере способствовали социально-экономические сдвиги в древнекитайском обществе эпохи Чуньцю — Чжаньго, когда процесс развития раннеклассового общества завершается формированием рабовладельческих отношений.

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЕГО КОМПОНЕНТЫ

Рассмотренный нами фактический материал, освещающий особенности этнического самосознания древних китайцев, свидетельствует, что, хотя компоненты этнического самосознания представляют собой результат осмысления объективно существующих признаков этноса, эти две категории отнюдь не всегда совпадают между собой.

Наиболее адекватно отражается в этническом самосознании, вероятно, такой признак этноса, как язык: люди, говорящие на непонятном языке, воспринимаются «нами» как «чужие». Не случайно, между прочим, первоначальное значение греческого слова «варвар» — это «говорящий на чужом, непонятном языке».

Сложнее обстоит дело с признаком, имеющим отношение к сфере материальной и духовной культуры. Этот признак всегда имеет соответствующий компонент этнического самосознания. Но последний носит, как правило, условно-избирательный характер. Он фиксирует отнюдь не всю совокупность черт культуры, отражающих различия между этносами, а лишь некоторые ее специфические черты. Одни особенности могут рассматриваться данным этносом в качестве важнейших этнических определителей, тогда как другой этнос может вообще не придавать им никакого значения, избирая в качестве этноразличительного показателя иное множество черт культуры. Древние китайцы, например, придавали первостепенное значение манере запахивания халата (правая пола наверху — бесспорный показатель принадлежности к «варварам»). Для эллинов же было совершенно неважно, на какую сторону люди запахивали халат: человек, одетый не в тунику, был для них «варваром». Таким образом, компонент этнического самосознания, имеющий отношение к

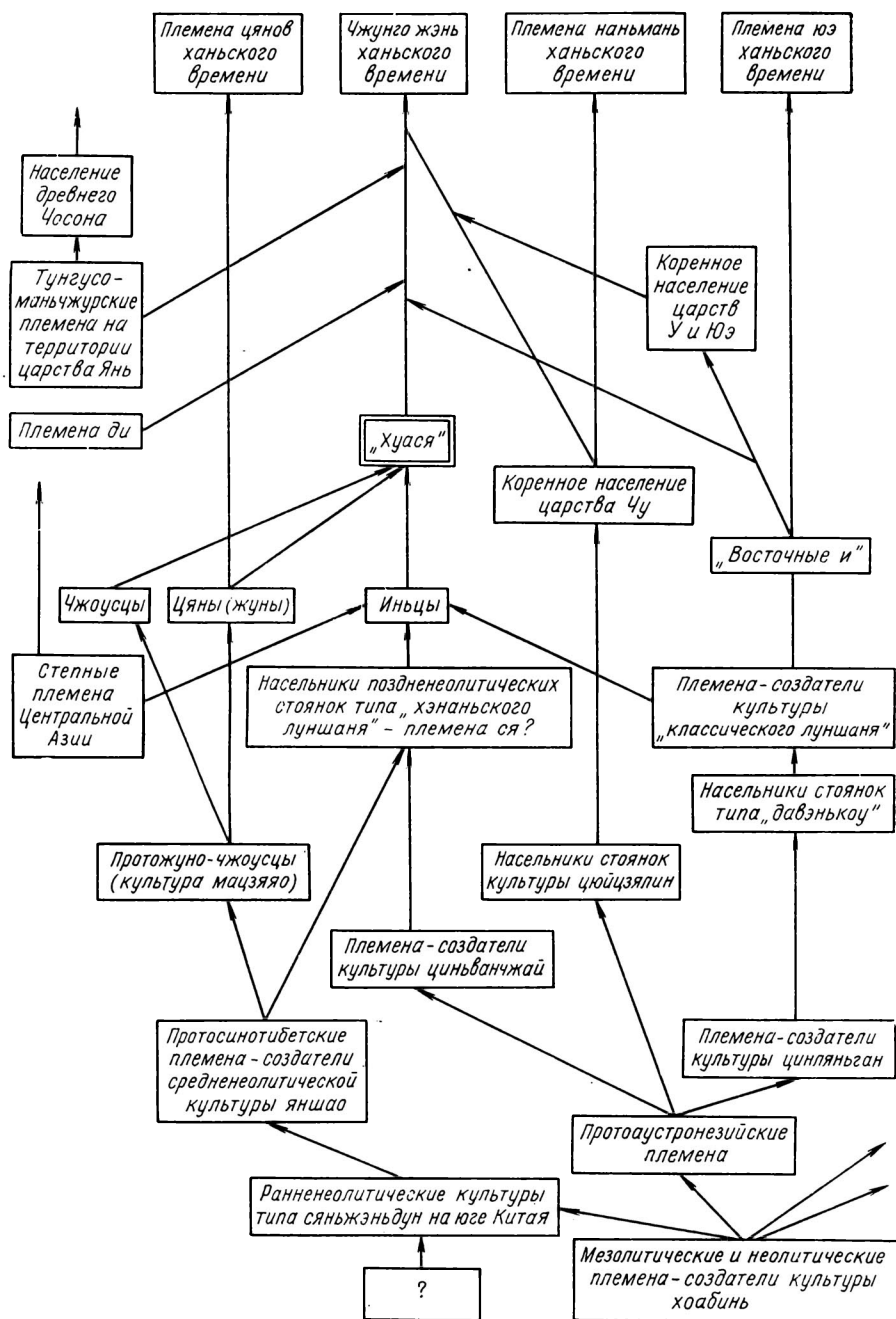

Табл. 27. Этногенез древних китайцев и их связи с другими народами Восточной Азии

сфере культуры, отражает соответствующий признак этноса не полно и в своеобразной форме.

Наконец, в числе компонентов этнического самосознания есть такие, которые вообще существуют лишь на субъективном уровне и не имеют себе аналогов среди объективных признаков этноса. К таким компонентам этнического самосознания относится, в частности, широко распространенное в древности представление о превосходстве «своей» общности над другими. Идея врожденной неполноценности «варваров», разумеется, не имела и не могла иметь под собой каких-либо объективных оснований. Эта идея возникает в процессе развития этнического самосознания как своего рода «избыточная степень» противопоставления «мы — они». Попытку обнаружить «чисто экономический корень презрительного отношения к варварам» в свое время предпринял С. Я. Лурье. «Тот факт, что огромное большинство рабов составляли варвары, — писал он, — давал возможность использовать уже существовавшие национальные и расовые предрассудки: раб — низшее существо не потому, что он раб, а потому, что он „презренный варвар“» [Лурье, 47]. Эта точка зрения представляется недостаточно убедительной. Против такого толкования говорит тот факт, что в древнем Китае, где формы этнического самосознания были чрезвычайно близки к древнегреческим, рабство иноплеменников не имело сколько-нибудь значительного распространения.

Представляется, что существенную ошибку допускают исследователи, рассматривающие в качестве признака этноса общность происхождения. Когда мы говорим об общности происхождения или о родстве членов какой-либо этнической группы, речь может идти лишь о социальных, а не о биологических узлах родства, так как с точки зрения моногенизма человечество все связано узами биологического родства [Токарев, 1958]. Что же касается родства социального, то оно полностью зависит от того, какие категории родственников признаются таковыми в данном обществе и какие принципы классификации родства лежат в их основе. В условиях функционирования системы родства, существовавшей в древнем Китае вплоть до середины I тысячелетия до н. э., классификационными братьями считались лица, реальное родство между которыми фактически не могло быть установлено. Но, не будучи объективным признаком древнекитайского этноса, представление об общности происхождения было, как мы видели, одним из важных компонентов этнического самосознания древних китайцев в VIII—VI вв. до н. э.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

Этническое самосознание как важнейший из признаков этноса не остается неизменным на различных этапах развития человеческого общества. К сожалению, вопрос об исторических

формах этнического самосознания остается в общетеоретическом плане почти совершенно неизученным.

Проанализированные выше фактические данные, отражающие развитие этнического самосознания древних китайцев, показывают, что качественные отличия его в разные исторические периоды проявляются, в частности, в соотношении его компонентов. В этом смысле тезис С. А. Токарева о том, что в процессе развития этноса на первое место в числе его признаков выдвигаются то одни, то другие [Токарев, 1964, 43], содержит рациональное зерно, но является не вполне точным. Речь должна идти в данном случае не об объективных этнических признаках, а именно о компонентах этнического самосознания, существующих на субъективном уровне.

Наиболее отчетливо можно проследить это на примере представления об общности происхождения. В VIII—VI вв. до н. э. это представление было одним из главных компонентов этнического самосознания древних китайцев. Различия в культуре рассматривались лишь как следствие общности происхождения: «варвары — это шакалы и волки... чжуся — это родственники» [Legge, т. VII, 123]. Позднее на первый план выдвигается иной компонент самосознания — особенности культуры. Поэтому родившийся от «хуася» мог стать «варваром», если он усвоит чужие обычаи и привычки. Аналогична эволюция компонентов этнического самосознания древних эллинов. Отражением идеи единства происхождения всех эллинов была мифологическая традиция, согласно которой дорийцы, ионийцы и эолийцы были потомками трех сыновей Эллина. Но уже для Геродота различия между эллинами и «варварами» — явление чисто культурного порядка. С его точки зрения, эллин, усвоивший обычаи варваров, становится варваром, и наоборот. Поэтому Геродот полагал, что эллины «стали потом сильны... главным образом потому, что с ними соединились пеласги и многие другие варварские племена» [Геродот, т. I, 27].

В последние века до нашей эры представление о единстве происхождения как компоненте этнического самосознания вообще утрачивает свою актуальность. Во-первых, в сочинениях ханьского времени зафиксированы этногенетические мифы, согласно которым варвары-сюнну являются потомками правителя династии Ся. К названию последней восходило первоначальное самоназвание древних китайцев. Таким образом, у древних китайцев и «варваров» были, как полагали, в частности, Сыма Цянь и Бань Гу, общие предки. Во-вторых, идея общности происхождения и родства всех древних китайцев в отличие от «варваров» противоречила и практика политических отношений с сюнну. Результатом «договоров о мире и родстве», согласно которым ханьские императоры должны были посылать своих дочерей в жены шаньюям, неизбежно было стремление рассматривать древних китайцев и сюнну как «детей одной семьи».

В процессе развития этноса менялось не только соотношение различных компонентов этнического самосознания, но и содержание некоторых его компонентов.

По-видимому, этническое самосознание всегда строится на контрверзе «мы — они». Но характер этого противопоставления существенно различен на разных этапах развития общества. Представляется, что для самосознания этнических общностей доклассового периода характерен принцип «попарного» противопоставления. Каждая общность осознавала свое отличие от других общностей того же рода, но отличала себя от каждой из них в отдельности, еще не наделяя всю их совокупность какими-либо общими признаками. Гомер, например, знал о существовании эфиопов, эремов, солимов, финикийцев, ликийцев, карийцев, фригийцев, меотийцев, пафлагонцев, мизийцев, лелегов, киликийцев, аримов, пеласгов, феаков; в чжоуских надписях X—IX вв. до н. э. сообщалось о племенах сяньюнь, цзин, дунъи, хуфан, гуйфан и многих других. Но ни в первом, ни во втором случае они не объединялись в понятие «варвары». Такое понятие возникает, как правильно предположил Фукидид, одновременно с появлением общего самоназвания для «нашей» этнической общности, типологически уже не аналогичной племени. Он писал: «Гомер не употребляет и имени варваров потому, мне кажется, что сами эллины не обособились еще под одним именем, противоположным названию варваров» [Фукидид, т. I, 5]. Мнение Фукидида, впрочем, оспаривал Страбон [Страбон, 618—619].

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЭТНОГЕНЕЗ

Изучение этногенеза древних китайцев позволяет более конкретно, чем это делалось раньше, подойти к проблеме критериев, с помощью которых исследователь имеет возможность судить, что постепенный и длительный процесс формирования этнической общности в какой-то исторический момент может считаться завершенным.

Лингвисты нередко настаивают на том, что важнейшим критерием установления конечной точки этногенеза является язык. «Своей полной зрелости белорусская народность достигла к концу XV— началу XVI в., когда уже сформировалась ее языковая общность, обеспечившая возникновение белорусского литературного языка», — пишет, например, М. Я. Гринблат [Гринблат, 89]. Обсуждая ту же проблему, Г. А. Хабургаев утверждает, что «именно язык является основным внешним признаком этнической принадлежности» [Хабургаев, 85]. «Язык — более или менее устойчивый и прямой показатель этнической общности», — полагает Ф. П. Филин, добавляя, что «чем далее в глубь времен, тем больше язык был постоянным признаком этнической единицы» [Филин, 200].

В этой связи, говоря словами М. В. Витова, «приходится повторить ставшее банальным утверждение, что этническая история не исчерпывается историей языка, повторить потому, что в языковедческих исследованиях продолжает иногда высказываться мысль, что этногенез не является предметом исследования антрополога, археолога, этнографа» [Витов, 5].

Однако следует признать, что, не считая язык основным или прямым признаком этнической общности, этнографы пока сделали лишь первые шаги в решении проблемы критериев для установления грани между собственно этногенезом и последующей историей этноса. В общетеоретическом плане этот вопрос почти совершенно не изучался. А отдельные попытки решить его, предпринятые за последние годы, не могут считаться вполне удачными.

Так, в одной из недавних работ, специально посвященных данной теме, мы находим следующую формулировку: «На каком-то этапе, продолжающемся во времени, на базе различных этнических компонентов появляются все основные признаки этнической общности — складываются язык, самоназвание и самосознание, территория формирования, основные черты хозяйства и культуры, свойственные данной этнической общности» [Хомич, 62]. Автор полагает, что основной «трудностью в определении периода формирования этнической общности является отсутствие необходимых данных» [там же]. Однако даже при наличии таких данных применить сформулированный выше критерий оказывается чрезвычайно трудно, если не невозможно.

Во-первых, достаточно хорошо известно, что формирование признаков этнической общности завершается отнюдь не одновременно. В частности, пример этногенеза древних китайцев показывает, что иньский язык был, несомненно, в числе прямых предков древнекитайского, однако ни самосознания, ни тем более самоназвания, свойственных древним китайцам, у иньцев еще не было.

Во-вторых, крайне трудно оказывается определить, когда же все-таки сложились те основные черты хозяйства и культуры, которые свойственны данной этнической общности. Трудность эта проистекает оттого, что культура так или иначе претерпевает процесс непрерывной трансформации. Если говорить, в частности, об особенностях материальной культуры древних китайцев середины I тысячелетия до н. э., то для них характерны уже многие черты, свойственные китайцам. Сюда относятся запахивающаяся направо распашная одежда типа халата, жилище каркасно-столбовой конструкции, способ приготовления риса на пару и многое другое.

Вместе с тем среди этих черт отсутствуют некоторые из тех, которые сейчас воспринимаются как неотъемлемые особенности китайской материальной культуры. В частности, в costume древних китайцев отсутствовали штаны; не вошло в быт упо-

требление палочек для еды, и поэтому современники Конфуция ели рис руками; в их домах не было кана; входя в дом, они снимали обувь, сидели не на стульях, а на циновках прямо на полу, подогнув под себя ноги («по-японски»). Все эти черты культуры и быта кажутся современному китайцу противоестественными, и он попросту не может поверить, что все сказанное относится к его предкам. Можно ли в таком случае считать, что в середине I тысячелетия до н. э. «сложение определенного комплекса культуры», свидетельствующее об окончании процесса этногенеза, уже завершилось?

Представляется, что решение данной проблемы возможно лишь на основе признания идеи иерархичности и таксономической неравнозначности признаков этноса, о чем уже говорилось выше. Иерархичность структуры этнических признаков сама по себе отражает закономерность причинно-следственных связей между ними, а стало быть, и хронологическую последовательность их возникновения.

По-видимому, процесс этногенеза в наиболее общем виде включает следующие этапы. При наличии определенных внешних условий складывается совокупность этнообразующих факторов, под влиянием которых из нескольких (зачастую разнородных) этнических компонентов начинает формироваться новая этническая общность. В процессе ее складывания постепенно и отнюдь не одновременно появляются признаки, объективно отличающие ее от других синхронно существующих этносов. Наконец, наступает момент, когда эти объективные признаки находят отражение в коллективном сознании членов нового этноса, осознающих себя как определенную общность. Именно появление отчетливого этнического самосознания, внешним проявлением которого является общее самоназвание, и может служить свидетельством того, что процесс этногенеза завершился.

РАЗВИТИЕ ЭТНОСА И КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ

Культура—один из важных признаков этноса. Вместе с тем формирование сходных черт культуры отнюдь не всегда связано с этническим родством их создателей; оно может объясняться также и идентичностью тех экологических условий, в которых развиваются не родственные между собой общности. Наконец, появление у какого-то этноса особенностей культуры, близких другой этнической общности, часто является результатом контактов этих общностей между собой.

Изучение этногенеза древних китайцев свидетельствует, что формирование важнейших черт их материальной культуры, а также тесно связанных с ними норм поведенческого стереотипа проходило в процессе непрерывного и интенсивного взаимодействия различных этнических общностей. На протяжении веков

население «Срединных царств» находилось в контактах с многочисленными этнически чуждыми ему группами племен и народов, заимствуя у них отдельные культурные достижения или связанные с ними обычаи. Факты убедительно показывают несостоятельность традиционного представления об извечном культурном превосходстве китайцев над «варварами четырех стран света», об одностороннем характере взаимодействия между ними. Эта идея восходит к высказанному конфуцианцами тезису об исключительности жителей «Средних царств». Хотя эти взгляды и опровергались мыслителями других направлений и школ древнего Китая (прежде всего — легистами), в средние века они стали концепцией, на которой основывалась вся система взаимоотношений Срединного государства с внешним миром.

Одна из главных функций материальной культуры — удовлетворение потребностей человека в одежде, пище, жилище и т. д. — по самой своей сущности динамична и способствует непрерывному обогащению культуры как за счет совершенствования уже существующих ее элементов, так и путем заимствования извне. Напротив, этноразличительная функция материальной культуры обнаруживает тенденцию к консервативности, так как сама ее сущность требует преемственности некогда сложившейся традиции. Это противоречие обнаруживается всякий раз, когда возникает потребность заимствования того или иного элемента материальной культуры, относящегося к этнически чуждому комплексу. Любой сформировавшийся этнос постоянно усваивает те элементы культуры, которые представляются ему нейтральными, и активно сопротивляется заимствованию черт, рассматриваемых им как этнически значимые. Достаточно вспомнить слова чжаоского Улин-вана, сказанные им в связи с предпологающимися реформами: «Я не сомневаюсь, что заимствование варварской одежды необходимо, но боюсь, что Поднебесная будет смеяться надо мной!» [Такигава Камэтаро, т. 6, 2676]. «Варварская одежда» (обычай ношения штанов) была заимствована у кочевников в конечном счете всеми цивилизованными народами мира, но в Поднебесной эта инновация прокладывала себе дорогу через мучительные сомнения и насмешки. Не случайно и для Еврипида изменница Елена была достойна презрения не столько потому, что она предала Менелая, но прежде всего потому, что предпочла ему «варвара» в пестрых шароварах вокруг голеней [Егунов, 501].

Это означает, что этническое самосознание оказывает существенное воздействие на сам механизм заимствования культурных достижений соседей. Очевидно, процесс взаимовлияния культур протекает по-разному на различных ступенях консолидированности контактирующих этносов. Качественные изменения в этом процессе связаны с формированием этнического самосознания, одним из главных компонентов которого является представление о противоположности «нас» и «варваров».

Это обстоятельство хотя бы частично объясняет нам, почему различные элементы материальной культуры, которые рассматривались древними китайцами как этнически значимые, характеризуются различной степенью стабильности. С одной стороны, среди них есть такие, которые сейчас воспринимаются как исконно китайские, но в действительности возникли сравнительно поздно. С другой стороны, некоторые элементы материальной культуры сохранялись без существенных изменений на протяжении поразительно длительного времени, восходя своими корнями еще к эпохе неолита.

АВТОХТОННОСТЬ ИЛИ МИГРАЦИЯ?

Подавляющее большинство ученых, так или иначе обращавшихся к проблеме происхождения этнической общности древних китайцев и их культуры, стремилось ответить на вопрос о том, сложился ли древнекитайский этнос на той территории, которую он населял в конце I тысячелетия до н. э., или же он сформировался где-то в другом месте и лишь после этого проник в бассейн Хуанхэ. Существуют, впрочем, примеры того, как исследователь этнической истории древних китайцев вообще не задает себе этого вопроса, потому что тот или иной априорный ответ на него рассматривается в качестве аксиомы, не требующей доказательств. Для многих китайских ученых эпохи средневековья и нового времени такого вопроса вообще не существовало потому, что они были уверены в происхождении древних китайцев от Желтого Императора непосредственно на берегах Желтой Реки. Для некоторых западноевропейских и американских исследователей тезис о переселении предков китайцев с запада был непреложной истиной — для одних потому, что все народы на земле произошли от трех сыновей Ноя, для других в силу того, что к проблемам истории человечества они подходят с ортодоксальных европоцентристских позиций.

Весьма существенные соображения не позволяют принять теорию априорной автохтонности древнекитайской этнической общности. История практически не знает этносов, которые могли бы считаться абсолютно автохтонными. В процессе формирования этносов всегда происходят перемещения отдельных групп населения, взаимодействие и смешение которых в сущности и составляет основу процесса этнического развития. Но столь же неприемлемым представляется и прямо противоположный подход к проблеме, рассматривающий диффузию и миграции в качестве основного стимула культурного и этнического развития человечества.

На позициях априорного диффузионизма, как уже отмечалось, стоит автор недавно увидевшей свет монографии «Проблемы генезиса китайской цивилизации», советский китаевед Л. С. Васильев. Рассматривая в первую очередь, правда, не эт-

ногенез, а процесс формирования культуры определенной этнической общности, Л. С. Васильев исходит из теории о том, что внешние импульсы, миграции и культурная диффузия объясняют все важнейшие сдвиги в развитии культуры древнекитайского этноса. Возникновение земледельческих культур крашеной керамики в бассейне Хуанхэ, появление здесь черной керамики, наконец, генезис иньской цивилизации, характеризующейся применением письменности и бронзолитейного производства, связываются либо с миграциями, либо с диффузией культурных достижений. К сожалению, к автору упомянутой монографии в полной мере применимы его собственные слова о том, что «нет ничего легче, чем, увлекшись далеко ведущими теоретическими построениями, позабыть о такой „мелочи“, как конкретный материал по истории данной общности, и тем самым свести всю сложность проблемы к простому навязыванию своей точки зрения» [Васильев Л. С., 1976, 28]. Действительно, создается впечатление, что задача Л. С. Васильева заключалась не в анализе всей совокупности фактического материала, а в подборе иллюстраций к постулированной им закономерности.

Археологические данные свидетельствуют о непрерывности культурного развития предков древних китайцев по крайней мере с эпохи неолита (что, разумеется, не противоречит фактам многочисленных и интенсивных контактов населения Среднекитайской равнины эпохи неолита и бронзы с его непосредственными этническими соседями).

Данные древнейшей истории китайского языка говорят о том, что древнекитайский язык сформировался в бассейне Хуанхэ в результате смешения языков, относившихся к южноазиатскому и североазиатскому типам. Его древнейшие контакты непосредственно с индоевропейскими языками представляются маловероятными.

Антропологические материалы, проанализированные в настоящей работе, также свидетельствуют против различных концепций пришлого происхождения китайцев и их культуры. Как бы ни решался вопрос о прародине всего человечества, несомненно, что со времени расселения в Восточной Азии людей современного вида в эпоху позднего палеолита и вплоть до наших дней на территории современного Китая прослеживается преемственность развития и взаимодействия монголоидных и в меньшей степени австралоидных популяций. Главную роль в истории этих популяций играли тихоокеанские монголоиды, в первую очередь их северные группы, объединяемые в восточноазиатскую (дальневосточную) расу. Южнее водораздела между Янцзы и Хуанхэ были широко распространены южные монголоиды, переходные к австралоидам. На севере — в Маньчжурии и Внутренней Монголии — с восточными монголоидами смешивались континентальные варианты той же группы рас, связанные по происхождению с Центральной Азией и Сибирью. Сколько-нибудь заметная при-

месь европеоидов появилась на северо-западе и западе современного Китая, по-видимому, очень поздно, скорее всего не ранее I тысячелетия до н. э.

Таким образом, древнекитайский этнос должен считаться автохтонным по крайней мере в бассейне Хуанхэ. Это не исключает, конечно, расового полиморфизма восточноазиатских популяций на всех этапах их развития и участия в формировании расового состава китайцев различных монголоидных, австралоидных, а в более позднее время и европеоидных компонентов.

БИБЛИОГРАФИЯ

На русском языке

- Алексеев В. М., 1958 — Алексеев В. М. В старом Китае. М., 1958.
- Алексеев В. П., 1954 — Алексеев В. П. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая.— «Краткие сообщения Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР». Вып. XXI, 1954 (далее — КСИЭ).
- Алексеев В. П. — Алексеев В. П. Расы человека в современной науке.— «Вопросы истории», 1967, № 7.
- Алексеев В. П. 1968 — Алексеев В. П. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии.— Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1968.
- Алексеев В. П., 1969 — Алексеев В. П. О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования.— «Советская этнография», 1969, № 1 (далее — СЭ).
- Алексеев В. П., 1970 — Алексеев В. П. Два очага происхождения человека.— «Природа», 1970, № 10.
- Алексеев В. П., 1974 — Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974.
- Алексеев В. П., 1974а — Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- Андрианов, Чебоксаров, 1975 — Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования).— СЭ, 1975, № 3.
- Андрианов, Чебоксаров, 1975а — Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Опыт историко-этнографического районирования некоторых районов Африки и зарубежной Азии.— СЭ, 1975, № 4.
- Атеисты...— Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. М., 1967.
- Бичурин — Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.— Л., 1950.
- Бобринский, Зенкевич, Бирштейн — Бобринский Н. А., Зенкевич Л. А., Би р ш т е й н Я. А. География животных. М., 1946.
- Борисковский, 1962 — Борисковский П. И. Исследования памятников каменного века в Демократической Республике Вьетнам в 1960—1961 годах.— «Советская археология», 1962, № 2 (далее — СА).
- Борисковский, 1966 — Борисковский П. И. Первобытное прошлое Вьетнама. М.— Л., 1966.
- Борисковский, 1971 — Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1971.
- Бромлей — Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
- Бунак — Бунак В. В. Происхождение речи по данным антропологии.— «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая АН СССР. Н. сер. Т. XVI. М., 1951 (далее — ТИЭ).
- Бунаков — Бунаков Ю. В. Китайская письменность.— Китай. М.— Л., 1940.
- Вавилов — Вавилов Н. И. Избранные труды. М.— Л., 1965.

- Вайнштейн, Денисова — Вайнштейн С. И., Денисова Н. П. Новые материалы по этнографии и археологии Тувы.— Полевые исследования Института этнографии. 1974. М., 1975.
- Вайнштейн, Крюков — Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков.— Тюркологический сборник. М., 1966.
- Васильев К. В., 1972 — Васильев К. В. Заметки по эпиграфике периода Чжаньго (V—III вв. до н. э.).— Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1972.
- Васильев К. В., 1973 — Васильев К. В. Религиозно-магическая интерпретация власти вана в западножюуских эпиграфических текстах.— Китай: общество и государство. М., 1973.
- Васильев Л. С., 1961 — Васильев Л. С. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961.
- Васильев Л. С., 1973 — Васильев Л. С. Некоторые проблемы древнейшей истории Китая. Автореф. докт. дисс. М., 1973.
- Васильев Л. С., 1974 — Васильев Л. С. Происхождение древней китайской цивилизации.— «Вопросы истории», 1974, № 12.
- Васильев Л. С., 1976 — Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М., 1976.
- Васильева — Васильева Г. П. Этнографические данные о происхождении туркменского народа.— СЭ, 1964, № 6.
- Витов — Витов М. В. Некоторые вопросы этнологического картографирования.— Проблемы лингво- и этнографии и ареальной диалектологии. М., 1964.
- Воронов — Воронов А. А. Дифференциация гаптоглобина на подтипы и антропологические особенности их распространения.— «Вопросы антропологии». Вып. 34, 1970 (далее — ВА).
- Генинг, 1970 — Генинг В. Ф. Выступление на симпозиуме «Проблема этногенеза древних и современных народов».— «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук». Т. 5. М., 1970 (далее — «Труды VII МКАЭН»).
- Генинг, 1970а — Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
- Георгиевский — Георгиевский С. Первый период китайской истории (до императора Цинь-ши-хуанди). СПб., 1885.
- Геродот — Геродот. История в девяти книгах. Т. I—II. М., 1888.
- Гинзбург, Трофимова — Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
- Го Мо-жо — Го Мо-жо. Бронзовый век. М., 1959.
- Горгониев, 1967 — Горгониев Ю. А. О систематическом использовании материала мон-кхмерских языков при изучении архаического китайского.— «Историко-филологические исследования». Сборник статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967.
- Горгониев, 1966 — Горгониев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., 1966.
- Гохман, 1954 — Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги.— КСИЭ. Вып. XX, 1954.
- Гохман, 1958 — Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья.— «Сборник Музея антропологии и этнографии». Т. XVIII. М.—Л., 1958.
- Гремяцкий — Гремяцкий М. А. Мегагнатные плейстоценовые формы высших ископаемых приматов.— Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966.
- Григорьев — Григорьев Г. П. К методике установления различий в палеолите.— «Успехи среднеазиатской археологии». Вып. 2. Л., 1972.
- Гринберг — Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов.— «Новое в лингвистике», Т. V. М., 1970.

- Гринблат — Гринблат М. Я. К происхождению белорусской народности.— СЭ, 1968, № 5.
- Дебец, 1932 — Дебец Г. Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя.— «Антропологический журнал», 1932, № 2.
- Дебец, 1946 — Дебец Г. Ф. Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки «Афонтова гора II» под Красноярском.— «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», 1946, № 8.
- Дебец, 1947 — Дебец Г. Ф. О древней границе европеоидов и американоидов в Южной Сибири.— СЭ, 1947, № 1.
- Дебец, 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.— ТИЭ. Н. сер. Т. IV. М.— Л., 1948.
- Дебец, 1951 — Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области.— ТИЭ. Н. сер. Т. XVII, М., 1951.
- Дебец, 1956 — Дебец Г. Ф. Древний череп из Якутии.— КСИЭ, Вып. XXV, 1956.
- Дебец, Левин, Трофимова — Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза.— СЭ, 1952, № 1.
- Джангильдин — Джангильдин Н. Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1971.
- Древнекитайская философия. Т. 1. М., 1972; т. 2. М., 1973.
- Дульзон — Дульзон А. П. Гунны и кеты (К вопросу об этногенезе по языковым данным).— «Известия Сибирского отделения АН СССР» (далее — «Известия СОАН»). Сер. общ. наук. 1968. Вып. 3, № 11.
- Дульзон, 1968а — Дульзон А. П. О древней центральноазиатской языковой общности.— «Труды Томского государственного университета». Т. 197, 1968.
- Дун Ти-чэнь, 1961 — Дун Ти-чэнь. Морфологические особенности скелетных остатков и зубов гигантопитека в связи с его положением в системе приматов. Автореф. канд. дисс. М., 1961.
- Дун Ти-чэнь, 1963 — Дун Ти-чэнь. Морфологические особенности скелетных остатков и зубов гигантопитека в связи с его положением в системе приматов.— ВА. Вып. 13, 1963.
- Егунов — Егунов А. Н. Трагедия Еврипида «Елена».— Древний мир. М., 1962.
- Зубов, 1968 — Зубов А. А. О расоводиагностическом значении некоторых одонтологических признаков.— СЭ, 1968, № 3.
- Зубов, 1973 — Зубов А. А. Первые итоги одонтологических исследований в Индии.— Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.
- Зубов, 1973а — Зубов А. А. Систематические критерии рода Ното и его эволюция.— ВА. Вып. 43, 1973.
- Зубов, 1973б — Зубов А. А. Этническая одонтология. М., 1973.
- Иллич-Свитыч — Иллич-Свитыч В. И. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971.
- Итс — Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972.
- Кабо, 1961 — Кабо В. Р. К вопросу о происхождении австралийцев и древности заселения Австралии (по антропологическим материалам).— ВА. Вып. 7, 1961.
- Кабо, 1969 — Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
- Кабо, Чебоксаров — Кабо В. Р., Чебоксаров Н. Н. Первоначальное заселение и древнейшая этническая история.— Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966.
- Каменецкий — Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, 1970, № 2.
- Карапетьянц, 1972 — Карапетьянц А. М. Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах (Китай до середины I тысячелетия до н. э.).— Ранние формы искусства. М., 1972.

- Карапетьянц, 1977 — Карапетьянц А. М. Китайское письмо до унификации 213 г. до н. э.— Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
- Кашина, 1970 — Кашина Т. И. Некоторые проблемы, связанные с керамикой культуры яншао.— «Известия СОАН». Сер. общ. наук, 1970. Вып. 2, № 3.
- Кашина, 1976 — Кашина Т. И. Керамика поселений культуры Яншао, датированных радиоуглеродом.— «Известия СОАН». Сер. общ. наук, 1976. Вып. 1, № 1.
- Кашина, 1977 — Кашина Т. И. Керамика культуры Яншао. Новосибирск, 1977.
- Киселев — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. Китай.— Китай. БСЭ, т. 7. М., 1956.
- Китайская классическая проза.— Китайская классическая проза в переводах акад. В. М. Алексеева. М., 1958.
- Клейн — Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры.— СА, 1970, № 2.
- Книга правителя.— Книга правителя области Шан. М., 1968.
- Кожин — Кожин П. М. Иньские колесницы.— Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
- Козинцев — Козинцев А. Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов.— Расогенетические процессы в этнической истории. Сборник памяти Г. Ф. Дебеца. М., 1974.
- Козлов, 1967 — Козлов В. И. О понятии этнической общности.— СЭ, 1967, № 2.
- Козлов, 1969 — Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969.
- Крюков, 1964 — Крюков М. В. У истоков древних культур Восточной Азии.— «Народы Азии и Африки», 1964, № 6.
- Крюков, 1965 — Крюков М. В. Проблема проточжоуской письменности.— «Народы Азии и Африки», 1965, № 6.
- Крюков, 1967 — Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
- Крюков, 1972 — Крюков М. В. Система родства китайцев. М., 1972.
- Крюков, 1974 — Крюков М. В. Первобытный строй и зарождение классов и государства.— История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
- Крюков, 1974а — Крюков М. В. Язык иньских надписей. М., 1974.
- Крюков, 1976 — Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза.— «Расы и народы», 6, 1976.
- Крюков, Чебоксаров — Крюков М. В., Чебоксаров Н. Н. Древнее расселение человека.— Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965.
- Кучера — Кучера С. Китайская археология 1965—1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. М., 1977.
- Кушнер — Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
- Кычанов — Кычанов Е. И. Очерк истории Тангутского государства. М., 1968.
- Ларичев, 1970 — Ларичев В. Е. Открытия в Ланьтяне.— «Известия СОАН». Сер. общ. наук, 1970, вып. 2, № 6.
- Ларичев, 1971 — Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1971.
- Ларичев, 1975 — Ларичев В. Е. Первые радиоуглеродные даты археологических памятников Китая.— Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Ларичев, 1976 — Ларичев В. Е. Новые радиоуглеродные даты археологических памятников Китая.— «Известия СОАН». Сер. общ. наук, 1976, вып. 1, № 1.
- Ларичев, Кашина — Ларичев В. Е., Кашина Т. И. Новые данные о памятниках нижнего палеолита Восточной Азии.— «Известия СОАН», Сер. общ. наук, 1969. Вып. 1, № 1.

- Лашук — Л а ш у к Л. П. О формах донациональных этнических связей.— «Вопросы истории», 1967, № 4.
- Левин, 1958 — Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.— ТИЭ. Н. сер. Т. XXXVI. М., 1958.
- Левин, 1971 — Левин М. Г. Этническая антропология Японии. М., 1971.
- Лихачев — Л и х а ч е в Д. С. Национальное самосознание древней Руси. М., 1946.
- Лубо-Лесниченко — Л у б о - Л е с н и ч е н к о Е. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э.— II в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1961.
- Лурье — Л у р ь е С. Я. Геродот. М.— Л., 1947.
- Мавродин — М а в р о д и н В. В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации.— СЭ, 1947, № 1.
- Массон — М а с с о н В. М. Современная антропология об образовании рас.— «Природа», 1975, № 1.
- Нгуен Динь Хоа — Н г у е н Д и н ь Х о а. Антропологический состав некоторых этнических групп Центрального Вьетнама. Автореф. канд. дисс. М., 1963.
- Нестурх, 1954 — Н е с т у р х М. Ф. Ископаемые гигантские антропоиды Азии и ортогенетическая гипотеза антропогенеза Вейденрейха.— «Ученые записки МГУ». Вып. 166. М., 1954.
- Нестурх, 1964 — Н е с т у р х М. Ф. Проблема первоначальной прародины человечества.— «У истоков человечества». М., 1964.
- Нестурх, 1970 — Н е с т у р х М. Ф. Происхождение человека. М., 1970.
- Окладников, 1971 — О к л а д н и к о в А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.
- Окладников, 1973 — О к л а д н и к о в А. П. Палеолит Монголии (к истории первоначального освоения человеком Центральной Азии).— Доклады советской делегации. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). М., 1973 (отд. отт.).
- Окладников, Ларичев, 1963 — О к л а д н и к о в А. П., Л а р и ч е в В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1961—1962 гг.— «Известия СОАН». Сер. общ. наук, 1963. Вып. 1, № 1.
- Окладников, Ларичев, 1967 — О к л а д н и к о в А. П., Л а р и ч е в В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1964 и 1966 гг.— «Известия СОАН». Сер. общ. наук, 1967. Вып. 2, № 6.
- Окладников, Ларичев, 1968 — О к л а д н и к о в А. П., Л а р и ч е в В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1967 г.— «Известия СОАН». Сер. общ. наук, 1968. Вып. 3, № 11.
- Проблемы...— Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Решетов — Р е ш е т о в А. М. Новые антропологические материалы из Тибета (находки в Линьчжи 1960).— ВА. Вып. 18, 1964.
- Решетов, Чебоксаров — Р е ш е т о в А. М., Ч е б о к с а р о в Н. Н. Антропология и этнография о происхождении китайцев.— «Расы и народы», № 3, 1973.
- Рогинский, 1949 — Р о г и н с к и й Я. Я. Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения человека и его рас. М., 1949.
- Рогинский, 1951 — Р о г и н с к и й Я. Я. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека.— Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951.
- Рогинский, 1956 — Р о г и н с к и й Я. Я. Некоторые проблемы происхождения человека.— СЭ, 1956, № 4.
- Рогинский, 1969 — Р о г и н с к и й Я. Я. Проблемы антропогенеза. М., 1969.
- Рогинский, 1970 — Р о г и н с к и й Я. Я. Аргументы в пользу моноцентризма.— «Природа», 1970, № 10.
- Рогинский, 1972 — Р о г и н с к и й Я. Я. О нерешенных проблемах возникновения человека современного типа.— ВА. Вып. 40, 1972.
- Рогинский, Левин — Р о г и н с к и й Я. Я., Л е в и н М. Г. Антропология. М., 1963.
- Семенов, 1966 — С е м е н о в Ю. И. Как возникло человечество? М., 1966.

- Семенов, 1971 — Семенов Ю. И. От кого же произошел *Homo sapiens*? — «Природа», 1971, № 11.
- Семенов, 1973 — Семенов Ю. И. Происхождение *Homo sapiens*. — «Биология в школе», 1973, № 1—2.
- Смирнов — Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре. — СА, 1964, № 4.
- Сорокин — Сорокин В. С. О локальных различиях в культуре нижнего палеолита. — СЭ, 1953, № 3.
- Страбон — Страбон. География в 17 книгах. М. — Л., 1964.
- Стратанович — Стратанович Г. Г. О ранних верованиях древних китайцев (тотемизм). — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 61, 1963.
- Тенишев — Тенишев Э. Р. Еще раз о происхождении лобнорцев. — «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964.
- Токарев, 1958 — Токарев С. А. К вопросу о методике изучения терминологии родства. — «Вестник МГУ. Историко-филологическая серия», 1958, № 4.
- Токарев, 1964 — Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — «Вопросы философии», 1964, № 11.
- Токарев, 1970 — Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры. — СЭ, 1970, № 4.
- У Жу-кан — У Жу-кан. Антропология в Китае. — СА, 1959, № 1.
- У Жу-кан, Чебоксаров — У Жу-кан, Чебоксаров Н. Н. О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая. — СЭ, 1959, № 4.
- Урысон, 1964 — Урысон М. И. Начальные этапы становления человека. — У истоков человечества. М., 1964.
- Урысон, 1966 — Урысон М. И. Новые находки костных остатков ископаемых гоминид в Восточной Азии. — ВА. Вып. 24, 1966.
- Урысон, 1969 — Урысон М. И. Некоторые проблемы происхождения человека в свете новых данных. — «Биологические науки», 1959, № 6.
- Урысон, 1973 — Урысон М. И. Люди или животные? — «Природа», 1973, № 1.
- Урысон, 1974 — Урысон М. И. Неужели человеку 3 миллиона лет? Человек: биология и социологические проблемы. — «Природа», 1974, № 6.
- Филин — Филин Ф. П. Несколько общих замечаний о проблемах этногенеза. — «Историко-филологические исследования». М., 1967.
- Формозов — Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР. М., 1959.
- Фукидид — Фукидид. История. Т. I—II. М., 1915.
- Хабургаев — Хабургаев Г. А. Этнический состав Древнерусского государства и образование трех восточнославянских народностей. — СЭ, 1972, № 1.
- Хомич — Хомич Л. В. Соотношение понятий «этногенез» и «этническая история». — «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1972—1973». М., 1974.
- Хрестоматия... — Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963.
- Цзацзуань — Цзацзуань. Изречения китайских писателей IX—XIX вв. М., 1969.
- Цуй Чэн-яо — Цуй Чэн-яо. Неандерталлоидная находка из Мапа, провинция Гуандун, Китай. — ВА. Вып. 13, 1963.
- Чард — Чард Ч. С. Некоторые проблемы диагностической хронологии на Северо-Востоке Азии. — СЭ, 1967, № 2.
- Чебоксаров, 1947 — Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении китайцев. — СЭ, № 1, 1947.
- Чебоксаров, 1947а — Чебоксаров Н. Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. — ТИЭ. Н. сер. Т. II, 1947а.

- Чебоксаров, 1960 — Чебоксаров Н. Н. Основные проблемы этнической антропологии Китая.— Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960 (отд. отт.).
- Чебоксаров, 1965 — Чебоксаров Н. Н. Антропологический состав населения.— Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965.
- Чебоксаров, 1965а — Чебоксаров Н. Н. Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока.— Вопросы истории Советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965.
- Чебоксаров, 1967 — Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— СЭ, 1967, № 4.
- Чебоксаров, 1970 — Чебоксаров Н. Н. Вступительное слово на симпозиуме «Проблемы этногенеза древних и современных народов».— «Труды VII МКАЭН». Т. 5. М., 1970.
- Чебоксаров, 1973 — Чебоксаров Н. Н. Новые данные по этнической антропологии Индии.— Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.
- Чебоксаров, 1973а — Чебоксаров Н. Н. К этнической антропологии Южного Китая (по материалам полевых исследований в провинции Гуандун).— СЭ, 1973а, № 5.
- Чебоксаров, Чебоксарова — Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971.
- Чеснов — Чеснов Я. В. Юго-Восточная Азия — древний культурный центр.— «Вопросы истории», 1973, № 1.
- Шицзин — Шицзин. М., 1957.
- Шмальгаузен — Шмальгаузен И. И. Проблемы дарвинизма. Изд. 2. Л., 1969.
- Эфроимсон — Эфроимсон В. П. Генетика человека и медицина.— «Генетика: наука и практика». Вып. II, М., 1968.
- Юзefович — Юзefович А. Н. Древние черепа из окрестностей озера Лобнор.— «Сборник музея антропологии и этнографии». Т. X. М.—Л., 1949.
- Языки... — Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968.
- Якимов, 1960 — Якимов В. П. Сведения о древних людях в Китае в журнале «Vertebrata palasiatica», № 1—3, 1959.— ВА. Вып. 3, 1960.
- Якимов, 1964 — Якимов В. П. Основные направления адаптивной радиации высших обезьян в конце третичного и начале четвертичного периода.— «Современная антропология», «Труды Московского общества испытателей природы». Т. 14, 1964.
- Якимов, 1967 — Якимов В. П. Стадии и внутростадиальная дифференциация в эволюции человека. М., 1967.
- Яхонтов, 1964 — Яхонтов С. Е. Глоттохронология и тибето-китайская семья языков. М., 1964.
- Яхонтов, 1971 — Яхонтов С. Е. Общие тенденции развития синитических языков.— «Страны и народы Востока». М., 1971.
- Яхонтов, 1971а — Яхонтов С. Е. О происхождении тайских числительных.— «Вопросы филологии стран Азии и Африки». Л., 1971.
- Яхонтов, 1973 — Яхонтов С. Е. О классификации языков Юго-Восточной Азии.— «Страны и народы Востока». М., 1973.
- Яценко-Хмельевский. — Яценко-Хмельевский А. Н. Предначертана ли эволюция? — «Природа», 1974, № 8.

На западноевропейских языках

- Aigner — Aigner S. Pleistocene Faunal and Cultural Stations in South China.— «Paper Submitted to Conference of Early Palaeolithic of East Asia». Montreal, 1973.
- Andersson, 1923 — Andersson J. G. An Early Chinese Culture.— «Bulletin of Geological Society of China», 1923, V, № 1.
- Andersson, 1925 — Andersson J. G. Preliminary Report on Archaeological

- Research in Kansu.—«Memoires of the Geological Society of China». Ser. A, 1925, № 51.
- Andersson, 1933 — Andersson J. G. Selected Ordos Bronzes.—«Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», 1933, № 4 (далее — BMFEA).
- Andersson, 1934 — Andersson J. G. Children of the Yellow Earth. London, 1934.
- Andersson, 1943 — Andersson J. G. Researches into the Prehistory of the Chinese.—BMFEA, 1943, № 15.
- Bauman — Bauman J. Pronouns and Pronominal Morphology in Tibeto-Burman. PhD Dissertation. Berkeley (Calif.), 1975.
- Benedict — Benedict P. K. Sino-Tibetan. A Conspectus. Cambridge, 1972.
- Black D. A Study of Kansu and Honan Aeneolithic Skulls and Specimen from Later Kansu Prehistoric Sites in Comparison with North China and other Recent Crania.—«Palaeontologia sinica». Ser. D, 1928, № 6, fasc. 1.
- Buxton — Buxton L. China, the Land and the People. Oxford, 1929.
- Bylin-Althin — Bylin-Althin M. The Sites of Ch'i Chia Ping and Lo Han T'ang.—BMFEA, 1949, № 18.
- Carbonell — Carbonell V. Variations of the frequency of Shovel-Shaped Incisors in different Populations.—«Dental Anthropology», 1963, № 5.
- Chalfant, Britton — Chalfant F., Britton R. The Couling-Chalfant Collection of Inscribed Oracle Bone. Shanghai, 1935.
- Chang Kwang-chih, 1962 — Chang Kwang-chih. New Evidence on Fossil Man in China.—«Science», 1962, vol. 136, № 3518.
- Chang Kwang-chih, 1964 — Chang Kwang-chih. Prehistoric and Early Historic Culture Horizons and Traditions in South China.—«Current Anthropology», 1964, vol. 5, № 5.
- Chang Kwang-chih, 1968 — Chang Kwang-chih. Archaeology of Ancient China. Ann Arbor, 1968.
- Chang Kwang-chih, Stuiver — Chang Kwang-chih, Stuiver M. Recent Advances in the Prehistoric Archaeology of Formosa.—«Proceedings of the National Academy of Sciences», 1966, vol. 55.
- Chang K. C., 1973 — Chang K. C. Radiocarbon Dates from China: Initial Interpretation.—«Current Anthropology», 1973, vol. 14, № 5.
- Cheboxarov, 1966 — Cheboxarov N. N. The Ethnic Anthropology of the Eastern Asia.—«XI Pacific Science Congress». M., 1966.
- Cheboxarov, Zoubov — Cheboxarov N. N., Zoubov A. A. Essential Problems of India's Ethnical Anthropology.—«XVIII International Congress of Orientalists, Canberra, January 6—12, 1971», M., 1970.
- Chia Lan-po — Chia Lan-po. Notes on the Human and Some Other Mammalian Remains from Changyang Hupei.—«Vertebrata palasiatica», 1957, t. 1, № 3.
- Conrady — Conrady A. Eine Indochinesische Causativ-Denominativ Bildung, Leipzig, 1896.
- Coon, 1958 — Coon C. An Anthropological Excursion on around the World.—«Human Biology», 1958, vol. 30.
- Coon, 1963 — Coon C. The Origin of Races. London, 1963.
- Coon, 1965 — Coon C. S. The Living Races of Man. New York, 1965.
- Creel — Creel H. G. On the Origins of the Manufacture and Decorations of Bronze in the Shang Period.—«Monumenta serica», 1935, vol. I.
- Delacouprie — Delacouprie T. The Languages of China before the Chinese. London, 1887.
- Dobson — Dobson W. A. Early Archaic Chinese. Toronto, 1962.
- Eberhard — Eberhard W. A History of China. Berkeley and Los Angeles, 1950.
- Eberhard, Eberhard — Eberhard W., Eberhard A. Die Mode der Han- und Chin-Zeit. Antwerpen, 1946.
- Ecsedy — Ecsedy H. Cultivators and Barbarians in Ancient China.—«Acta orientalia», 1974, t. XXVIII, fasc. 3.
- Edman, Söderberg — Edman V., Söderberg E. Auffindung Reis in einer

- Topscherte aus einer etwas fünftausend-jährigen Chinesischen Siedlung.— «Memoires of the Geological Society of China», 1929, t. 8, № 4.
- Eickstedt, 1934 — Eickstedt E. Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. Stutthart, 1934.
- Eickstedt, 1944 — Eickstedt E. Rassendynamik von Ostasien. Berlin, 1944.
- Erenberg — Erenberg V. Hellenes.— Oxford Classical Dictionary. Oxford, 1953.
- Fromaget, Saurin — Fromaget J., Saurin E. Note préliminaire sur les formations cénozoïques et plus récentes de la chaîne annamitique septentrionale.— «Bulletin de Service géologique de l'Indochine», 1936, XXII, № 3.
- Genêt-Varçin — Genêt-Varçin E. Les restes osseux des 100 rues.— «Bulletin de l'Ecole française de l'Extrême Orient», 1958, t. 49, fasc. 1.
- Granet — Granet M. Civilisation chinoise. Paris, 1930.
- Ha Van Tan — Ha Van Tan. On the Problem of Indonesian Type in the Primitive age in Vietnam. Hanoi, 1962.
- Harrison — Harrison T. The Great Cave of Niah. A Preliminary Report on Bornean Prehistory.— «Man», vol. 57, 1957.
- Imamichi — Imamichi Y. Anthropologische Untersuchungen über das Skelett des Ota (in Steinzeitmenschen. T. 1. Der Scadel).— «Journal of the Anthropological Society of Tokyo», 1933, vol. 48.
- Imamura — Imamura Y. The Skull and Other Skeletons of the Stone Age People Found near Ung-keui-pho, Corea.— «Journal of the Anthropological Society of Tokyo», 1932, vol. XLVII, № 542.
- Kahlke — Kahlke H. D. Neue Funde von Urmenschen-Resten in Ostasien.— «Natur und Museum», 1965, Bd 95, № 3.
- Karlgren, 1934 — Karlgren B. World families in Chinese.— BMFEA, 1934, № 5.
- Karlgren, 1936 — Karlgren B. On the Script of Chow Dynasty.— BMFEA, 1936, № 8.
- Karlgren, 1940 — Karlgren B. Grammata Serica.— BMFEA, 1940, № 12.
- Kintaka — Kintaka K. Anthropological Studies in Human Bones from Shell Mound of Yoshigo Mikawa. Pt 1.— «Journal of the Anthropological Society of Tokyo», 1928, vol. 43, Suppl. 6.
- Koenigswald — Koenigswald J. H. R. Gigantopithecus blacki von Koenigswald, a giant Fossil Hominoid from the Pleistocene of Southern China.— «Anthropological Papers American Museum of Natural History», 1952, vol. 43.
- Kyono, Miyamoto — Kyono K., Miyamoto U. Anthropologische Untersuchungen über das Skelett des Tsukumo-Muschelhautenmenschen. Der Schödel.— «Journal of the Anthropological Society of Tokyo», 1926, vol. 41.
- Legge — Legge J. The Chinese Classics. Vol. I—VIII. Peiping, 1939.
- Leroi-Gouran — Leroi-Gouran A. Le geste et la parole. Paris, 1965.
- Li — Li Ch. N. (ed.). Word Order and Word Order Change. Austin, 1975.
- Li Chi — Li Chi. Importance of the Anyang Discoveries in Prefacing known Chinese History with a New Chapter.— «Proceedings of the VIII Pacific Science Congress», 1955, vol. 1.
- Licent, Teilhard de Chardin, Black — Licent E., Teilhard de Chardin P., Black D. On an Presumably Pleistocene Human Tooth from the Sjara-Ossogul (South-Eastern Ordos) Deposits.— «Bulletin Geological Society of China», 1926, № 5.
- Mansuy, Colani — Mansuy H., Colani M. Contribution à la préhistoire d'Indochine.— «Mémoire de Service géologique de l'Indochine», 1925, t. XII.
- Mao Hsieh-chüin, Yen Yin.— Mao Hsieh-chüin, Yen Yin. Dental Conditions of the Shang Dynasty Skulls Excavated from Anyang and Huü-xiah.— «Vertebrata palasiatica», 1959, vol. III, № 4.

- Maringer, 1950 — Maringer J. Contribution to the Prehistory of Mongolia. Stockholm, 1950.
- Maringer, 1957 — Maringer J. Some Stone Tools Hoabinhian Type from Central Japan.— «Man», vol. LVII, 1957.
- Martin — Martin R. Lehrbuch der Anthropologie. Jena, 1928.
- Maspero — Maspero H. La Chine antique. Paris, 1927.
- Mengrin — Mengrin C. Weltgeschichte der Steinzeit. Stuttgart, 1931.
- Miyake, Yoshimi, Namba — Miyake S., Yoshimi T., Namba M. Über die menschlichen Skelettfunde in den Gräben von Hung-schan-hou bei Ch'in-fêng in Dschehol, Manschikuo.— «Archaeologia orientalia», ser. A, 1938, VI.
- Montelius — Montelius O. Die Chronologie der Ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Scandinavien. Braunschweig, 1900.
- Morant, 1923 — Morant G. M. A First Study of the Tibetan Skull.— «Biometrika», 1923, vol. XIV.
- Morant, 1924 — Morant G. M. A Study of Certain Oriental Series of Crania Including the Nepalese and Tibetan Series in the British Museum (Natural History).— «Biometrika», 1924, vol. XVI.
- Movius — Movius H. L. Early Man and Pleistocene Stragrophy in Southern and Eastern Asia.— «Papers Peabody Museum American Archaeology and Ethnology», 1944, vol. XIX, № 3.
- Nguyen Duy, Nguyen-quang Quyen — Nguyen Duy, Nguyen-quang Quyen. Early Neolithic Skulls in Quynh van (Nghe An) North Vietnam.— «Vertebrata palasiatica», 1966, № 1.
- Nesturch — Nesturch M. F. Apes, Giants and Man. Chicago, 1947.
- Norman, Mei — Norman J., Mei T. L. The Austroasiatics in Ancient South China: some lexical Evidences (mimeographed).— «Report on the Sino-Tibetan Conference», [6. m.], 1969.
- Olivier — Olivier G. Révision du crane mésolithique de Tam-pong (Laos).— «Bulletin et mémoires de la Société d'anthropologie de Paris», 1966, t. 9, XI-e série, № 3.
- Patte — Patte E. L'Indochine préhistorique.— «Revue anthropologique», 1936, t. XLVI.
- Pei Wen-chung — Pei Wen-chung. On the Upper Cave Industry.— «Peking Natural History Bulletin», 1939, vol. XIII.
- Pei Wen-chung, Woo Ju-kang — Pei Wen-chung, Woo Ju-kang. New Materials of Gigantopithecus teeth from South China.— «Acta palaeoethnologica sinica», 1956, t. 4.
- Prince Peter of Greece и др.— Prince Peter of Greece and Denmark, Edlberg L., Balslev Jorgensen Y., Paludan K., Siiger H. Anthropological Researches from the 3-rd Danish Expedition to Central Asia. København, 1966.
- Prusek — Prusek J. Chinese Statelets and the Northern Barbarians, 1400—300 B. C., Praha, 1971.
- Pulleyblank — Pulleyblank E. Prehistoric East-West Contacts Across Eurasia.— «Pacific Affairs», 1975, vol. 47, № 4.
- Purse-Stanek — Purse-Stanek E. Stone Implements and their use in the Agriculture of Taiwan. Wien, 1953.
- Schmidt — Schmidt W. Sprachfamilien und Sprachkreise der Erde. Heidelberg, 1926.
- Serruys, 1959 — Serruys P. The Chinese Dialects of Han Time according to Fang Yen. Berkely and Los Angeles, 1959.
- Serruys, 1969 — Serruys P. Fang Yen IV, 5 and 31, Knee Covers and Apron.— «Чжунъян яньцзюань лишн юйянь яньцзюсо цзикань», 1969, т. 39.
- Shafer — Shafer R. Introduction to Sino-Tibetan. Pt I. Wiesbaden, 1956.
- Simons — Simons E. L. Gigantopithecus in India.— «Yerkes News Letter», 1968, vol. 5, № 2.
- Suzuki, Sakai — Suzuki M., Sakai T. Shovel-shaped Incisors among the Living Polynesians.— «American Journal of Physical Anthropology», New series, 1964, vol. 22, № 1.

- Tcheboxarov, 1973 — Tcheboxarov N.N. Problems Essentials d'Anthropologie Ethnique de l'Asie du Sud-Est.—«XXIX International Congress of Orientalists, Paris, July 16—22, 1973». M., 1973.
- Tung Tso-pin — Tung Tso-pin. Fifty years of Studies in oracle Inscriptions. Tokyo, 1964.
- Ulenbrook, 1967 — Ulenbrook J. Einige Ubereinstimmungen zwischen dem Chinesischen und dem Indogermanischen (Vorlaufiger Bericht).—«Anthropos», 1967, vol. 62, № 3—4.
- Ulenbrook, 1968—1969 — Ulenbrook J. Zum Chinesischen Wart hüe für «Blut».—«Anthropos», 1968—1969, vol. 65, № 1—2.
- Ulenbrook — Ulenbrook J. Zum Chinesischen Wart ti.—«Anthropos», 1970, vol. 65, № 3—4.
- Ulving — Ulving T. Indo-European Elements in Chinese? — «Anthropos», 1968—1969, vol. 63—64, № 5—6.
- Verneau — Verneau R. Les crânes humaines du gisement préhistorique de Pho-Binh-Gia (Tonkin).—«L'Anthropologie», 1909, t. XX.
- Weidenreich, 1939 — Weidenreich F. On the Earliest Representatives of Modern Mankind recovered on the Soil of East Asia.—«Peking Natural History Bulletin», 1939, t. XIII.
- Weidenreich, 1943 — Weidenreich F. The Skull of Sinanthropus pekinensis: a Comparative Study on a Primitive Hominid Skull.—«Palaeontologica sinica», ser. D, 1943, № 10.
- Weidenreich, 1945 — Weidenreich F. Giant Early Man from Java and South China.—«American Museum of Natural History», 1945, 40.
- Wolfenden — Wolfenden S. N. Outlines of Tibeto-Burman morphology. London, 1929.
- Woo Ju-kang, 1956 — Woo Ju-kang. Human fossils Found in China and their Significance in Human Evolution.—«Scientica sinica», 1956, vol. V, № 2.
- Woo Ju-kang, 1957 — Woo Ju-kang. Dryopithecus Teeth from Keiyuan, Yunnan Province.—«Vertebrata palasiatica», 1957, vol. I, № 1.
- Woo Ju-kang, 1958 — Woo Ju-kang. Fossils Human Parietal Bone and Ferom from Ordos, Inner Mongolia.—«Vertebrata palasiatica», 1958, t. 2, № 4.
- Woo Ju-kang, 1958a — Woo Ju-kang. New Materials of Dryopithecus from Keiyuan, Yunnan.—«Vertebrata palasiatica», 1958, t. 2, № 1.
- Woo Ju-kang, 1959 — Woo Ju-kang. Human Fossils Found in Liukiang, Kuangsi, China.—«Vertebrata palasiatica», 1959, t. 3, № 3.
- Woo Ju-kang, 1960 — Woo Ju-kang. New Discoveries of Palaeoanthropology in China.—«Science Record», New Ser., 1960, vol. 4, № 2.
- Woo Ju-kang, 1962 — Woo Ju-kang. The Mandibles and Dentition of Gigantopithecus.—«Palaeontologia sinica», D., New Ser., 1962, № 11.
- Woo Ju-kang, 1964 — Woo Ju-kang. Mandible of Sinanthropus Lantianensis.—«Current Anthropology», 1964, vol. 5, № 2.
- Woo Ju-kang, 1966 — Woo Ju-kang. The Skull of Lantien Man.—«Current Anthropology», 1966, vol. 7, № 1.
- Woo Ju-kang, Chia Lan-po, 1954 — Woo Ju-kang, Chia Lan-po. New Discoveries about Sinanthropus pekinensis in Choukoutien.—«Scientia sinica», 1954, t. III.
- Woo Ju-kang, Chia Lan-po, 1959 — Woo Ju-kang, Chia Lan-po. Fossil Human Skull Base of Paleolithic Stage from Chilishan, Leipin District, Kwangsi Province.—«Vertebrata palasiatica», 1959, t. 3, № 1.
- Woo Ju-kang, Peng Ru-ce — Woo Ju-kang, Peng Ru-ce. Fossil Human Skull of Early Paleanthropic Stage found at Mapa, Shaoguan, Kwantung Province.—«Vertebrata palasiatica», 1959, t. 3, № 4.
- Wulff — Wulff K. Chinesisch und Thai. Kopenhagen, 1934.

- Ань Чжи-минь, 1953 — Ань Ч жи - минь. Хэбэйшэн таншаньши цзягэчжуан фацзюэ баогао (Отчет о раскопках в Цзягэчжуане, близ г. Таншань, провинция Хэбэй).— «Каогу сюэбао», 1953, № 1—2.
- Ань Чжи-минь, 1959 — Ань Ч жи - минь. Шилунь хуанзэ лююй синьшици шидай вэньхуа (О культурах неолита в бассейне Хуанхэ).— «Каогу», 1959, № 10.
- Аньян...— Аньян синь фасяньды иньдай чэмакэн (Еще одно погребение с колесницей иньского времени в Аньяне).— «Каогу», 1972, № 4.
- Бэйцин фуцзинь...— Бэйцин фуцзинь фасянь ды сичжоу нули сюньцзан му (Западночжоское захоронение с согребением рабов, обнаруженное под Пекином).— «Каогу», 1974, № 5.
- Ван Сы-ли — В а н С ы - л и. Шаньдун аньцю цзинчжичжэнь синьшици шидай муцзан фацзюэ (Раскопки неолитических погребений в Цзинчжичжэне, Шаньдун, уезд Аньцю).— «Каогу сюэбао», 1959, № 4.
- Ван Тун-лин — В а н Т у н - л и н. Чжунго миньцзу ши (История китайской нации). Бэйпин, 1934.
- Ван Юй-чжэ — В а н Ю й - ч ж э. Чжунго шангу шиган (Очерки древнейшей истории Китая). Шанхай, 1959.
- Вэй Цзюй-сянь — В э й Ц з ю й - с я н ь. Гуши яньцзю (Исследования по древней истории). Т. 3. Шанхай, 1937.
- Вэй Шу-сюнь — В э й Ш у - с ю н ь. Аньян чутоу фань (Керамическая форма в виде человеческой головы из Аньяна).— «Каогу», 1959, № 5.
- Ганьсу линтао линься...— Ганьсу линтао линься лянсянь каогу дяоча цзяньбао (Краткий отчет об археологических разведках в уездах Линьтао и Линься в Ганьсу).— «Каогу тунсюнь», 1958, № 9.
- Ганьсу линься...— Ганьсу линься мацзявань ичжи фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках поселения Мацзявань в Линься, провинция Ганьсу).— «Каогу», 1961, № 11.
- Гао Чжи-си — Г а о Ч ж и - с и. Шандай жэньмянь фандин (Тетрапод эпохи Шан с изображениями человеческого лица).— «Вэньбу», 1960, № 10.
- Го Бао-цзюнь — Г о Б а о - ц з ю н ь. Шаньбяочжэнь юй люлигэ (Шаньбяочжэнь и Люлигэ). Пекин, 1959.
- Го Дэ-юн — Г о Д э - ю н. Ганьсу вэйхэ шанью вэйюань лунси ушань саньсянь каогу дяоча (Археологические разведки в уездах Вэйюань, Лунси, Ушань в верховьях Вэйхэ, провинция Ганьсу).— «Каогу тунсюнь», 1958, № 7.
- Го Мо-жо, 1954 — Г о М о - ж о. Цинтун шидай (Бронзовый век). Пекин, 1954.
- Го Мо-жо, 1958 — Г о М о - ж о. Лян чжоу цзиньвэньцы да си (Общий свод надписей на бронзе эпохи Чжоу). Т. I—VIII. Пекин, 1958.
- Го Мо-жо, 1965 — Г о М о - ж о. Иньци шуй бянь (Лучшие образцы иньских надписей). Пекин, 1965.
- Гоюй — Гоюй. Шанхай, 1957.
- Гу Дун-гао — Г у Д у н - г а о. Чуньцю даши бяо (Важнейшие события периода Чуньцю в таблицах).— «Хуаньцин цзин цзо сой бянь» (Дополнительные толкования классических книг историками царствующей династии Цин). Т. IV, разд. 5. Шанхай, 1889.
- Гуаньцзы — Гуаньцзы. Шанхай, 1928.
- Дациншань... — Дациншань ся фасянь и пи тунци (Бронзовые предметы, обнаруженные у подножия Дациншаня).— «Вэньбу», 1965, № 2.
- Дун Цзо-бинь — Д у н Ц з о - б и н ь. Иньской вэньцзы цзябянь (Первая публикация иньских надписей). Пекин, 1948.
- Дун Цзо-бинь, 1949 — Д у н Ц з о - б и н ь. Иньской вэньцзы лбянь (Вторая публикация иньских надписей). Шанхай, 1949.
- Дун Цзо-бинь, 1965 — Д у н Ц з о - б и н ь. Цзягусюэ люши нянь (Шестьдесят лет науки о гадательных надписях). Тайбэй, 1965.

- Дун Цзо-бинь, 1967 — Дун Цзо-бинь. Чжунго вэньцзы (Китайская письменность). — Чжунго вэньхуа хуньцзи (Сборник статей по китайской культуре). I. Тайбэй, 1967.
- И цзю лю и... — И цзю лю и цзюлю эр нянь шаньси чаньвань фэн дун шицзюэ цзяньбао (Предварительный отчет о разведочных раскопках на восточном берегу р. Фэншуй близ Чанани, провинция Шэньси, в 1961 — 1962 гг.). — «Каогу», 1963, № 8.
- И цзю лю сань нянь... — И цзю лю сань нянь хубэй хуанпо паньлунчэн шандай ичжи ды фацзюэ (Раскопки иньского поселения в Паньлунчэне близ Хуанпо, провинция Хубэй, в 1963 г.). — «Вэньу», 1976, № 1.
- И цзю у ба... — И цзю у ба и цзю лю и нянь хубэй юньсянь хэ цзюньсянь фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках в уезде Каоюньсянь и Цзюньсянь, провинция Хубэй, в 1958—1961 гг.). — «Каогу», 1961, № 10.
- И цзю ци сань... — И цзю ци сань нянь аньян сяотунь наньди фацзюэ цзяньбао (Предварительный отчет о раскопках южного участка Сяотуня в Аньяне в 1973 г.). — «Каогу», 1975, № 1.
- Каогусюэ цзичу — Каогусюэ цзичу (Основы археологии). Пекин, 1958.
- Ли Ань-чжай — Ли Ань-чжай. Или юй лици чжи шэхуйсюэ ды яньцзю (Социологическое исследование «Или» и «Лици»). Шанхай, 1935.
- Ли Дань-цю — Ли Дань-цю. Или чжи сюйбянь (Вторая публикация из случайных находок иньских надписей). Шанхай, 1950.
- Ли И-ю — Ли И-ю. Нэйменгу хэлиньгэрсянь чу ту ды тунци (Бронзовые предметы, найденные в уезде Хэлиньгэр, Внутренняя Монголия). — «Вэньу», 1959, № 6.
- Ли Фан-гуй — Ли Фан-гуй. Тайюй си шэнму цзи шэндяо ды гуаньси (Связь между тоном и начальной согласной в тайских языках). — «Лиши юйнь яньцзю со цзикань», 1962, № 34.
- Ли Ши-гуй, Цзэн Ци — Ли Шугуй, Цзэн Ци. Гуаной саньлицяо яншао ицунь вэньхуа синчжи хэ няньдай ды таолунь (К дискуссии о культурном облике и датировке яншаоских памятников в Саньлицяо). — «Каогу», 1965, № 11.
- Ли Ю-хэн, Хань Дэ-фэнь — Ли Ю-хэн, Хань Дэ-фэнь. Шаньси сянь баньпо синьшици шидай ичжи чжун ды шоулэй гугэ (Фаунистические остатки из неолитического поселения близ Баньпо, Шэньси, Сиань). — «Гу цзичжуй дуньбу юй гу жэньлэй», 1959, № 4.
- Ли Я-нун — Ли Я-нун. Иньдай шэхуй шэнхо (Социальная жизнь иньской эпохи). Шанхай, 1957.
- Линь И-пу — Линь И-пу. Сицзян тагун линьчжицунь фасянь ды гудай жэньлэй ихай (Костные остатки человека, обнаруженные в дер. Линьчжи, Тагун, Тибет). — «Гу цзичжуй дуньбу юй гу жэньлэй», 1961, № 3.
- Линь Юй-тан — Линь Юй-тан. Юйяньсюэ луныун (Статьи по языкознанию). Тайбэй, 1967.
- Линь Янь — Линь Янь. Чжунго миньцзу ды юлай (Происхождение китайского народа). Шанхай, 1947.
- Ло Чжэнь-юй, 1913 — Ло Чжэнь-юй. Иньской шуци цзяньбянь (Иньские надписи, часть первая). Т. 1—8. Киото, 1913.
- Ло Чжэнь-юй, 1914 — Ло Чжэнь-юй. Иньской шуци цзиньхуа (Избранные иньские надписи), [б. м.], 1914.
- Ло Чжэнь-юй, 1916 — Ло Чжэнь-юй. Иньской шуци хоубянь (Иньские надписи, часть вторая). Киото, 1916.
- Ло Чжэнь-юй, 1933 — Ло Чжэнь-юй. Иньской шуци сюйбянь (Иньские надписи, часть третья). Пекин, 1933.
- Ло Чжэнь-юй, 1937 — Ло Чжэнь-юй. Саньдай цзидзинь вэньцунь (Свод надписей на бронзе трех династий). Пекин, 1937.
- Лоян... — Лоян ванвань ичжи фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках поселения Ванвань в Лояне). — «Каогу», 1961, № 4.
- Лю Яо — Лю Яо. Луншань вэньхуа юй яншао вэньхуа чжи фэньси (Анализ культур луншань и яншао). — «Чжунго каогу сюэбао», 1947, № 2.
- Люй Сы-мянь — Люй Сы-мянь. Чжунго миньцзу яньцзинь ши (История развития китайской нации). Шанхай, 1935.

- Лян Сы-юн — Лян Сы-юн. Каогу луньвэньцзи (Сборник статей по археологии). Пекин, 1959.
- Лян Ци-чао — Лян Ци-чао. Гоши яньцзю лю пянь (Шесть исследований по отечественной истории). Шанхай, 1936.
- Лян Юань-дун — Лян Юань-дун. Шанжэнь цзы се чжи чэн ба цянь чункао юй шан миньцзю син юй дунту бои (Новое исследование восьми переселений шанцев в период от Се до Чэн Тана и опровержение версии о том, что шанский этнос возник на востоке). — «Дунфан цзачжи», 1933. Т. 30, № 19.
- Ма Чан-шоу — Ма Чан-шоу. Бэйдэ юй сюнну (Северные ди и сюнну). Пекин, 1962.
- Ма Чэн-юань, 1957 — Ма Чэн-юань. Яншао вэньхуа ды цайтао (Крашенная керамика культуры яншао). Шанхай, 1957.
- Ма Чэн-юань, 1961 — Ма Чэн-юань. Ганьсу хуйдиэр цзи цинганча синьшици шидай ичжи ды дяоча (Разведки неолитических поселений Хуйдиэр и Цинганча в Ганьсу). — «Каогу», 1961, № 7.
- Ма Чэн-юань, 1961а — Ма Чэн-юань. Люэлунь яншао вэньхуа хэ мацзяо вэньхуа ды вэньти (Коротко о проблемах культур яншао и мацзяо). — «Каогу», 1961, № 7.
- Ма Чэн-юань, 1961б — Ма Чэн-юань. Маньтань чжаньго цинтунци шандя хуасян (По поводу изображений на бронзовых сосудах эпохи Чжаньго). — «Вэньу», 1961, № 10.
- Моцзы иньдэ — Моцзы иньдэ (Указатель к «Моцзы»). Пекин, 1948.
- Мэн Вэнь-тун — Мэн Вэнь-тун. Чжоу цинь шаошу миньцзю яньцзю (Изучение национальных меньшинств эпох Чжоу и Цинь). Шанхай, 1958.
- Мяодигоу... — Мяодигоу юй саньлицяо (Мяодигоу и Саньлицяо). Пекин, 1959.
- Пэй Вэнь-чжун — Пэй Вэнь-чжун. Чжунго цзюшици шидай ды вэньхуа (Культура палеолита в Китае). Пекин, 1955.
- Пэй Вэнь-чжун, У Жу-кан — Пэй Вэнь-чжун, У Жу-кан. Цзыян жэнь (Цзыянский человек). Пекин, 1957.
- Пэй Вэнь-чжун, У Жу-кан, Цзя Лань-по и др. — Пэй Вэнь-чжун, У Жу-кан, Ван Цзэ-и. Шаньси сяньфэнсянь динцун цзю шици шидай ичжи фадзюэ баогао (Отчет о раскопках палеолитической стоянки в Динцуне, уезд Сяньфэнь, провинция Шаньси). Пекин, 1958.
- Сиань баньпо — Сиань баньпо (Баньпо близ Сиани). Пекин, 1963.
- Синтансянь лицзячжуан — Синтансянь лицзячжуан фасянь чжанго тунци (Бронзовые предметы, обнаруженные в Лицзячжуане, уезд Синтан). — «Вэньу», 1963, № 4.
- Синь чжунго... — Синь чжунго каогу шоухо (Археология в новом Китае). Пекин, 1961.
- Сюй Сюэ-шэн — Сюй Сюэ-шэн. Люэ тань яньцзю ся вэньхуа ды вэньти (Коротко об изучении культуры Ся). — «Синь цзяньшэ», 1960, № 3.
- Сюньцзы иньдэ — Сюньцзы иньдэ (Указатель к «Сюньцзы»). Пекин, 1950.
- Ся Най, 1951 — Ся Най. Хэнань мяньчи шицзянь ичжи (Доисторическая стоянка в уезде Мяньчи, провинция Хэнань). — «Кэсюэ тунбао», 1951, № 9.
- Ся Най, 1960 — Ся Най. Чанцзян лююй каогу вэньти (Проблемы археологии бассейна Янцзы). — «Каогу», 1960, № 2.
- Ся Най, 1961 — Ся Най. Каогусяэ луньвэньцзи (Сборник статей по археологии). Пекин, 1961.
- Сяотунь — Сяотунь. Иньсуй вэньцзы ибянь (Сяотунь. Вторая публикация иньских надписей, ч. 2). Пекин, 1953.
- Такигава Камэттаро — Такигава Камэттаро. Шици хуйчжоу каочжэн («Исторические записки» со сводным комментарием и исследованием текста). Т. 1—10. Пекин, 1955.
- Тан Лань, 1939 — Тан Лань. Тяньжангэ цзюгу вэньцунь (Иньские надписи из коллекции Тяньжанга). [б. м.], 1939.
- Тан Лань, 1957 — Тан Лань. Цзай цзюгу цзиньвэнь чжун соцзянь ды и чжун ицзин иши ды чжунго гудай вэньцзы (Утраченная древнекитайская

письменность, следы которой сохранились в надписях на гадательных костях и бронзовых сосудах).— «Каогу сюэбао», 1957, № 2.

- Тао Цзюнь-сюань — Тао Цзюнь-сюань. Ду ли тiao као (Исследование отдельных положений «Лици»). [6. м.], 1897.
- Тун Чжу-чэнь — Тун Чжу-чэнь. Дунбэй цзю шици шидай вэньти (Проблемы палеолита на Северо-Востоке Китая).— «Голи шэньян боугуань чоубэй вэйюаньхуй хуйкань», 1935, № 1.
- Тун Шу-е — Тун Шу-е. Чунью ши (История периода Чунью). Шанхай, 1946.
- У Дин-лян — У Дин-лян. Наньцин бэйиньянтин синьшици шидай ваньци жэньлэй ихай (ся ханьгу) ды яньцзю [Исследование костных остатков (нижних челюстей) людей позднего неолита из Бэйиньянгина, Наньцин].— «Гу цзичжуй дунью юй гу жэньлэй», 1961, № 1.
- У Жу-кан — У Жу-кан. Ланьтянь юаньжэнь (Ланьтяньский архантроп).— «Вэнью», 1973, № 6.
- У Жу-кан, У Синь-чжи, Ван Цунь-и — У Жу-кан, У Синь-чжи, Ван Цунь-и. Чжунго юаньжэнь нюйсин тоусян ды фуюань (Восстановление облика женщины-сиантропа по ее черепу).— «Гу цзичжуй дунью юй гу жэньлэй», 1959, № 3.
- У Жу-кан, Цзя Лань-по — У Жу-кан, Цзя Лань-по. Чжунго фасяньды гэ чжун жэньлэй жуаши цзи ци цзай жэньлэй цзиньхуа шаньды ни (Палеоантропологические находки в Китае и их место в эволюции человека).— Го Мо-жо и др. Чжунго жэньлэй жуашиды фасянь юй яньцзю (Палеоантропологические находки в Китае и их изучение). Пекин, 1955.
- У Жу-цзо — У Жу-цзо. Ганьцин дицью юаньши вэньхуа ды гаймао цзи ци сяньху гуаньси (Облик культур эпохи первобытного общества на территории Ганьсу — Цинхай и их соотношение).— «Каогу», 1961, № 1.
- У Ли — У Ли. Мяодигоу яншао ицунь ин би саньлицяо ды вэй вань (Яншаоские памятники в Мяодигоу должны быть более поздними, чем в Саньлицяо).— «Вэнью», 1973, № 6.
- У Шань-цин — У Шань-цин. Люэлунь цинляньган вэньхуа (Коротко о культуре цинляньган).— «Вэнью», 1973, № 6.
- Фаншэсин...— Фаншэсин таньсу цэдин няндай баогао (Отчет об определении археологического возраста методом радиоуглерода). Ч. 1.— «Каогу», 1972, № 1; Ч. 2.— «Каогу», 1972, № 5; Ч. 3.— «Каогу», 1974, № 5.
- Фань Сян-юн — Фань Сян-юн. Губэнь чжужу цзинянь цзицзю сюбо (Исправления и добавления к «Губэнь чжужу цзинянь цзицзю»). Шанхай, 1957.
- Хамада Косаку — Хамада Косаку. Дунья вэньхуа чжи лимин (Истоки культур Восточной Азии). Шанхай, 1932.
- Хань Кан-синь — Хань Кан-синь. Шэньян чжэнцзявацзы ды лян цзюй цинтун шидай ды жэньгу (Костные остатки двух людей эпохи бронзы из Чжэнцзявацзы, г. Шэньян).— «Каогу сюэбао», 1975, № 1.
- Хань Кан-синь, Лу Цин-у, Чжан Чжэн-бяо — Хань Кан-синь, Лу Цин-у, Чжан Чжэн-бяо. Цзянсу пэйсян дадуньцзы синьшици шидай жэньгу ды яньцзю (Исследование человеческих костяков неолитического времени из Дадуньцзы, уезд Пэйсянь, провинция Цзянсу).— «Каогу сюэбао», 1974, № 2.
- Хань Кан-синь, Чжан Чжэн-бяо, Цзэн Фань — Хань Кан-синь, Чжан Чжэн-бяо, Цзэн Фань. Миньхоу таньшишань ичжиды жэньгу (Костные остатки людей из поселения Таньшишань в Миньхоу).— «Каогу сюэбао», 1976, № 1.
- Ханьшу — Ханьшу, Шанхай, 1964.
- Ху Хоу-сюань, 1951 — Ху Хоу-сюань. Чжаньхоу наньбэй соцзянь цзягулу (Иньские надписи, обнаруженные после войны на севере и юге Китая). Т. 1—13. Шанхай, 1951.
- Ху Хоу-сюань, 1954 — Ху Хоу-сюань. Чжаньхоу цзиньцининь синьхо цзягу цзи (Новые гадательные надписи, обнаруженные после войны в Пекине и Тяньцзине). Шанхай, 1954.

- Ху Хоу-сюань, 1955 — Ху Хоу-сюань. Цзягу суйцунь (Новые коллекции иньских надписей). Шанхай, 1955.
- Хуайань цинляньган....— Хуайань цинляньган синьшици шидай ичжи дяоча баогао (Отчет о разведках неолитических стоянок в Цинляньгане, Хуайань).— «Каогу сюэбао», 1955, № 9.
- Хуан Цзюнь — Хуан Цзюнь. Е чжун пянь юй (Древние реликвии из местности Е). Кайфэн, 1935.
- Хуанхэ шанью яньгося...— Хуанхэ шанью яньгося юй бапанься каогу дяоча цзи (Заметки об археологических разведках в районе Яньгося — Бапанься в верховьях Хуанхэ).— «Каогу», 1965, № 7.
- Хэбэйшэн цзи нянь...— Хэбэйшэн цзи нянь лай цзай фэйтун чжун фасянь ды вэньбу (Памятники материальной культуры, обнаруженные за последние годы среди бронзового лома в Хэбэе).— «Вэньбу», 1960, № 2.
- Хэнань яньши...— Хэнань яньши эрлитоу цзао шан гундянь ичжи фацзюэ цзяньбао (Предварительный отчет о раскопках раннешанского дворца в Эрлитоу, уезд Яньши, провинция Хэнань).— «Каогу», 1974, № 4.
- Цзиншань...— Цзиншань цюйцзялин (Цюйцзялин в Цзиншань). Пекин, 1965.
- Цзинь Цзу-тун — Цзинь Цзу-тун. Иньци ичжу (Затерянные жемчужины иньских надписей). Шанхай, 1939.
- Цзэн И-гун — Цзэн И-гун. Цзягу чжуйхэ бьянь (Реконструкции иньских надписей). Шанхай, 1950.
- Цзя Лань-по, Янь Инь — Цзя Лань-по, Янь Инь. Ситуаньшань жэньгу ды ящцзю баогао (Отчет об исследовании костяков из Ситуаньшаня).— «Каогу сюэбао», 1963, № 2.
- Цзян Цзуань-чу — Цзян Цзуань-чу. Гуаньюй цзянсу ды юаньши вэньхуа ичжи (О стоянках первобытной культуры в Цзянсу).— «Каогу сюэбао», 1959, № 4.
- Цзянсу пэйсянь дадуныцзы...— Цзянсу пэйсянь дадуныцзы ичжи таньцзюэ баогао (Отчет о разведочных раскопках поселения в Дадуныцзы, уезд Пэйсянь, провинция Цзянсу).— «Каогу сюэбао», 1962, № 2.
- Цзянсу пэйсянь сыхучжэнь...— Цзянсу пэйсянь сыхучжэнь дадуныцзы ичжи таньцзюэ баогао (Отчет о разведочных раскопках в Дадуныцзы, г. Сыху, уезд Пэйсянь, провинция Цзянсу).— «Каогу сюэбао», 1964, № 2.
- Ци Сы-хэ, 1940 — Ци Сы-хэ. Янь у бу вэй чжоу фэн го као (Исследование о том, что царства Янь и У не были пожалованы Чжоу).— «Яньцзин сюэбао», 1940, т. 28.
- Ци Сы-хэ, 1949 — Ци Сы-хэ. Маоши гумин као (Исследование названий знаков в «Шицзине»).— «Яньцзин сюэбао», 1949, т. 3.
- Циньцзу лиян...— Циньцзу лиян ичжи чубу каньча цзи (О первоначальном обследовании развалин циньской столицы в Лияне).— «Вэньбу», 1966, № 1.
- Цысянь сяпаньван ичжи...— Цысянь сяпаньван ичжи фацзюэ баогао (Отчет о раскопках поселения Сяпаньван в уезде Цысянь).— «Каогу сюэбао», 1975, № 1.
- Цэнь Чжун-мянь — Цэнь Чжун-мянь. Хуанхэ бьяньцян ши (История изменения русла Хуанхэ). Пекин, 1957.
- Чжан Чжун-пэй, Янь Вэнь-мин — Чжан Чжун-пэй, Янь Вэнь-мин. Саньлицяо яншао ицунь вэньхуа синчжи юй няньдай (Культурный облик и датировка яншаоских памятников в Саньлицяо).— «Каогу», 1964, № 6.
- Чжан Ши-юань — Чжан Ши-юань. Шитань мяодигоу юй сяньлицяо яншао ицунь ды сяньхоу гуаньси (О хронологическом соотношении памятников культуры яншао в Мяодигоу и Саньлицяо).— «Каогу», 1961, № 7.
- Чжаньго...— Чжаньго цэ сян чжу («Чжаньго цэ» с комментариями). Шанхай, 1936.
- Чжао И-цин — Чжао И-цин. Шаньдиндун жэнь эр нюйсин чжунцзу шуюань вэньти ды яньцзю (Исследование вопроса о расовой принадлежности двух женских особей шаньдиндунского человека).— «Гу цзичжуй дуньбу юй гу жэньлэй», 1961, № 1.

- Чжи Вэнь — Ч жи Вэнь. Хэмуду ичжи фасянь ды чжунда ин (Выдающееся значение находок в поселении близ Хэмуду). — «Гуанмин жибао», 7.XII.1976.
- Чжоу Жэнь, Ли Цзя-чжи, Чжэн Юн-пу — Ч жоу Жэнь, Ли Цзя-ч жи, Ч жэн Юн-пу. Чжанцзяпо сичжоу таоцышаоцзао дицшой ды таньтао (Исследование вопроса о том, где была изготовлена керамика, найденная в Чжанцзяпо). — «Каогу», 1961, № 8.
- Чжоу Кунь-шу — Ч жоу Кунь-ш у. Сиань баньпо синьшици шидай ичжи ды хуафэнь фэньси (Пыльцевой анализ образцов из неолитической стоянки в Баньпо, Сиань). — «Каогу», 1963, № 9.
- Чжоу Кунь-шу, Е Юн-ин, Янь Фу-хуа — Ч жоу Кунь-ш у, Е Юн-ин, Янь Фу-х у а. Ча юэжунци даифацюаньцунь сишици вэньхуа ичжи хуафэнь фэньси (Пыльцевой анализ образцов из стоянки микролитической культуры близ деревни Даифацюань, Чахар). — «Каогу», 1975, № 1.
- Чжу Кэ-чжэнь — Ч жу Кэ-ч жэнь. Чжунго цзинь у цянь нянь лай цихоу бяньцянь ды чубу яньцзю (Предварительное исследование изменений климата в Китае на протяжении последних 5 тыс. лет). — «Каогу сюэбао», 1972, № 1.
- Чжуанцзы — Ч жуанцзы, Шанхай, 1935.
- Чжэн Цзя-сян — Ч жэн Цзя-с ян. Чжунго гудай хоби фачжаныши (История развития древнекитайской монеты). Пекин, 1958.
- Чжэнчжоу ши мингунлу... — Ч жэнчжоу ши мингунлу сицэ ды лян цзо шандай му (Два захоронения эпохи Шан к западу от Мингунлу в г. Чжэнчжоу). — «Каогу», 1965, № 10.
- Чжэнчжоу дахэцунь... — Ч жэнчжоу дахэцунь яншао вэньхуа ды фанци ичжи (Остатки жилища культуры яншао в Дахэцунь, Чжэнчжоу). — «Каогу», 1973, № 6.
- Чифэнь... — Чифэнь нинчэн сяцзядянь шанцэн вэньхуа жэньгу яньцзю (Исследования костных остатков людей из верхнего слоя Сяцзядянь в Чифэне и Нинчэне). — «Каогу сюэбао», 1975, № 2.
- Чэнь Мэн-цзя, 1955 — Ч энь Мэн-ц я. Сичжоу тунци дуаньдай (Хронология бронзовых сосудов Западного Чжоу). Ч. 2 — «Каогу сюэбао», 1955, т. 10.
- Чэнь Мэн-цзя, 1956 — Ч энь Мэн-ц я. Иньской буцы цзуншу (Общий свод сведений о гадательных надписях из иньской столицы). Пекин, 1956.
- Чэнь Дэнь-юань — Ч энь Дэнь-ю ань. Гомин шугу (Происхождение названия «Китай»). Т. 7—8. Шанхай, 1936.
- Чэнь Хао — Ч энь Ха о. Лицизи цзишо («Лицизи» со сводным комментарием). Шанхай, 1936.
- Шан Бин-хэ — Ш ан Бин-х э. Лидай шэхуй чжуанкуан ши (История социальной жизни различных эпох). Т. 1—20, [б. м.] [б. г.].
- Шан Чэн-цзо — Ш ан Ч эн-ц зо. Иньци ицунь (Сохранившиеся иньские надписи). Шанхай, 1933.
- Шаньдун цюйфу сисяхоу... — Шаньдун цюйфу сисяхоу ичжи дницы фацзюэ баогао (Отчет о первом сезоне раскопок поселений Сисяхоу, Шаньдун, Цюйфу). — «Каогу сюэбао», 1964, № 2.
- Шаньси биньсянь сямэньцунь... — Шаньси биньсянь сямэньцунь яншао вэньхуа ичжи сюйцзюэ цзяньбао (Краткий отчет о повторных раскопках поселения культуры яншао в Сямэньцуне, Шэньси, уезд Биньсянь). — «Каогу». 1962, № 6.
- Шаньси сисянь..., 1961 — Шаньси сисянь лицзяцунь синьшици шидай ичжи (Неолитическая стоянка в Лицзяцуне, Шэньси, уезд Сисянь). — «Каогу», 1961, № 7.
- Шаньси сисянь..., 1962 — Шаньси сисянь лицзяцунь синьшици шидай ичжи 1961 нянь фацзюэ цзяньбао (Краткий отчет о раскопках неолитической стоянки Лицзяцунь, Шэньси, уезд Сисянь, в 1961 г.). — «Каогу», 1962, № 6.
- Ши Син-бан — Ши Син-б ан. Югуань мацзяо вэньхуа ды исе вэньти (О некоторых проблемах культуры мацзяо). — «Каогу», 1962, № 6.
- Шэньян... — Шэньян чжэнцзявацзы ды лян цзо цинтун шидай муцзан (Два погребения бронзового века из Чжэнцзявацзы, г. Шэньян). — «Каогу сюэбао», 1975, № 1.

- Ян Бо-цзюнь — Ян Бо - цзюнь. Лецзы цзиши (Свод комментариев к «Лецзы»). Шанхай, 1958.
- Ян Куань — Ян Куань. Шан ян бьяньфа (Реформы Шан Яна). Шанхай, 1957.
- Ян Си-мэй — Ян Си - мэй. Хэнань яньян иньской муцзан чжун жэньти ды чжэнли хэ яньцзю (Исследование костных остатков в погребениях близ иньской столицы в Аньяне, пров. Хэнань). — «Лиши юйянь яньцзюсю цзикань», 1972, т. 42.
- Ян Цзы-фань — Ян Цзы - фань. Шаньдун нинъянсянь баотоу ичжи цинли цзяньбао (Краткий отчет о раскопках поселения Баотоу, Шаньдун, уезд Ниньян). — «Вэньбу», 1959, № 10.
- Ян Цзянь-фан, 1962 — Ян Цзянь-фан. Люэлунь яншао вэньхуа хэ мяцзяю вэньхуа ды фаньци (Коротко о периодизации культур яньшао и мацзяю). — «Каогу сюэбао», 1962, № 1.
- Ян Цзянь-фан, 1962а — Ян Цзянь-фан. Яншао вэньхуа ды цзигэ веньти (Некоторые вопросы культуры яньшао). — «Каогу», 1962, № 5.
- Ян Цзянь-фан, 1963 — Ян Цзянь-фан. Аньхуй дяюйтай чуту сяомай няньдай шанцюэ (Обсуждение вопроса о датировке зерен пшеницы, найденной в Дяюйтае, провинция Аньхуй). — «Каогу», 1963, № 11.
- Ян Шу-да — Ян Шу - да. Цзивэй цзэй цзя вэнь шо бу цы соцзи (Толкования надписей на гадательных костях). Пекин, 1954.
- Янь Инь, 1956 — Янь Инь. Ганьсу Цицзя вэньхуа муцзан чжун тоугу ды чубу яньцзю (Предварительное исследование черепов из погребений культуры цицзя в Ганьсу). — «Каогу сюэбао», 1955, т. 9.
- Янь Инь, 1962 — Янь Инь. Хуасянь синьшици жэнгу яньцзю (Исследование костных остатков неолитического человека из Хуасяня). — «Каогу сюэбао», 1962, № 2.
- Янь Инь, 1972 — Янь Инь. Давэнькоу синьшици шидай жэньгу ды яньцзю баогао (Отчет об изучении костных остатков неолитического человека из Давэнькоу). — «Каогу сюэбао», 1972, № 1.
- Янь Инь — Янь Инь. Сисяхоу синьшици шидай жэньгуды яньцзю баогао (Отчет об изучении костных остатков неолитического человека из Сисяхоу). — «Каогу сюэбао», 1973, № 2.
- Янь Инь, Лю Чан-чжи, Гу Юй-минь — Янь Инь, Лю Чан - чжи, Гу Юй - минь. Баоцзи синьшици шидай жэньгу ды яньцзю баогао (Отчет об изучении костных остатков неолитического человека из Баоцзи). — «Гу цзичжуй дуньу юй гу жэньлэй», 1960, № 1.
- Янь Инь, У Синь-чжи и др. — Янь Инь, У Синь - чжи, Лю Чан - чжи, Гу Юй - минь. Сиань баньпо жэньгу ды яньцзю (Исследование костных остатков человека из Баньпо близ Сиани). — «Каогу», 1960, № 9.
- Янь ся... — Янь ся ду ичжи нэй фасянь и цзянь чжаньго шидайды тун жэньсян (Бронзовое изображение человека эпохи Чжаньго, обнаруженное в развалинах столицы царства Янь). — «Вэньбу», 1965, № 2.
- Яо Шао-хуа — Яо Шао - хуа. Цуй Дун-би няньпу (Биография Цуй Дун-би). Шанхай, 1931.

На японском языке

- Кайдзука Киёси — Кайдзука Киёси. Кодай ин тэйкоку (Древняя империя Инь). Токио, 1957.
- Сима Кунио, 1958 — Сима Кунио. Инкё бокудзи кэнкю (Исследование иньских гадательных надписей). Хиросаки, 1958.
- Сима Кунио, 1967 — Сима Кунио. Инкё бокудзи сёруй (Конкорданс к иньским надписям). Токио, 1967.
- Сиракава Сидзука — Сиракава Сидзука. Кён дзоку ко (Исследование о цянх). — «Кокоцу киммонгаку ронсю» (Сборник статей о надписях на гадательных костях и ритуальных сосудах). Т. 9. [6. м.], 1958.
- Сэкай... — Сэкай кокогаку тайкэй (Общий свод всемирной археологии). Т. 6, ч. II. Токио, 1958.

Тодо Акиясу — Тодо Акиясу. Кандзи то бунка (Китайские иероглифы и культура). Токио, 1967.

Хаяси Тайсукэ — Хаяси Тайсукэ. Кикко дзюкоцу монци (Надписи на черепашьих панцирях и костях животных). Киото, 1921.

На корейском языке

Ли Джирин — Ли Джирин. Кочосон ёнгу (Изучение древнего Чосона), Пхеньян, 1960.

На вьетнамском языке

Nguyễn Đình Khoa, 1968 — Nguyễn Đình Khoa. Th'ư' tim hiêu đặc đi'êm nhân chung người Việt (Антропологическая характеристика вьетов) — «Nghiên cứu lịch sử», 1968, № 113.

Nguyễn Đình Khoa, 1969 — Nguyễn Đình Khoa. Thành phần nhân chung một số nhóm dân tộc miền núi tỉnh Quang-bình (Антропологический состав некоторых групп горных районов провинции Куангбинь) — «Nghiên cứu lịch sử», 1969, № 121.

Nguyễn Đình Khoa, 1969a — Nguyễn Đình Khoa. Về mối quen hệ Việt-Muong trên cơ sở tài liệu nhân chủng học (О связях вьетмыонг по антропологическим данным). — «Nghiên cứu lịch sử», 1969, № 125.

Nguyễn Duy — Nguyễn Duy. Nghiê' cún về những người c'ò trong thời, đại đồ đồng thau ở thiêu duông [Thanh hóa] (Изучение древнего человека эпохи бронзы из Тхиензыонг) — «Một số báo cáo về khảo cổ học Việt Nam» («Доклады по археологии»). Ханой 1966.

Nguyễn Duy, Nguyễn Quang Quý — Nguyễn Duy, Nguyễn Quang Quý. Nghiê'п cún về hai số c'ò ở Quynh van [Nghê an] (К изучению двух древних черепов из Куиньван, провинция Нгеан) — «Một số báo cáo về khảo cổ học Việt Nam». Ханой, 1966.

1. 民族	30. 秦王寨	59. 伐	88. 至
2. 種族	31. 屈家岭	60. 文	89. 及
3. 國民	32. 青蓮崗	61. 字	90. 西土
4. 兰田	33. 大汝口	62. 孳	91. 土方
5. 元謀	34. 仙人洞	63. 至	92. 角婦
6. 周口店	35. 夏	64. 射	93. 候專
7. 馬垸	36. 商	65. 保	94. 祖庚
8. 長陽	37. 殷	66. 祀	95. 妣庚
9. 丁村	38. 周	67. 正月	96. 婦喜
10. 河套	39. 二里岡	68. 年	97. 茲寯
11. 柳江	40. 郑州	69. 一月	98. 若茲
12. 來濱	41. 二里头	70. 左	99. 若僞
13. 山頂洞	42. 衛	71. 工	100. 若茲卜
14. 扎賚諾爾	43. 魏	72. 玉	101. 崇若僞
15. 資陽	44. 羌	73. 來	102. 不我崇
16. 铸	45. 方	74. 飯	103. 狼二十五
17. 銷	46. 戎	75. 反	104. 馬二十丙
18. 齊家	47. 姜戎	76. 食	105. 羌三十人
19. 仰韶	48. 伊洛之戎	77. 先	106. 五羌
20. 馬廠	49. 陸渾戎	78. 真	107. 八月
21. 辛店	50. 狄	79. 大篆	108. 五日
22. 寺洼	51. 北戎	80. 古文	109. 往追
23. 沙井	52. 山戎	81. 畫呼來	110. 呼錯
24. 龍山	53. 夷方	82. 畫鹿擒	111. 八日庚戌有出云
25. 后岡	54. 人方	83. 白馬	自東
26. 馬家窑	55. 淮夷	84. 黃牛	112. 于來乙亥告
27. 半山	56. 濮	85. 于	113. 其
28. 半坡	57. 群蠻	86. 在	114. 以
29. 廟地溝	58. 巴	87. 自	115. 用

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агафонов В. И. 17
 Аигнер С. (Aigner S.) 32
 Алексеев В. М. 150.
 Алексеев В. П. 12, 28, 29, 48, 50, 129, 211, 212
 Андерсон Ю. (Andersson J.) 8, 80, 84—92, 123, 142, 178, 184
 Ань Чжи-минь 97, 254

 Бауман Дж. (Bauman J.) 75
 Бенедикт П. (Benedict P.) 69, 70
 Билин-Алтин М. (Bilin-Althin M.) 89
 Бичурин Н. Я., Иакинф 256
 Блэк Д. (Black D.) 122—124, 128 134, 140, 143, 178, 201, 202, 204, 210
 Бо Цзун 182
 Борисковский П. И. 30, 53
 Бриттон Р. (Britton R.) 175
 Бромлей Ю. В. 5
 Бунак В. В. 26
 Бунаков Ю. В. 216

 Вайденрайх Ф. (Wiedenreich F.) 19, 20, 26, 27, 41, 43, 44, 45, 48, 134
 Вайнштейн С. И. 256, 264, 265
 Ван Го-вэй 152, 155
 Ван Тун-лин 9
 Ван Фу-жэнь 212
 Ван Цунь-и 17
 Ван Юй-чжэ 10, 267
 Васильев К. В. 226, 227
 Васильев Л. С. 11, 78, 104—107, 142—144, 164, 200
 Васильева Г. П. 6
 Верно Р. (Verneau R.) 124, 131, 133, 135
 Витов М. В. 290
 Вольфенден С. (Wolfenden S.) 67, 68
 Воронов А. А. 51
 Вульф К. (Wulff K.) 68
 Вэй Цзюй-сянь 10
 Вэй Шу-сюнь 200
 Вэнь-ван 164, 166, 279
 Вэнь-гун (царство Цзинь) 169, 177, 180, 281
 Вэнь-дин 158, 159, 164, 175

 Гао Чжи-си 200
 Генинг В. Ф. 3, 7
 Георгиевский С. М. 151
 Герасимов М. М. 26, 43
 Геродот 276, 277, 288
 Гинзбург В. В. 126, 130, 212
 Го Бао-цзюнь 172, 254
 Годвин Г. (Godvin G.) 108
 Го Дэ-юн 106
 Го Мо-жо 175, 183, 184, 189, 191, 252, 268, 270
 Гомер 271, 289
 Горгониев Ю. А. 72, 79
 Гохман И. И. 126, 128
 Гране М. (Granet M.) 87, 88
 Гремяцкий М. А. 20
 Григорьев Г. П. 50
 Гринберг Дж. (Grinberg J.) 236
 Гринблат М. Я. 289
 Гу Юй-минь 127, 139
 Гу Цзе-ган 151
 Гуань Чжун 251, 256, 274

 Дарвин Ч. (Darwin Ch.) 48
 Дебец Г. Ф. 47, 126, 129, 138, 211
 Девкалнон 271, 272
 Делякупри Т. (Delacouperie T.) 63, 232, 233
 Денисова Н. П. 264, 265
 Джангильдин Н. 4
 Ди-синь 158, 159, 164, 187, 189
 Добсон У. (Dobson W.) 239
 Драгадзе Т. (Dragadze T.) 17
 Дульзон А. П. 61, 74, 75, 79
 Дун Ти-чэнь 20
 Дун Цзо-бинь 159, 175, 215, 218, 219, 229, 268—270
 Дэ-Гинь Ж. (Deguines J.) 8

 Еврипид 292
 Егунов А. Н. 292
 Е Юн-ин 81
 Ёсями 208, 209

 Жене-Варсен Е. (Genêt-Varcin E.) 56, 131, 133

Зубов А. А. 28, 32, 37, 38, 49, 51
Иакинф, см. Бичурин Н. Я.
Иллич-Свитыч В. И. 62
Имамита 126, 135, 138
Имамура 209, 210
Итс Р. Ф. 193
Инэр 181, 183
Инь-гун (царство Лу) 186
Кабо В. Р. 30, 31, 41, 53
Кальке Х. (Kahlke H.) 28
Каменецкий И. С. 12
Кан-ван 164, 189
Карапетьянци А. М. 216, 218
Карбонел В. (Carbonell V.) 28
Карлгрэн В. (Karlgrén V.) 142
Кашина Т. И. 23, 30, 34, 111
Кёнигсвальд Р. (Koenigswald J.) 19
Киёно 126, 135, 136, 138
Кинтака 126, 135, 136, 138
Кирхер А. (Kircher A.) 8
Киселев С. В. 211
Клейн Л. С. 12
Кожин П. М. 266
Козинцев А. Г. 54, 55
Козлов В. И. 4
Колани М. (Colani M.) 53, 131, 133, 134
Конрад А. (Conrad A.) 65—67
Конфуций 229, 256, 258, 264, 291
Криг Г. (Creel H.) 201
Крюков М. В. 16, 17, 32, 33, 37, 156, 166—168, 201, 219, 233—235, 256, 278
Кун К. (Coon C.) 29, 30, 48, 193, 194, 197
Кучера С. 24
Кушнер П. И. 4
Кычанов Е. И. 75
Ларичев В. Е. 12, 22, 23, 25, 29, 30, 33—35
Лашук Л. П. 4
Левин М. Г. 25, 129, 135, 140, 211
Лебединская Г. В. 17, 39, 42, 132, 196
Легг Дж. (Legge J.) 165, 179, 181, 183, 186, 190, 192, 226, 252, 254, 255, 258, 260, 261, 263, 264, 266, 272, 274, 276, 278, 279, 281, 288
Леруа-Гуран А. (Leroi-Gouran A.) 267
Ли Ань-чжай 253
Ли Ч. (Li Ch.) 233
Ли Дань-цю 269
Ли Джирин 187
Ли Куй 172
Ли Фан-гуй 62
Ли Цзи 193, 201
Ли Цзя-чжи 190
Ли Ши-гуй 100, 107

Ли Ю-хэн 82
Ли Я-нун 256, 257
Линь И-пу 212
Линь Юй-тан 241
Линь Янь 8
Лисан Э. (Licent E.) 35
Лихачев Д. С. 4
Ло Чжэнь-юй 152, 175, 176, 187, 199, 268—270
Лубо-Лесниченко Е. И. 254
Луcreций Кар 80
Лурье С. Я. 287
Лу Цин-у 130
Лю Чан-чжи 120, 127, 129
Лю Яо 89
Люй Сы-мянь 272
Люй Шан 166
Лян Дун-юань 155
Лян Сы-юн 88, 89, 142
Лян Ци-чао 7—9
Мавродин В. В. 4
Мансю Г. (Mansuy H.) 131, 134
Мао Се-цзюнь 198
Марингер Дж. (Maringer J.) 52
Мартин Р. (Martin R.) 44, 45, 126, 127, 136, 138
Масперо А. (Maspero H.) 183
Массон В. М. 50
Ма Чан-шоу 183
Ма Чэн-юань 92, 96, 97
Менгрин О. (Mengrin O.) 87
Мияке 208, 209
Миямото 126, 135, 138
Мовиус Г. (Movius H.) 29
Монтелиус О. (Montelius O.) 86
Морант Дж. (Morant J.) 130, 213
Моцзы 277
Му-гун (царство Цинь) 177
Мэй Цзу-линь 76
Мэн Вэнь-гун 176, 181
Мэнцзы 240, 263, 276
Намба 208, 209
Нгуен Динь Хоа 133
Нгуен Зуй 44, 55, 56, 131, 133, 213
Нгуен Куанг Куен 44, 55, 56, 131, 133
Несгурх М. Ф. 19—21, 24, 25
Норман Дж. (Norman J.) 76
Окладников А. П. 31
Оливье Ж. (Olivier G.) 54, 55
Пань-гэн 157, 267
Патт Е. (Patte E.) 131, 133
Пин-ван 168, 176
Прушек Я. 183
Пулиблэнк Э. (Pulleblank E.) 78, 79
Пэй Вэнь-чжун 19, 20, 29, 36, 37, 56, 58
Пэн Жу-цэ 32

- Решетов А. М. 52, 133, 212
 Рогинский Я. Я. 25, 27, 31, 37, 49, 50
 Сакаи Т. 28
 Саймонс Э. (Simons E.) 21
 Сводеш М. (Swadesh M.) 63, 64
 Семенов Ю. И. 6, 24, 38
 Седерберг Е. (Soederberg E.) 84
 Серройс П. (Serruys P.) 241, 242, 244—246, 248, 255
 Сима К. 257, 266, 268
 Смирнов А. П. 12
 Сорен Э. (Saurin E.) 44, 54, 55, 124, 131, 133, 134, 136
 Сорокин В. С. 29
 Софронов М. В. 16, 17
 Стратанович Г. Г. 268
 Страбон 271, 277, 281, 289
 Судзуки М. 28
 Сыма Цянь 13, 150, 151, 154, 166, 267, 280, 288
 Сюй Сюэ-шэн 153
 Сюнь Линь-фу 180, 182, 183
 Сюньцзы 277
 Ся Най 84, 90, 142, 178
 Сян-гун (царство Сун) 191
 Сянь-гун (царство Цзинь) 179

 Такигава К. 150, 166, 176—178, 262, 278—281, 292
 Тан Лань 219, 269
 Тенишев Э. Р. 212
 Тодо А. 268
 Токарев С. А. 251, 288
 Трофимова Т. А. 126, 130, 212
 Тун Чжу-чэнь 44, 52
 Тун Шу-е 192
 Тэйяр де Шарден П. (Teilhard de Chardin P.) 35

 У-ван 164, 166, 168, 169
 У-гун (царство Цзинь) 179
 У-гэн 189
 У-дин 159, 175, 176, 269, 270
 У Дин-лян 130, 193
 У Жу-кан 18—25, 27, 29, 32, 33, 35, 37—41, 44, 52, 53, 56, 58
 У Жу-цзо 91
 Улвинг Т. (Ulving T.) 77
 Уленброк Я. (Ulenbrook J.) 78
 Улин-ван 255, 292
 Урысон М. И. 24, 28, 31, 37, 38, 49
 У Синь-чжи 120, 127, 139
 У Ци 172
 У Шань-цин 101, 105

 Фань Сян-юн 164
 Фессен-Хеньес И. (Fessen-Henjes J.) 17
 Филин Ф. П. 289
 Формозов А. А. 115

 Фромаже Ж. (Fromaget G.) 44, 54, 55, 124, 131, 133, 134, 136
 Фукидид 271, 289
 Фу Си 151, 215
 Фэн Хань-цзи 58
 Фэншу 180
 Ха Ван Тан 131
 Хабургаев Г. А. 289
 Хамада К. 142
 Хань Дэ-фань 82
 Хань Кан-синь 130, 187, 205, 213
 Хаяси Т. 175
 Хирт Ф. (Hirt F.) 183
 Ходжсон Б. (Hodgeson B.) 75
 Хомич Л. В. 290
 Хуан Цзюнь 175
 Хуанди 8, 151, 215
 Хуань-гун (царство Ци) 169, 186, 190, 253
 Ху Хоу-сюань 164, 175, 269, 270
 Ху Чэн-цин 24
 Хуй-гун (царство Лу) 186

 Цан Цзе 215
 Цзинь Цзу-тун 270
 Цзэн Фань 213
 Цзэн Ци 100, 108
 Цзя Лань-по 24, 33, 37, 40, 204, 205
 Цзя Ци 181
 Цзян Цзуань-чу 100, 105
 Цзян Юань 178
 Ци Сы-хэ 168, 257, 258
 Цуй Дун-би 151
 Цуй Чэн-яо 32
 Цэнь Чжун-мянь 267

 Чалфант Ф. (Chalfant F.) 175
 Чебоксаров Н. Н. 4, 5, 7, 12, 16, 17, 21, 24, 25, 29, 30—33, 37, 41, 51, 53, 56, 122, 131, 133, 210, 211
 Чебоксарова И. А. 4, 30, 31, 51
 Чжан Гуан-чжи 108, 145
 Чжан Сюэ-чжэн 106
 Чжан Чжун-пэй 98, 100
 Чжан Чжэнь-бяо 130, 213
 Чжан Ши-юань 97
 Чжао Дунь 281
 Чжао И-цин 46, 101
 Чжао Цуй 281
 Чжи Вэнь 83
 Чжоу-гун 278
 Чжоу Жэнь 190
 Чжоу Кунь-шу 81, 82
 Чжу Кэ-чжэнь 83
 Чжэн Цзя-сян 172
 Чжэн Юн-пу 190
 Чопра С. 21
 Чэн-ван 189
 Чэн Тан 154, 267

- Чэнь Дэн-юань 274, 276, 281
Чэнь Мэн-цзя 169, 175, 187
Чэнь Хао 253—255, 259, 274, 276
Шан Бин-хэ 253, 254, 258, 260, 261
Шан Чэн-цзо 268
Шан Ян 172, 177
Шао-гун 168
Шейфер Р. (Shafer R.) 68
Ши Син-бан 92, 97, 112, 113
Ши Хуй 181
Шмальгаузен И. И. 50
Шмидт В. (Schmidt W.) 63
Штукин А. А. 254
Шунь 151
Шэнь Бу-хай 172
Шэнь Нун 151, 215
- Эберхард В. (Eberhard W.) 183, 255
Эдман В. (Edman V.) 84
Эйкштедт Е. (Eickstedt E.) 55, 134
Эллин 271, 272, 288
Эренберг В. (Erenberg V.) 272
Эфроимсон В. П. 50
- Эфор 281
Эчеди Х. (Ecsedy H.) 11
Юань Кан 80
Ю-ван 168
Юзефович А. Н. 212
- Якимов В. П. 20, 39, 49, 58
Ян Си-мэй 193—199
Ян Сюн 240—242
Ян Цзы-фань 101
Ян Цзянь-фан 84, 85, 92, 96, 97, 106,
113, 123
Ян Шу-да 233
Янь Вэнь-мин 98, 100
Янь Инь 120, 122, 124, 127, 131, 136,
139, 191, 204, 205
Янь Фу-хуа 81
Яньди 178
Яо 151
Яо Шао-хуа 151
Яхонтов С. Е. 63—65, 71—73, 76, 77
Яценко-Хмелевский А. Н. 49

**УКАЗАТЕЛЬ СОВРЕМЕННЫХ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ**

- Австралия 38, 41, 50, 53
Австрия 18
Азия 11, 18, 19, 30, 129, 143
    Восточная 11, 14, 17, 23, 24, 28,
        31, 32, 37, 38, 41, 46, 48—50,
        55, 59—65, 69, 72—77, 80, 84,
        121, 128, 231—233, 237, 283,
        294
    Западная 30
    Малая 10
    Передняя 28, 29, 31, 48, 49
    Средняя 9, 31, 87, 130, 140, 143,
        211, 212
    Центральная 31, 49, 52, 61, 72 —
        74, 76, 140, 210, 294
    Юго-Восточная 20, 21, 28, 29, 32,
        40, 41, 46, 53—55, 59, 71, 72,
        76, 131, 133, 135, 140, 142
    Юго-Западная 49
    Южная 29, 49, 121
Алашань 75
Алтай 10, 129
Америка 38, 50
Амур 61
Анатолия 61
Аньхуй 84, 101, 190, 191, 241
Аньян 88, 152, 156, 157, 193, 197, 200,
    256, 265
Аравия 10
Ассам 64, 70—72
Афганистан 10
Афревразия 38
Африка 19, 24, 28—31, 37
    Северная 27
    Северо-Восточная 49
    Южная 33
Бакшон 41
Баоцзи 85, 97
Бабанься 144
Бахэ 21
Белуджистан 10
Биньсянь 98
Бирма 31, 70—72
    Верхняя 29
    Нижняя 71
Северная 70—72
Центральная 70
Южная 70
Ближний Восток 87, 217
Босянь 84
Бохайский залив 245
Бутан 70
Ваньжун 85
Ваньнянь 146
Венгрия 61
Волга 61
Внутренняя Монголия 10, 35, 51, 52,
    80, 208, 294
Вьетнам 10, 31, 41, 53, 70—72, 133,
    134, 213
    Северный 30, 71
    Северо-Западный 71
    Средний 134
Вэйхэ 97, 116, 120—122, 128, 131, 140,
    145, 147, 155, 177, 284
Вэйюань 155
Ганьсу 78, 86, 88—90, 92, 96, 101,
    104—107, 122, 123, 128—130,
    140, 142—144, 149, 178, 185,
    204, 208—210
Германия 27
Гималаи 25, 72, 76
Гирин 204
Гоби 35, 264
Гонконг 19
Гренландия 27
Греция 282
Гуандун 32
Гуанси 53, 71
Гуанси-Чжуанский автономный район
    19, 39, 40
Гуйдэ 86
Гуйчжоу 71, 72
Дальний Восток 48, 49, 210
Джайнтья 72
Дидао 86

- Дунтинху 247
 Дэнфэн 153
- Евразия 144, 184, 217
     Западная 23, 76, 77
     Северо-Восточная 61
- Европа 10, 19, 28, 30, 253
     Западная 27, 29, 31, 43
     Северная 87
     Юго-Восточная 49
- Египет 8
 Енисей 61, 75
- Желтое море 68
 Жушуй 241, 248
- Забайкалье 128
 Замбия 37
- Индийский океан 72
 Индия 21, 29, 71
     Северная 19, 21, 31, 70, 144
 Индокитай 31, 41, 133, 135, 213
     Северный 40, 52
 Индонезия 19, 21, 22, 24, 31, 41, 52,
     53, 133, 135
 Иншуй 153, 241
 Иран 143
 Иртыш 75
 Ишуй 176, 189
 Йенбай 53
- Казахстан 212
 Кайюань 18, 19
 Калимантан 41, 53
 Кам 123
 Камау 135
 Кампучия 71
 Кармел 38
 Кашмир 68, 70, 143
 Киото 200, 203
 Китай 10, 12, 13, 15—18, 21, 27, 30,
     31, 33, 36, 38, 46—49, 51, 53,
     54, 56, 70, 80, 83, 85, 86, 88,
     98, 105, 106, 108, 122, 130, 145,
     146, 150, 197, 211, 213, 229,
     230, 240, 253, 256, 258, 260, 295
     Западный 70
     Северный 23, 25, 27, 33, 52, 80,
     84, 130, 140, 143, 145, 150, 184,
     185, 198, 122, 214, 283
     Северо-Восточный 186
     Северо-Западный 75
     Центральный 30, 40, 214
     Юго-Восточный 145
     Юго-Западный 19, 71
     Южный 19, 31, 40, 52, 53, 55,
     59, 70, 71, 133, 134
 КНР 52, 70, 71, 90, 108, 120, 199, 214
 Корея 10, 210, 214, 241
- Северная 186, 209, 210
 Красноярск 51
 Крым 38
 Кундун 151
 Кхаси 72
- Лайбинь 40
 Ланьчжоу 92
 Лаос 70, 71, 133, 135
     Верхний 53, 54
 Ледовитый океан 61
 Лешуй 241, 244
 Линьжу 97
 Линьтао 86, 104
 Лицзян 242, 250
 Лишань 176
 Лобнор 212, 213
 Лошуй 168, 176, 177, 189, 241, 247
 Лоян 97, 99, 120, 153, 261
 Лунчжоу 71
 Лэду 86
 Люйшунь 186
 Люцзян 39
 Ляньюньган 101
 Ляодун 241
 Ляонин 205, 241
- Малакка 29, 68, 71
 Маньчжурия 10, 51, 52, 128, 205, 210,
     214, 294
 Месопотамия 10
 Минусинск 211, 212
 Миньлэ 86
 Миньхоу 213
 Миньчи 97
 МНР 51
 Монголия 10, 31, 128, 143, 211
 Монгольское плато 83
- Нагаленд 70
 Нанкин 101, 104
 Наньчжао 97
 Наньшань 75
 Нгеан 55
 Непал 64, 70
     Восточный 70
     Центральный 70
 Никобарские острова 72
 Ниндин 86, 89
 Ниньбинь 53
 Нинъян 101
 Ниянхэ 212
 Новая Гвинея 41
- Океания 54, 131
 Ордос 35, 36, 75, 184
- Палестина 37
 Памир 9
 Панджаб 29, 31

- Париж 201
 Пекин 21, 28, 108, 197
 Персия 10
 Пиншань 97
 Поволжье 38
 Посыет 209
 Приаралье 212
 Прибайкалье 129
 Пэйсянь 100, 104
- Саньмэнься 116
 Сахалин 61
 Семиречье 212
 Сиань 92
 Сибирь 51, 52, 129, 130, 211, 294
     Восточная 129, 210
     Юго-Восточная 140
     Южная 31, 130, 140, 211
 Сиваликские холмы 19, 21
 Синин 86
 Синтан 184
 Сяньцзян 10, 31, 51, 52, 128, 130,
     143, 212
 Скандинавия 86
 СРВ 28, 55, 71
 Средиземноморье 49
 Среднекитайская равнина 9, 10, 17,
     83, 90, 110, 118, 120, 131, 145,
     146, 153, 155, 169, 176, 177,
     179—181, 183, 191, 193, 249,
     257—259, 261, 266, 273, 280,
     284, 285, 294
 СССР, 115, 209
 Суматра 53
 Сычуань 10, 56, 70, 72, 76, 147
 Сышуй 245
 Сянцзян 242, 250
- Таиланд 10, 30, 31, 53, 70—72
 Тайвань 193, 198
 Тайханшань 179, 181, 183, 267
 Тайюань 96
 Танзания 37
 Танхэ 120
 Тибет 10, 51, 70, 72, 130, 212, 214
 Тихий океан 49
 Тува 264, 265
 Туркмения 130
 Тханьхоа 53, 213
 Тяньмэнь 85, 100
- Ухань 76
 Учан 85
- Филиппины 52, 135
 Финляндия 61
 Фуцзянь 213, 241, 250
 Фэньхэ 179, 242, 249
- Хайнань 71, 131
 Ханам 53
 Ханьшуй 76, 100, 145, 146, 192, 241,
     284
 Хинган 52
 Хоабинь 53
 Хуаньшуй 97
 Хуайинь 100
 Хуайлай 184
 Хуайхэ 145, 244—248
 Хуанхэ 8, 10, 31, 36, 51, 64, 76, 77,
     80, 83—86, 88, 90, 97, 104, 110,
     113, 116, 118, 120, 123, 128,
     130, 140, 142—149, 152, 155,
     168, 181, 183, 192, 200, 202,
     208, 210, 213, 214, 217, 239,
     241, 242, 244, 249, 251, 257,
     267, 280, 284, 285, 293—295
 Хуасянь 85, 112
 Хубэй 33, 90, 104, 105, 147, 156, 192,
     241
 Хуйсянь 197
 Хуйшуй 71
 Хунань 72, 242
 Хэбэй 90, 96, 97, 99, 113, 152, 182,
     183, 186, 241
 Хэбэйская равнина 179, 267
 Хэнань 9, 52, 85, 88, 89, 96, 97, 100,
     105, 113, 116, 117, 122, 123,
     142, 147, 148, 152, 153, 155,
     175, 185, 192, 209, 210, 241,
     284
 Хэтао 35
- Цангпо 212
 Цзиншань 85
 Цзиншуй 177
 Цзишуй 178
 Цзыян 56, 58
 Цзюньсянь 100
 Цзялинцзян 147, 284
 Цзянси 146
 Цзянсу 90, 100—101, 104, 105, 120,
     130, 145, 146, 189, 241
 Цзяншуй 178
 Цинхай 10, 75, 86, 149
 Циньлин 51, 133, 140, 147, 213, 284
 Цысянь 97
 Цюйфу 101
- Чанъян 33
 Чахар 80
 Чехословакия 38
 Чжанцзякоу 184
 Чжолу 151
 Чжэнчжоу 97, 148, 152, 155, 156
 Чжэцзян 83, 90, 100, 105, 145, 189,
     250
 Чифэн 208, 209
 Чунцин 56

Чусянь 101

Чэнду 56

Шанхай 101

Шаньдун 9, 77, 88, 90, 101, 105, 120,
130, 140, 142, 146, 189, 213,
241, 245, 250

Шаньси 33, 35, 85, 96, 113, 153, 175,
241

Шаогуань 32

Шэньси 21, 52, 81, 82, 85, 90, 92,
97—99, 105, 113, 117, 120, 145,
147, 178, 185, 241

Шэньсянь 97, 148

Шэньян 187, 205

Юаньцзян 242, 250

ЮАР 37

Южнокитайское море 133

Юйсянь 153

Юндэн 144

Юннань 182

Юнцин 144

Юньнань 18, 24, 70—72

Юньсянь 100, 104

Ява 20, 24, 27, 29, 30, 37, 41

Якутия 129

Яндзы 10, 24, 53, 76, 77, 83, 145—147,
156, 169, 192, 214, 241, 242, 250,
257, 285, 294

Яньгося 144

Яньши 152, 154

Япония 53, 135, 140, 142, 230

**УКАЗАТЕЛЬ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ**

- Ба 192
Ба (царство) 192, 193
Би 181
Биян 183
Бэй 249
Бэйдн 178
- Вангуань 177, 181
Великий город Шан 193, 200, 267, 268
Вэй 172, 179, 180, 183, 190, 241, 244, 245, 247, 249, 255, 278, 280, 281
Вэй II 172, 241, 244, 247, 248, 251, 281
Вэнь 180
- Дай 241, 244
Дэн 192
- И см. Ичжоу
Инь 249
Ицюй 177, 178, 277
Ичжоу, И 241, 242, 244, 248
- Куйцю 186
- Лай 272
Лиян 260
Ло-и 167, 190
Лу 181, 186, 190, 241, 244, 245, 247, 248, 258, 261, 262, 272, 273, 278—281
Лунси 178
Лю 191
Лян 241, 242, 244
- Пу 179
Пу (царство) 191, 192
- Сантянь 176
Син 178
Су 180
Сун 169, 177, 181, 183, 190, 191, 241, 244, 245, 247—249, 251, 276, 281
Сюань 192
- Сюй 190, 276
Сюйчжоу 241, 245, 248
Сян 247
Сяньюй 183
Сяньян 177
Сяньбинь 181
- У 190, 191, 241, 244—248, 250, 251, 266, 276, 279, 282
- Хайдай 241, 244—246, 250, 251
Хань 181
Хань (царство) 172, 244, 247, 248, 281
Хао 167
Ханьгугуань 241, 242, 244, 247—249
Хуай 181
- Цай 279, 281
Цайсан 179, 180
Цао 190
Цзи 165, 190, 279
Цзинчжоу 241, 245—248
Цзинь 169, 176, 177, 179, 181—184, 241, 242, 247, 248, 250, 272, 273, 278—281
Цзэн 190
Цзюй 165, 279
Ци 181
Ци (царство) 165, 169, 172, 180, 181, 186, 190, 230, 240, 241, 244—248, 250, 251, 260, 262, 263, 274, 279, 281
Цинь 10, 172, 176—178, 180, 181, 192, 241—244, 247, 248, 250, 261, 262, 264, 277, 281
Цюйво 179
- Чжао 184, 241, 245, 248, 250, 255, 261, 281
Чжоу 166, 241, 244, 245, 247, 248, 262
Чжу 190, 272, 279
Чжуншань 183, 184

Чжэн 180, 183, 186, 190, 226, 241, 244,
247, 248, 261, 273, 279—281
Чэнчжоу 190
Чэнь 190, 241, 244, 245, 247, 248, 251,
281
Чу 17, 169, 172, 176, 177, 180, 186,
190—193, 226, 230, 240, 241, 244—
248, 250, 251, 277, 279, 280, 282
Шан 178
Шан (царство) 268
Шу 244
Эрцюй 179
Ю 193
Юн 192
Юн (царство) 249
Юэ 75, 191, 241, 244—247, 250, 251,
266, 276, 282
Янчжоу 241, 244—248, 250, 251
Янь 168, 169, 172, 184, 186, 209, 241,
244, 245, 249—251, 261, 262, 279,
282
Яохань 177

**УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР
И МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ**

- аббевиль 31
Аитапе 41, 52
анау 144
Анау 143
андроновская 211
аньятская 30
афанасьевская 211
Афонтова Гора II 47, 51
ашель 31
- байцзяцунь 97
Байшоулин 85, 119
банпо 95, 96, 100, 107, 109, 110, 112,
116, 119, 120, 143, 144, 284
Банпо 81, 82, 85, 92, 93, 96—99, 109,
112, 113, 116, 117, 119, 120, 122,
124, 132, 136, 263
баньшань 91—93, 107—109, 122, 143,
144, 149
Баньшань 87, 90, 125
Баоту 119
Баоци 116, 120, 122, 124, 136
Ближние Елбаны 129
большереченская 129
Брокенхилл 37
бурзахом 143
бэйиньянъин 101, 107
Бэйиньянъин 101, 119, 130
- Ваджак 41, 52
Ванвань 97, 109, 120
Вацзяпин 92, 105, 106
- Ганшанцунь 119
Гунванлин 22
- давэнькоу 101, 102, 107, 113, 119, 120
Давэнькоу 101, 124, 130, 132, 136, 140,
191
Дадуньцзы 100, 104, 109, 119, 130,
145
Даифацюань 80
Дасы 104
Дафаньчжуан 119
Дахэцунь 109, 117, 148
- Дахэчжуан 85, 109, 116, 119
дзёмон 140
Джетис 22, 28
динцунь 35
Динцунь 30, 33—35
До 30
Донгтюок 134
Дувэйчжуан 119
дяоюйтай 97
- Едянь 119
- инь 88
- Камау 123, 131
карасукская 211, 212
Кафзех 37, 38
Каяо 86
Кеофай 41
Куиньван 54—56, 59
Кульна 38
кэхэ 30, 34
Кэхэ 35
- Лангкюом 134
Ланьтянь 21, 22, 24, 26—28, 30, 35
ланьтяньская 34
Линцинчжай 52, 147
Линьчжи 212, 213
Лобнор 213
Лоханьтан 86
Лундун 33
луншань 88, 101, 102, 104, 107, 109,
110, 114, 142, 145, 152, 155
«классический» 107, 120, 149
«хэнаньский» 107, 109
«цзянсуйский» 101
- Ливэйцзя 92
люлинь 101, 104, 107, 114
Люлинь 119
Люцзян 56
ляньчжу 104, 107—110
- Маба 32, 33
Маоцаосы 116, 119

мацзябинь 101, 107, 109, 110, 119
Мацзябинь 119
Мацзявань 109, 116
мацзяю 90—92, 101, 104—107, 109,
110, 116, 119, 122, 144, 149
Мацзяю 86, 87, 90, 104, 105
мачан 86—88, 90, 92, 107—109, 116,
118, 119, 144, 150
Мачанъянь 86
Минхкам 134
Миньхэшань 92
Моджокерто 24
Муянчэн 186
мустье 35
мяодигоу 96—100, 113, 116, 284
мяодигоу II 97, 107, 109, 110, 114,
119, 120
Мяодигоу 96—99, 113, 116, 117, 148,
263

Наньшаньгэнь 208
Наньшацунь 155, 156
наньянчжуан 97
Нгандонг 37
Ниа 41, 52
Ньяраса 37

патжитанская 29

Салданья 37
Сангиран 20
саньлицяо 98
Сибэйган 193—198
Сиванцунь 113
сииньцунь 96
синьдянь 86—89, 92, 178
Синьдянь 86
Сисяхоу 119, 124, 130, 136, 191
Ситуаньшань 204, 205
Сишаньпин 92
соанская 30
Староселье 38
сунцзэ 101, 107, 109
Сунцзэ 101, 109, 119
Схул 37, 38
сыва 86—89, 92, 178
Сывашань 86
Сыпин 92
Сыын-Чурек 265
Сямэньцунь 99, 100, 107, 116
Сяньжэньдун 146
Сяютунь 194
Сяцзядянь 208

тагарская 211
Тайгансы 101
тампанская 30
Тампонг 54, 56, 59, 134
Тамханг 124, 133, 134, 136
Танван 28

Таньшишань 213
триполье 144
Триполье 143
Тунтяньянь 38, 39
Туньси 190
Туой-Хай 129
Тхаманао 30
Тхнеузыонг 213

Унги 209, 210
Уцзя 92

Фангьинтай 85
Фобиньзя 124, 131, 134, 135

Хвалынск 38
хоабинь 53
хоуган 88, 89, 97, 107—109
Хоуган 88, 109, 142
Хоуцзячжуан 194
Хуанннннтай 119
Хуанпо 76, 156
Хуанцзяншу 109
Хуасянь 120, 122, 124, 136
хуатин 101, 107, 119
Хуатинцунь 119
Хуншаньхоу 208
Хэмуду 83
Хуйцзуй 86
хэтаоская 36

Цаосешань 104
Цаоцзяцзуй 109
Цзинцунь 85
Цзинчжичжэнь 119, 120
Цзыян 146
Цзянчжай 112, 119
цзячэнская 35
Цинганча 92, 109, 116
Цинлунцюань 104
цинляньган 100, 101, 104, 107, 109,
110, 119, 120, 145
Цинляньган 100
цинъванчжай 97—99, 107, 110, 114,
116, 118, 119, 148, 155, 284
Цинъванчжай 96
Циньвэйцзя 119
цицзя 86—89, 92, 107, 109, 110, 118,
119, 149
Цицзяпин 86
Цюаньхуцунь 85, 112, 113
цюйцзялин 100, 104, 107, 109, 110
Цюйцзялин 85, 109, 113
Цюэмуцяо 109
Цяньшаньян 109

Чжалайнор 52, 59
Чжанцзяпо 190
Чжанцзяцзюй 92
Чжаовань 116

чжоу 88
Чжоукоудянь 12, 21, 22, 24, 26, 30, 41
Чжулэдашань 101
Чжэнцзявацзы 187, 205
чжэнчжоу-эрлиган 152, 155
Чэндэ 30
Чэньцзяо 22

Шала 38
Шанпаньван 109
Шаньдиндун 41, 43, 46, 48, 51, 54,
135, 283
Шараосогол 35, 36
шацзин 86—89, 92, 178
Шацзин 87
Шаюань 52, 147
Шипка 38
Шицзяхэ 85
Шуйдунгоу 36

Эрлиган 152
эрлитоу 152
Эрлитоу 152, 154, 155
Эрцзяньцунь 101, 119

Юаньжэньдун 24
Юаньмоу 24
Юаньцзюньмяо 119
Юаньянчи 119
Юйдунцунь 119
Юйтай 84, 85

Янвавань 89, 119
яншао 144—146, 148, 252, 257, 258,
284
ганьсуйское 90, 92, 104, 105
Яншаоцунь 84—87, 97, 142

**УКАЗАТЕЛЬ РАС, РАСОВЫХ ТИПОВ
И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК**

- австралоиды 29, 39, 47, 51, 52, 54—
56, 58, 131, 133, 140
«американоиды» 130, 140, 200, 204
атлантроп 27
- байкальский тип 129
- веддоиды 55, 135
восточноазиатская раса 47, 51, 140,
198, 199, 204, 213
- гейдельбергский человек 27
- дальневосточная раса 47, 51, 198, 199,
211
динцуньский человек 30—35
- европеиды 30, 47, 48, 50, 51, 55, 128,
130, 194, 211, 212
- индонезийская раса 56, 131, 134, 135,
213
- кавказоиды 30, 194, 197
капоиды 30
конгоиды 30
корейско-маньчжурский тип 210
куиньванский человек 54—56
- лайбиньский человек 40
лантьяньский синантроп 21—28
люцзянский человек 38—40, 47
- мабаский человек 32, 33
монголоиды 27, 29, 43, 46, 48, 51, 55—
57, 121, 129, 131, 133, 134,
198, 200, 204, 205, 211
арктические 47
восточные 46, 47, 51, 59, 122, 200,
210—213
«классические» 194, 196
континентальные 47; 52, 58, 59,
128, 129, 196, 200, 205, 212,
213
северные 196, 200, 205
тихоокеанские 46, 47, 51, 55, 59,
122, 131, 134, 140, 194, 200
южные 46, 47, 51, 55, 59, 122, 131,
134, 140, 194, 200
- неандерталец 37, 38
негроиды 30, 39, 48, 50, 51, 55
негритосский тип 135
- ордосский человек 34, 35
- памиро-ферганская раса 212
папуасо-меланезийские типы 135
пигмейский тип 57
питекантроп 22, 27, 31
полинезийский тип 194
- синантроп 22, 24—26, 31—34, 48
тампонгский человек 54
- хэтаоский человек 35
- цзыянский человек 56, 57, 59
цейлоно-зондские типы 135
- чаньянский человек 33
чжалайнорский человек 52
- шаньдиндунский человек 41—46, 57
- эскимойды 43, 46, 135
южноазиатская раса 47

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

- абор 70
алтайские 61, 62, 208, 210
аустрические 65
аустроазиатские 51, 54, 63, 64, 72,
73, 76, 77, 79, 232
аустронезийские 52, 54, 63, 64, 72, 77,
149, 191, 214
аустротайские 70
- банар 71
бахингвайю 70
бирманский 63—65, 70, 73, 75
бодо-гаро 70
- вьетнамский 63, 65, 72
- гималайские 70
гурунг 70
- дафла 70
джарунг 70
джру 71
диой 71
древнекитайский 74, 75, 77—79, 231,
238—242, 249, 250
восточные диалекты 241—250
западные диалекты 241—243, 248
северные диалекты 241
центральные диалекты 241
юго-восточные диалекты 241
южные диалекты 241
- дун 71
енисейские 63, 74—76, 79
енисейско-остяцкие 74
- индоевропейские 62, 77, 78
индокитайские 65, 67
индонезийские 65
индонезийский 69
ицзу 63, 64, 70
- кава 72
кавказские 69, 74
кадай 71
кам 71
кам-суй 71
канаури 70
- каренский 73, 231, 232
каренские 62
качинский 70
картвельские 62
кетский 61, 69, 74
китайский 63, 65, 70, 73, 74, 76, 77,
79, 80, 231, 232, 238, 239, 242,
247, 250, 259
китайско-тибетские 51, 63, 64, 140
корейский 210
куки-нага 70
куой 71
кхамти 71
кхаси 72
кхмерский 63
кхмерские 71
кхму 72
- ламет 72
лао 71
лепча 70
ли 71
лоло 70
лоло-бирманские 70
лы 71
- мак (мо) 71
малайско-полинезийские 68
мири 70
мнонг 71
мон-кхмерские 51, 65, 69, 71
мунда 65, 71
мяо 63, 72
мяо-яо 51, 65, 72
- нивхский 61
никобарский 72
ностратические 62, 76, 79
нунг 64, 71
нунг-тхо 71
остяко-енисейский 69
- палаунг 72
палеоазиатские 53, 61, 73—77, 79, 84,
208, 232
папуасские 52
протоавстралийские 54

протоалтайские 76, 77, 84, 285
протоаустроазиатские 84
протоиндоевропейские 78, 79
протопапуасские 54
протосинотибетские 84
пуок 72
пуяй (буи) 71
пхенг 72

ронг 70
рианг 72

самодийские 61
северохальмахерские 52
седанг 71
семанг 71
семито-хамитские 62
сиамский 65, 71
сиамско-китайские 65, 67
синитические 73
сино-тибетские 68—70, 72—79, 149,
232, 238, 239, 284, 285
суй (шуй) 71
суой 71

тай-шан 71
тайские 51, 54, 62—65, 67, 69—73, 77,
231, 232

тайский (юньнаньских тай) 64, 71
тангутский 75
тибето-бирманские 64, 65, 67, 69, 70,
178, 237, 238
тибето-гималайские 70
тибето-каренские 70
тибетский 63, 65, 70, 231, 232
тунгусо-маньчжурские 75
тхайский 71
тхен (янхуан) 71
тьэма 71

урало-алтайские 61, 62, 232
уральские 61, 62

футенг 72

чжуан-дунские 51
чжуанский 71
чукотско-камчатские 61
шанский 71

эскимосско-алеутские 61
юкагирско-чуванские 61
юмбри 71

яо 63, 72

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- айны 54, 140
аримы 289
аустронезийские народы 141
- ба 191—193
баски 155
белоруссы 289
бирманцы 73
будины 277
бушмены 27
- «варвары» 169, 271, 274, 276, 277, 280—282, 285, 287—289, 292
вьеты (кинъ) 133
- гелоны 277
гуй-фан 289
гун-фан 175, 269, 270
- дауры 210
ди 179—183, 281, 285
    «белые» 180, 181, 183
    «красные» 180, 181
ди («северные варвары») 274
дижун 274
дорийцы 288
дунъи 289
жун («западные варвары») 274
жунди 274
жуны 75, 149, 176—179, 192, 204, 272, 284, 286
    горные 185, 186
    западные 177, 178, 204
    И и Ло 176, 177, 180, 280
    северные 185, 186
- и 187
    восточные 146, 149, 187, 189—191, 245, 284
    хуайские 189—191, 245
    южные 189
    южные хуайские 189, 190
и («восточные варвары») 274
и-фан 187
индонезийские народы 130
иньцы 10, 155, 165, 166, 175, 189, 193, 199, 200, 202, 264, 265, 269, 270, 286
- ионийцы 288
иранские народы 213
иранцы 214
ицзу 134, 193
- карены 73
карийцы 289
кеты 61
киликийцы 289
китайцы 7, 8, 10, 11, 18, 72, 130, 151, 197, 214, 256, 291
    древние 9, 76, 79, 150, 174, 183, 209, 252, 255—259, 262—264, 277, 280, 281, 283, 285, 290—292, 294
    северные 128, 210
    Хайнаня 131
    Юньнани 130
корейцы 210
- лайи 245
ледеги 289
лижуны 176
ликийцы 289
лун-фан 268
лухуньжуны 176, 177
- ма-фан 268
мань 191—193
мань («южные варвары») 271, 274
маньи 274
маньи жунди 274
маньчжуры 210
массагеты 277
меланезийцы 43, 44
меотийцы 289
мизийцы 289
мон-кхмерские народы 130, 140
монгольские народы 210
монголы 10, 205
му-фан 268
мыэнги 133
мяо 10
мяо-яо 193

наньмань 286
нивхи 61
норвежцы 27

палеоазиатские народы 205, 210
папуасы 134
пафлагонцы 289
пеласги 276, 288, 289
персы 277
полинезийцы 130, 191, 197
протоавстралийцы 134
протоаустронезийские народы 286
протокитайцы 122, 142, 149, 205
протосинотибетские народы 286
пу 189, 191—193

сибо 210
скифы 86, 184, 277, 285
солимы 289
солоны 210
суй-фан 269, 270
сыи 245
сюнну 288
ся см. хуася
ся 10, 286
сяньюнь 289

тайские народы 133, 140, 193, 214
танала 267
тибето-бирманские народы 149, 214
тибето-китайские народы 214
тибетские народы 238
тибетцы 10, 123, 214
    древние 204, 213
    южные 213
тохары 213, 214
ту-фан 175
тукюэсцы 256
тунгусо-маньчжурские народы 286
тунгусские народы 210
тунгусы 10, 205

туркмены 6
тюрки 10
тюркские народы 183

феаки 289
финикийцы 289
фригийцы 289

ху-фан 268, 270, 289
хуася, ся 13, 271—277, 279, 280, 285,
    286, 288
хэчжэ 210

цзи-фан 270
цзин 289
цзянжуны 176, 276
цюаньжуны 159, 176
цян-фан 175, 268, 270
цяны 75, 175, 176, 178, 179, 204, 238,
    284, 286
чай-фан 268
чжоусцы 10, 159, 164, 165, 178, 179,
    189, 264, 265, 279, 284, 286
чжунго жэнь 286
чжуся 9, 272
чжухуа 272

эвенки 129
эвены 129
эллины 267, 271, 276, 281, 288, 289
эолийцы 288
эрембы 289
эскимосы 43, 197
эфиопы 289

юй-фан 269, 270
юкагиры 129
юэ 286

ян-фан 270
японцы 134, 263

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- аборигены 8, 50
абсолютная хронология 106
антропогенез 18, 50
архантропы 12, 15, 21—31, 33, 37, 38, 49
брахицефализация 201, 202
варка на пару 258, 259
гегемоны 167—169
генеалогическая классификация 63
гигантопитеки 19—21
гиперкритицизм 151
головной убор 253
дивергенция языков 61
диффузия 11
дицентризм 30
дриопитеки 19, 35
жилище 93, 115—118, 147, 259—260
интерьер 263
каркасно-столбовая конструкция 116, 261
заимствование культурных достижений 11
инициации 146
иньские надписи 13
климатические изменения 82, 83
компоненты этнического самосознания 5
колесницы 265, 266
крашеная керамика 8, 83, 86, 87, 98—100, 112, 114, 144, 145
конвергенция языков 61
критические точки этногенеза 5
культура как этнический признак 4
лексическая статистика 63—65
лодки 266
междialeктные контакты 244—248
миграции 12
микролиты 52
моноцентризм 50
наследственные пожалования 165, 166
неоантропы 15, 38
ногогенез 49
общность происхождения 5
одежда 252—256
    манера запахивать 256
    покрой 253, 254
ойкумена 31, 40
ориентировка тела погребенного 118—120
относительная хронология 88, 97
палеоантропы 15, 32—38, 49
палочки для еды 259
передник 254—255
периодизация этнической истории 9, 14
погребальный обряд 118, 147
полинологические исследования 80, 81
полицентризм 30
порядок значимых элементов в языке 238, 239
пояс 254
предки этноса 6, 11
прическа 252, 253
пшеница 85
радиоуглеродный анализ 106, 108, 145, 146
расогенез 18, 29, 48, 50
рис 84, 85
ручные рубила 29, 30
сапиентация 48
система родства 274, 277
смешанные браки 281
социально-различительные функции культуры 251
средства передвижения 265, 266
стабилизирующий отбор 50
стратиграфия 88, 90, 92, 97, 98, 100, 104, 107, 108

субстратные области 249—251
территория как этнообразующий фактор 3
типологическая классификация языков 63
типологический анализ 99
туфли 255
физические предки этноса 6
халат 253, 254
хозяйственно-культурные типы, 13, 83
черепица 260—262
чжоуское завоевание 159
чопперы 29, 30
чоппинги 29, 30
чумиза 85
штаны 256
эгоцентрическая картина мира 267
этнические предки 7
этнические признаки 3, 4
этническое самоназвание 8
этническое самосознание 4, 5, 8, 13, 14
этнообразующие факторы 3, 4
этноразличительная функция культуры 251
язык как этнический признак 4
языковые предки 6

SUMMARY

Among the many theories on the origin of the Chinese ethnos (some of them were formulated as far back as the 18th century) pride of place is taken by hypotheses stemming from two directly opposed theoretical premises. The first of them, propounded by the majority of European scholars, emphasises migrations and diffusions that played the decisive role in the formation of the Chinese ethnos. As for many Chinese scholars, the problems of migrations and foreign influence in ethnic history do not exist for them at all, inasmuch as they regard the Chinese ethnos as an absolutely autochthonous one, which came into being directly on the basis of ancient populations, inhabiting the territory of modern China since the time of Paleolith. Both these views taken in their extreme form seem to be insolvent theoretically and do not correspond to the present-day knowledge of the history of the Chinese ethnos.

An essential premise in the methodology of studying ethnogenetic processes in Soviet ethnographic science is a comprehensive approach to the problem. It is the violation of this principle that was the cause of failure of many attempts to answer the question as to how the ethnic entity of the ancient Chinese had taken shape.

Meanwhile, a researcher of the ethnic history of the Chinese finds himself in incomparably more favourable conditions than many of his colleagues studying the history of other peoples; for he has at his disposal sources allowing him to trace the history of the Chinese during an exceptionally long period of time, moreover, to study it continuously, step by step.

The formation of the ethnic entity of the ancient Chinese, that emerged in the middle of the first millennium B. C. on the Central China Plain, had been preceded by complex and long processes of anthropo- and racial genesis. The Archanthropus, whose appearance in Eastern Asia can be dated back to the Middle Pleistocene (about 500,000—600,000 years ago) and the Paleoanthropus that had replaced them, were the distant ancestors of those populations that were in contact with each other in the epoch of the Neolith and the Bronze age. However, they

were not their direct or only ancestors; in the process of the formation of modern man alien sapient forms had undoubtedly taken part also.

Paleoanthropological data testify to the fact that at the end of the Later Paleolith the territory in question was already inhabited by various populations of the Pacific Mongoloids. The Shantung man who lived in North China regions has been found to have revealed some features of the Eastern branch of the Pacific Mongoloids (the East Asian race). But that man cannot be regarded as the direct ancestor of the Chinese, because the most ancient ethnolinguistic entities that stood at the sources of the modern linguistic families of Eastern Asia, had apparently taken shape only in the epoch of Mesolith (10,000—7,000 years B. C.).

An analysis of archaeological, linguistic and anthropological material makes it possible to formulate a hypothesis that the sources of the North Chinese Neolith should be sought in the regions to the south. It can be presumed that one of the groups of the early neolithic population in the south of China, that had occupied a marginal position with regard to the centre of cultures of the later Hoapinian type migrated in the 5th millennium B. C. along the Chialingchiang River (the present province of Szechwan) and having found passes through Chinling Range reached the basin of the Wei Ho River. The population which the migrants had come across here, was extremely sparse (those few settlements with microlithic implements, which are known in the middle reaches of the Hwang Ho River, apparently belonged to it).

The favourable natural conditions of the Wei Ho valley contributed to the formation and swift progress of agriculture on floodlands in the area. At the end of the 5th — beginning of the 4th millennia B. C. a developed Middle Neolithic culture of painted pottery Yangshao (local variant — Panpo) came into being in the Wei Ho basin. The settlers of Panpo, Paochi, Huahsien and other sites belonged, in their physical type, to an eastern group of the Pacific Mongoloids, with pronounced distinctive features pointing to their southern origin (alveolar prognathism, wide-nosedness). This neolithic population can, in all probability, be regarded as a branch of the tribes speaking the Sino—Tibetan languages.

In the 4th millennium B. C. the area of neolithic culture that had emerged in the Wei Ho valley considerably expanded. On the basis of a chronologically later variant of Miaotikou two groups of the population appeared; one was shifting to the east, the other to the west. The first, while moving along the Hwang Ho River came into contact, in the western part of the present Honan province, with the inhabitants of the settlements of the Chinwangchai type, who were connected by their origin with the basin

of the Hanshui River. The interconnection of these tribes, different as they were in their cultural pattern and, as it can be presumed, in their language, laid the foundation for the shaping of the Shang (Yin) community. The language of the Yin, as far as we can judge on the basis of the extant inscriptions of the late 2nd millennium B. C., was the Ancient Chinese: Sino—Tibetan in its basis it revealed some features which were unusual for other languages of this family.

The group of Yangshao tribes that had spread in western direction in the 4th millennium underwent further differentiation. One of its branches that had come to the upper reaches of the Huang Ho River (the present province of Kansu) later became known as Chiang (or Jung), whereas another branch made the backbone of the Chou. At the end of the 2nd millennium B. C. the Chou defeated an alliance of tribes formed in the Central China Plain by the Yin, having united this territory under their influence.

On the basis of early state formations created as a result of the Chou invasion and in the process of an intensive interaction with neighbouring tribes speaking the Tibetan—Burmese, Prototungus, Austronesian and Thai languages an ethnic entity “Huahsia” took shape in the 6th—4th millennia B. C. in the Central China Plain, which can be called “Ancient Chinese”.

An analysis of historical data allowing, at least in a most general way, to follow the process of the shaping of the ethnic entity of the Ancient Chinese, at the same time gives ground for making broader conclusions, some of which can further be corroborated by another ethnic material. These conclusions deal, first and foremost, with the very concept of “ethnic entity” and its distinctions. This work confirms the expedience of the differentiation between the so-called ethno-formative factors (common territory, common socio-economic structure, etc.) and the “distinctive features of ethnos” proper (language, the sum total of cultural features, ethnic self-consciousness). It is necessary to take into account that ethnic self-consciousness is a phenomenon differing from other ethnic distinctive features. Ethnic self-consciousness is a result of the comprehension of the objectively existing features of ethnos; however, these two categories do not always fully coincide.

The singling out of a number of various components of ethnic self-consciousness seems to be rather useful. Some of them are an adequate reflection of the objective distinctions of ethnos (language, for example). Others have a conventional and selective character (the really existing ethnic distinctions in material culture are not at all fully reflected in ethnic self-consciousness). Finally, there are some components of ethnic self-consciousness which only exist on a subjective level and do not represent an adequate reflection of any objective distinctions

of ethnos (the idea of superiority of one's "own" ethnos over the "barbarians", etc.).

The factual data analysed in the book show that qualitative distinctions in ethnic self-consciousness at various stages of its development are revealed, for one, in the relation between its components. One of the major components of the ethnic self-consciousness of the Ancient Chinese in the 7th-6th centuries B. C. was the idea of their common origin. Later, another component of ethnic self-consciousness — distinctive features of culture — were put to the fore. During the last centuries B. C. the idea of the common origin of all "Huahsia" lost its topicality whatsoever.

But in the development of ethnos not only the relation between the various components of ethnic self-consciousness was changing but also the essence of the components themselves. Although, ethnic self-consciousness has apparently always been based on the controversy — "we — they", the character of this contraposition differs essentially at various stages of social development. The principle of contraposition "by pairs" is typical of the self-consciousness of ethnic entities in the preclass epoch: each ethnos realised its distinction from others but distinguished itself from each one of them separately, without endowing their sum total with any common features. The emergence of the notion "Barbarians" uniting all foreign elements, coincides with the shaping of the ethnic self-consciousness of "one's own" ethnic entity, which typologically was not similar to the tribe.

The study of the ethnogenesis of the Ancient Chinese makes it possible to approach, in a more concrete manner than before, the problem of criteria with the help of which an explorer can reveal that "critical point" in ethnic development, on reaching which an ethnos can be regarded as formed.

Apparently, the process of ethnogenesis, in its most general form, includes the following stages: with the definite external conditions the sum total of ethno-formative factors takes shape, under whose influence a new ethnic entity begins to emerge. During this process, certain features gradually appear which objectively distinguish it from other ethnoses that exist or are being formed simultaneously. Finally, the time comes when these objective distinctive features find reflection in the collective self-consciousness of the members of this new ethnos, who regard themselves as a definite community. It is the emergence of distinct ethnic self-consciousness, whose outward reflection is the common name that can serve as an evidence that the process of ethnogenesis has ended. Naturally, the ethnos that has thus taken shape does not remain immutable. But its transformation now qualitatively differs from ethnogeny in a narrow sense of the word.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Этнос и его признаки	3
«Перерывы постепенности» в процессе развития этноса	5
Проблема этногенеза древних китайцев в исторической науке	7
Источники изучения этногенеза древних китайцев	11
Проблема периодизации	14
Глава 1	
Люди древнего каменного века	18
Вопрос об ископаемых антропоидах — возможных предках человека на юго-востоке Азии	18
Дриопитеки	18
Гигантопитеки	19
Древнейшие люди (архантропы) на территории Китая и соседних стран	21
Ланьтяньский архантроп	21
Архантроп из Юаньмоу	24
Пекинский синантроп	24
Генезис восточноазиатских архантропов	28
Древние люди (палеоантропы) на востоке и юго-востоке Азии	32
Человек из Маба	32
Чанъянский человек	33
Динцуньский человек	33
Ордосский человек	35
Палеоантропы Восточной Азии и других районов ойкумены	37
Позднепалеолитические люди современного вида (неоантропы)	38
Люцзянский человек	38
Лайбиньский человек	40
Люди из Шаньдиндуна	41
Дифференциация монголоидов Восточной Азии	46
На переходе от палеолита к неолиту	52
Мезолит Северного Китая	52
Культура хоабинь	53
Люди из Тампонга и Куиньвана	54
Цзыянский человек	56
Глава 2	
Неолитические истоки	60
Генеалогические и ареальные связи языков Восточной Азии	60
Лингвистическая ситуация в северной части Восточной Азии	61
Типология языков южной части Восточной Азии	62
Генеалогия языков южной части Восточной Азии	65
Современное распределение языков юга Восточной Азии	69
Истоки современной лингвистической ситуации	73
Хозяйственно-культурные зоны на территории Китая в эпоху неолита	80
Климатические условия	80
Хозяйственно-культурная специфика	83

Культуры неолита в бассейне Хуанхэ: проблемы хронологии . . .	85
Периодизация Ю. Андерсона	86
Исследования Лян Сы-юна	88
Раскопки 50-х годов	90
Вопрос о «смешанных слоях»	104
Абсолютные датировки	107
Соотношение локальных вариантов культур неолита	110
Керамика	110
Жилище	115
Погребения	118
Расовый состав населения в эпоху неолита	120
Люди из бассейна Вэйхэ	120
Неолитическое население Ганьсу	122
Популяции восточной неолитической зоны	130
Неолитическое население Индокитая	131
Неолитическое население Японии	135
Археологические культуры и этнические общности	142
Миграция с запада?	142
Внешние связи культуры яншао	144
Проблема происхождения неолитических культур в бассейне Хуанхэ	147
Глава 3	
Формирование этнической общности древних кигайцев	150
Ся, Шан, Чжоу на Среднекитайской равнине	150
От мифа к истории	150
«Проблема Ся»	152
Эволюция иньской культуры	155
Чжоуское завоевание	159
Борьба за «гегемонию»	168
Развитие социальных отношений	170
Соседи	174
Цяны (жуны)	175
Ди	179
Горные жуны	185
«Восточные и»	187
Пу, мань, ба	191
Расовый состав населения Китая во II—I тысячелетиях до н. э.	193
Иньцы	193
Люди эпохи бронзы из Ганьсу	204
Население смежных территорий во II—I тысячелетиях до н. э.	204
Происхождение древнекитайской письменности	214
Иньское письмо	215
Письменность эпохи Чжоу	219
Заемствованные и фонетические знаки	222
Функции древнекитайской письменности эпохи Чжоу и пути ее эволюции	226
Формирование древнекитайского языка	231
Типология порядка значимых элементов в языках Восточной Азии	231
Типология порядка значимых элементов в языке иньских надписей	233
Формирование системы типологических признаков порядка значимых элементов древнекитайского языка	238
Диалекты древнекитайского языка	240
Междиалектные связи	244
Диалекты и субстратные области	249
Особенности материальной культуры	251
Одежда и прическа	252
Пища	256

Жилище	259
Средства передвижения	264
«Хуася» и «варвары четырех стран света»	267
Картина обитаемого мира в представлении иньцев	267
Ся и мань	271
Представление об единстве происхождения	272
Эгоцентрическая модель ойкумены	274
«Срединные царства»	280
Заключение	283
Энтогенез древних китайцев и его предыстория: основные этапы	283
Этническое самосознание и его компоненты	285
Эволюция этнического самосознания	287
Этническое самосознание и этногенез	289
Развитие этноса и культурные контакты	291
Автохтонность или миграция?	293
Библиография	296
Иероглифы к тексту	315
Указатель имен	316
Указатель современных географических названий	320
Указатель древнекитайских географических названий	324
Указатель археологических культур и местонахождений	326
Указатель рас, расовых типов и палеоантропологических находок	329
Указатель языков	330
Указатель этнических названий	332
Предметный указатель	334
Summary	336

*Михаил Васильевич Крюков,
Михаил Викторович Софронов,
Николай Николаевич Чебоксаров*

ДРЕВНИЕ КИТАЙЦЫ:
ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА

*Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор *Б. Л. Модель*
Младший редактор *Н. В. Бершвили*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*

Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 13222

Сдано в набор 17/III 1977 г. Подписано к печати
20/III 1978 г. А-01832. Формат 60×90^{1/16}. Бум. № 2.
Печ. л. 21,5+0,5 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 23,9. Ти-
раж 4200 экз. Изд. № 4057. Зак. 123. Цена 2 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Московская типография № 13 Союзполиграфпром
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
107005, Москва Б-5, Денисовский пер., д. 30.

Отпечатано в Полиграфическом объединении «По-
лиграфист» Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Мосгорисполкома. Москва,
ул. Макаренко, 5/16. Зак. 345.

2p.40k